

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES*

Р.Э. САЛЬВАТОРЕ

БЕЗ
ПОЩАДЫ

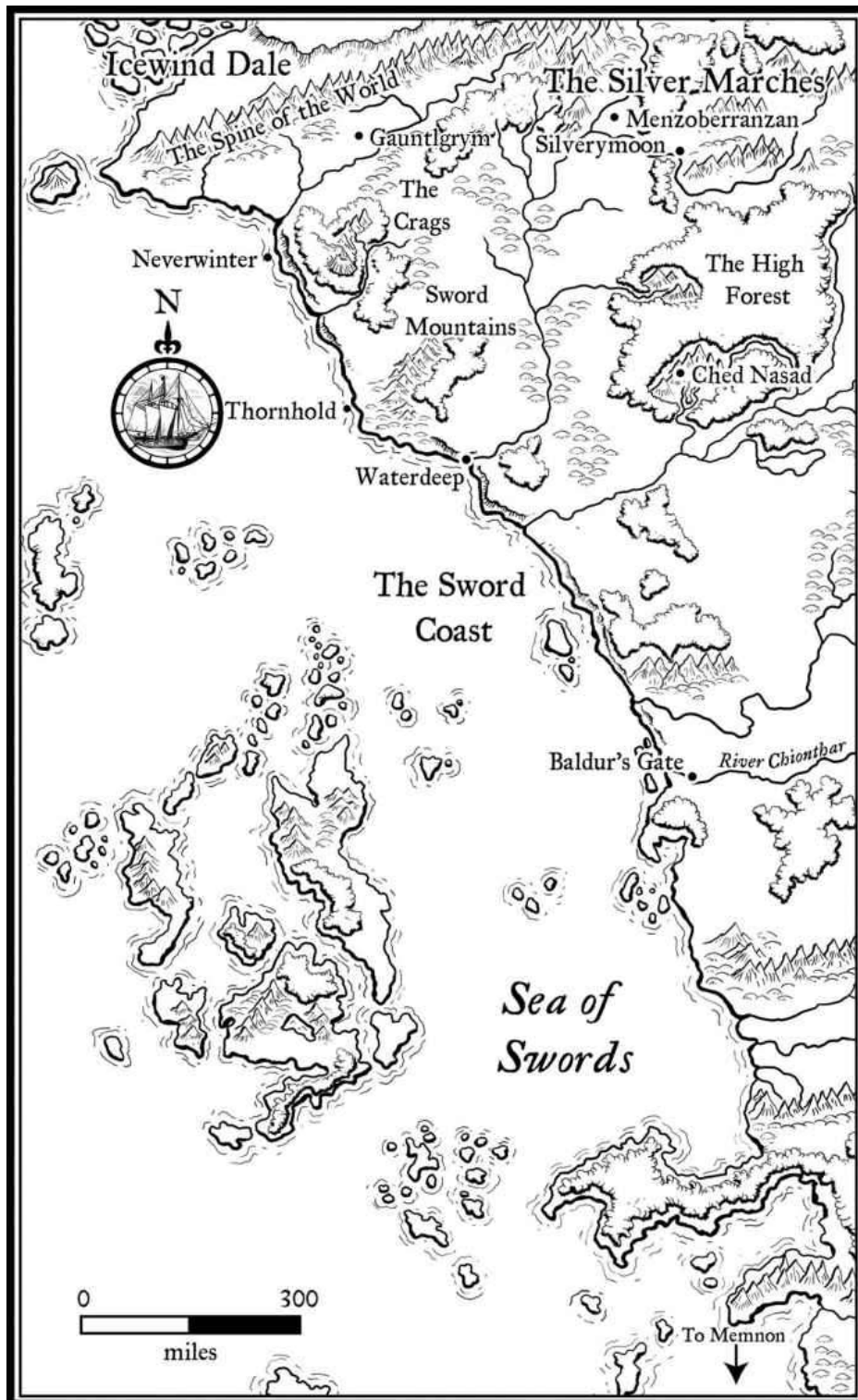

Заблудившийся во времени и неожиданно воссоединившийся со своим сыном Дзиртом До'Урденем Закнафейн справился с предрассудками, навязанными ему дру, чтобы помочь сыну сразиться с амбициозной Паучьей Королевой и приливом мрака, который обрушился на Забытые Королевства. Хотя Закнафейн и уцелел в самых сложных битвах, выживание обошлось ему дорогой ценой, а бой ещё далёк от завершения.

Сражаясь с демонами и драйдерами, Закнафейн снова несёт на своих плечах груз всего Мензоберранзана, окружившего Гонтлгрим. Но шансы на выживание для него и его старого друга, наёмника Джарлакса, кажутся невелики. Пойманные в отчаянную и как будто безнадежную ситуацию, легендарные воины должны заглянуть глубоко внутрь себя, чтобы сразиться с невозможным.

И хотя ноша Закнафейна и так слишком велика для одного из лучших воителей Мензоберранзана, судьба готовит для него новые испытания. Когда события приобретают неожиданный поворот, Закнафейн понимает, что он должен не только победить тьму, но и научиться принимать непредсказуемое: саму жизнь.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “Forgotten Realms”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Спонсоры перевода: **Сергей Иванов, Леонид Шмелев, Екатерина Мукамаева, Макс Мазалов, Никита Степанов, Сынгеева Аюна, Михаил Грудинин, Михаил Смирнов, Далия До'Урден, VyachyNOS, danik.brt, Михаил Вишняков, sempai, Михаил Смирнов, divniyson, Валерий, Малкина Катя, pretorianес, инкогнито x12**

Переводчик: **Redrick**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

РОБЕРТ САЛЬВАТОРЕ

«БЕЗ ПОЩАДЫ»

Посвящение

Эта книга для читателей — тех, кто идёт со мной этим путём вот уже более тридцати лет, и для тех, кто моложе первых книг о Дзирте, которые они берут в руки, впервые присоединяясь к этому приключению.

Для меня это путешествие было чудесным.

А ещё для Дианы, в эти сюрреалистичные времена страдающей вместе со мной в социальной изоляции!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В прошлом... все они дроу.

Дом Ксорларрин

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ЗИРИТ КСОРЛАРРИН: влиятельная глава четвёртого дома Мензоберранзана.

ХОРУДИССОМОТ КСОРЛАРРИН: волшебник дома Ксорларрин и бывший магистр Сорцере, магической академии дроу.

КИРИЙ: жрица Ллос, дочь Зирит и Хорудиссомота.

Дом Симфрей

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ДИВАЙН СИМФРЕЙ: глава младшего дома.

ЗАКНАФЕЙН СИМФРЕЙ: молодой и сильный чемпион дома Симфрей, растущая репутация которого позволяет считать его одним из лучших бойцов в городе. Амбициозная мать Мэлис жаждет заполучить его себе — ради своего дома и ради удовлетворения личной страсти.

Дом Тр'Арах

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ХАУЦЦ ТР'АРАХ: глава младшего дома.

ДУВОН ТР'АРАХ: сын матери Хауцц, оружейник дома, желающий проявить себя во что бы то ни стало.

ДОНГЕЛИНА ТР'АРАХ: старшая дочь матери Хауцц и первая жрица дома.

ДАБ'НЕЙ ТР'АРАХ: дочь матери Хауцц, в настоящее время проходящая обучение в Арах-Тинилите, академии дроу для жриц Ллос.

Дом Бэнр

ВЕРХОВНАЯ МАТЬ ИВОННЕЛЬ БЭНР: также известная под именем Ивоннель Вечной, верховная мать Бэвр — бесспорный правитель не только первого дома, но и всего города. Другие семьи могут называть своих матерей «верховными», но весь город использует этот титул для Ивоннель Бэвр. Она — старейшая из живущих дреу, и никто уже не помнит, как давно она занимает своё высокое положение.

ГРОМФ БЭНР: старший ребёнок матери Бэвр, архимаг Мензоберранзана, самый высокопоставленный мужчина города и по мнению многих самый грозный волшебник всего Подземья.

ДАНТРАГ БЭНР: сын верховной матери Бэвр, оружейник великого дома, считается одним из лучших воинов в городе.

ТРИЛЬ, КВЕНТЛ И СОС'АМПУ БЭНР: три жрицы Ллос, дочери верховной матери Бэвр.

Другие персонажи

К'ЙОРЛ ОДРАН: мать дома Облодра, известного своим использованием странной магии разума, так называемой псионики.

ДЖАРЛАКС: безродный бродяга, создавший Бреган Д'эрт, отряд наёмников, втайне служащих многим домам дреу, но в первую очередь — самим себе.

АРАТИС ХЬЮН: лейтенант Джарлакса и непревзойдённый ассасин. Как и многие другие, принят в Бреган Д'эрт после падения своего дома.

В настоящем... различные расы.

ДЗИРТ ДО'УРДЕН: родился в Мензоберранзане и сбежал от злобных обычаев тёмных эльфов. Воин-дреоу, герой севера и Компаньон Халла, как и четвёрка его лучших друзей.

КЭТТИ-БРИ: человеческая жена Дзирта, Избранная богини Миликки, владеющая волшебством и божественной магией. Компаньон Халла.

РЕДЖИС (ПАУК ПАРРАФИН): полурослик, муж Доннолы Тополино. Глава деревни полуросликов Кровоточащие Лозы и компаньон Халла.

КОРОЛЬ БРЕНОР БОЕВОЙ ТОПОР: восьмой король Мифрил-Халла, десятый король Мифрил-Халла, ныне король Гонтлгрима, древнего дварфийского города, который Бренор отвоевал вместе со своими братьями. Компаньон Халла. Приёмный отец Вульфгара и Кэтти-бри.

ВУЛЬФГАР: этот огромный человеческий мужчина родился в племени Лося в Долине Ледяного Ветра. Его взял в плен, а затем усыновил король дварфов Бренор. Компаньон Халла.

АРТЕМИС ЭНТРЕРИ: бывшая немезида Дзирта, человек-ассасин, боевые навыки которого, возможно, не уступают воину-дреоу. Сейчас он вступил в Бреган Д'эрт Джарлакса и считает Дзирта и других Компаньонов друзьями.

ГВЕНВИВАР: волшебная пантера, спутница Дзирта, приходящая к нему с астрального плана.

АНДАХАР: волшебный единорог, скакун Дзирта. В отличие от живой Гвенвивар, Андахар — чисто магическое создание.

ЛОРД ДАГУЛЬТ НЕВЕРЭМБЕР: публичный лорд Глубоководья и лорд-защитник Невервинтера. Харизматичный и амбициозный мужчина.

ПЕНЕЛОПА ГАРПЕЛЛ: глава эксцентричных волшебников-Гарпеллов, приглядывающих за городком Длинное Седло из своего поместья, Особняка Плюща. Пенелопа — могущественная волшебница, обучающая Кэтти-Бри и когда-то встречавшаяся с Вульфгаром.

ДОННОЛА ТОПОЛИНО: полурослица. Жена Реджиса, правителя города полуросликов в Кровоточащих Лозах. Родом из Агларонда на далёком востоке, где когда-то возглавляла воровскую гильдию.

ИНКЕРИ МАРГАСТЕР: знатная дама из Глубоководья. Считается главой глубоководской семьи Маргастер.

АЛВИЛДА МАРГАСТЕР: кузина Инкери. Тоже знатная дама из Глубоководья.

БРЕВИНДОН МАРГАСТЕР: брат Инкери, ещё один представитель знати Глубоководья.

ВЕРХОВНЫЙ МАГИСТР КЕЙН: человек, монах, отринувший бренную плоть и взошедший до уровня бытия за пределами материального плана. Кейн — верховный магистр цветов в монастыре Жёлтой Розы в далёкой Дамаре. Он друг Дзирта и наставник в его поисках долгого мира на трудном жизненном пути.

ДАЛИЯ СИН'ДЕЛЕЙ (ДАЛИЯ СИН'ФЕЛЛ): высокая и красивая синеглазая эльфийка. Далия стремится производить впечатление на окружающих не только своей внешностью, но и безупречными боевыми навыками. В прошлом любовница Дзирта, сейчас она стала спутницей Артемиса Энтрери. Вдвоём им лучше, чем когда-либо по одиночке.

ТИББЛДОРФ ПВЕНТ: ходячее оружие в шипастых и остроугольных доспехах. Пвент — закалённый в боях дварф, чья преданность не уступает исходящему от него аромату по крепости. Каждую самоубийственную с виду атаку он начинает кличем «Мой король!». Отдал жизнь за короля Бренора в недрах Гонтлгрима, но смерть не стала для него концом — ведь Тибблдорф пал жертвой вампира. Теперь он стал вампиром сам — проклятым и жалким созданием, что рыщет по нижним тоннелям Гонтлгрима и утоляет бесконечный голод гоблинами.

БРАТЯ ВАЛУНОПЛЕЧИЕ, АЙВЕН И ПАЙКЕЛ: Айвен Валуноплечий — суровый пожилой ветеран многочисленных битв, простых и магических. Ему доверили важный пост командира в гонтлгримской гвардии Бренора. Зеленоволосый Пайкел, более эксцентричный и резкий, считает себя друидом, или «ду-дидом», помогая Донноле Тополино выращивать чудесные виноградники в Кровоточащих Лозах. Его ограниченный словарный запас лишь усиливает кажущуюся невинность этого весьма могущественного дварфа.

КИММУРИЭЛЬ ОБЛОДРА: сильный псионик-дроу. Киммуриэль служит вторым командиром Бреган Д'эрт бок о бок с Джарлаксом. Его холодная логика служит прекрасным дополнением к эмоциональности Джарлакса, и Джарлакс знает об этом.

Вечные сущности

ЛЛОС, ЛЕДИ ХАОСА, ДЕМОНИЧЕСКАЯ ПАУЧЬЯ КОРОЛЕВА, КОРОЛЕВА БЕЗДН ДЕМОНИЧЕСКОЙ ПАУТИНЫ: могучая демонесса Ллос считается самой влиятельной богиней дроу, особенно в величайшем городе тёмных эльфов — Мензоберранзане, известном как Город Пауков из-за религиозности горожан. Подтверждая своё имя, Госпожа Хаоса постоянно изумляет своих последователей, скрывая свои истинные планы под сетью более очевидных и доступных пониманию замыслов. Хаос — её конечная цель.

ЭСКАВИДНЕ И ЙИККАРДАРИЯ: младшие демоны йоклол, прислужницы Ллос. Эта пара оказалась такой находчивой и умелой, что Ллос наделила их немалой свободой в общении с дроу и создании неразберихи.

ПРОЛОГ

*Год Возрождения Дварфийского Рода
1488 по Летосчислению Долин*

Брат Афафренфер постоянно твердил себе, что не стоит пугаться внешности старика. Тот казался таким... увядшим, таким хрупким — призрак человека, сморщенные черты которого заставляли большинство людей считать его старше ста лет.

И они были правы, хотя на самом деле мужчина был старше почти вдвое.

Афафренфер развернулся налево, закружился, уходя от противника. Оказавшись у стойки с оружием, он схватил длинный меч с тонким изогнутым лезвием. Афафренфер резко развернулся, неожиданно показывая оружие, как будто ожидал, что готовый к удару старик стоит прямо перед ним.

Но Кейн, верховный магистр цветов, оставался на поднятой круглой платформе в центре большого круглого зала. Он неторопливо встал — расслабленный, с пустыми руками. Он не стал гнаться за Афафренфером после их последнего обмена ударами, и не подошёл к одной из других стоек у стены, чтобы дать ответ катане Афафренфера.

Брат Афафренфер начал скользить обратно к подиуму, затем поднялся на него, чтобы встать напротив противника, который по-прежнему никак не реагировал. Кончик его меча не дрожал и был нацелен прямо на Кейна, а сам молодой послушник скользил вперёд, осторожно поворачивая ступни и смещая центр тяжести, чтобы оставаться в безупречном равновесии; в такой стойке, которая позволяла ему резко отступить или броситься вбок.

- У тебя хорошо получилось с открытыми ладонями, - сказал ему успокаивающим тоном Кейн.

Голос был не просто успокаивающим, а волшебным, и Афафренфер понял это, только когда заметил, что его веки тяжелеют, а кончик меча опускается.

- Ха! - воскликнул он, вырываясь из тумана, и прыгнул вперёд, делая выпад — но левая рука Кейна ударила вверх и чуть в сторону, задев клинок и безвредно отведя удар влево.

Отступай и коли!

Левая рука вертикальным движением снова отвела удар. Он был так близко! Так соблазнительно близко.

Афафренфер провёл ещё три резких и сильных выпада, и каждый раз послушнику казалось, что теперь-то он преуспел — прямо перед тем, как клинок скользил в сторону от верхового магистра, достаточно близко, чтобы сбрить бороду, будь у последнего таковая.

Ещё один удар был нацелен в живот старому монаху, и Афафренфер добавил коварный пинок ногой в колено.

Но теперь правая рука Кейна пошла наискосок, чтобы отвести клинок — одновременно с неожиданным переходом в стойку, как у аиста; правая нога рванулась, чтобы перехватить ногу Афафренфера. Ступня послушника с силой

ударила по голени Кейна, но согнутая нога лишь согнулась ещё сильнее, поглощая инерцию столкновения, смягчая резкость удара.

Неожиданно оказавшись уязвим, Афафренфер не мог даже ждать, пока его нога вернётся на землю, и вместо этого развернулся на правой пятке, толкая вперёд своей ударной ногой и выбросив левый кулак.

Но руки Кейна были быстрее.

Его левая обернулась вокруг меча, отводя его дальше, а правая покинула клинок и неожиданно хлестнула вперёд, как гадюка, ударив Афафренфера в рёбра кулаком прямо под левой грудью. Это был не обычный резкий удар, сосредоточенный в одной точке. Вместо этого он был похож на внезапную, неподвижную преграду — как будто Афафренфер врезался в каменную стену.

Подвижную каменную стену — рука Кейна неотвратимо продолжала двигаться вперёд.

Афафренфер почувствовал, как с этим ударом монах освобождает свою ци, толкая послушника с невероятной силой.

Юноше казалось, что он должен устоять перед этим сочетанием физических и духовных атак. Он весил вдвое больше этого сморщенного старика. Он должен быть сильнее — намного сильнее. Он должен был устоять, но не смог.

Его левый хук не достиг цели. Прошёл даже не близко — и только увидев эту жалкую попытку, удар, промахнувшийся на целый фут, а не на пару дюймов, Афафренфер понял, что летит назад, наконец остановившись, но едва не перевернувшись вверх тормашками на нижней части пола, дальше дюжины футов от магистра Кейна.

Афафренфер вскинул руки вверх и в стороны, одной крепко сжимая меч, другую стиснув в кулак. Он сжал и челюсть, и расправил мускулы в резком и сильном движении, заставляя кровь наполниться силой и целебной энергией собственного ци. Его руки опустились, и сильный молодой монах зачерпнул ещё глубже из своих запасов, физических и духовных, чтобы сделать неожиданный и сильный прыжок, кувыркком приземлившись прямо перед магистром Кейном.

Он вскочил на ноги с могущественным ударом, и продолжил бить ногами, мечом и кулаками — яростная машина опустошения.

Кейн отражал каждый удар, но Афафренфер двигался с такой пугающей мощью и точностью, что не чувствовал блоков своего могущественного оппонента.

Меч полетел наискосок, промахнулся (хотя Афафренфер даже не заметил, пригнулся Кейн или перепрыгнул — ему было всё равно, он ударил снова, хотя промахнулся опять).

Второй промах его не расстроил, поскольку это движение должно было просто поставить клинок в нужную позицию. Когда меч возвращался направо, Афафренфер перехватил его движением запястья, и с пугающей внезапностью занёс вверх руку с оружием.

Он ударил вниз и наискосок.

И опять промахнулся.

И опять он *знал*, что промахнётся, даже укоротил удар.

Потому что это тоже был финт, а Афафренфер продолжил атаку, опустив меч и руку вниз и назад, используя инерцию для резкого разворота, вверх и над головой,

завершив движение безупречным исполнением полного оборота и удара из-за плеча; вторая рука присоединилась к первой на длинной рукояти, придавая больший вес рубящему удару вниз, гудящему от опасности.

Меч был затуплен в тренировочных целях, но Афафренфер всё равно ощутил укол вины из-за головной боли, которая грозила Кейну, когда магистр очнётся!

Но нет, рубящий удар встретили руки Кейна, поднятые перед ним крестом, и когда меч ударил по ним — ровно в тот самый миг, в ту долю секунды, когда лезвие коснулось кожи — руки Кейна разошлись.

Даже будь клинок достаточно остр, чтобы рассечь камень, столкновение с руками старика было слишком коротким, чтобы оставить серьёзную рану, и Афафренфер сомневался, что хоть какая-то сталь в мире может быть достаточно прочной, чтобы устоять перед ножницами Кейна.

Руки Кейна устремились наружу, отломанная половина клинка отлетела в сторону, и прежде чем Афафренфер успел заметить это движение, правая рука Кейна метнулась вниз и к нему, затем выстрелила точно вверх — запястье изогнуто, ладонь открыта, бьёт под рукоять меча в руках послушника.

Ладонь Кейна поднималась, надавливая, надавливая, вытолкнув половину меча из хватки Афафренфера и отшвырнув её прочь.

Афафренфер погрузился в отчаянный вихрь ударов ногами и руками, слева и справа, сверху и снизу.

Кейн поступил точно так же, и монахи превратились в две вспышки, обменивающиеся тяжёлыми атаками, которых было слишком много, чтобы сосчитать, слишком много, чтобы Афафренфер мог заметить каждую отдельно. Он не знал, как блокирует град Кейна — и не знал, как Кейн блокирует его. Он вышел за пределы сознания, в зону чистой реакции. Мышечная память подавила любой намёк на планирование.

Но вот промах — промахнувшийся блок от Кейна! Правый кросс Афафренфера прошёл. Он не попал в противника, но заставил Кейна неловко уклониться налево.

По крайней мере, так Афафренфер думал, пока не ударил в корпус левой — и в этот момент, почувствовал, как правая нога магистра подсекает его собственную правую ногу, и когда правая ладонь Кейна метнулась на перехват, Афафренфер ощутил там неподвижную преграду, которая бросила его на подсекающую ногу Кейна, когда он вытянулся.

Кейн завершил движение, толкнув этой блокирующей ладонью вверх и отводя правую ногу с силой назад, швырнув Афафренфера на пол.

Отчаянным кувырком послушник вскочил на ноги, изумлённый тем, как быстро у него вышло отступить. Однако Кейн был уже перед ним, руки слились в молниеносных ударах кулаками и ладонями. Отчаянно и безупречно работая, Афафренфер отразил или поглотил эти выпады, оказавшись как будто в клинче с магистром — их разделяла всего пара футов, руки были сомкнуты снаружи и снизу по бокам.

Афафренфер хотел боднуть противника, но не успел этого сделать, как ощутил оглушающий удар в лицо.

Удар ногой.

Ногой! *Невозможно*, закричало ему сознание. Они с Кейном были слишком близко. Как мог Кейн ударить его в лицо, когда между ними было меньше фута?

Он не мог поверить. Он отказывался в это верить, даже рухнув на пятую точку.

Афафренфер потряс головой, прогоняя пляшущие перед глазами звёзды, и поднял взгляд — увидев, что Кейн смотрит на него сверху вниз, протягивая руку, чтобы помочь подняться.

Юноша принял руку и начал вставать, но упал обратно на задницу, потом наполовину рухнул, наполовину перекатился набок.

Какое-то время спустя — он не знал, какое — Афафренфер приподнялся на локте, посмотрел на своего противника, своего дорогого друга, который сидел перед ним, скрестив ноги.

- Я считал свой приём с перехватом меча и ударом вниз эффективным, - сказал Афафренфер, сплёвывая кровь с каждым словом. Он знал, что губа сильно рассечена, и от боли в челюсти по лицу прокатывались резкие волны пламени.

- Он мог убить практически любого противника, - поздравил Кейн.

- Но не вас.

Кейн пожал плечами.

- Дзирта? - поддразнил Афафренфер, поскольку тёмный эльф занял место личного ученика Кейна, ранее принадлежавшее самому послушнику.

Спустя мгновение, проведённое в задумчивой позе, Кейн снова пожал плечами, но не вслух отрицания не произнёс.

- Если бы Дзирт и Афафренфер сразились, на кого поставил бы магистр Кейн? - спросил Афафренфер.

- Магистру Кейну ничего не нужно, и поэтому он не нуждается в ставках, - ответил Кейн.

- Представьте, что нуждаетесь.

- Тебе может не понравиться мой ответ.

Афафренфер рассмеялся, затем застонал и схватился за лицо. Он ухватился за нос большим и указательным пальцем и сдвинул его в сторону.

От этого заболели зубы, и он стал подозревать, что его череп треснул от нижней части носа до дёсен.

- Если ты можешь победить меня, зачем бросать вызов хозяйке зимы? - спросил тогда Кейн, и Афафренфер удивлённо посмотрел на него в ответ на смену темы.

- Госпожа Саван ожидает моего второго вызова? - спросил юноша, недвусмысленно напоминая, что в прошлом сезоне Саван победила его. Монах попытался прогнать из голоса нетерпение. Он уже давно преследовал Саван, до и после своего поражения, почти выздоровел и достаточно усовершенствовал свои навыки, чтобы бросить ей новый вызов и стать хозяином восточного ветра. Но и Саван, подстёгнутая настойчивостью Афафренфера, усердно занималась и достигла следующего ранга, прежде чем Афафренфер успел официально вызывать её на бой. Теперь она была хозяйкой зимы, и Афафренфер получил освободившееся звание хозяина восточного ветра, не проявив себя в тренировочном поединке против любого из трёх монахов монастыря Жёлтой Розы, стоящих выше него: Саван, хозяйки зимы; Перривинкля Шина, хозяина весны; и Кейна, магистра цветов.

Кейн кивнул. Сейчас ранг над Афафренфером был занят, и обладать им мог лишь один человек. Чтобы стать хозяином зимы, Афафренфер должен был победить текущую хозяйку Саван. Затем ему придётся защищать свой новый титул — скорее всего, снова против Саван или, может быть, против восходящего хозяина западного ветра, Халаваша, который по свидетельствам очевидцев тоже добился большого прогресса в своём обучении (а по слухам — тайно тренировался с магистром Кейном).

- А на *этот* бой магистр Кейн будет делать ставки?

- Нет.

- А если бы делал, он бы знал, на кого ставить?

- Да.

- И в таком случае магистр Кейн считал бы свою ставку надёжной? - настаивал Афафренфер.

Кейн усмехнулся и ответил «Да», затем зашагал прочь.

- Надеюсь, что мы оба проживём достаточно долго, и однажды я смогу бросить вам вызов по всем правилам, - сказал ему вслед Афафренфер.

Кейн остановился и какое-то время стоял неподвижно, потом обернулся.

- Ты — мой друг, брат Афафренфер. Через тебя и вместе с тобой ради благополучия людей мы совершали великие дела. Поэтому я скажу тебе вот что, и надеюсь, что ты усвоишь этот урок, самый важный из всех моих уроков: заполучить титул верховного магистра цветов не может быть твоей целью.

- Я желаю бросить вам вызов и победить лишь потому, что в этой победе увижу собственный прогресс, - ответил Афафренфер.

Кейн кивнул.

- Твой собственный прогресс, - согласился он. - Борьба идёт внутри тебя, друг мой, стремление к физическому и духовному миру и безупречности.

- И всё же мы бросаем вызов друг другу, чтобы измерить этот прогресс.

- Какова твоя цель? - спросил Кейн.

- Вы только что её назвали.

- Нет, - возразил Кейн. - Это не твоя цель. Никогда не думай об этом, как о цели. Это твоё *путешествие*. Таким образом ты осознаёшь своё существование и достигаешь мира с тревогами смертной оболочки и неуверенностью конца, который мы все должны будем однажды встретить.

- В ордене святых Солларов все стремятся быть такими, как магистр Кейн, - сказал Афафренфер.

- Писарь, который берётся за книгу, чтобы её закончить, преследует свою цель слепо, уменьшает важность опыта, полученного за месяцы переписывания, отказывается от радости, эмоций, озарений и памяти о своём путешествии через этот процесс. Поэтому я спрошу снова: какова твоя цель?

Афафренфер непонимающе смотрел на него.

- У тебя нет цели, - ответил на собственный вопрос магистр. - В чём заключается твоё путешествие?

- В том, чтобы учиться, жить, расти, двигаться к истине, - ответил Афафренфер.

- К истине?

- К истинному себе, к истине обо всём, что меня окружает.

Магистр Кейн удовлетворённо улыбнулся и одобительно кивнул.

- Не потеряй это из виду, - предупредил он, уходя, - или отдашь титул хозяина зимы сразу после того, как получишь его.

Афафренферу потребовалось какое-то время, чтобы понять смысл последних слов Кейна. Верховный магистр, такой мудрый и знающий, был уверен в его победе над Саван. Ошеломлённый послушник опустился обратно на пол.

Он по-прежнему не мог понять, как Кейн смог ударить его в лицо с такой силой, когда они стояли практически лицом к лицу.

Однажды пойму, подумал послушник, и выбросил это из головы. Это придёт к нему со временем в процессе преодоления испытаний в ходе его физического и духовного путешествия — или нет.

После тяжёлого подъёма Афафренфер сидел на тесной кромке высокого скалистого утёса, который пользовался большой известностью в ордене святых Солларов. Именно здесь полвека тому назад великий Кейн превзошёл ограничения своего физического тела и стал един с мультивселенной.

Афафренфер сидел, скрестив перед собой ноги, положив руки на колени ладонями вверх, большой палец касается указательного. Его дыхание было медленным и абсолютно ровным, вдох и выдох — одинаковой длины.

Разум монаха был устремлён глубоко внутрь и одновременно далеко наружу. Он никогда не был дальше от своего тела, чем сейчас, но в то же время никогда прежде не чувствовал себя более единым с ним.

Он чувствовал приближение своей цели, чувствовал, что наконец познал оковы своих физических ограничений, того самого клея, что придавал Афафренферу форму.

Он не ощущал холодных укусов высокогорного ветра. Он не слышал его в ушах, как и кличи огромных кондоров, что парили на восходящих потоках.

Поскольку его окружение ничего не значило. Его фокус был внутри себя и вокруг, везде и нигде.

Он тыкнул в клей пальцем своей воли и почувствовал, как ослабли оковы.

Он был уверен, что может сломать их полностью, и когда это сделает — познает вечность. Он превзойдёт свою смертную оболочку. Он станет един со всем остальным...

Однако размышления об этом прервали необходимую ему концентрацию. Внутри него пылали воспоминания, ведь он уже совершал это прежде — но с чужой помощью. Внутри него был магистр Кейн, завладевший его телом, разделивший с ним форму. Когда великий белый дракон встал перед ними, Кейн сломал физические преграды Афафренфера, расклеил многочисленные частицы, которые собрались вместе, чтобы сложиться в существо, известное как Афафренфер.

Красоту того опыта сложно было забыть, пускай даже это было лишь короткое путешествие в обитель всего. Ведь Кейн восстановил его почти сразу же, как только убийственное ледяное дыхание дракона миновало их, чтобы Афафренфер мог сразить вирма.

Монах погрузился обратно в медитацию, принудил себя к терпению и снова вернулся в место глубокого покоя, место, лишённое мыслей и одновременно созерцательное. Он снова стал искать оковы.

Он почувствовал клей и начал его рассеивать, рассеивать самого себя.

Рука хлопнула его по плечу, испугав послушника, пока ещё он не успел взяться за дело как следует.

Глаза Афафренфера широко распахнулись. Он почувствовал ветер; он услышал ветер. Он резко повернул голову и обнаружил магистра Кейна, медленно качающего головой.

- Ты не готов, - сказал ему Кейн.

Афафренфер потрясённо заморгал.

- Давай вернёмся в монастырь, - сказал Кейн, протягивая руку.

Афафренфер покачал головой.

- Это не ваше дело, не ваш выбор и не ваше путешествие! - выпалил он.

Кейн не моргнул и не убрал руку.

- Вы — верховный магистр цветов, самый великий монах во всём ордене святых Солларов, - сказал Афафренфер. - И со всем уважением, с таким уважением, которого я никогда не испытывал к другому живому существу, я повторяю: это не ваше дело.

- Это моё дело.

- Потому что вы — верховный магистр?

- Потому что я твой друг, - сказал Кейн.

- Но я могу это сделать, - настаивал молодой монах.

- Я знаю.

- Тогда...

- Но ты не сможешь это отменить.

Афафренфер хотел что-то ответить, но промолчал, глядя на магистра.

- Ты достигнешь трансцендентности, - объяснил Кейн. - Ты станешь един со вселенной. И ты познаешь гармонию и красоту, которых даже представить себе не мог. Но это будет конец Афафренфера.

- Смерть?

- Для этого существования — да.

- А смерть это конец... всего?

- Я не знаю, - признал Кейн. - Когда ты восходишь впервые — это не конец; благодаря нашему совместному путешествию из твоего тела тебе это известно. Но вернуться надо быстро — в течение дней, не месяцев — и я не знаю, что может произойти после точки не возврата. У нас есть лишь вера в то, что там происходит.

- У меня есть вера. А у вас?

Кейн пожал плечами.

- Того, что я не знаю — я не знаю. Однако у меня есть надежда.

- Тогда я вернусь быстро, до того момента, как не смогу...

- Нет. Не вернёшься. Ты не готов.

- Вы считаете, что я недостаточно силён? - спросил Афафренфер, сумевший не подпустить нотки гнева в свой вопрос. - Думаете, я не смогу... ?

- Ты не захочешь, - оборвал его Кейн. - Твои связи с этим местом недостаточно крепки, чтобы ты захотел повернуть назад, когда начнёшь это путешествие.

- Что это вообще значит?

Кейн пожал плечами.

- Это значит, что ты пока не готов сделать шаг из своей смертной оболочки. Почти готов, но ещё не совсем. Над тобой есть ещё несколько рангов. Будь терпелив, умоляю.

- Мир — опасное место. Я могу потерять свой шанс и покинуть этот мир не по своей воле.

Кейн пожал плечами, как будто это было неважно.

- Пока что нет, - сказал он. - Умоляю тебя, как друг.

Афафренфер вздрогнул, одновременно разочарованный и польщённый тем, что величайший из монахов так беспокоится о нём.

- Вы же вернулись, - сказал он, потому что не смог придумать ничего другого.

- Едва-едва, - тихо ответил магистр, и это испугало Афафренфера. - Я едва смог подумать об этом. Я был намного старше, чем ты сейчас, и намного сильнее в путях нашего ордена — но ты не бойся, друг мой, поскольку ты тоже достигнешь такого же уровня совершенства тела и духа. В этом я не сомневаюсь. Конечно, если ты не выйдешь из тела сейчас и не исчезнешь навечно.

Кейн снова протянул ему руку.

- Я хочу отправиться в это путешествие, - сказал Афафренфер.

- Я знаю. И знаю, почему.

Афафренфер перевёл взгляд с протянутой руки к глазам магистра Кейна.

- Из-за него, из-за Парбида, которого ты любил, - сказал Кейн. - Потому что ты надеешься, что он ждёт тебя там, и снова жаждешь его объятий — больше всего остального.

У Афафренфера отвисла челюсть. Он пытался отрицательно покачать головой, но не справился.

- В мультивселенной нет ничего сильнее любви, друг мой, - сказал Кейн, улыбнулся и придвинул свою руку ещё ближе.

Афафренфер принял предложенную помощь и расплёл свои ноги, легко встав перед другом.

- Магистр, как вы считаете, он там? Думаете, он меня ждёт?

Кейн пожал плечами, и Афафренфер понял, что монах не знает ответа и не станет лгать ему ради утешения.

- Ты уже всё сказал, - ответил Кейн. - У тебя есть вера. А у меня — надежда.

Какое-то время они молчали, спускаясь с горного склона по тропе.

- Я всё равно не понимаю. - признался Афафренфер, когда вскоре после заката перед ними показались огни монастыря Жёлтой Розы. - По вашим словам кажется, что возвращение в смертную оболочку — невероятный подвиг, требующий серьёзной борьбы.

- Так и есть.

Молодой монах пожал плечами.

- Когда мы вместе покинули моё тело перед лицом великого белого дракона, возвращение казалось таким...

- ...простым, - закончил Кейн. - Тебе оно казалось простым, потому что не ты начал трансценденцию, ты даже не знал об этом — и ты не слышал музыки небес, не видел красоты вселенной, прежде чем я вернул тебя в создание, известное под именем Афафренфера.

- Но у вас так легко это получилось.

- Не так легко, как ты думаешь, но да — с каждым выходом за пределы смертной оболочки преграждающие путь барьеры становятся... тоньше. В тот момент, когда мы и наши друзья оказались в огромной опасности, возвращение было простым. Мы должны были быть там — иначе пришлось бы оплакивать любимых.

- Но... - сказал Афафренфер. Казалось, он подавился словами и просто покачал головой.

- Со временем ты поймёшь, - пообещал Кейн. - Продолжай свою учёбу. Добейся совершенства разума и тела. Но предупреждаю тебя, когда ты решишь, что готов — и могут пройти годы с сегодняшнего дня, и меня может не быть рядом — эта первая попытка взошества... Она может быть твоей единственной и стать концом существования Афафренфера.

- Вы уже говорили, но почему, магистр? - продолжал упорствовать Афафренфер. - Я знаю, что мои дела здесь ещё не закончены. Я знаю, что не готов испытать следующее...

- Если будет *следующее*, - вмешался Кейн.

- Если будет, - согласился Афафренфер. - Я всё это знаю, так почему вы думаете, что я откажусь от существования в качестве смертного?

Кейн остановился и на мгновение задумался, потом тепло улыбнулся молодому монаху.

- Ты занимался любовью — самым процессом, и довёл его до конца, так?

Афафренфер покраснел.

- Да, конечно.

- Тогда ты знаешь, что тело может требовать продолжения, требовать освобождения?

- Да, магистр.

- Тело не повернёт назад, и чтобы воспротивиться этому зову, необходима огромная мысленная и эмоциональная дисциплина. Когда ты достигнешь трансцендентности, ты познаешь такую радость — беспредельную, даже растущую со временем — а время окажется бессмысленным, оно будет течь мимо, но тебе нужно будет найти в себе силы отринуть чистую страсть в кратчайшие сроки, и неудача будет означать, что ты навеки покинешь это существование.

Афафренфер просто тарасился на него с раскрытым ртом.

- Я не знаю, как объяснить ещё проще, - ответил на этот пустой взгляд старый монах. - Ты не захочешь возвращаться, и значит, не станет того тебя, которого знаешь ты сам и которого знают другие.

Магистр Кейн подождал, пока заметно потрясённый Афафренфер обдумает его слова, потом спросил:

- Ты по-прежнему хочешь это совершить?

- Хочу, - ответил молодой послушник. - Но, наверное, не сейчас.

- Когда будешь готов, - согласился Кейн.

- А как я пойму, что готов?

- Когда перестанешь бояться, что можешь не вернуться. Когда будешь верить, что узнал всё необходимое, что можно получить от этой жизни. Дело не в грусти и не в усталости от существования, нет. Такое состояние лишь сделает трансценденцию

невозможной. Скорее, дело в законченности — такой законченности, что ты поймёшь — в этом существовании не осталось места для чего-то нового!

- Вам тоже так кажется?

- Уже больше ста лет!

- Но вы по-прежнему здесь.

Магистр Кейн пожал плечами.

- Отчасти, - загадочно ответил он. - Часть меня по-прежнему здесь, часть меня навсегда ушла.

- Так расскажите мне тайну!

- Я не могу. Та часть меня, что знает её, находится не здесь.

- Я не понимаю. Значит есть что-то ещё, кроме трансцендентности?

Кейн пожал плечами, вынудив Афафренфера повторить:

- Я не понимаю.

- Тебе и не нужно. Сейчас. Пока что. Тебе многое предстоит постичь.

- Тогда скажите мне, магистр, что мне нужно постичь сейчас?

- Что ты не захочешь возвращаться. Больше ничего.

ЧАСТЬ 1

Переменчивые судьбы и тревожные перспективы

Что называю я моим миром? Какая черная змея сидит в моей душе? При свете моя кожа черна; в темноте она становится белой от жара моего гнева, который я не могу подавить.

Если бы у меня хватило решимости уйти отсюда или из жизни либо выступить открыто против зла, царящего в этом мире, мире моих сородичей! Найти существование, которое не противоречит тому, во что я верю, и тому, что я искренне считаю истиной. Закнафейн До'Урден, так меня зовут, однако я не дроу ни на словах, ни на деле. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь объяснил мне, кто я такой. Пусть гнев этого мира обрушится на эти старые плечи, уже сожженные безнадежностью Мензоберранзана.

Мензоберранзан, что за ад ты собой являешь?

— Закнафейн До'Урден, «Отступник»

ГЛАВА 1

Слишком много переменных

Год Чёрной Гончей

1296 по Летосчислению Долин

Ей не нравилось ходить по переулкам Мензоберранзана, которые звали Браэрином, или Улицам Вони. Здесь обитали бездомные бродяги-дроу, изгои и одиночки из уничтоженных домов. Здесь обитали падшие жрицы и опасные незаконнорожденные дети того или иного дома, обречённые на жизнь в бедности.

В основном. Мать Мэлис из дома До'Урден знала, что здесь обитают ещё и члены Бреган Д'эрт, отряда наёмников, который в последние годы набрал богатство и силу в городе. Все они были бродягами — но полезными бродягами для тех верховных матерей, которые знали, как лучше воспользоваться их услугами.

Через Закнафейна, своего любовника и оружейника своего дома, Мэлис связалась с Джарлаксом, лидером Бреган Д'эрт, и получила имя дроу, которому намеревалась нанести сегодня визит, и ради которого шла по Улицам Вони в Мензоберранзане.

Это была немалая жертва, и верховная мать уже решила, что этому дроу лучше бы сказать ей то, что она хочет услышать, иначе она оставит труп на полу его хижины.

Мэлис испытала огромное облегчение, когда наконец увидела нужный дом. Эта часть путешествия не пугала её, просто вселяла отвращение, и Мэлис хотела как можно скорее покончить с делами и вернуться к себе.

Она подошла к двери, оглянулась на свой тайный эскорт и кивком приказала им оцепить местность. Затем она прочла заклинание, потом второе — оба на дверь — затем добавила третье и четвёртое, уже на себя, чтобы защититься от любых фокусов.

Пятое заклинание сорвало дверь с петель, и мать Мэлис вошла в крохотную комнатку, где за столом сидел мужчина в балахоне, на лице которого виднелось потрясённое выражение, а напротив него сидела женщина с выражением абсолютного ужаса.

- Я ещё не закончил! - запротестовал мужчина.

Мэлис перевела взгляд с него на хрустальный шар, стоящий в центре небольшого круглого стола. Она смутно различила изломанные очертания виднеющегося внутри образа.

Взмахом руки она очистила шар.

- Теперь закончил, - сообщила она.

Тогда запротестовала женщина.

- Я хорошо заплатила за его время!

Гневный взгляд Мэлис заставил её замолчать. Верховная мать хорошо рассмотрела женщину. Та была моложе Мэлис, но ненамного, и хотя отличалась хорошей фигурой, и, судя по всему, считала себя привлекательной — с таким-то вырезом платья — на её лице и обнажённых руках виднелись шрамы и синяки той, кто обитает во мраке Улиц Вони.

- Ты не носишь семейную эмблему, дитя, - сказала Мэлис. - Какой матери ты принадлежишь?

- Зачем мне отвечать?

- Потому что если ты не ответишь, я пойму, что ты безродная, и значит, никто не станет переживать, если я тебя убью.

- Женщина! - запротестовал мужчина в балахоне и встал лицом к незваной гостье. Он был старым и сморщенным, носил на лице немало шрамов, и его истёртая одежда болталась на худых плечах, как на вешалке.

- Жрица, - поправила она.

- Жрица, - сказал он чуточку менее возмущённым тоном.

- Высшая жрица, - поправила Мэлис.

- Высшая жрица, - исправился старый дроу дрогнувшим голосом.

- Верховная мать, - поправила Мэлис, раскрывая все карты, и мужчина-дроу как будто уменьшился в размере.

Он прочистил горло.

- Я не привык к незванным гостям, - спокойно сказал он. - Вы меня напугали.

- А ты, милочка, - сказала Мэлис, возвращаясь к женщине. - Готова назвать свой дом? Хотя, конечно, тебе известно, что если ты солжёшь, в наказание не просто потеряешь две своих ноги, которые тебе так дороги, но и отратишь восемь новых.

Женщина заёрзала, потянув вниз край платья, чтобы лучше прикрыть ноги.

- Ты бездомная, - сказала Мэлис, когда испуганная женщина пробормотала что-то неразборчивое. - Иди наружу и жди меня, - приказала верховная мать. - Может быть, тебя ждёт светлое будущее.

Она оглянулась на мужчину в балахоне.

- Это ты видел в хрустальном шаре?

Дроу, казалось, полностью растерялся.

- Это, правда? - добавила Мэлис, швырнув вместе с репликой подавляющее заклинание.

- Да, - выпалил мужчина. - Да, да. Конечно. Я как раз хотел сказать ей...

- Иди, - приказала Мэлис женщине, и та мудро вылезла из кресла и выскочила наружу.

Не отрывая взгляд от мужчины, Мэлис подошла к освободившемуся креслу и хотела сесть, но взглянула на обивку и заметила многочисленные пятна.

Взмахом руки она отшвырнула кресло в сторону. Быстрое заклинание создало на месте кресла парящий диск из синего света, и мать Мэлис уселась на него. Она указала на другое кресло, но получила взамен только обеспокоенный и смущённый взгляд.

- Ты Пау'Крос, однажды принадлежавший дому, который не следует более называть? - спросила Мэлис.

- Я из дома Облодра.

- Нет. Пока нет, хотя надеешься, что однажды они тебя примут. Или мне следует сказать — надеешься, что они не узнают о том, что просто обычный волшебник с необычайным даром и на самом деле не владеешь магией разума.

Мужчина прочистил горло, но в этом звуке было больше нервозности, чем стыда.

- Садись, Пау'Крос, - приказала Мэлис. - Я твой самый важный клиент.

- Как? Я не понимаю, - невпопад отозвался мужчина, но уселся, что Мэлис приняла за недвусмысленный признак поражения.

- Мне рассказал о тебе Джарлак, - объяснила Мэлис.

Старый дроу тяжело вздохнул.

- Он мог бы устроить...

- Я в нём не нуждаюсь. Я здесь, ты здесь, и мне нужны твои услуги.

Она поёрзала на парящем диске и скрестила ноги поудобнее, желая продемонстрировать этому идиоту, что не сомневается в своей способности испепелить его одним словом.

- Кто я? - спросила она и положила на стол свою змееголовую плеть. Живые змеи шипели и извивались, а с их клыков капал смертоносный яд.

Пау'Крос сделал глубокий вздох, затем осторожно подался вперёд и начал бормотать, глядя в хрустальный шар, который немедленно затуманился.

- Скажи мне, провидец, кто я и зачем я здесь, - потребовала Мэлис.

Долгое время он смотрел в шар и шептал слова. Мэлис не могла различить, что именно он шепчет, но различала волшебные формулы — что подтверждало рассказ Джарлакса. Этот дроу, Пау'Крос, был выпускником Сорцере, академии дроу для магов, и считался талантливым, пока не перешёл дорогу могущественному Громфу Бэнру — событие, которое совпало с полным уничтожением его семьи. С того далёкого дня он вёл жалкую жизнь на Улицах Вони, читая судьбы, и если верить Джарлаксу, занимался этим так долго, что стал необычайно умелым предсказателем.

Более того — Пау'Крос выжил, потому что умел хранить тайны своих клиентов.

- Мать До'Урден, - сказал он какое-то время спустя с заметным уважением в голосе. - Я слышал о вас. Я почтён, что вы решили воспользоваться моими услугами.

- Докажи, что ты этого достоин.

Мужчина облизал губы, прочистил горло и снова сосредоточился на хрустальном шаре. Не отрывая взгляд, он сунул руку в карман и достал квартет из четырёх мелких косточек, которые бросил на стол слева от шара. Затем он снова полез в карман и достал ещё четыре, бросил их справа от шара, что вызвало новое угрожающее шипение змей.

Мэлис вынуждена была признать, что восхищается концентрацией мужчины. Он посмотрел налево, затем направо, игнорируя смертоносных змей, поглощённый своими прорицательными инструментами.

- Да, - сказал он, и его лицо рассекла тонкая улыбка. - Да, великая мать Мэлис, ты носишь ребёнка.

- Я знаю, - сухо отозвалась она. Она солгала. Она просто подозревала беременность, но, конечно, сейчас это был не самый важный вопрос.

- Скажи мне, кто отец, - приказала она.

Пау'Крос с трудом сглотнул, как будто его вывели из равновесия — как, разумеется, и должно было быть. Сказать верховной матери, что она носит дитя, почти всегда сулило благо, но если сказать ей, что ребёнок зачат не тем мужчиной, можно было оказаться жертвой убийства — или чего-то похуже.

- Отец, - сухо повторила Мэлис. - Назови мне отца ребёнка. Посмотри в свой шар и назови этого мужчину. Ты слышал про меня и знаешь о моей репутации — которую я ношу с гордостью, заверяю. Я могу сузить список претендентов до четырёх. Ты скажешь мне, кто из них отец.

Мужчина начал потеть. Его обращённые к хрустальному шару мольбы стали не такими спокойными и чёткими. В каждой волшебной формуле звучала нервозность.

Но затем он неожиданно остановился, пристально всматриваясь в глубины шара. На мгновение он как будто растерялся, но потом усмешка вернулась на его торжествующее лицо.

- Я знаю этого мужчину, - сказал он, и Мэлис поняла, что он говорит сам с собой. Обдумав это замечание — учитывая место, где они находились — она испытала надежду.

- Кто отец? - потребовала она.

- Он был из дома Симфрей, - едва осмелился ответить провидец, поскольку дома Симфрей больше не было, и произносить имя того, чего больше нет, считалось неразумным — тем более, для низкорожденного мужчины.

- Закнафейн, - быстро поправился он. - Закнафейн До'Урден оте...

Дроу рухнул вперёд, вглядываясь в шар ещё пристальнее, и со своего места Мэлис видела, что образы быстро меняются, что провидец получает ответы и знания. Сейчас она не посмела вмешиваться.

Долгое время спустя провидец охнул и упал обратно в кресло, как будто полностью истощённый. Одежда прилипла к его исхудавшему телу, лицо блестело от пота.

- Да, мать Мэлис, твои надежды сбылись, - уверенно сказал он.

Мэлис была впечатлена, хотя не собиралась этого показывать.

- Это ребёнок Закнафейна — как и твоя дочь Вирна, - сказал ей провидец.

- Ты знаешь его.

- Я знаю о нём, - признал Пау'Крос. - Хотя это было несколько десятков лет тому назад. Я рад, что вы довольны новостями.

- Не нужно быть провидцем, чтобы это понять. Кого не обрадует мысль о новой дочери, зачатой великим оружейником?

Пау'Крос кивнул, но на его лице отразилось любопытство.

- Я не сказал, что это будет дочь, - заметил он.

- И не нужно. Закнафейн слишком хороший любовник и отец, чтобы зачать простого самца, - заявила Мэлис, но увидев гримасу Пау'Кроса, добавила: - Ты сомневаешься в милости Ллос?

- Конечно нет! - воскликнул он. - Я даже не стану тратить ваше время, чтобы подтвердить то, что вы и так знаете.

Мать Мэлис не стала вставать. Она мысленно повелела диску направиться к дверям, взмахом руки приказала им открыться и выскользнула на улицу.

Там стояла та самая молодая женщина, нервно переминаясь с ноги на ногу. Выражение её лица колебалось от безнадёжности до трепета.

- Чего ты хочешь? - рыкнула на неё Мэлис.

- Вы сказали мне ждать снаружи, - ответила женщина.

- Ты хорошо умеешь следовать приказам?

- Да... верховная мать.

- Тогда ты станешь хорошей рабыней в моём доме, - сказала Мэлис, посмотрела в тень у женщины за спиной и коротко кивнула.

- Да, верховная мать... Что? Рабыней? Я не...

Её фразу оборвал тонкий меч, пронзивший её сзади. Лезвие вышло сразу под левой грудью — на нём остались кусочки сердца.

- И не станешь свидетельницей, - сказала ей мать Мэлис, когда женщина упала замертво.

Она и её свита вернулись к Западной Стене в дом До'Урден.

- Ты хорошо справился, - немного позже сказал Джарлак Пау'Кросу. Разодетый в пух и прах лидер наёмников сидел за столом у прорицателя — хотя давно предупредил мужчину не пытаться предсказать его судьбу.

- Она убила...

- Мадефлава всё равно умирала, - оборвал его Джарлак. - Ты об этом знал, она об этом знала. Жаль, конечно, но это лучший конец, чем смерть от медленно разрастающейся в лёгких жёлтой плесени.

Пау'Крос закрыл своё старое лицо ладонями.

- В чём проблема? - спросил его Джарлак. - Ты сказал ей то, что она хотела услышать. Она ушла довольной.

- Достаточно довольной для убийства, - был саркастичный ответ.

- Которое наверняка сделало её ещё довольнее, - отозвался Джарлак со смешком, прозвучавшим беспомощно — потому что таким и был.

Пау'Крос вздохнул и снова закрыл лицо руками.

- Она не убьёт тебя, старый дурень, - сказал Джарлак. - Иначе уже бы сделала это. Ты сказал ей то, что она хотела услышать. Худшее, что может случиться — тебе придётся вытерпеть её присутствие ещё один раз — когда-нибудь в будущем, если Закнафейн снова удачно отстреляется.

- Я сказал ей то, что она хотела услышать, - согласился Пау'Крос. - Но я сказал не всё, что увидел.

Услышав это, Джарлак встрепнулся.

- У неё в животе растёт не дочь, - пояснил старик-провидец. - Это сын.

- Ты ей *солгал*?

Пау'Крос яростно замотал головой.

- Она даже не стала спрашивать. Она была так уверена. Она будет недовольна. Совсем недовольна.

- Значит, это сын, - пожал плечами Джарлак, как будто это было неважно.

- У матери Мэлис уже есть два сына, не так ли? Нальфейн и Дайнин?

Настала очередь Джарлакса тяжело вздыхать — и вздох стал ещё тяжелее, когда он прикинул вероятный сценарий. Действительно, мать Мэлис будет недовольна — тем более, зная, что обречённое дитя было потомством Закнафейна.

Джарлак ушёл и направился в «Сочащийся миконид», лучшую таверну на Улицах Вони — в особенности после того, как около пятидесяти лет назад он выкупил её главную часть. Он не удивился, обнаружив там Закнафейна — в конце концов, разведчики уже сообщили ему об этом. Оружейник сидел за своим обычным столом в дальнем правом углу общего зала.

- Что привело тебя сюда этим прекрасным вечером? - спросил Джарлак, сделав жест в сторону бара, чтобы им принесли ещё выпивки.

- То же самое, что приводит меня в любое место, - ответил Закнафейн. - Где бы я ни был, я становлюсь счастливым при мысли, что в этом городе есть ещё сотня других мест, где меня нет.

Джарлак долго смотрел на него.

- Я пытаюсь понять, комплимент ли это.

- Не стоит.

Это вызвало у Джарлакса смехок.

- В любом случае, рад тебя снова видеть. Бывало, мы годами не обменивались даже приветствием, а сейчас видимся... в какой? В четвёртый раз за последние двадцать дней?

- В последнее время Мэлис совсем невыносима, - ответил Закнафейн и сделал долгий глоток.

Джарлак едва не раскрыл свои карты, но вовремя прикусил язык.

- Ведьма забеременела, - провозгласил Закнафейн.

Джарлак удивлённо вздрогнул — не от новостей, конечно, а от того, насколько быстро они разошлись. Мать Мэлис могла даже не успеть вернуться домой после визита к провидцу.

Джарлак замялся с ответом, и наконец сказал:

- От тебя?

- Ты намекаешь, что жена мне изменяет? - нахмурившись, отозвался Закнафейн.

Джарлак рассмеялся — как и оружейник, когда не смог больше поддерживать хмурую гримасу. В конце концов, сексуальные эскапады Мэлис оставались предметом всеобщего обсуждения — и восторга.

- Я почти уверен, что от меня.

- Просто потому, что ты лучше других? - уколол его Джарлак.

- Да, дело в качестве, - ответил Закнафейн. - Но и в количестве тоже. Ведьма неделями не даёт мне выспаться. Я всегда знаю, когда она готовится разграбить новый дом.

Джарлак кивнул. Мэлис была известна не только своим аппетитом. Среди знающих дроу ни для кого не было тайной, что дом До'Урден нацелился на дом Де'Вир, а самым знающим среди этих дроу был Джарлак из Бреган Д'эрт.

- В прошлый раз, с первым ребёнком, новости тебя обрадовали, - заметил Джарлак.

Закнафейн беспомощно поднял свободную руку и сделал ещё один глоток пойла.

Прибыли новые напитки, Джарлак взял свой и быстро отослал официанта.

- Глядя на Вирну, ты больше не чувствуешь гордости? - осмелился поинтересоваться он. - Она кажется весьма особенной — для жрицы.

- Да и нет, - признал Закнафейн. - Я не мог бы ожидать большего от любой дочери, зачатой в доме До'Урден. Я не дурак. Я знаю об этом и знал в тот миг, когда увидел моё дитя и понял, что она девочка. Думаю, она хорошо справляется, но не стану отрицать — больно видеть, как мой ребёнок, моя дочь становится жрицей этой проклятой Ллос.

- Разве у неё был выбор?

- Разве у неё был шанс? - поправил Закнафейн. Он коротко рассмеялся. - Любопытное чувство — этот смысл отцовства, эти узы. Признаю, оно застало меня врасплох.

- О чём ты? - спросил Джарлак, удивлённый тем, что Закнафейн заговорил так откровенно.

- Смысл... всего этого, - отозвался оружейник. - Этого существования. На самом базовом уровне я боюсь смерти, и думаю, что это касается всех, кроме наиболее фанатичных последователей своей веры. Мне хотелось бы стать бессмертным. А тебе?

- Я не знаю... То есть, это очень долго, правда?

- И ты лжёшь себе, что однажды будешь рад закрыть глаза в последний раз? - фыркнул Закнафейн. - Тот Джарлак, которого я знаю, постарается саму Смерть отговорить от этой сделки.

Джарлак поднял стакан, предлагая выпить за эту мысль.

- Поэтому да, я хотел бы стать бессмертным и надеяться, что есть и другое существование за гранью этого, - продолжил Закнафейн. - Но я с удивлением заметил, что дети несколько облегчают этот страх. Они становятся своего рода бессмертием. Никогда так об этом не думал, пока не увидел Вирну.

- Это хорошо.

- Это страшно! - ответил Закнафейн. - Увидеть своего ребёнка, Джарлак — значит познать уязвимость. Понять, что в мире есть то, что оставляет тебя поистине уязвимым, что есть существо, которое важнее для тебя, чем ты сам, и что если что-то страшное случится с ней, это будет в тысячу раз больнее, чем если бы то же самое случилось с тобой.

- Я боюсь смерти. Я не хочу умирать. Я знаю об этом. Но знаю и то, что бросился бы на копье, нацеленное на моего ребёнка. Даже на дочь, которая станет жрицей Паучьей Королевы!

- Значит, ты доволен, что мать Мэлис снова беременна? - спросил Джарлак. - Твоим ребёнком?

Казалось, прямой вопрос заставил Закнафейна растеряться. Он пожал плечами, затем прикончил выпивку и отодвинулся от стола.

- Мне нужно возвращаться в дом, - сказал он, поднимаясь. - Нам многое нужно сделать.

- Перед тем, как начать войну.

- Войны не будет, - запротестовал Закнафейн. - Что за глупая мысль. У дома До'Урден нет стремлений, противоречащих эдиктам правящего совета. Но мы должны быть готовы на тот случай, если с домом выше нашего по положению случится что-то ужасное.

- Разумеется, - согласился Джарлак, улынувшись в ответ на напоминание Закнафейна о том, насколько извращёнными были законы Мензоберранзана. Конечно, в уничтожении враждебного дома не было ничего плохого. Главное, чтобы вас не поймали с поличным. То есть правящие матери считали плохим не сам поступок, а неумение сохранить его в тайне.

Он проследил, как Закнафейн выходит из бара, затем откинулся на спинку стула и обдумал необычайно искренний разговор с обычно сдержанным оружейником. Джарлак знал, что дом До'Урден через несколько месяцев собирается атаковать дом Де'Вир, а значит, он не увидит друга ещё много месяцев — а может и лет.

Интересное чувство — учитывая, насколько оно огорчило командира наёмников.

Поэтому он так ценил эти мгновения общения с Знафейном. Тот всегда обладал необычайной проницательностью и глубиной мысли.

Джарлак дорожил этим, но сейчас ему было тяжело на душе. На сей раз Знафейн станет отцом мальчика, и поскольку в доме До'Урден ребёнок окажется третьим сыном, верная Паучьей Королеве мать Мэлис наверняка принесёт его в жертву Ллос — быстро и беспощадно.

После этого разговора Джарлак боялся, что такой поступок полностью уничтожит его старого друга.

Матери Мэлис не нравилось здесь. Совсем не нравилось. Слишком много мужчин ходило по петляющим коридорам и просторным лестницам, склонялось у широких полок, заполненных свитками и старыми книгами.

И не просто мужчин. Это были самые могущественные мужчины в Мензоберранзане, включая тех немногих — например, архимага Громфа Бэнра, старшего сына самой верховной матери Бэнр — кто, скорее всего, в бою способен был уничтожить Мэлис. Хуже того, мать Мэлис не должна была здесь находиться, и о её присутствии знали лишь немногие — а эти потенциальные враги, великие волшебники-дроу из Сорцере, легко могли избавиться от тела!

Я совсем рядом, раздался успокаивающий голос — нет, не голос, а телепатическое послание. Всё устроено. Ты здесь с разрешения архимага Громфа, и никто не осмелится на тебя напасть.

Мать Мэлис ненавидела пускать в свои мысли этого поганого Джарлакса и его ещё более мерзкого друга-псионика из дома Облодра, но не могла отрицать, что послание Джарлакса подействовало успокаивающе.

От подобного внутреннего признания она содрогнулась и ещё сильнее постаралась прогнать Джарлакса из головы. Если он проник внутрь, чтобы разговаривать с ней, он также мог почувствовать её эмоции, как свои собственные.

Она не хотела, чтобы Джарлак знал о её страхах. В конце концов, она была верховной матерью дома До'Урден, восходящей и могущественной семьи дроу.

Мэлис подошла к странной и узкой деревянной двери, которая смотрелась бы более уместно в башне эльфийского волшебника в каком-нибудь древнем лесу на поверхности. Сучковатые доски достигали высоты плеч, затем закруглялись и выгибались, заканчиваясь острой вершиной. Верховная мать прочла заклинание защиты, потом заклинание поиска магии. Не успела она закончить второе, как дверь распахнулась внутрь, открыв небольшой лестничный пролёт и тёмные ступени вниз.

Успехов, мать Мэлис, сказал голос в её голове. Буду ждать вашего возвращения.

Мэлис подумала, что он не может спуститься туда вместе с ней — по крайней мере, магически, поскольку проход был защищён мощным заклинанием развеяния чар.

Женщина сделала успокаивающий вдох и шагнула вперёд. Она взялась за гладкие вьющиеся перила — незнакомое прикосновение хорошо отполированного дерева, дерева с поверхности. Перила скрипнули — и лестница тоже, когда она начала спускаться. Ступени вели по спирали вниз, глубоко под многобашенное здание

Сорцере. Она оказалась в черноте, и даже острое зрение дроу не могло рассмотреть стену рядом или лестницу под ногами.

Она продолжала идти, даже не пытаясь наколдовать волшебный свет. Она в нём не нуждалась. Она — верховная мать восходящего и влиятельного дома, решительно повторяла себе Мэлис. Ни один мужчина не осмелится напасть на неё.

Она не считала шаги, но знала, что заметила далеко внизу свет, когда прошла больше сотни ступеней. Похоже, горела одинокая свеча.

Паутина коснулась её лица, но мать Мэлис не вздрогнула и не испугалась. Присутствие пауков даже успокоило её. Это были союзники Ллос, Паучьей Королевы, а Мэлис пользовалась расположением богини.

Она ускорила шаг, сумев улыбнуться, когда ощутила, как по паутине пробежал паук и перебрался к ней на щёку.

Ллос была рядом.

Ей пришло в голову, что самое присутствие этих благословенных созданий было свидетельством преданности мага, которому она нанесла визит.

Она сошла с последней ступеньки на широкий пол. Было по-прежнему темно, но на столе сбоку горела одинокая свеча в подсвечнике. Приблизившись, она заметила ожидающее её кресло с правой стороны стола и фигуру, сидящую с левой — но не за столом, а прислонясь к естественной каменной стене в нескольких футах.

Мэлис всё поняла. Она села.

- Приветствую. Для меня это честь, - произнесла сгорбленная фигура. Дроу не поднимал головы, и его глубокий капюшон был натянут на лицо.

- Посмотри на меня, - приказала Мэлис, поскольку ей было любопытно. Прошло немало времени с тех пор, как она в последний раз видела этого мужчину, смотрела сверху вниз, оседлав его после жаркого свидания.

- Нет, верховная мать, будет лучше, если я не сделаю этого.

- Как я смогу приготовить мазь, если не узнаю, насколько сильна болезнь?

- Это не болезнь, - сказал мужчина напряжённым от гнева голосом.

Мэлис хотела повторить приказ более настойчиво — она была верховной матерью, а он простым мужчиной — но сдержалась. Этот волшебник, Гелрус Ган'етт, был влиятельным магистром Сорцере, могущественным волшебником, хотя, похоже, немного безрассудным. Его специальностью было создание новых заклинаний, комбинация волшебных эффектов таким образом, чтобы результат превосходил сумму индивидуальных двумеров. В Сорцере обучали многим заклинаниям Гелруса, хотя по приказу архимага их создатель оставался анонимным.

Подобные эксперименты хорошо вознаграждались, но были очень рискованными, и много лет назад одна из волшебных комбинаций Гелруса буквально взорвалась, забрав плоть с его лица, которое по сведениям Мэлис превратилось в месиво из костей и зелёной слизи.

Теперь она хотела его увидеть — и желание лишь становилось сильнее из-за того, что волшебник явно этого не желал. Это даст ей преимущество, вызвав дискомфорт Гелруса, а мать Мэлис была не из тех, кто упускает возможную выгоду.

- Посмотри на меня, - приказала она. Обычно она подкрепила бы такой приказ заклинанием, но на грозного волшебника подобные чары не действовали. И почти наверняка он почувствовал бы такую попытку.

- У меня есть то, что вы ищете, - ответил Гелрус вместо того, чтобы подчиниться, весьма эффективно переменив тему. - У меня есть знакомые в Арах-Тинилит, и то, что жрицы показали мне — в сочетании с информацией из моей собственной библиотеки — подтверждает небезосновательность старых слухов.

- Значит, это возможно, - сказала Мэлис, подавшись вперёд. Она напредила себе о желании увидеть это изуродованное создание, но сейчас такое стремление казалось слишком незначительным.

- Это возможно и не особенно трудно, - ответил маг. - Думаю, этим бы занимались намного чаще, если бы лучше понимали процесс — и, конечно же, если бы не возможные последствия для ребёнка.

- Например?

Гелрус пожал плечами — странное и неравномерное движение в его тяжёлой мантии с его худыми плечами — и наконец поднял взгляд. Мать Мэлис отдёрулась от изумления и ужаса.

Всё слышанное ею о его уродстве не могло подготовить верховную мать к облику Гелруса Ган'етта, Безликого. Однако рассказы оказались правдивы, поскольку его лицо было сборищем острых костей, растянутой и усеянной шрамами кожи, рта без губ и дёсен, и сочащейся треугольной дыры на месте носа. Казалось, век у него тоже нет, и он выглядел, как давно разлагающийся труп, не считая пятен зелёной слизи, похожих на пятна воска от растаявшей свечи или на пенистую жидкость.

Мэлис вспомнила, каким видела мужчину в последний раз. По стандартам дроу он был симпатичным, хотя и не ослепительно красивым. Теперь же...

- Это благоприятное начало жизни, - ответил Гелрус.

Мэлис взяла себя в руки. Она сделала глубокий вдох — в ноздри просто ударил аромат гниения с лица волшебника — и попыталась ответить, хотя полностью потеряла нить разговора.

- Вы спрашивали про последствия для ребёнка, - напомнил маг. - Это будет благоприятным началом.

- Да. Да, конечно, - пробормотала она. - И это всё? Никакого проклятия? Длительных последствий?

Безликий снова пожал плечами.

- Ничто на это не указывает, но большинство детей, рождённых в ходе ритуала, были мальчиками, так что...

Он позволил фразе повиснуть в воздухе. Мэлис не нуждалась в пояснениях. Третьего сына в благородной семье дроу по традициям приносили в жертву Ллос.

- Может быть, таково проклятие родовой магии, - добавил тогда Галрус. - Дом проклят рождением сына, а не более предпочтительной дочери — а сам ребёнок проклят очень скорой смертью.

- Расскажи мне всё, - потребовала Мэлис. - Сейчас же.

- Есть волшебники, которые регулярно причиняют себе боль в момент колдовства, используя это жало для обострения своего фокуса, и таким образом создают самое сильное заклинание, на какое только способны.

- Дело только в родовых болях? - изумлённо спросила Мэлис. Конечно, рожать было больно, но нельзя же объяснить потенциальную силу ритуала родовой магии только этим!

- Роды связаны не только с болью, - ответил Гелрус. - Это уникальный опыт, включающий сразу и тело — оба тела, матери и ребёнка — и разум, сердце, душу. Телесное и эфирное. Это момент огромной уязвимости, но в то же время — величайшей восприимчивости, и в таком открытом состоянии мать как будто втягивает в себя всю волшебную энергию вокруг, словно сплетает её в собственный двеомер.

- Как такое возможно?

Гелрус покачал головой.

- Я простой мужчина, мать Мэлис. Мне не дано познать опыт деторождения.

Он поднял костлявую руку с футляром для свитков и протянул его женщине.

- Ты прочёл ритуал? - спросила Мэлис, принимая предмет.

- Мне незачем, - со свистящим смехом сказал Гелрус. - Это заклинание мне недоступно. Кроме того, мои знакомые жрицы запретили смотреть даже одним глазком и заставили передать вам — хотя ваша личность им неизвестна — что необходимо строго соблюдать тайну. Нельзя копировать даже частицу двеомера. После использования забудьте о нём и больше не упоминайте. Пускай ходят слухи — загадочность не представляет угрозы.

Мэлис покатила футляр в ладонях, ощущая тяжесть слов Безликого. Она уже использовала родовую магию прежде, но лишь слабую — ничего сравнимого с этим. И даже тогда, с простым заклинанием яда, которое должно было помочь в её борьбе за власть, она ощутила более серьёзные возможности. Использовать участие других жриц? Ей казалось, что она задыхается, что она держит в руках силу богини.

- Очевидно, - продолжал Гелрус, - что такая сила может рассматриваться как угроза матерям из правящего совета. Это не простой двеомер, мать Мэлис. Не стоит недооценивать разрушительную силу магии, которую вы получите в пиковые мгновения родов. И как доброжелатель, предупреждаю вас — не пытайтесь злоупотребить этой силой за границами нашего соглашения. Правящий совет и жрицы из Арах-Тинилит будут внимательно следить за событиями, и на дом До'Урден обрушится их общий гнев в том случае, если... ну...

Он просто пожал плечами и не стал развивать мысль.

- Мне может понадобиться ваша защита, - объяснял Джарлаксу юноша, почти мальчик, когда однажды поздней ночью они оба сидели в «Сочащемся микониде».

- Ты благородный сын правящего дома. Зачем тебе мои услуги?

Парень — Мазой — вздохнул и покачал головой в ответ на этот наивный вопрос. Даже он, редко покидавший пределы дома, пока его не отправили в Сорцере прислуживать старшему родичу, знал достаточно, чтобы понимать, какую силу набрал Бреган Д'эрт. Отряд пользовался полным одобрением и защитой дома Бэнр!

И даже без этого Джарлакс заключил достаточно тайных союзов и собрал достаточно боевой мощи, чтобы отряд наёмников сам по себе представлял грозную силу. Джарлакс знал об этом, и знал, что Мазой знает, так что его ложная скромность просто вызвала у юноши стон.

- Почему ты считаешь, что нуждаешься в защите Бреган Д'эрт? - наконец спросил Джарлакс.

- Из-за вашей просьбы меня могут принести в жертву или превратить в драука.
- Просьбы? Я ничего у тебя не просил, - напомнил Джарлак. - Это ты пришёл ко мне с вопросом и мешком золотых монет.

- А вы мне отказали!

- Я сказал, что такие вещи лучше решать внутри семьи. В противном случае возникает риск развязать войну, а войны — дело грязное и дорогое. Но я ничего у тебя не просил.

- Вы намекнули, что я могу найти союзников, если добьюсь успеха.

- Каким же это образом? - спросил Джарлак.

Мазой начал отвечать, но прикусил губу и попытался честно вспомнить свою прошлую встречу с этим загадочным дроу. Когда он пришел к Джарлаксу, надеясь заказать убийство, хитрый бродяга просто объяснил, что подобные вещи лучше не выносить за пределы семьи — по той причине, которую Джарлак назвал только что, а также потому, что совершивший удачное покушение доказывал, что достоин сопровождающего повышения.

Мазой хотел, чтобы это сделал Джарлак. Мазой боялся — и вполне обосновано, поскольку его старший брат был очень силен по части магии. Достаточно силен, чтобы считаться когда-то будущим конкурентом Громфа Бэнра за звание архимага Мензоберранзана. Все эти перспективы в один миг испарились во вспышке неудавшегося, необратимого заклинания.

- Кое-что я могу тебе сказать, - заявил Джарлак, подавшись вперёд, положив руку на стол ладонью вверх и требовательно согнув пальцы.

- Сколько? - спросил Мазой.

- Всё.

- Нет.

- Тогда я уйду — и советую быть осторожным в своих дальнейших действиях, и особенно осторожным — если пальцем или словом укажешь на меня или на это место.

- Лучше бы оно того стоило, - буркнул Мазой, достав небольшой мешок золота и опустив его в ожидающую руку Джарлака.

- Вскоре произойдут события, которые обеспечат тебе шанс — сделать то, чего ты хочешь, и избежать наказания, - ответил Джарлак. - Пристально следи за студентом, который трудится в качестве главного помощника твоего брата.

Едва закончив предложение, Джарлак встал и ушёл, не оглядываясь.

Мазой с любопытством наклонил голову, глядя, как уходит наёмник.

- Альтон? - прошептал он беззвучно.

Сначала он почувствовал себя обманутым, но сразу же отбросил эту идею. Репутация Джарлака была безупречной. Случалось, что загадочные слова бродяги начинали войну между домами. Молодой подмастерье, который считал себя рабом, осушил свою кружку и вскоре покинул «Сочащийся миконид», полный решимости наблюдать за помощником брата очень внимательно.

- Зачем тебе в это вмешиваться? - когда юноша покинул таверну, спросила Джарлака Даб'ней, единственная жрица — и одна из немногих женщин в Бреган Д'эрт.

Джарлакс опустил мешок с золотом на барную стойку.

- Никакого риска и немного монет, - сказал он.

- Ты можешь заработать сколько угодно золота, не влезая в семейные свары правящего дома, - напомнила Даб'ней.

- Тут можно получить выгоду. Цель покушения нам точно не союзник, а если щенок добьётся успеха — я буду знать секрет, которым можно будет его шантажировать. И щенок перестанет быть щенком, не так ли? Он станет старшим сыном влиятельного правящего дома.

- Но эта цель — не какой-нибудь мелкий игрок, как и мать СиНафай, как и дом, которым она правит.

- Дом, который клеветает на нас на каждом заседании правящего совета? - напомнил Джарлакс.

Даб'ней откинулась на спинку стула и какое-то время размышляла над таким очевидным преувеличением, если не откровенной ложью. Дом Ган'етт не осмеливался плохо отзываться о Бреган Д'эрт в присутствии верховной матери Бэнр и даже несколько раз вёл взаимовыгодные дела с наёмниками.

Но потом жрицу осенило. Когда Джарлакс сказал про «нас», он не имел в виду Бреган Д'эрт. Он имел в виду Закнафейна До'Урдена, а соответственно — и самого Джарлакса. Все знали, что мать СиНафай не стесняется высказываться по поводу быстрого взлёта амбициозной матери Мэлис До'Урден и её банды. Давно ходили слухи, что младшую дочь Мэлис зачал любовник СиНафай, и что до этого неудачного поворота событий Мэлис часто спала со старшим сыном СиНафай.

- Ты можешь заработать сколько угодно золота, не влезая в семейные свары правящего дома, - повторила Даб'ней, потому что ей больше нечего было сказать.

- О да, - согласился Джарлакс, - но это будет совсем не так интересно.

Несмотря на последнее предупреждение уродливого Безликого, мать Мэлис чуть ли не хихикала от возбуждения, когда вернулась в дом До'Урден.

Скоро она родит нового ребёнка Закнафейна. Теперь Мэлис была уверена, что дом Де'Вир будет уничтожен. Она считала, что даже без родовой магии семья Де'Вир была как созревший фрукт — а с этим преимуществом её победа казалась неизбежной, и скорее всего, потери для её дома будут минимальны.

Оставался только один повод для беспокойства — точнее, два, хотя тесно связанных между собой. Несмотря на всю свою браваду, как Мэлис могла быть уверена, что Закнафейн зачал дочку? Если это окажется мальчик, у неё не будет пути назад — тем более после использования самого сокровенного заклинания, требующего благословения Ллос. Ребёнка мужского пола, даже ребёнка Закнафейна, третьего сына, следовало принести в жертву.

А если это будет дочь, оставалась возможность остаточного проклятия от использования разрушительной родовой магии. Но нет, сказала себе Мэлис, полная решительности утолить свою ненасытную жажду власти. Никто не знал, будет ли проклятие, а если и будет — окажется ли оно в самом деле проклятием или станет благословением. Её старшая дочь, Бриза, была отпрыском могучего отца, в котором по слухам текла кровь демона, камбиона или какого-то предка с другого плана бытия,

но свирепая Бриза — и более того, необычайно свирепый Утегенталь Армго — не считали эту черту недостатком или проклятием!

- Это будет дочь, жрица, - прошептала себе Мэлис. - У неё будут амбициозность Мэлис и целеустремлённость Закнафейна.

Улыбнувшись, она добавила про себя:

- Из неё выбьют любой намёк на сострадание. Она не станет такой, как Вирна.

ГЛАВА 2

Расходный материал

- Она довольна. Весьма, - доложил Джарлакс верховной матери Ивоннель Бэнр в подземной часовне первого дома города.

Великая мать повернулась к своей свите: пятерым дочерям, три из которых были старшими жрицами, четвёртая скоро должна была стать, а пятая — молодая Сос'Ампу — рано или поздно должна была оказаться главной среди них, поскольку её истовая вера не вызывала никаких сомнений.

Эта Сос'Ампу нравилась Джарлаксу. Она была самой тихой из дочерей верховной матери — и лишённой амбиций, несмотря на её очевидный талант к жречеству.

- Ты будешь осторожно наблюдать издали, - приказала верховная мать.

- Так и сделаю, - ответила Бладен'Кёрст, вторая по старшинству.

Джарлакс невольно вздрогнул. Бладен'Кёрст он ненавидел и боялся больше прочих. Женщина была огромной, обладала широкими сильными плечами и любила причинять боль. Способна ли она вообще без жестокости отнестись к существу ниже её по статусу?

- Мы сделаем, - поправила другая — к которой Джарлакс тоже питал определённую неприязнь. Это была Вендес, четвёртая дочь, стремившаяся получить звание старшей жрицы, отхлестав своей семиголовой плетью до смерти как можно больше жертв. Живые змеи извивались у неё на боку, как будто понимали каждое слово хозяйки и предвкушали кровавый пир.

- Нет, она, - заявила верховная мать, кивая на старшую дочь, Триль. Та была самой низкой среди собравшихся, ниже пяти футов, и довольно некрасивой для женщины-дроу. Зато коренастой и сильной.

И расчётливой, знал Джарлакс. Триль суждено унаследовать престол Ивоннель... если старая ведьма решит когда-нибудь умереть. И с точки зрения наёмника это было, пожалуй, хорошо. Триль не была ослеплена садизмом, как другие две, не была она и избалованной, изнеженной своими привилегиями, как Квентл, третья дочь.

А ещё Триль не позволяла слепой любви к Ллос поглотить себя, как Сос'Ампу.

Она будет править, и её правление будет мудрым и осторожным — по крайней мере, публично. Триль захочет, чтобы грязными делишками занимался для неё Джарлакс и его растущий отряд.

Джарлакс не успел сдержать кивок, размышляя, какими будут вероятные отношения с Триль в сравнении с их договором с великой и могущественной Ивоннель, Ивоннель Вечной, которая представляла огромную силу в

Мензоберранзане и правила городом дольше, чем помнили самые старые из дроу. Говорили, что ей две тысячи лет — во много раз больше средней продолжительности жизни тёмных эльфов.

Джарлакс верил.

Ивоннель Вечная... отличалась от остальных.

- Надеюсь, старшую жрицу Триль не расстроит увиденное, - сказала мать Бэнр, поворачиваясь к Джарлаксу. - Тебе тоже следует на это надеяться.

- Я отвёл её к Безликому, как вы приказали, - ответил Джарлакс.

- Когда она прочтёт заклинание?

- Она должна родить в начале следующего года.

Мать Бэнр вопросительно оглянулась на Триль.

- Если родовая магия действительно так сильна, как говорят... - начала Триль.

- Так и есть, - прервала её верховная мать.

- Тогда не следует ли нам волноваться? Не посмеет ли мать Мэлис обратить свой взор на более серьёзную цель?

- Она же не самоубийца, дитя, - сказала верховная мать. - Неужели ты думаешь, что правящий совет допустит такое и не покарает её впоследствии?

Триль кивнула и замолчала.

- Оставь нас, - приказала ей мать. - И ты тоже, - сказала она Квентл. - А ты возвращайся к учёбе, - это было адресовано Сос'Амπτу.

Джарлакс нервно поёрзал, что было редкостью для самоуверенного бродяги. Он был не в восторге, услышав про место этой встречи, а тем более — теперь, оставшись здесь один с верховной матерью и двумя самым свирепыми и жестокими её дочерьми.

Ведь это была семейная гробница Бэнров, и Джарлакса окружали могилы предков, включая могилу Доквайо Бэнра — прямо над тем местом, где верховная мать наколдовала себе волшебное сидение.

Конечно, она сделала это не просто так. Любой её поступок преследовал какую-то цель.

Жизни Джарлакса и Доквайо однажды пересеклись — можно даже сказать, что Джарлакс убил Доквайо, хотя наёмник не помнил об этом, поскольку случилось это в первые мгновения его жизни.

- Безликий пообещал свою помощь? - спросила Джарлакса верховная мать.

Бродяга кивнул.

- Он зачистит свободные концы в Сорцере, когда дом До'Урден начнёт штурм.

Мать Бэнр заметно вздрогнула.

- Уродливый глупец, - сказала она. - Он был так поглощён амбициями, что те расплавили ему лицо. Ненавижу амбициозных мужчин, неспособных принять своё место.

Джарлакс даже не пытался скрыть свою улыбку — тем более, учитывая положение двух законных сыновей Бэнр: архимага Мензоберранзана и великолепного оружейника, считавшегося лучшим фехтовальщиком в городе. Оружейник, Дантраг, больше всего желал стать руководителем Мили-Магтир, академии дроу, обучавшей физическому бою — должность, для которой он подходил прекрасно. Но верховная мать не позволяла ему, поскольку слишком сильно ценила присутствие сына дома.

И это уже не говоря о собственных амбициях наёмника.

- Что Безликий рассказал тебе о родовой магии? - спросила Бэнр.

Вопрос застал Джарлакса врасплох. Он пожал плечами и немедленно насторожился. Если он признается, что знает слишком много, не спустит ли верховная мать на него своих дочерей прямо здесь и сейчас?

- Я лишь устроил встречу, как вы и приказывали, - ответил он. - Я не заглядывал в свиток.

- А туда, где он его взял?

- Туда, где... - начал Джарлакс, затем замолчал и задумался. Он понял, что видел — имел представление, по крайней мере — где Безликий хранил оригинал.

- Он переписал его? - надавила Бэнр.

- Да.

- С оригинального свитка?

- Да.

- И теперь Джарлакс знает, где оригинал?

- Да... нет... в каком-то смысле, - запнулся бродяга.

- Хорошо. Ты изучишь это место получше. Ни больше, ни меньше.

- Местонахождение оригинала? - спросил полностью растерявшийся Джарлакс. Если верховная мать желает, чтобы он снова раздобыл у Безликого двомер, это достаточно легко осуществить.

Если только не...

Джарлакс наклонил голову.

- Верховная мать? - спросил он. - Вы...?

- Сгинь, Джарлакс, - ответила она. - Ты меня утомил. Может быть, моим дочерям следует напомнить тебе, что наши разговоры не предназначены для посторонних ушей и всё, что ты узнал, должно остаться в этом помещении?

- Нет, конечно нет, - ответил бродяга, скрывая улыбку. Ведь теперь он, из всех друу за границами дома Бэнр только он, знал, что верховная мать носит ребёнка.

В Мензоберранзане знание означало силу — возможно, в большей степени, чем во всём остальном мире.

Конечно, в Мензоберранзане за знание часто убивали — тем более, мужчин.

Вскоре после этого Джарлакс покинул первый дом, снова размышляя над ситуацией. Он много раз выполнял задания верховной матери и других членов семьи, но эта задача с самого начала вывела его из равновесия. Его застало врасплох даже желание дома Бэнр надавить пальцем на чаши весов в этой битве между домами — тем более, когда наёмник узнал, что дом Бэнр хочет вмешаться в происходящее *на стороне* дома До'Урден.

До'Урден был десятым домом. Конечно, До'Урдены не могли угрожать дому Бэнр — и почти наверняка не смогут даже в будущем, так какое верховной матери до них дело? И в особенности, какое дело ей до дома Де'Вир, четвёртого дома, если все вокруг говорят о его упадке?

Может быть, дом Де'Вир резко изменил свою судьбу и тайно накопил силу, став слишком могущественным, чтобы его игнорировать? Может быть, мать Бэнр ощутила необходимость разделаться с ним?

Джарлак подозревал, что от его внимания что-то ускользает — и это тревожило сильнее всего. Он выживал благодаря информации. Он терпеть не мог не знать чего-нибудь, если эти знания могли обеспечить выгоду.

Едва прибыв в «Сочащийся миконид», он разослал гонцов с поручениями, потом заказал еды и попытался наслаждаться трапезой и выкинуть проблемы из головы. Рано или поздно всё сложится в единую картину, твердил себе он.

Вскоре к нему присоединилась Даб'ней, за которой наёмник отправил одного из посыльных. Джарлак заметил, что она усаживается за стол осторожно и не отрывает взгляда от командира.

- Какие-то проблемы? - спросил он. - Что-нибудь перекусишь?

- Нет и нет, - ответила жрица. - Но я знаю, зачем ты меня вызвал, и эта тема лежит за гранью моего понимания. Мне нельзя её обсуждать.

- Ты никогда не слышала о ритуале родовой магии?

- Я этого не говорила.

- Ну?

- Эту тему нельзя обсуждать. Тем более с мужчиной, и тем более жрице, лишившейся милости Ллос.

- Разве? Паучья Королева тебя не бросила, - ответил Джарлак. - За твою голову никто не назначил награду. Твои заклинания тебя не подводят.

- Я никогда не была старшей жрицей.

- Но Ллос по-прежнему дарует тебе магию.

Даб'ней ответила коротким кивком, больше похожим на пожатие плечами. Джарлак решил оставить этот вопрос, хотя иногда они обсуждали его с Даб'ней. Оба понимали, как это странно: Даб'ней не входила в иерархию какого-либо дома или церкви. Она в открытую плохо отзывалась о Ллос. В её жизни больше ничто не указывало на верность богине или её представительнице на материальном плане бытия, верховной матери Бэнр.

Но у Даб'ней по-прежнему были заклинания — и даже более сильные, те, для которых требовалось согласие иномировых прислужниц Паучьей Королевы.

Джарлак решил, что она — инструмент хаоса. Ллос это любила, даже если сам инструмент не любил Ллос. Это странным образом заставило Джарлака уважать Паучью Королеву. Похоже, богиня забыла о собственном эго и позволила Даб'ней делать свою работу, пускай даже не во имя Ллос.

Прагматизм всегда впечатлял Джарлака.

Но Даб'ней всё равно не хотела делиться сведениями.

В этот момент появился второй дроу, которого вызвал наёмник. Невероятно худой, невысокий, он казался почти ребёнком в цветной рубахе, а не волшебником в мантии.

Однако Джарлак слишком хорошо его знал, чтобы позволить внешности обмануть себя.

- Здравствуй, Хазафейн, - сказал он. - Кажется, ты знаком с моей подругой.

- Жрица Даб'ней, - поприветствовал маг.

- Рад, что ты смог к нам присоединиться, - обронил Джарлак.

- Просто удачное совпадение, - ответил мужчина. - Не ожидал получить от тебя весточку.

- Как дела у матери К'йорл? - задавая этот вопрос, Джарлакс смотрел на Даб'ней. Он ожидал, что женщина удивится. И действительно, она вдруг пристальнее посмотрела на гостя.

Ну разумеется, ведь К'йорл Одран была матриархом дома Облодра, третьего, самого необычного и пугающего дома города. Одран — или Облодра — черпали свои силы в псионике, странной магии разума. Они считались третьими, но никто в действительности не знал, насколько сильна эта семья, поскольку никто не понимал, как действует их магия.

- Как всегда, свирепствует, - ответил Хазафейн.

- Откуда ты знаешь мать К'йорл? - спросила Даб'ней, и Хазафейн испуганно покосился на неё.

- Я её старший сын.

- Тебе никогда не представляли Хазафейна Облодру? - поинтересовался Джарлакс. Он знал ответ, но хотел увидеть реакцию.

- Но ты же... - начала Даб'ней, потом повернулась к Джарлаксу. - Но он волшебник. Он учился в Сорцере, когда я выпустилась из Арах-Тинилит.

- Так и есть, - сказал Хазафейн. - Не все знатные члены моего дома занимаются магией разума. Более традиционное волшебство служит отличным дополнением к ней.

- И позволяет К'йорл иметь свои глаза за пределами дома, - заметил Джарлакс.

- Едва ли она в этом нуждается, - сухо отозвался Хазафейн. - Она способна в любое время завладеть глазами любого дроу.

Это напоминание заставило Джарлакса поёрзать в кресле, затем поправить повязку, просто чтобы дотронуться до волшебной вещи, охранявшей его от подобного вторжения.

- Чего ты от меня хотел? - нетерпеливо спросил Хазафейн.

- Просто интересно, не слышал ли ты каких-нибудь слухов. Например, о войне.

- Зачем мне делать глупости и обсуждать такое в открытую?

- Затем, что ты ценишь мою дружбу, - сказал Джарлакс. - Ты хочешь получить титул саванта в Сорцере. Я могу тебе с этим помочь.

- Какова цена?

- Просто ответь на вопрос.

- Ходят слухи, что банда бродяг хочет основать младший дом, возможно, победив последний дом города, - после краткого размышления сказал Хазафейн.

- Этим сплетням дней сто и даже больше. Я сам их распустил, - был сухой ответ. - Я говорю о доме Де'Вир.

- Тогда ты говоришь о них в одиночку, - резко отозвался Хазафейн.

- Имя тебя разозлило.

- Дом Де'Вир — четвёртый дом. Дом Облодра — третий. Любые подобные слухи опасны.

- Особенно учитывая, что дом Де'Вир заключил тайный союз с домом Баррисон Дель'Армго, - отозвался Джарлакс, решив рискнуть.

- Никто не заключает союзов с матерью Мез'Баррис Армго, - неубедительно возразил волшебник Облодра.

В наступившем неловком молчании Джарлакс заметил, что Хазафейн даже не спросил, какие именно слухи о Де'Вирах слышал наёмник — а ведь подобные слухи наверняка должны были повлиять на дом Облодра. Незаданный вопрос мог быть самой важной информацией за всю беседу.

- Что-нибудь ещё? - спросил Хазафейн.

Джарлакс покачал головой.

- Я ожидаю плату.

- Разумеется. Я поговорю с архимагом Громфом, - заверил его Джарлакс.

Хазафейн резко встал из-за стола и покинул таверну.

Джарлакс проследил за его уходом, повернулся и увидел, что Даб'ней смотрит на него, качая головой. Жрица была явно растеряна.

- Что? - спросила она. - Что я только что наблюдала?

- Де'Виры готовятся.

- Я думала, что До'Урдены готовятся.

- Так и есть, но лишь потому, что дом Де'Вир сделал нечто, что изменило отношение Паучьей Королевы к матери Джинафай Де'Вир.

- Думаешь, она хотела выступить против дома Облодра? Разве это не должно было обрадовать Ллос, ведь мать К'йорл сложно назвать преданной последовательницей?

- Да, можно так решить, - ответил Джарлакс, на лице которого проступила улыбка, когда он начал понимать. Действительно, Де'Виры собирались напасть на дом Облодра, но что-то их остановило. Мать Джинафай не стала бы даже думать о нападении на странный и могущественный третий дом без благословения верховной матери Бэнр или Мез'Баррис Армго, непредсказуемой матери бесстрашного второго дома.

Наёмник решил, что это был дом Баррисон Дель'Армго — что объясняло, почему верховная мать Бэнр была так заинтересована в предстоящем сражении, и почему она допустила вмешательство Безликого с вожделенным и тайным ритуалом родовой магии.

Джарлакс подумал, что с точки зрения верховной матери Бэнр дело даже не в доме Де'Вир, а в необходимости сделать предупреждение любым другим домам, которые могут рассматривать союз с безумной и невероятно амбициозной семьёй Армго.

- Джарлакс? - переспросила Даб'ней, и уже не в первый раз, понял наёмник.

- Мать Джинафай Де'Вир лишилась милости Паучьей Королевы — или скоро лишится, - ответил он. - Узнай, почему.

- Простому мужчине не следует говорить о милости или немилости богини, когда дело касается верховных матерей, - отозвалась Даб'ней.

- Простому? - с коварной ухмылкой ответил Джарлакс. - Впрочем, я согласен с тобой — простому мужчине действительно не следует вести такие разговоры. Мне попросить тебя снова?

Его ухмылка оказалась заразной, и Даб'ней покинула Джарлакса и таверну с собственной улыбкой на лице.

Джарлакс знал, насколько весело участвовать в интригах Мензоберранзана, и радовался каждый раз, когда один из членов его банды наёмников тоже это понимал.

Всё это была игра.
Всегда опасная.
Зачастую смертельная.
Но по-прежнему игра.

Несколько дней спустя, после того, как Даб'ней и другие его разведчики наконец разобрались в движущих силах грядущей войны, в походе Джарлакса появилась лёгкость. Судя по всему, мать Джинафай Де'Вир в своём желании угодить матери Мез'Баррис Армго вышла за границы дозволенного и совершила святотатство. Желая ослабить дом Облодра, чтобы её семья могла опередить его — а может быть, даже полностью уничтожить странную семью псиоников, если дело дойдёт до обмена прямыми ударами — Джинафай наложила благословение на отряд глубинных гномов, ненавистных свирфнеблинов, чтобы помочь им уничтожить одного из членов семьи Облодра.

Джарлакс считал, что попытка была вполне оправданной. В обычных обстоятельствах, разумеется, глубинным гномам нельзя было даровать благословение Ллос, но это был дом Облодра, семья дроу, чья преданность Паучьей Королеве всегда была под вопросом. Никто не любил Облодра, поскольку все их боялись!

Риск был оправдан, но мать Джинафай проиграла свою ставку. Поскольку гномы были перебиты, член семьи Облодра уцелел, а вмешательство дома Де'Вир было раскрыто.

- Они затаились в своих зданиях, съёжившись от страха, - сообщил Джарлаксу друг-псионик, Киммуриэль Облодра. - Мать Джинафай понимает, что лишилась милости Паучьей Королевы, и её дом стал уязвим. Силы Армго не станут защищать её, если она не вернёт расположение богини, и без этого союза Де'Вир с большой вероятностью могут победить сразу несколько домов.

- Например, дом Облодра, - сухо отозвался Джарлакс.

- Мы не заинтересованы в войнах между домами, - сказал Киммуриэль именно то, чего и ждал от него Джарлакс.

Учитывая их историю, это была правда. В Мензоберранзане наступили странные времена, поскольку второй и третий дом поднялись в рангах очень быстро (Баррисон Дель'Армго — даже слишком быстро) и с минимумом сражений по пути. В отличие от До'Урденов и большинства других восходящих домов, этим двум не пришлось вырывать своё положение по одной битве за раз. Когда дом Баррисон Дель'Армго наконец полностью раскрыл свою истинную силу, стало ясно, что их превосходят только Бэнры, и потребуется союз двух, а может и трёх великих домов, чтобы одолеть их.

Дому Облодра назначили статус, затребованный матерью К'йорл — просто потому что никто не хотел с ними сражаться. Их псионика слишком беспокоила жрица Ллос. К'йорл потребовала место в правящем совете, и ей назначили третий ранг — верховная мать Бэнр и мать Мез'Баррис возглавили голосование.

Джарлакс знал, что это было тайное соглашение, хотя оно и не могло сохраняться вечно. К'йорл удовлетворится третьим рангом, а два великих дома будут рады этому странному барьеру между собой и остальными семьями.

Однако теперь из-за дома Де'Вир всё изменилось, и Джарлакс знал, мать мать Мез'Баррис просто умоет руки. Она не собиралась рисковать своим местом в совете рядом с домом Бэнр ради такой семьи, как Де'Вир — которая, для начала, обладала чересчур высоким положением.

- Твой брат хотя бы знает, что он был целью покушения? - поинтересовался Джарлакс.

- Он мне не брат, - безразлично ответил Киммуриэль, и строго говоря, это была правда, поскольку Киммуриэль не был сыном матери К'йорл. Его приняли в благородную семью в качестве сына из-за необычайного интеллекта и таланта по части магии разума.

- Хазафейн — благородный сын дома Облодра, как и Киммуриэль.

- Если его настоящей матерью была мать К'йорл вместо очевидного варианта, никто не поверит в наше родство.

Джарлакс рассмеялся, зная, что это самое близкое к шутке, что он когда-либо услышит от бесстрастного псионика.

- Ты уже во всём разобрался, - сказал Киммуриэль. Весьма проницательно с его стороны, решил Джарлакс. - Верховная мать Бэнр довольна, мать Мез'Баррис боится. Какой-то дом одержит верх над домом Де'Вир, и цветущий союз матери Мез'Баррис постигнет быстрая кончина.

Джарлакс хмыкнул, но не ответил. Не в первый и не в последний раз он подумал, что однажды с радостью предложит Киммуриэлю место полноправного члена Бреган Д'эрт, верного только отряду, а не опасной матери К'йорл.

- Откуда ты знаешь? - спросил он.

Киммуриэль поднял тонкую белую бровь.

- Я многое знаю.

Он прав, понял Джарлакс. Никакой допрос не мог обеспечить такой же полноты результатов, как проникновение в разум. Киммуриэль с лёгкостью мог вплести свои мысли в чужое сознание, слабый интеллект.

С этой тревожной мыслью Джарлакс поправил свою повязку, как прошлой ночью во время разговора с Хазафейном.

Этот жест становится слишком красноречивым, подумал он и пообещал себя поработать над тем, чтобы не тянуться к повязке всякий раз при обсуждении псионики.

- Что ещё ты знаешь?

Киммуриэль смотрел на него, не моргая.

- Безликий?

- Родовая магия, - ответил Киммуриэль.

- Будь почтительнее. Родовая магия очень сильна.

Киммуриэль хихикнул — редкое зрелище.

- Полагаю, да; из того, что доступно простым волшебникам и жрицам, она ближе всего к магии разума.

О да, знаменитое высокомерие Облодра, подумал Джарлакс, но промолчал.

- Можешь недооценивать её на свой страх и риск, - сказал вместо этого он. Киммуриэль снова хихикнул.

- Спрошу тогда вот что, если ты так в этом уверен: почему Облодра, или Одран, или как вы там сейчас себя называете, не заседают в правящем совете?

- Ты когда-нибудь смотрел гонки ящеров?

К чему он ведёт?

- Я ставил больше всей сокровищницы дома Облодра на такие соревнования.

- Когда они бегут в тоннелях повыше, где воздух не застаивается, мудрый наездник держит своего ящера позади лидеров гонки, - объяснил Киммуриэль. - Он позволяет им тратить силы, рассекая поток ветра, пока не настанет время вырваться вперёд.

- Верховная мать Бэнр хорошо заплатит мне за подобные сведения, - с хитрецей отозвался Джарлакс.

- Заплатила бы, но ты ей не расскажешь.

Джарлакс встревожился. В первую очередь потому, что командир наёмников знал: Киммуриэль прав.

ГЛАВА 3

Семена

Дайнин До'Урден выкатился из облака наколдованной мерзости. Зрение затуманилось, глаза горели, горло заполнилось слизью и желчью. Как только он перекатился во второй раз, вырвавшись из облака, и начал вставать, он понял, что избрал неправильный угол отхода.

Волшебная паутина вцепилась в Дайнина, когда он стал подниматься на ноги, прилипла к телу, удерживая воина.

Нальфейн бросил второй двеомер слева от облака, в то время как Дайнин ожидал, что он будет справа.

Он попытался вырваться, полуобернувшись и рубанув паутину своими дровскими клинками — только это были затупленные тренировочные мечи, а не бритвенно-острое волшебное оружие воителей дроу.

Дайнин встал лицом к противнику и напрягся, изо всех сил натянув упрямую паутину — и действительно, почувствовал прогресс и решил, что сейчас освободится.

Но понял, что уже слишком поздно — мелькающие пальцы Нальфейна завершили следующее заклинание, и несчастного Дайнина ударил разряд молнии, отшвырнувший его назад. Зато паутина сгорела, и больше он не был пойман.

Но разряд сильно зацепил его, и Дайнин старался снова подчинить себе свои мускулы, но те — по крайней мере, некоторые — как будто обзавелись собственной волей. Ноги содрогались от конвульсий, шаг вперёд превратился в скольжение в сторону, и бедный Дайнин снова покатился по полу, напрягая все силы только ради того, чтобы удержать свои двойные мечи.

Постепенно он вернул себе власть над телом. Во рту стоял вкус крови от стучавших зубов. Он вскочил на ноги.

А там стоял Нальфейн, готовый выпустить новое заклинание.

- Сдавайся! - приказал сбоку Закнафейн. - Поединок окончен.

Нальфейн сверкнул своей ужасной улыбкой, которая до глубины души задела гордого Дайнина. Он не хотел участвовать в этом поединке, но его заставила Бриза, самая сильная из сестёр До'Урден. Она насмеялась над братом до тех пор, пока любой отказ не стал для него хуже поражения.

- Итак, у нас есть победитель, - сказал Закнафейн, и Нальфейн скрестил руки на груди жестом снисхождения и превосходства.

- В этом бою, - заметил Закнафейн. - Причём, должен заметить, не в последнюю очередь благодаря везению.

Ухмылка Нальфейна превратилась в гримасу.

- Я поразил его трижды, пока он подбирался ко мне. Он был беспомощен и задыхался, и последний удар, моя молния, могла быть смертельна — будь это настоящее сражение, а не тренировочный поединок.

- Ты угадал с местом для паутины, - сказал Закнафейн. - Если бы Дайнин вышел с другой стороны твоего волшебного облака вони...

- Он всё равно столкнулся бы с молнией, - возразил Нальфейн.

- Но без паутины он мог избежать её укуса, и где бы тогда был Нальфейн?

- Если ты думаешь, что у меня не было других трюков, оружейник, ты ошибаешься.

Закнафейн пожал плечами и хотел закончить разговор, но Дайнин не позволил.

- Это соревнование просто нелепо! - воскликнул он. - Волшебник наносит удар с дальней дистанции, а воин — вблизи. Как может воин победить, если волшебник знает поле боя и атакует издалека?

- Ты решил принять вызов, - напомнил ему Закнафейн. - Не я устроил этот поединок — и не я советовал тебе в нём участвовать.

- Мой брат прав, - сказал Нальфейн. - У обыкновенного воина нет шансов против мага в честном бою.

Как только эти слова сорвались с его губ, атмосфера в комнате изменилась. Нальфейн прикусил язык, Дайнин полностью смолк. Он перевёл взгляд с Закнафейна к Нальфейну, и его глаза расширились.

Несколько долгих мгновений Закнафейн просто улыбался. Затем он взмахом приказал Дайнину отойти, подошёл к стойке для оружия напротив Нальфейна и взял пару мечей, взмахнув ими на пробу, чтобы проверить баланс.

- Что это? - спросил Нальфейн.

- Разумеется, вызов — чтобы ты забрал свои слова назад.

- Но я уже использовал свои заклинания.

- Ты благородный сын влиятельной семьи, выпускник Сорцере, обученный боевому искусству. Наверняка у тебя осталось ещё немало заклинаний.

- Я... сегодня я не хочу принимать ещё один вызов.

- Но ты его *получил*, Нальфейн. Мне просто интересно. В конце концов, я простой воин, а ты волшебник. Может, я выброшу мечи и пойду учиться в Сорцере, если твоё замечание окажется правдивым.

В стороне, рядом с растворяющейся паутиной и вонючим облаком, захихикал Дайнин.

- Ты готов? - спросил Закнафейн.

- Нет, - ответил Нальфейн.

- Да, - сказал Закнафейн. - Готовься. Можешь ударить первым.

Нальфейн огляделся кругом, затем прикрыл глаза на мгновение, складывая цепочку заклинаний, которые собирался обрушить на этого более грозного противника. Он взорвался движением, замахал руками, читая волшебные слова.

Стоя примерно в сорока футах от мага, верный своему слову Закнафейн не двигался.

В ладони Нальфейна возникла огненная горошина. Он швырнул её и немедленно приступил к следующему заклинанию.

Дайнин потрясённо охнул. Огненный шар! В здании дома До'Урден Нальфейн швырнул огненный шар!

Закнафейн прыгнул назад и вверх, закрутился, поднимаясь всё выше, выше и выше — невероятно! Он призвал свои врождённые силы дроу и использовал силу домашней эмблемы, чтобы активировать левитацию, как только оторвался от пола. Оружейник поднялся выше дюжины футов, когда огненная горошина ударилась о пол и взорвалась великолепным шаром пламени. Когда огонь схлынул, Закнафейн, прикрывшийся своим волшебным плащом пивафви, оказался в верхнем углу, там, где изгибающаяся стена помещения соединялась с потолком.

Может быть, пламя достигло его и обожгло, но воин совсем не казался пострадавшим. Он откинул плащ и развернулся, уперевшись ногами в угол — левитация по-прежнему действовала — затем оттолкнулся, заскользил вниз, к Нальфейну, и ещё раз воспользовался силами дроу, магией, которая была дарована этому народу эманациями фаэрцресс, и создал на полу перед Нальфейном сферу мрака.

Дайнин снова охнул, когда левитация Зака истекла, и оружейник приземлился под идеальным углом, сгруппировался, ушёл в кувырок и вскочил на ноги с такой силой, что этот прыжок поднял его над десятифутовой тёмной сферой.

Прямо под ним эту сферу рассекла промахнувшаяся молния.

И теперь Закнафейн грациозно приземлился на дальнем краю мрака, перекатился на ноги и с ошеломительной силой и точностью бросился вперёд.

Нальфейн рубанул своим собственным тренировочным мечом, чтобы остановить оружейника, и поднял руку — по его пальцам дугой струилась энергия молнии. Но этот электрический удар даже близко не попал в оружейника, который рухнул на бегу на колени, заскользил вперёд и прогнулся в спине под взмах меча и удар этих наэлектризованных пальцев.

Меч в левой руке Закнафейна ударил наискось, и Нальфейн быстро шагнул в сторону, чтобы клинок не подсёк ему ноги.

Меч в правой руке Закнафейна ударил наискось следом — на той же высоте, но по более широкой дуге, и только отшатнувшись назад, Нальфейн избежал удара тупым оружием.

Закнафейн позволил мечам описать круг, используя их инерцию, чтобы вскочить на ноги, и развернувшись, устремился вперёд.

Электрическая ладонь Нальфейна устремилась у нему сверху, но меч Закнафейна оказался быстрее, ударив по запястью волшебника с достаточной силой, чтобы

вызвать возглас боли. Нальфейн отступил назад, Закнафейн шагнул вперёд, его двойные мечи развернулись наружу и вниз, затем одновременно ударили вперёд, когда Нальфейн попытался сбежать из комнаты.

Затупленные кончики клинков ударили волшебника в подмышки, и Закнафейн продолжил нажимать на них, подняв несчастного Нальфейна в воздух. Сделав два быстрых шага, Закнафейн прижал его к стене тренировочного зала.

И продолжил держать, нахмурившись.

- Если хочешь заявить о превосходстве жриц, мне придётся это принять, - признал Закнафейн. - Но ты говоришь о профессиях, которыми по большей части занимаемся мы, простые мужчины Мензоберранзана, и я не стану этого терпеть, раз уж речь о простых мужчинах. Обыкновенный воин, Нальфейн? Если я вырву тебе сердце и поднесу его, по-прежнему бьющееся, к твоим глазам, ты признаешь свою ошибку?

- Закнафейн, - выдавил Нальфейн с гримасой боли.

- Признаешь?

- Я старший сын дома До'Урден! - сумел прорычать Нальфейн.

- А я убийца, которому почти нечего терять, - ответил Зак. - Ты признаешь?

- Я... был... неправ, - сказал Нальфейн, и с каждым словом Закнафейн ввинчивал в него клинки.

Он убрал мечи, и Нальфейн рухнул на пол.

- Мы поддерживаем друг друга против них, - сказал Закнафейн и повернулся, чтобы включить в разговор Дайнина. - Мы мужчины, низшие существа. У нас достаточно врагов в Городе Пауков и без того, чтобы драться друг с другом.

Нальфейн не ответил — только схватился за свои пострадавшие подмышки и, спотыкаясь, покинул помещение.

- Наверное, побежал жаловаться матери Мэлис, - сказал Дайнин, подходя к оружейнику.

Зак встретил его хмурой гримасой.

- Он победил тебя, - напомнил оружейник.

Дайнин остановился, сощурился.

- Как ты это допустил? Глупо было идти в атаку вместо того, чтобы отступить из облака. Ты легко мог истощить его волшебный арсенал, но тебе не хватило терпения. Я обучал тебя лучше. Ты что, хотел произвести на меня впечатление?

- Я просто неправильно угадал, - возразил по-прежнему раздражённый Дайнин.

- Тебе вообще не следовало гадать! Он волшебник!

- Посредственный волшебник.

- Который тебя победил.

- Едва ли честно ставить рукопашного бойца против заклинателя, который бьёт издали!

- Ты прав, - сказал Закнафейн полым сарказма голосом. - Какой воин способен победить в таком поединке?

- Это не... - замялся Дайнин. - Ты...

- Я оружейник дома До'Урден, - закончил Закнафейн. - Моя обязанность — сохранить тебе жизнь и подготовить ко всему. Свои обязанности я выполнил, но здесь не справился ты. В сражении между домами ты был бы мёртв, а меня постиг бы гнев матери Мэлис — из-за твоей глупости и нетерпения.

- Я знатный друу, - зарычал в ответ Дайнин. - Сын верховной матери.

- Взбесившийся сын, как я вижу, - поддразнил его Закнафейн и неожиданно поднял мечи, подцепив ими подбородок Дайнина.

Взбешённый Дайнин отпрянул, затем ринулся вперёд. В его руках возникло оружие — неожиданная и жестокая попытка отплатить за оскорбление. Левый клинок нанёс колющий удар вперёд, но уже поднятый меч Зака легко отвёл его в сторону. Однако это был финт, поскольку правый клинок Дайнина скользнул вниз, под скрестившиеся мечи — хитроумный приём, исполненный с необычайной точностью, балансом и силой.

Но правый клинок Закнафейна поднялся горизонтально, чтобы поднять этот колющий меч, и парирующее оружие Зака наклонилось диагонально, чтобы зажать поднятый меч между собой и блокирующим нижним мечом. Закнафейн поднял руки, вынуждая Дайнина тоже высоко поднять руки и мечи, вынуждая его встать на цыпочки.

Закнафейн шагнул вперёд и ударил головой, обрушив свой лоб на нос Дайнина. Молодой воин отшатнулся на шаг, Закнафейн бросился вперёд, по-прежнему удерживая руки и мечи наверху, и отпустил своё левое оружие, оставляя его висеть в замке из лезвий.

Оружейник поставил левую стопу вперёд и вправо, затем завёл её за противника, а его левая рука толкнула Дайнина в грудь, отбрасывая его назад.

Дайнин не сопротивлялся, разомкнув свои мечи с оружием Закнафейна. Легко и гладко приземлившись, он безупречно перекатился и припал к земле, приготовив оружие к наступлению оружейника.

Но Закнафейна там не было.

Меч оружейника рухнул на пол, отправленный в падение отходом Дайнина, поскольку сам Закнафейн его отпустил. Только когда клинок приземлился, резкий звук стал сигналом, и Дайнин опустил мечи.

Он знал.

Конечно, знал.

Закнафейн зеркально повторил его движение и был у него за спиной. Его оставшийся меч с силой хлестнул Дайнина по затылку.

- Будь лучше, - прошептал Закнафейн на ухо юноше и оставил побеждённого противника корчиться от боли.

- А ещё — собери мечи и приberi помещение, - продолжил Закнафейн, бросил тренировочный меч на пол и покинул помещение.

- Ты позоришь меня! - угрожающим тоном крикнул ему вслед Дайнин.

- Ты сам позоришься, - ответил Зак. - Я всего лишь зеркало. Уродство собственной слабости принадлежит только тебе.

- Будет очень жаль, - осмелилась скорбно ответить Бриза, и как только произнесла эти слова, ощутила на себе холодный взгляд матери. Она прокляла себя за опасную глупость и неожиданно почувствовала себя уязвимой.

- Жаль?

- Жертвоприношение, - пробормотала Бриза. Она понимала, что ей следует замолчать и позволить матери выговориться, не придавая её страхам особого значения. Мэлис всего лишь упомянула возможность того, что её ребёнок — ребёнок Закнафейна — будет мальчиком, когда заявила, что такого не может быть, что Ллос этого не допустит.

- Но этого не произойдёт, - повторила Мэлис, чеканя каждое слово. - Паучья Королева не позволит этому случиться.

- Конечно, верховная мать. Такого не может быть.

- Тогда почему в твоём голосе звучит сожаление?

- Потому что я хочу, чтобы это случилось, - выпалила Бриза, не обдумав реплику как следует. Она просто пыталась что-нибудь сказать — что угодно — и успокоить беременную мать.

- *Хочешь?* - взвилась Мэлис. В её глазах сверкал гнев. - Какая жрица хочет получить мальчика?

Бриза растерянно замолчала.

- Мальчика Закнафейна, - решила она. - Конечно, Закнафейн простой мужчина, но он стал огромным преимуществом для дома До'Урден. Его сын может...

Мэлис откинулась на спинку сидения и расхохоталась. Бриза выдохнула.

- Огромным преимуществом и огромным удовольствием, - согласилась верховная мать. - Да, дочка, любой ребёнок Закнафейна, мальчик или девочка, мог бы стать преимуществом для дома До'Урден, но это не может быть мальчик, так? Прежде всего мы должны сохранять милость Паучьей Королевы — в особенности теперь, когда я прошу у неё эту великую божественную силу, чтобы покарать мать Джинафай за ересь.

- Мы знаем, что для этого необходимо, - продолжала Мэлис. - Или что было бы необходимо, принадлежи этот ребёнок Закнафейна к слабому полу. Что поделать, я уже родила двух мальчиков, и оба остались живы. Нельзя сомневаться в законах Ллос.

Бриза кивнула, не отрывая взгляд от пола.

Вскоре после этого она оставила мать, изумляясь лидерским качествам Мэлис. Верховная мать ни о чём её не просила, но Бриза в точности знала, чего та желает.

И у Бризы была идея, как выполнить это желание.

Она обнаружила брата на переднем балконе дома До'Урден, который выходил на улицы города. Дом До'Урден был построен в западной стене пещеры Мензоберранзана, и с этого балкона и из домашней часовни открывался прекрасный вид на освещённый волшебными огнями город, сталактиты и сталагмиты, охваченные цветным пляшущим пламенем, огромную колонну Нарбондель, мягко сиявшую вдалеке. Такие балконы были единственным способом попасть на второй этаж дома, обеспечивая некоторую защиту от штурмовой пехоты, которой пользовалось большинство не способных к левитации домов дроу.

Хотя на его голову был натянут капюшон пивафви, Бриза заметила кислое выражение на лице брата. Его выдавала сжатая челюсть. Он стоял, опираясь на перила и разглядывая город. Заметила она и то, что его голова перевязана бинтами.

- Это Нальфейн с тобой сделал? - с удивлением и насмешкой спросила она.

- Закнафейн.

- Я думала, сегодня ты тренируешься с Нальфейном.

- Оружейник преподнёс пару уроков нам обоим, - сказал Дайнин, почти выплёвывая слова.

- Да, я заметила, что в последнее время у него дурное настроение, - сказала Бриза, занимая место рядом с братом и устремив взгляд на город. - Конечно, этого следует ожидать.

- Почему? Закнафейн любит сражения — живёт ради них! — а это будет главным вызовом всей его жизни. Думаешь, он боится?

- Боится? - фыркнув, повторила Бриза. - Чего? Поражения? Смерти? Думаю, смерть обрадует Закнафейна — так велика его ненависть к себе.

Это заставило Дайнина бросить на неё любопытный взгляд и бесшумно повторить: «ненависть к себе?»

Бриза спрятала улыбку. Как и брат, она знала, что Закнафейн скорее был слишком самовлюблённым, слишком высокомерным, и считал себя выше эдиктов жриц Паучьей Королевы. Но правда сейчас не сработает.

- Причиной его настроения может быть страх, - добавила Бриза, - но не за себя и не за дом До'Урден. Мы победим, и он об этом знает. Однако здесь замешан другой, чьё будущее совсем не такое надёжное.

Дайнин был озадачен ещё сильнее, и Бризе пришлось сдержать желание ударить медленно соображавшего братца. Она не понимала, как он выживает в Мензоберранзане — поскольку считала, что брат слишком плохо разбирается в паутине общества дроу.

- Ты мог заметить, что мать Мэлис в последнее время набрала вес, - сухо сказала она.

- Да, ходят слухи, что она носит ребёнка Закнафейна. И что?

- На этот раз ребёнок точно от него.

- Вирна по слухам тоже. Может быть, у него есть и другие дети, разбросанные по городу — в прошлом многие жаждали совокупиться с ним для продолжения рода, насколько я слышал.

- В этот раз для него — и скорее всего для матери Мэлис — всё иначе. Этот ребёнок точно из его чресел, и он поможет дому До'Урден одним лишь фактом своего рождения. И, скорее всего, сразу же окажется в смертельной опасности.

- Из-за заклинания?

- Шшш! - цыкнула Бриза. - Не так громко. Об этом известно только знати дома До'Урден. Но нет, не из-за ритуала. Подумай, брат. Ты должен понимать это лучше, чем я.

- Третий сын, - сказал Дайнин после заминки, и его выражению и голосу было ясно, что раньше он об этом не думал.

- Поэтому Закнафейн в дурном настроении. Мать Мэлис тоже, предупреждаю. Конечно, она не осмелится нарушить эдикты Паучьей Королевы, в особенности сейчас — когда многое просит у Ллос для грядущей битвы. Но по её оценкам, сын Закнафейна должен стать поистине великим дроу. Очень ценным дополнением к дому До'Урден.

- Девочку она будет ценить больше, - возразил Дайнин. - Разумеется.

- Если это девочка, тогда никаких проблем. Но мать Мэлис считает, что это будет сын, - сказала Бриза. - Однако я думаю, что ты ошибаешься, брат. Идея родить

мальчика по-настоящему заинтриговала мать Мэлис — учитывая, кто его отец. Ещё один боец уровня Закнафейна? Она может обогатить семью, просто сдавая его в аренду другим матронам, как только он станет мужчиной.

- Она могла бы сделать это прямо сейчас, с Закнафейном, - сказал раздражённый Дайнин. - Уверен, ты неправильно истолковала её поведение.

- Следи за тем, как говоришь со старшей жрицей, - предупредила Бриза.

- Это я и хочу сказать, - ответил Дайнин. - Неважно, каким грозным будет этот сын, он никогда не будет таким же великим, как... Бриза. Но девочка, дочь Закнафейна?

- Например, Вирна? - возразила Бриза, хмыкнув.

- Закнафейн не отец ни тебе, ни мне.

- И всё равно я превосхожу Вирну по любым возможным параметрам. Значительно превосхожу, и это никогда не изменится. Мать Мэлис не любит Закнафейна — дело просто в семейной выгоде. Я не боюсь того, что мать Мэлис родит ещё одну девочку, ещё одну дочь Закнафейна. Я останусь старшей жрицей дома До'Урден и следующей наследницей верховной матери. К тому времени, как новое дитя станет достаточно сильным, чтобы бросить мне вызов, мать Мэлис скорее всего уже будет мертва — или запечатает линию наследования.

- Но мальчик, Дайнин, сын Закнафейна! Это может потрясти саму основу мужской иерархии дома Д'армон Н'а'шезбернон.

Её использование истинного древнего имени семьи До'Урден заставило Дайнина сосредоточиться.

- Но ты только что сказала, что Мэлис не нарушит эдикты Паучьей Королевы — тем более, в такое важное время.

- Мэлис? - тихо, угрожающе повторила Бриза.

- Мать Мэлис! - поправился растерянный воин.

- Конечно нет, - сказала Бриза. - Но она не расстроится, если один из её сыновей вдруг падёт в битве с Де'Вирами.

- Маловероятно.

- Но возможно, - сказала Бриза, развернулась и ушла, уверенная, что её слова проникли в сердце Дайнина.

ГЛАВА 4

Замкнутый круг Мензоберранзана

Дайнин покинул загон для ящеров в дурном настроении, направляясь к месту под балконом часовни. Его миссия — последняя перед предстоящей битвой — завершилась успешно. Он опознал и пометил с помощью магии разумные грибы-крикуны вдоль стены по периметру дома Де'Вир, а также встретился с Безликим, сообщив ему время для убийства волшебника Де'Виров, Альтона, который оставался в Сорцере.

Покончив с этим, Дайнин вернулся в конюшни в приподнятом настроении, предвкушая битву, которая, он был уверен, станет самой важной из всех пережитых

им до сих пор битв. Но внутри разговоры дроу, занимавшихся ящерами, подтвердили его опасения.

Теперь они знали, что мать Мэлис носит мальчика.

Сына Закнафейна, третьего сына дома Д'армон Н'а'шезбернон, которого, таким образом, принесут в жертву Ллос. Дайнин знал, что Мэлис это не нравится. После разговора с Бризой он не мог забыть, что его мать будет крайне сожалеть об этой дорогой жертве, и знал её достаточно хорошо, чтобы понимать — её негодование будет длиться годами, десятилетиями, и будет направлено в первую очередь на двух дроу, ответственных за необходимость принести в жертву сына Закнафейна: Дайнина и Нальфейна.

Были у него и другие страхи. Дайнин подозревал, что Бриза говорила с ним не просто так, а по воле матери. И если это действительно так, скорее всего она говорила и с Нальфейном.

В этом был смысл, и Дайнин беспокоился. Если мать Мэлис потеряет этой ночью Нальфейна, сын Закнафейна, почти наверняка — воин, будет расти в тени старшего сына Дайнина, тоже воина. Но если умрёт Дайнин, тогда старшим сыном останется маг — не конкурент растущему второму сыну.

Здесь было три возможных варианта — ни одного идеального, но один из вариантов Дайнин считал лучшим.

Он коснулся эмблемы дома и оторвался от земли, поднимаясь в воздух, затем шагнул на балкон, отпуская магию.

- Где ты был? - услышал он, едва коснувшись камня. Обернувшись, Дайнин увидел приближающуюся Вирну. - Тебя так долго не было!

- Не волнуйся, сестра. Мне многое нужно было сделать.

- Я знаю, чем ты занимался, - ответила Вирна, которая заметно нервничала.

- Неужели? Ты когда-нибудь помечала крикунов, сестра? Непростая задача. Один лишний шаг — и они завопят, но тебе всё равно необходимо подойти достаточно близко, чтобы выстрелить дротиком-глушителем в их толстый стебель. Угадай, что будет, если промахнёшься?

- Я не нуждаюсь в твоём сарказме, брат. Не сейчас.

Дайнин хотел резко ей ответить, но вместо этого отстранился и хорошенько рассмотрел Вирну, решив не набрасываться на неё сразу. В конце концов, Вирна была его любимой сестрой, самой близкой к нему по возрасту, и не злоупотребляла своим положением женщины, знатной дочери и вдобавок жрицы Ллос.

- Что тебе известно, Вирна? Расскажи мне.

- Это будет мальчик, - признала Вирна.

- Слухи уже достигли конюшен, - согласился Дайнин.

Вирна тяжело вздохнула.

- Ты беспокоишься, потому что речь о твоём брате, сразу по отцу и по матери? - спросил Дайнин, пытаясь не задеть Вирну. - Или из-за того, что нужно будет с ним сделать. Боишься, что мать Мэлис заставит сделать это лично тебя?

- Кинжал будет в руках старшей жрицы Бризы, - быстро сказала Вирна, но скорость ответа не могла спрятать её тревогу.

Дайнин не стал хмыкать, но улыбку скрыть не смог. Он всегда знал, что сердце Вирны мягче, чем у типичной женщины-дроу — и намного мягче, чем у жрицы.

Вспомнилось замечание Бризы по поводу Вирны. И действительно — как могущественная и жестокая Бриза могла опасаться уступить этой слабой Вирне своё место рядом с матерью Мэлис? Разве у полной сострадания Вирны хватит характера, чтобы стать старшей жрицей?

- Лучше вернись к себе, - сказал он Вирне, напоминая себе, что стоит быть с ней помягче. В конце концов, именно она будет связана с Дайнином во время боя. - Я должен доложить и собрать свой боевой отряд.

Вирна снова вздохнула, слабо кивнула и поспешила прочь, через арку и вниз по главному коридору.

Дайнин дал ей небольшую фору, затем бодро прошёл по коридору к бронзовым дверям, отмечающим вход в домашнюю часовню, где был расположен зал для аудиенций старших жриц.

А сегодня ночью — помещение боевого совета дома До'Урден.

Подтвердив свой успех матери Мэлис и остальным, Дайнин вывел свою колонну из дома До'Урден — шестьдесят солдат-дроу и сотню бойцов-гоблиноидов. Пока неуклюжие гуманоиды ожидали на безопасном расстоянии, боевая группа дроу заняла позиции.

Вскоре прибыли и другие боевые отряды. Бесшумные жесты передавали вперёд и назад по рядам, когда жрицы занимали свои места и находили отметки, оставленные Дайнином на грибах-крикунах.

Текли мгновения, казавшиеся часами нетерпеливому Дайнину.

Наконец жрицы зашевелились — вышли вперёд, чтобы прочесть заклинания защиты, все разом, как будто получили подтверждение, что час настал.

Волшебные волны прокатились по рядам До'Урденам, укрепляя, усиливая, защищая, скрадывая шум.

Дайнин поспешил вперёд и достал лист сверкающего металла и небольшой источник света — крошечный двеомер, наложенный на конец полой булавки. Он трижды отправил вспышку, чтобы дать сигнал своему брату и Риззену, а также их отрядам.

Затем Дайнин взмыл в воздух. Его собственный отряд получил сигнал и вышел вперёд. Ручные арбалеты дали залп по помеченным грибам-крикунам, стреляя дротиками, которые жрицы зачаровали волшебной тишиной.

Воины-дроу бесшумно бросились вперёд — к стене и через неё, Дайнин впереди. Он первым встретил часового Де'Виров. Мужчина достал меч и ударил Дайнина, когда тот взлетел на стену, но клинок даже не приблизился к умелому воину. Меч Дайнина быстро поднялся в парировании, затем контратаковал — уколом, который заставил воина Де'Виров развернуться, уклоняясь.

Дайнин бросился в брешь между противником и парапетом. Он описал пируэт, подставляя спину врагу, но отправив левый клинок вокруг и наружу, чтобы заблокировать косой удар Де'Вира, когда тот тоже развернулся.

Второй клинок Де'Вира устремился к присевшему Дайнину, почти достигнув цели.

Почти.

Поскольку Дайнин прибегнул к грубой тактике, оперевшись в каменный парапет и выбросив две ноги вперёд — неожиданное движение для проворного мечника-дроу.

Приём, которому немногих избранных обучил Закнафейн, не знавший себе равных среди дроу по части неортодоксального стиля боя.

Обе ноги попали в цель, и воин Де'Вир рухнул со стены — на двадцать футов вниз, во двор.

Дайнин бросился следом, лишь в самое последнее мгновение прибегнув к левитации, чтобы смягчить приземление. Его противник, перекатившийся, чтобы смягчить удар, неуверенно встал, осторожно опираясь на пострадавшую ногу. Дайнин быстро одолел его серией неожиданных и жестоких уколов и взмахов.

Воин Де'Виров сражался хорошо. Он сумел блокировать почти половину ударов Дайнина.

Когда враг рухнул замертво, несколько внезапных вспышек слева заставили Дайнина развернуться — как раз вовремя, чтобы увидеть, как ворота дома распахиваются внутрь, дымящиеся и искрящиеся после нескольких молний До'Урден, а затем исчезают в собственных взрывах — огненных шаров, молний и даже ледяной бури — когда сработали глифы и защиты семьи Де'Вир.

Магический шторм порадовал Дайнина, поскольку был абсолютно беззвучен. Жрицы До'Урден хорошо поработали.

Вокруг второго сына появились другие солдаты До'Урден. Гоблины и багбиры бросились через пробитые врата и стали наступать через двор. Первая фаза штурма прошла так быстро и бесшумно, что основные силы Де'Виров пока что даже не появились, чтобы отразить нападение.

Дайнин знал, что это критически важно, и его уверенность в успехе достигла небывалых высот — хотя дом Де'Вир мог выставить на поле боя куда больше солдат, чем дом До'Урден, а это была их территория, с благородными жрицами и верховной матерью внутри дома.

Дайнин дал знак своим войскам продолжать наступление — быстро и жёстко. *Не позволяйте им оправиться! Не позволяйте им организовать оборону!* — просигналили его пальцы окружающим, а те быстро передали приказ по рядам.

Но Дайнин знал, что этого будет недостаточно. Совсем недостаточно. Давай, напрасно шептал он в наколодованной тишине. Мгновения снова казались часами.

Наконец, он почувствовал вибрацию могущественной магии — такой могущественной, что волосы на руках и шее встали дыбом, а кожу защипало. Он оглядел ряды своих товарищей-воинов, казавшихся растерянными, затем посмотрел на жрицу, которая спустилась со стены вместе с отрядом. Сейчас она дрожала так сильно — челюсть отвисла, из глаз текут слёзы, — что Дайнин подумал, будто женщина вот-вот рухнет в обморок. Слёзы божественной радости, понял он.

Это была родовая магия, о которой шептались его сёстры, догадался Дайнин, хотя и не знал, что именно это значит. Свирепая Мэлис каким-то образом использовала боль и эмоции деторождения, преобразовав их в силу ритуального заклятия, прочитанного над тем нечестивым столом Ллос.

Воин посмотрел на здания перед собой, почти ожидая, что они рассыпятся в пыль.

Но ничего не произошло — по крайней мере, он не заметил.

Пришлось положиться на веру, и Дайнин отдал команду воинам. Они атаковали главные здания — багбиры и гоблины встали у дверей, а способные к левитации дроу взлетели на балконы и сбросили верёвки товарищам.

Двери распахнулись, и навстречу атакующим бросились защитники дома Де'Вир, в основном гоблиноиды. В мгновение ока фронт войск До'Урденов превратился в месиво из мечей, топоров, падающих тел и отсечённых конечностей.

Дайнин ухмыльнулся, наблюдая за битвой — защитники казались слишком неловкими, и их усилия не могли справиться с нападающими.

К разбитым воротам прибыл отряд Нальфейна, и на поле боя посыпалась магия — огонь и молнии протянулись к дому, по дороге испепеляя пушечное мясо Де'Виров и многих рабов До'Урденов.

Вскоре Дайнин снова ухмыльнулся, когда увидел вспышку в узких окнах высших помещений.

Он знал, что туда проник Закнафейн, воспользовавшийся световыми бомбами, чтобы ослепить врагов.

- Как прекрасно, - прошептал Дайнин и на сей раз услышал свой голос, поскольку покинул область тишины.

Он махнул своим воинам-дроу, и вместе они бросились в дом Де'Вир.

Спустя какое-то время — с клинка капает кровь Де'Виров, половина отряда ранена или мертва — Дайнин встретил своего брата в нижнем зале одной из малых сталагмитовых колонн дома Де'Вир.

- Дело близится к концу, - сказал он Нальфейну. - Риззен уже добрался до самого верха, и, кажется, Закнафейн тоже закончил свою черную работу.

Нальфейн показался Дайнину странно оживлённым. Он кивнул и ответил:

- Две дюжины воинов Дома Де Вир уже перешли на нашу сторону.

- Они предусмотрительны. Для них что один дом, что другой. В глазах простолудинов ни один дом не стоит того, чтобы за него умирать. Скоро наша задача будет выполнена.

Дайнин заметил движение неподалёку. Солдаты направлялись в коридоры и на другие ярусы. Он сосредоточился на Нальфейне в поисках признаков, что брат готов начать предательское заклинание.

- Так быстро, что никто и не заметил, - сказал Нальфейн, и Дайнин посчитал это ироничным. - Теперь Дом До'Урден, Д'армон Н'а'шезбернон, стал девятым домом Мензоберранзана, а Де'Вир отправился к демонам!

- Осторожно! - вдруг закричал Дайнин, в притворном ужасе глядя через плечо брата.

Нальфейн обернулся навстречу предполагаемой угрозе — и Дайнин ударил, причём ударил метко. Его тонкий меч рассёк Нальфейну хребет.

- Так быстро, что никто и не заметил, - прошептал Дайнин, отныне старший сын дома До'Урден.

- Дай имя ребёнку! - потребовала старшая жрица Бриза. Её пальцы поглаживали рукоять церемониального кинжала, кончик которого застыл над грудью новорождённого, её брата по матери, который лежал на спине паучьего идола.

- Дзирт, - выдохнула измученная мать Мэлис. - Имя ребёнка — Дзирт.

Бриза затащила жреческий речитатив, формально наделяя мальчика именем, прежде чем отдать его Ллос, но ни Майя, младшая из дочерей, ни Вирна её не услышали — они оба потянулись мысленно к братьям, с которыми были связаны. Нальфейн и Дайнин должны узнать имя мальчика, прежде чем его принесут в жертву, чтобы вся семья участвовала в приношении этого великого дара Паучьей Королеве.

Дзирт, услышала Вирна ответ Дайнина на её волшебное послание — и почувствовала необычайно сильный поток эмоций мужчины.

Майя не получила ответа от Нальфейна и поняла, что послание его не достигло. Приготовления были тщательными и обширными, мысленная связь — крепкой, но всё же — тишина. Существовало лишь одно объяснение.

- Подождите! - воскликнула она, вызвав полные ужаса взгляды Бризы и Мэлис. - Нальфейн мёртв. Значит в живых осталось лишь двое сыновей.

Между Майей и Бризой, которая желала всё равно убить мальчика, вспыхнул спор, но Вирна едва его слышала, сосредоточившись на Майе и размышляя о странной реакции Дайнина. Может быть, Нальфейна убили Де'Виры, однако Вирна в этом сомневалась.

- Остановись, - приказала мать Мэлис, окончив спор между Майей и Бризой. - Ллос удовлетворена: мы одержали победу. Приветствуйте вашего брата, нового члена дома До'Урден.

Моего полнородного брата, подумала Вирна про себя. По-правде говоря, она не знала наверняка, что её отец Закнафейн — на этот счёт ходило множество слухов, но ни у кого не было доказательств. Однако сейчас она улыбалась, предвкушая, что увидит, как растёт её брат Дзирт.

ГЛАВА 5

Надежды, страхи, слабости

Вероятно, он был первым — и, возможно, единственным — существом в Сорцере, которое знало, что дом Де'Вир пал — благодаря знакомому из Бреган Д'эрт, с которым столкнулся, когда выносил ночной горшок Безликого.

- Совпадение...

Мазой несколько раз повторил про себя эту мысль, зная, что никакого совпадения нет. Джарлак хотел, чтобы он узнал.

Он был абсолютно уверен в этом, возвращаясь к своим обязанностям в покоях старшего брата. Вскоре на вызов могущественного наставника прибыл Альтон Де'Вир. Мазой знал, что Безликий недавно встречался с верховной матерью, а сегодня — с другим знатным дроу.

Поэтому он не удивился, когда Безликий бросил в Альтона могущественное заклинание практически в тот самый миг, когда старший сын Де'Виров вошёл в помещение. Разряд расколол дверь и швырнул несчастного Альтона на пол.

Однако не убил, и раненный Де'Вир мудро откатился, вскочил и выбежал из комнаты вниз по вьющейся лестнице.

- Убери все это! - рявкнул Мазой взбешённый Безликий и бросился следом за своей жертвой.

Мазой кивнул и начал подметать, но как только Гелрус пропал из виду, он подошёл к двери. Он остановился, метнулся в другую сторону — к волшебному предмету, на который давно положил глаз. Затем выскочил наружу, в погоню, следуя за насмешками Безликого.

- Не беги, Де'Вир. Ты только продлеваешь свои мучения!

Мазой услышал звон бьющегося стекла и вздохнул, зная, что убирать всё придётся ему — и зная, что стекло и кровь убирать особенно трудно. Зато этот звук в точности сообщил ему, где находится парочка, потому что он помнил обстановку в комнатах Сорцере лучше кого бы то ни было, даже лучше самого Гелруса Безликого.

- Моё зеркало! - услышал Мазой вопль Безликого, подтвердивший его догадку. - Сначала моя дверь, а теперь еще и мое зеркало! Знаешь ли ты, сколько сил я потратил, чтобы приобрести такое редкое приспособление?

Мазой с трудом сдержал смех.

- Почему ты не стоял спокойно и не дал мне быстро все сделать? - вопрошал Гелрус, когда Мазой прижался к стене сбоку от двери в комнату.

- За что? За что вы хотели убить меня?

- За то, что ты разбил мое зеркало!

Мазой пришлось прижать ладонь ко рту. Потрясающий ответ, подумал он. Он бросил взгляд на продолжающих диалог дроу, затем спрятался за стеной — и медленно, так медленно, натянул тетиву.

Снова выглянув в комнату, он понял, что разговор вот вот закончится — навсегда.

- Кто? Какой дом сделал это? Или какие Дома были в заговоре против Дома Де Вир?

Мазой замер, тоже желая узнать ответ.

- О, стоит тебе рассказать, — сказал брат Мазоя, насмехаясь над обречённым беднягой. - Я думаю, ты имеешь право узнать это, прежде чем присоедишься к своим родственникам в царстве смерти.

Драматичная пауза заставила Альтона и Мазоя податься вперёд в ожидании — по крайней мере, Альтон попытался, но Мазой видел, что тот пойман в липкой магической паутине.

Впрочем, это было неважно.

- Но ты разбил мое зеркало! - взвыл учитель. - Умри, глупый, глупый мальчишка! Сам найди ответ!

Момент истины, понял Мазой. Он поднял искусный, скорее всего зачарованный, двуручный тяжёлый арбалет, нацелил его, и пока Гелрус медлил, накапливая энергию своего последнего убийственного заклинания, нажал на спусковой крючок.

Гелрус издал глубокий булькающий, каркающий звук, выгнулся дугой, взметнул руки. Затем он рухнул лицом на пол, корчась в предсмертных судорогах.

- Хорошее оружие, Безликий! - заметил Мазой, разглядывая арбалет. Тот был несомненно волшебным, а большой болт, только что ударивший Гелруса в спину, был смазан ядом — хотя Мазой был уверен, что снаряд убил бы волшебника и без этой страховки.

Мазой тщательно обдумывал следующий ход, перезаряжая оружие. Пойманный в паутину Де'Вир умолял и заикался.

Как поступил бы Джарлакс?

Он прислушался к мольбам Альтона. Легче всего было бы пристрелить этого идиота и обставить всё так, будто ученик и учитель убили друг друга в ожесточённом обмене заклинаниями и арбалетными болтами.

Но самый лёгкий поступок — не обязательно самый выгодный.

Как поступил бы Джарлакс?

Лишь спустя долгое время после рождения Вирны Закнафейн узнал, что она — его дочь. После того, как девочке исполнилось пять, на самом деле. И даже тогда Закнафейн около десяти лет считал, что он всего лишь один из возможных отцов. Только когда Вирна отправилась учиться на жрицу Ллос, Мэлис сказала оружейнику правду — почти наверняка отцом был именно он.

Это время было выбрано не случайно. К тому моменту Закнафейн уже знал, что девушка для него потеряна — тем более, что она собиралась посвятить себя службе Паучьей Королеве. Она собиралась стать одной из тех, кого Закнафейн больше всего ненавидел.

Однако их с Вирной отношения были куда ближе, чем с любой другой дочерью Мэлис — ближе, с любым другим членом дома До'Урден, исключая, может быть, Дайнина. Однако это была очень низкая планка. Размышляя над этим, Закнафейн решил, что его чувства к Вирне могут удержать его руку, если вдруг придётся её убить.

А может и нет.

Вот только на сей раз всё было иначе. На сей раз Закнафейн вошёл в тихое боковое помещение и нашёл Вирну у колыбели, без всяких сомнений зная, что ребёнок в люльке зачат им.

Его сын.

- Дзирт? - спросил он, поскольку именно такое имя ему называли после возвращения из бойни в доме Де'Вир.

Вирна кивнула и отошла, приглашая оружейника придвинуться. Она знает, понял Зак.

- Взгляни на его глаза, - сказала ему Вирна, когда оружейник стал разглядывать закутанного в мягкие меха младенца.

Поразительно! Лиловые глаза! Такая редкость среди дроу — и ещё более редкие из-за своей яркости. Глаза как будто светились в бездне тёмного лица Дзирта.

Вирна продолжала говорить, но Закнафейн не слушал. Он склонился над колыбелью и вгляделся, вбирая облик, вдыхая запах этого ребёнка, своего сына. Его захлестнуло море эмоций, незнакомых и новых, и каждая была подобна волне, готовой захлестнуть его и утопить.

Неужели это дитя — его потомство — станет для него своего рода частицей бессмертия? Этот ребёнок перед ним, его кровь, его сын, которому суждено хранить его имя и память спустя долгое время после смерти самого оружейника? Недавно Закнафейн разменял пятую сотню лет — средний возраст для дроу, хотя все знали, что вторая половина жизни намного сложнее первой, если дроу заслужил себе

определённую репутацию (особенно — громкую репутацию). Сколько оружейников, благородных воинов или даже простолюдинов из Браэрина хотели бросить вызов Закнафейну, чтобы показать себя? И среди этого числа были невероятно умелые и сильные бойцы: Дантраг Бэнр из первого дома, Утегенталь Армго из второго дома, а также многие другие, желавшие оказаться тем, чьё имя станет именем воина, победившего Закнафейна.

Каждый день был угрозой. Один-единственный промах мог стать для него последним — или единственное решение безрассудной матери Мэлис.

Но теперь у Зака был сын, о котором он знал с самого начала, которого он мог растить, который продолжит существовать, когда его самого не станет. Закнафейн не мог отрицать, что испытывает гордость и надежду, что его сердце воспаряет в небеса, когда он смотрит на это дитя.

А затем его ударила решка этой подброшенной сверкающей монеты — неожиданно и сильно.

Закнафейну пришлось схватиться за колыбель и глубоко вдохнуть, чтобы успокоиться.

Что будет с Заком, если у него отнимут этого ребёнка, это прекрасное маленькое создание по имени Дзирт? Какую боль он познает, если это дитя, как и многие другие в городе — особенно дети влиятельных матерей — окажется на остром конце копья?

Зак оглянулся на Вирну, молча упрекнув себя за то, что никогда не думал так о ней. Он не испытывал к ней такой ненависти, как к её сёстрам или матери, но они никогда не были близки. У него просто не было шанса.

Теперь она стала жрицей Ллос, и оружейнику было это отвратительно. Ллос была ему отвратительна. То, как богиня настраивала свой народ друг против друга, было отвратительно. Сексизм общества дроу был отвратителен. Жестокость женщин, которые растили детей-дроу, была отвратительна. Почти без исключений, даже среди тех матерей, кто позволял мужчинам занимать важные посты — как в доме Баррисон Дель'Армго, известном своими воинами-мужчинами, и доме Ксорларрин, могучие волшебники которого были преимущественно мужского пола. Он не думал, что эти матери ценят своих мужчин. Нет, они просто использовали то, что было под рукой, ради воплощения собственных проклятых амбиций.

Всё это было из-за Ллос. А Вирна, которая могла быть его дочерью, посвятила себя Ллос. Теперь ей суждено было обучать Дзирта, сына Закнафейна, чтобы он стал очередной покорной пешкой в великом замысле Госпожи Хаоса.

Закнафейн задумался, нет ли других поселений дроу где-то в необъятном Подземье, или, может, в неизвестном мире на поверхности, лишённых разлагающего влияния Паучьей Королевы. Как бы хотел он найти такое место и забрать туда Дзирта.

Но только не Вирну, подумал он, и эта мысль обеспокоила оружейника. Нет, скорее всего она уже слишком испорчена и потеряна для него.

По недоумённому взгляду Вирны Зак понял, что эти мириады эмоций отражаются у него на лице.

- В чём дело? - спросила она, присматриваясь к его лицу, осторожно изучая его.

Закнафейн столько хотел сказать ей прямо сейчас.

Сожаления.

Гнев.

Извинения.

Всё это хотело вырваться наружу, но сейчас, в это мгновение, с глядящим на него новорождённым сыном — сыном, который избежал гибели только благодаря счастливой случайности и задержке в пару мгновений, судя по тому, что сказали оружейнику — он не в силах был выразить все эти чувства.

- Ничего, - ответил Закнафейн. - Я просто надеюсь, что этот мальчик превзойдёт Нальфейна к большей славе дома До'Урден и матери Мэлис.

- Мы все на это надеемся, - сказал Вирна с хитрой усмешкой, напоминая Закнафейну про его отцовскую роль. - И все мы рассчитываем на это, в особенности — мать Мэлис. От второго сына ждут многого.

Закнафейн постарался не вздрогнуть. Слишком хорошо он понимал, в чём заключаются эти ожидания.

- Великолепно! - неожиданно воскликнул Джарлакс, заставив вскинуть взгляд сидящего напротив мага. Тот был удивлён (насколько могло казаться удивлённым расплавленное кислотой лицо, подумал Джарлакс). Юноша у двери отреагировал намного сильнее, покачнувшись на пятках и широко раскрыв глаза.

Джарлакс сделал мысленную заметку следить за ним.

- Что ты имеешь в виду? - тихо спросил маг. - Я сделал лишь то, что мне приказали.

- Тебе приказали занять место Гелруса Ган'етта? - с саркастичным удивлением спросил Джарлакс. Он снова окинул взглядом юношу в дверном проёме и добавил:

- Твой брат, если не ошибаюсь.

- Я... ты говоришь голосом глупца! - парировал волшебник. - Опрометчивого глупца.

- Ты ошибаешься, если считаешь, что я боюсь Альтона Де'Вира, - Джарлакс пожал плечами и хмыкнул. - Я не боялся Гелруса Ган'етта, так с чего мне бояться тебя?

Глаза Безликого повернулись в его практически лишённых век глазницах, чтобы бросить взгляд на молодого ученика, который предательски выскользнул из комнаты — но в следующее мгновение возвратился с приставленным к его коже квартетом мечей в руках каждого члена Брегана Д'эрт, в тайне проникшего в покои Безликого.

Безликий втянул в себя воздух через многочисленные дыры во рту и горле, испустив свистящий звук.

- Прежде чем кто-то из вас сделает что-нибудь глупое, подумайте о том, что никто не может войти в Сорцере без разрешения архимага Громфа, - предупредил Джарлакс.

- Не беспокойтесь, - добавил он, поудобнее устраиваясь на стуле. - Архимаг не знает, а если и знает — Громфу всё равно. Я не обвиняю тебя, Альтон Де'Вир, и не думаю о тебе плохо. На самом деле я даже приветствую подобную находчивость и прозорливость — и да, я знал, что собирается сделать с тобой Гелрус в ночь падения дома Де'Вир. Мне всё равно, как и архимагу Громфу. Важно не то, что уже произошло, важно то, что случится дальше.

- Возможно, тебе стоит понять, что *произошедшее* определяет *текущее*, - сказал новый Безликий, фактически — Альтон Де'Вир, обжёгший собственное лицо после того, как избавился от тела Гелруса. Он выпрямился, отчаянно стараясь — видел

Джарлак — хоть в какой-то степени казаться опасным и загадочным. Он пытался управлять ситуацией, и Джарлакса это бесконечно забавляло.

- И ты считаешь, что всё дело в находчивости и прозорливости — или в простой случайности? - спросил Джарлак. - Ты не думал, что верховная мать Бэнр знает о смерти старого мерзавца — и не возражает? Бедный юноша, в мире так много всего, о чём ты не знаешь — но я предупреждаю тебя о самом главном: лучше всего оставаться на хорошем счету у верховной матери Бэнр.

- Как ты? - полузарычал, полупросипел Альтон.

- Всегда. Я не дурак, - был легкомысленный ответ.

- Но ты пришёл сюда и угрожаешь мне.

- Разумеется, нет. Я пришёл сюда, чтобы дать тебе совет — причём мудрый совет. Повторю. Не позволяй гневу толкать тебя на опрометчивые поступки. Дом Де'Вир мёртв. Альтон жив.

Он покосился на второго и сказал:

- И Мазой тоже жив. В Городе Пауков всё идёт своим чередом.

С этими словами Джарлак коснулся полей своей шляпы и встал, давая знак подчинённым и покидая вместе с ними комнату — но сначала остановился, чтобы улыбнуться и одобрительно кивнуть молодому Мазою Ган'етту, чтобы дать понять юноше и магу за столом, что он, Джарлак, знает о случившемся куда больше, чем следовало.

Познания Джарлакса по поводу той или иной тайны оказывались сюрпризом для множества дроу.

Знание было силой, тем более — в Мензоберранзане.

Джарлак был безоговорочно силен и становился ещё сильнее.

ГЛАВА 6

Одним своим присутствием

Тем днём второго месяца 1304 года походка Закнафейна была легче обычного, когда он пересекал двор дома До'Урден. Оружейник давно не бывал в главных помещениях, поскольку Мэлис следила, чтобы он был занят тем или иным поручением.

Закнафейн удивился, насколько это отсутствие заставило его скучать по Дзирту.

О, как спешил Закнафейн закончить свои последние задачи — включая путешествие на остров Донигартена, чтобы выбрать подходящего рофа для семейного праздника и визит в Арах-Тинилит, чтобы доставить длинный документ, подготовленный Маей До'Урден с перечислением имён и предпочтений — в пище, напитках, сексе и пытках — тех прислужниц-йоклол, которых Ллос посылала в Мензоберранзан в ответ на недавние призывы старших жриц!

Закнафейн был удивлён этим поручением не меньше, чем жрица, которая открыла ему дверь в Арах-Тинилит. Впрочем, её изумление быстро сменилось недовольной гримасой. Мужчин здесь не очень-то жаловали, хотя некоторые матери иногда использовали их для передачи посланий в школу — просто ради того, чтобы

продemonстрировать свою значимость и способность игнорировать установленные правила.

Закнафейн провёл долгих два часа внутри Арах-Тинилит. Вокруг него извивались змееголовые плети, а каждая жрица мерила оружейника злобным взглядом. Репутация опережала его — вся школа знала, что оружейник До'Урденов получает особое удовольствие от убийства жриц, старших жриц и даже верховных матерей.

Да, Мэлис послала его сюда, чтобы бросить вызов — неважно кому. Чтобы привлечь к нему внимание. Он был наживкой, доказательством того, что Мэлис слишком влиятельна, чтобы можно было её злить. Конечно, подобная роль была ему не по вкусу, но как только Сос'Ампту Бэнр, одна из главных наставниц академии, отпустила его, оружейник бегом бросился наружу и оставил позади любые дурные чувства ещё до того, как его нога коснулась мостовой за главной дверью этого здания в форме паука.

Затем он забрал ожидавшего на ступенях Тир Бреш простолюдина из дома До'Урден, и вместе они бегом устремились к главному выходу из пещеры, где Зак продемонстрировал часовым свой пропуск. Они отправились наружу в Подземье, бесшумные, как смерть, быстрые, как рубящий клинок, чтобы как можно быстрее сменить Дайнина, оставив простолюдина ему на замену. Закнафейну сообщили маршрут патруля Дайнина, и он хорошо знал ближайшие пещеры. Но им потребовалось полных три дня, чтобы найти патруль, и ещё два — чтобы вернуться к воротам Мензоберранзана.

Закнафейн заставил Дайнина преодолеть это расстояние за полтора дня, на каждую жалобу старшего сына отвечая гримасой, не допускавшей дальнейших споров.

Когда Дайнин наконец сообразил, в чём причина такой спешки, он стал смеяться над Закнафейном.

- Мужчины-дроу не отмечают день рождения, - напомнил он.
- Он мальчик, а не мужчина.
- Но ведь не *девочка*. Он никому не нужен.

Эта ремарка заставила Закнафейна резко обернуться к старшему сыну. В красных глазах оружейника вспыхнул гнев.

- Готов повторить? - спросил Зак низким, ровным голосом.
- Разве ты не согласен?
- Он нужен мне.

Дайнин замолчал и благоразумно кивнул, а когда Закнафейн отвернулся, пробормотал:

- Он, но только не кто-то из нас.

Это замечание заставило Закнафейна замереть. На мгновение он почувствовал вину и сожаление. Но лишь на мгновение, пока не вспомнил, от кого исходила реплика. Дайнин не отличался искренностью, и сейчас просто пытался заполучить хоть какое-то преимущество. Эта попытка показала Заку, насколько сильно Дайнин опасается младшего брата — мальчика, которому пока что не исполнилось даже семи.

- Я обучал тебя так хорошо, как только мог, - ответил он, не оборачиваясь. - Если этого недостаточно, значит дело не в моих, а в твоих собственных ограничениях.

- А может, дело в отцовстве? - предположил Дайнин, и на сей раз Зак остановился и снова обернулся. - В этом вся причина спешки, не так ли? Завтра седьмой день рождения Дзирта.

- Если это действительно неважно, зачем ты об этом помнишь?

- Потому что важна другая дата, о которой мать Мэлис не упоминает. Это ещё и седьмая годовщина с того дня, как я стал старшим сыном.

Закнафейну пришлось кивнуть — его послали лично выбрать рофа для семейного ужина из-за этой даты, а вовсе не из-за дня рождения Дзирта. Не из-за Дайнина, конечно, а из-за годовщины того дня, когда дом До'Урден стал девятым домом Мензоберранзана.

- Весьма удачное совпадение, не находишь?

Закнафейн пожал плечами, как будто это было неважно, но по усмешке Дайнина понял, что его притворство оказалось бесполезным.

- Я спешу, потому что мы должны успеть на праздник и попасть туда в приличном виде, - наконец сказал он.

- На самый незначительный из трёх праздников, конечно же.

Этот бесконечный сарказм Дайнина! Но Закнафейн не мог спорить с его аргументами — да и не хотел. Поэтому он просто рассмеялся и снова пожал плечами.

- Ты наблюдателен, - сказал он. - У тебя острый разум, а мысли всегда нацелены вперёд. Матери Мэлис повезло иметь такого старшего сына. И она об этом знает.

Похоже, это застало Дайнина врасплох. Ну ещё бы! Когда это Закнафейн делал ему комплименты?

- Ты считаешь, будто я о тебе не забочусь, но это не так, - сказал ему оружейник — и не лгал. - Опекать тебя — моя обязанность. Мне доверили готовить тебя, постоянно готовить...

- Вместе с каждым другим воином дома До'Урден.

- Но совсем на другом уровне.

- Справедливо. Только дело в страхе перед матерью Мэлис, а не в любви к старшему сыну Дайнину.

- В какой-то степени — возможно, - признал Закнафейн. - Но я тебе не враг. Никогда не был и не буду твоим врагом — если ты не дашь повода. Я не обращаю внимания на слухи, старший сын.

Закнафейн вертел в голове свою последнюю реплику, трусцой направляясь к дому До'Урден. В этих тоннелях с Дайнином он многого добился. Возможно — завоевал толику доверия старшего сына, но прежде всего — его последнее заявление не оставило Дайнину места для манёвра.

Потому что упоминание «слухов» подействовало на старшего сына всерьёз. Закнафейн знал правду о гибели Нальфейна, и Дайнин нуждался в том, чтобы Закнафейн продолжал отрицать слухи об убийстве.

Да, Закнафейну не стоило волноваться, что Дайнин может попытаться получить преимущество за счёт Дзирта.

Он донёс своё послание до Дайнина и теперь возвращался в дом До'Урден, к часовне, возвращался к сыну.

Впервые за долгое время он был счастлив.

Затем он услышал хныканье, потом стон — вырвавшийся через сжатые зубы стон маленького мальчика.

Закнафейн заглянул внутрь и резко втянул в себя воздух, когда увидел Дзирта. Мальчик сидел в стороне, на полу, раздетый до пояса. Левую руку он завёл за спину, ощупывая новую рану — двойной след укуса гадюки, вокруг которого проступили капли крови.

Это было не всё. Новую рану окружали слишком хорошо знакомые Закнафейну и любым мужчинам в Мензоберранзане шрамы. Шрамы, оставленные клыками гадюк при ударе жреческой плети, которую затем протащили по спине. Последний удар не оставил таких следов, зато оставили остальные.

- Всё не так плохо, - услышал он голос Вирны, когда подошёл к дверям часовни. - Тебя укусила только Силаас, а от её укусов больше боли, чем настоящего вреда.

Тон её голоса резко изменился.

- Хватит на меня таращиться! - потребовала Вирна и угрожающе подняла плеть. - Ещё захотел?

- За что? - отозвался мальчик полным невинности, растерянности и боли голосом.

Закнафейн заметил движение — Вирна покачнулась на пятках.

- Ты должен учиться, глупый ребёнок, - сказала она. - Ты должен узнать свое место и отточить свои таланты. В этом городе ты можешь занять неплохое положение — для простого мальчика, простого мужчины. Но если ты не будешь знать своё место, если это не отложится в твоём сердце, тогда тебя постигнет чудовищная судьба.

- Вроде ударов этими мерзкими гадюками? - спросил Дзирт, и глаза Закнафейна расширились — его сердце застыло где-то между чувством гордости и невыразимым страхом, что Дзирта постигнет ужасный конец, если мальчик не научится сдерживать собственный яд!

Вирна фыркнула.

- Едва ли. Ты даже представить себе не можешь, какое удовольствие получит верховная мать от пыток — или от их конечного результата. Тебе повезёт, если ты просто умрёшь.

- Все женщины получают удовольствие, причиняя боль?

Зак понял, что вопрос задан просто из невинности — как, очевидно, и Вирна, поскольку она снова покачнулась на пятках вместо того, чтобы замахнуться плетью.

- Тебя постигнут ужасные кары, если я не смогу это вдолбить, - наконец сказала она. - Уж лучше я, чем кто-то другой.

Зак поверил ей. Он слышал шепотки и высказывания самой Вирны о том, что ей поручили воспитывать Дзирта и наблюдать за его взрослением. Скорее всего, к этому времени Вирна стала бы старшей жрицей, не прерви её учёбу неожиданная необходимость заботиться о выживании этого ребёнка.

Зак подвинулся, чтобы лучше видеть.

Он помрачнел ещё больше, когда хорошо разглядел шрамы. Спина его мальчика представляла собой настоящее месиво.

Но Закнафейн понял, что причиной тому — не Вирна; на спине Дзирта было несколько наборов параллельных шрамов. Вирна пока что не была старшей жрицей — необычно даже то, что она носила змееголовую плеть. У неё было всего две живых змеи на оружии.

У той плети, что оставила следы на спине Дзирта, было больше. Закнафейн кивнул, узнав метку конкретной До'Урден.

Его рука потянулась к рукояти меча, а в красных глазах зажглась жажда убийства. Он глубоко вздохнул.

- Уверен, он это заслужил, - легкомысленно заметил Зак, выпрямляясь и входя в часовню, как будто не прятался и не подглядывал.

При звуке его голоса Вирна вздрогнула — похоже, она была напряжена. Вирна резко обернулась к Закнафейну, и по её лицу пробежала череда эмоций, завершившихся видом превосходства, хорошо знакомой оружейнику гримасой жриц. Выражением, как будто говорившим: «Конечно, он это заслужил, пускай даже лишь потому, что родился мужчиной!»

Однако она не смогла долго удерживать этот вид, и Закнафейн молча понадеялся, что причиной тому — недостаточная убеждённость. Насколько он мог судить, за те семь лет, что Вирна наставляла Дзирта, она проявила куда меньшую жестокость, чем большинство других женщина, которых он знал в подобной роли.

- Его разум блуждает, - сказала Заку Вирна, одновременно упрекнув Дзирта, уперев в него свой неодобрительный взгляд. Она посмотрела на статую в стене над мальчиком. - Он может дотянуться туда. Я видела, как он взлетает, чтобы протереть её всего за одну левитацию. Но его мысли в другом месте. Постоянно в другом месте.

- Я уже вытер её вчера, - пожаловался Дзирт, и Вирна раздула ноздри.

- И ты снова вытрешь её — сейчас же, - сказал Закнафейн, прежде чем Вирна успела его отругать. - Это важно. Здесь твоё место. Награда будет завтра, юный До'Урден.

- Но наказание последует незамедлительно, - предупредила Вирна, и одна из змей на её плётке зашипела, а другая — обвинилась вокруг руки женщины.

Вздохнув, Дзирт взял свою рубаху и начал левитацию, ещё не натянув её на голову, так безупречно воспроизведя двеомер при помощи врождённых магических способностей, что ему даже не пришлось касаться волшебной эмблемы дома, прикреплённой к одежде.

Когда он взлетел, Зак с улыбкой повернулся к Вирне.

- *Пар ту'о аммеа улу вос явл дел лил ортэ'скаур луэт жалъм дел лил белболькахал*, - нараспев произнёс оружейник старую поговорку дроу, обычно приберегаемую для девочек: «Кажется, ему нужно меньше плетей и больше пряников».

Ноздри Вирны снова раздулись.

Похоже, он зашёл слишком далеко, понял Закнафейн, торопливо откланялся и покинул помещение, не желая навредить Дзирту.

Он отправился в свою комнату, чтобы сменить старую одежду, а потом в дворцовые покои матери Мэлис, чтобы объявить о своём возвращении. Он удивился, когда женщины-часовые провели его в личные покои, где вместе с Мэлис оказалась большая часть знатных дроу дома До'Урден: Бриза, Майя, патрон Риззен, Дайнин.

Закнафейн быстро оценил атмосферу, и она была совсем не такой, как следовало ожидать накануне праздника.

Как только стражницы объявили о его появлении и удалились, в помещение вошла Вирна.

Зак подозревал, что этот момент она выбрала не случайно.

- Я выполнил все ваши поручения, верховная мать, - поклонившись, сказал Закнафейн.

- Недостаточно скрытно, - ответила женщина, вызвав недоумённый взгляд оружейника. Мэлис ничего не говорила о скрытности, отправляя его на задание. Да и как можно оставаться скрытным, выбирая на острове подходящего рофа? Как можно оставаться скрытным, догоняя патрульный отряд и заменив благородного воина простолюдином?

Как можно оставаться скрытным, доставляя бумаги в Арах-Тинилит? Каждый крупный дом в городе, даже средние дома, следили за этим зданием в первую очередь!

- Ходит слишком много слухов, - объявила мать Мэлис, драматично поднимаясь и взмахнув рукой, чтобы обвести всех собравшихся. - Завтрашний праздник отменяется. Никакого *белболькахал*.

Это вызвало серию стонов и шёпота у остальных, показавшуюся Закнафейну слишком отрепетированной. Рядом заёрзала Вирна — и сникла под его взглядом, когда оружейник поближе к ней присмотрелся.

- Мы не можем позволить, чтобы правящий совет увидел нас отмечающими годовщину поражения Де'Виров, - продолжала мать Мэлис. - Ходит слишком много слухов о нашем участии — и может быть, причина в болтливости членов нашего дома.

Зак заметил, что её взгляд продолжает возвращаться к нему, и всё, что мог сделать оружейник — подавить смехок, вызванный нелепостью происходящего. В Мензоберранзане все знали, что случилось с домом Де'Вир.

Все.

Но потом Зак понял, что мать Мэлис говорит не о слухах, касающихся падения дома Де'Вир. Нет, она играет в одну из своих игр — на сей раз нацелившись на него. Она повернулась к старшей дочери, жестокой Бризе, и кивнула.

- Он ещё в часовне? - спросила Бриза, быстро шагнув к дверям и опустив руку на рукоять своей шести головой змеиной плети.

Вирна пробормотала подтверждение.

- Что ты наделала? - тихо спросил её Закнафейн.

- Что *ты* наделал? - резко поправила его мать Мэлис. - Что ты осмелился сотворить?

- Я... не сделал ничего, - в замешательстве ответил Зак.

- Мальчика отдадут под твоё начало, когда настанет время, - сказала ему Мэлис. - До тех пор он не твой ученик и не твоё дело. Сломать ребёнка — обязанность Вирны и тех, кого я иногда привлекаю к этой задаче.

Когда она закончила, дверь в комнату резко захлопнулась — ушла Бриза.

Закнафейн опустил голову, чтобы притвориться покорным и скрыть свою нарастающую ярость.

Он знал, что дело вовсе не в обучении Дзирта, хотя прямо сейчас его сына должны были жестоко исхлестать. Нет, Мэлис дрессировала самого Зака, напоминая, что в конце концов он всего лишь мужчина. Очень маленький мужчина в матриархальном мире.

Джарлакс встал, как вкопанный, когда той же ночью зашёл в «Сочащийся миконид». Он только что вернулся с тайной встречи с госпожой Сос'Ампу, где обсуждался дом До'Урден и неожиданный визит Закнафейна (который был известен Бэнрам, как старый сотрудник Джарлакса) в Арах-Тинилит. Так что возвратившись в таверну, он по-прежнему думал о старом друге — и за обычным столиком в углу у дальней стены обнаружил Закнафейна До'Урдена собственной персоной.

Джарлакс прикрыл свободный глаз и взглянул на оружейника через магию повязки, не в силах поверить, что его старый друг, которого наёмник не видел уже несколько лет, сидит за своим старым столом, сторбившись над стаканом — так похоже на Закнафейна Симфрея, впервые посетившего это место.

Предводитель наёмников подошёл к бару и взял собственный напиток, затем отмахнулся от назойливых вопросов подчинённых и направился напрямик к столику Закнафейна, рухнув на место напротив оружейника с тем же удобством, с каким мог скользнуть в старые сапоги.

- За старые времена, - произнёс он тост, поднимая стакан.

Закнафейн настороженно взглянул на него на какое-то мгновение, потом кивнул и поднял свой стакан, чокнувшись с Джарлаксом.

- Я очень рад — или, может быть, следует сказать почтён? — что ты вернулся в моё скромное заведение, - заметил Джарлакс.

- Можешь так сказать, но я в это не поверю, - ответил Закнафейн, заставив товарища широко ухмыльнуться.

- Увы, ты видишь меня насквозь.

- Как тощий желатиновый куб.

На этот раз Закнафейн поднял стакан в тосте.

- Но сам остаёшься для меня непроницаем, как чёрное желе, - сказал Джарлакс, когда они снова чокнулись.

- В такое не поверит никто из твоих знакомых, но в этом и состоит очарование твоей лжи. Все знают, что ты лжёшь, но большинство слишком сильно старается понять — ради чего. Но я не такой, Джарлакс. Я знаю, что суть твоей лжи — в самом очаровании, и только. Обычно, по крайней мере.

- И ты различаешь, когда речь не только об очаровании?

- Разумеется.

- Я уже слышал такие заявления.

- От кого?

- От тех, кто прожил недостаточно долго, чтобы ты их знал, или погиб слишком почётно, чтобы я стал о них рассказывать.

Закнафейн размышлял над этим какое-то время, потом пожал плечами и взял ещё один стакан.

- Рад снова тебя видеть, - заметил через несколько секунд Джарлакс. Секунд, за которые отсутствующий взгляд Закнафейна съехал вбок. Что-то его беспокоило.

- Мне нужна твоя помощь, - сказал Закнафейн, возвращая взгляд к наёмнику.

Джарлакс не ответил.

- Я знаю, - сказал Зак. - Я годами избегал тебя, и вот — прихожу, когда того потребовала ситуация. Я понимаю...

- Ты мой друг, - оборвал его Джарлак. - Мало найдётся тех, про кого я могу такое сказать. Если ты не пришёл бы за помощью, я был бы оскорблён.

Закнафейн кивнул.

- Вытащи меня отсюда.

- Откуда?

- Из города. Я хочу, чтобы ты вытащил меня из города.

- Тайно? Ты планируешь сбежать из Мензоберранзана?

- Нет, ничего такого. Я хочу просто уйти на какое-то время, но не навсегда. У меня впервые есть причина, чтобы остаться, более весомая, чем собственная слабость.

- Второй сын, - предположил Джарлак, и Закнафейн кивнул.

- Так зачем уходить? - спросил командир наёмников.

- Ради него, второго сына, моего сына Дзирта, - объяснил Зак. - Мэлис использует...

- Мать Мэлис, - строго поправил Джарлак, и Зак застыл, изумлённо глядя на друга. Джарлак не смог притворяться серьёзным и рассмеялся.

- Говори, дружище. Что задумала эта мерзкая ведьма?

- Она использует Дзирта, чтобы наказывать меня и управлять мной — очень серьёзно наказывая его, - объяснил Зак. - В следующие несколько лет я практически не смогу ему помочь — я едва могу подойти к нему, а когда это случается, Мэлис часто показывает мне, как глупо с моей стороны вмешиваться в её замыслы.

- Значит, ты оставишь ребёнка Мэлис ради самого ребёнка?

- Как бы глупо это ни звучало, я больше ничего не могу поделать — а в те моменты слабости, когда думаю иначе, мне быстро напоминают, что к чему. За счёт Дзирта.

- Ты просишь о многом, - сказал Джарлак, обдумав просьбу Зака. - Мэлис так просто тебя не отпустит — и, боюсь, Дзирту придётся несладко, если ты просто сбежишь.

- Нет, просто сбежать я не могу. Я хочу, чтобы ты всё устроил — так, чтобы Мэлис не смогла отказаться.

Джарлак откинулся на спинку и потёр лицо. У него на примете была лишь одна миссия за пределами Мензоберранзана, и она включала в себя очень запутанную и опасную ситуацию, которая могла серьёзно навредить дому, заподозренному в участии на стороне Бреган Д'эрт.

Но в остальном эта миссия полностью соответствовала желаниям Закнафейна...

- Что ты знаешь о доме Ханцрин? - спросил Джарлак.

- Ханцрин? - с заметным удивлением спросил Зак. - Каменные головы? Я только что был на Донигартене, забирал рофа у дочери дома Ханцрин. Малый дом, да? Про который никто не и не вспомнил бы, если бы не их поля и скот на Донигартене.

- Не такой уж и малый, и общее мнение скоро изменится, - заверил его Джарлак.

- Они контролируют большую часть городского хозяйства.

- Но они слабы.

- В городе — да, но у них есть ниточки, за которыми нужно следить и иногда подрезать. Пойми, они пользуются благосклонностью Ллос, и более того — благосклонностью восьми домов в правящем совете. Всех восьми. Даже Облодра.

- Похоже на устранение цели, - сказал Закнафейн. - Просишь меня убить кого-то в обмен на то, что вытащишь меня из города? Ну, если это жрица Ллос, то я согласен.

- Если бы всё было так просто! - ответил Джарлак. - Нет, здесь необходимо куда больше — и опасности, и смекалки. Я сомневаюсь.

- Потому что я не опасен и не смекалист? - с фырканьем спросил Зак.

- Ты и то, и другое — возможно, больше любого из моих знакомых, не наделённых великой властью с рождения. Но последствия могут коснуться не только тебя. Они могут коснуться и дома До'Урден, если мы не будем предельно осторожными.

- Мы всегда предельно осторожны.

- Боюсь, что могу припомнить историю-другую о том, как мы бегали по паутинным балконам Чед Насада.

- Там нас было трое, - напомнил Закнафейн, и Джарлак вздрогнул при упоминании Аратиса Хьюна, который когда-то был ближайшим союзником и главным советчиком командира наёмников. - И тогда я тоже, - продолжал Закнафейн, - был очень осторожен, смекалист и опасен. Смертельно опасен.

- Действительно. Я по-прежнему работаю кое над чем — мне нужно многое обдумать и проделать большую подготовительную работу, - пояснил Джарлак. - Когда ты сможешь вернуться?

- Подозреваю, пройдёт по меньшей мере месяц, прежде чем я снова смогу улизнуть из дома До'Урден.

- Хорошо. Мне потребуется это время. И может быть, придётся обдумать эту возможность получше.

- А если это окажется невозможно?

- Тогда я найду другой способ вытащить тебя из Мензоберранзана на затяжной... отдых, - пообещал Джарлак.

Закнафейн кивнул, затем прикончил свой напиток одним огромным глотком и встал из-з стола. Едва кивнув старому другу, оружейник покинул таверну, возвращаясь в дом До'Урден.

- Слышала? - спросил Джарлак жрицу Даб'ней, подошедшую к столу, как только ушёл Закнафейн.

- Только окончание. Хочешь впутать Закнафейна в наши дела с домом Ханцрин? Он тесно ассоциируется с крупной городской семьёй, - предупредила она. - Ты запросто можешь развязать войну.

- Я всегда получаю выгоду от войны, - незамедлительно отозвался Джарлак.

- И как велика будет твоя выгода, если Закнафейна убьют? - спросила Даб'ней. - Как велика будет твоя вина, если не убьют его, зато убьют его сына?

- Не так уж и велика, - признал Джарлак. - И поэтому мы должны действовать с умом. Хочешь сказать, что расстроишься, если придётся отправиться в дикое Подземье вместе с Закнафейном?

Ответом Даб'ней стала улыбка, задержавшаяся на несколько мгновений, прежде чем жрица спросила:

- Думаешь, мать Мэлис отпустит его?

- Это лёгкая часть, - ответил Джарлак. - Куда сложнее — то, что может случиться, пока его не будет.

Услышав собственные слова, наёмник задумчиво откинулся на спинку стула. Готов ли он зайти так далеко, пытаясь укрепить роль Брегана Д'эрт, как могущественной силы в Мензоберранзане? Вовлекая Зака, он действительно рискует

развязать войну между домами, причины которой можно будет отследить до него. Хуже того, Джарлак прекрасно понимал, что если в тоннелях Подземья дела пойдут скверно, скорее всего Ханцрины уничтожат всю его экспедиционную команду.

Включая Закнафейна, каким бы умелым тот ни был.

Готов ли Джарлак так сильно рискнуть?

Время тянулось невыносимо медленно, пока Закнафейн продолжал заниматься своими обязанностями в доме До'Урден. Насколько мог судить оружейник, мать Мэлис не узнала про его тайную вылазку на Улицы Вони для встречи с Джарлаком — по крайней мере, она не наказала за неё Дзирта и ничего не сказала самому Заку.

Теперь оружейник проводил время почти исключительно на первом ярусе, ярусе для простолудинов, без продыха занимаясь с домашней стражей — координируя их дозоры и оттачивая боевые построения. Он поднимался на второй ярус лишь иногда, по ночам, когда Мэлис вызывала его к себе в постель.

Он не хотел делать ничего, что могло бы вызвать гнев верховной матери — теперь, когда у неё был способ причинить ему настоящую боль.

Уязвимость. Да, именно так. Закнафейн и представить себе не мог подобное чувство беспомощности и искренней эмоциональной боли. Он думал о многих часах, проведённых с младенцем после падения дома Де'Вир, о связи, которую установил с Дзиртом.

Теперь он подозревал, что Мэлис специально допустила эти визиты. Хотя собственное сердце женщины очерняла тень госпожи Ллос, она прекрасно понимала уязвимость родителя. Она наверняка считала это слабостью, и скорее всего с самого начала подозревала, что Закнафейн подобной слабостью наделён.

И была права. Теперь Зак отчётливо это понимал.

Впервые в жизни он боялся её. Впервые в жизни он знал, что она может его сломать. Она всегда могла убить Закнафейна, пытать его, даже превратить в драука. Упрямый Закнафейн способен был принять такой риск.

Но теперь... теперь Мэлис могла сделать всё это с его ребёнком.

Она могла сломать его.

Он работал с парой десятков воинов у загона для ящеров в задней части первого яруса, когда внутрь вбежала посыльная, задыхаясь от спешки.

- Закнафейн, оружейник! - выдохнула она, когда увидела Зака.

Каждый её шаг ударял по сердцу Зака, как будто кто-то бил его барабанной палочкой.

Молодая женщина резко остановилась, едва не врезавшись в него несмотря на исключительную ловкость дроу, и сунула ему пергамент.

- В тронный зал, немедленно, по приказу матери Мэлис! - выпалила она.

- Я занят...

- Немедленно! - крикнула на него женщина. - По приказу матери Мэлис отказ не принимается. Немедленно!

Зак взял пергамент у неё из рук и прочёл его на ходу, а потом отшвырнул, когда понял, что это всего лишь подписанная Мэлис записка без намёка на причину для спешки.

Он боялся, что знает, в чём дело. Он боялся за Дзирта.

Он изо всех сил старался шагать уверенно и твёрдо, пересекая зал и направляясь к возвышению, где сидела Мэлис в окружении троих дочерей. Его несколько утешал тот факт, что ни одна из них, даже Бриза, не казалась довольной — а ведь они были бы довольны, в особенности Бриза, ожидай его жестокое наказание.

Последние несколько шагов он приглядывался к Вирне, но она была бесстрашна, почти скучала.

- В последнее время тебя почти не видно, - сказала ему Мэлис, когда он подошёл к ступенькам, ведущим к трону, и поклонился.

- Я не покидал дом.

- Ты мало времени проводил среди знати.

- Мы уже семь лет не участвовали в войне, - объяснил Зак. - Я боюсь, что менее... преданные среди нас разучились сражаться иначе, чем в поединке один на один. Эти уроки следует обновлять, и поэтому я...

- Да, да, да, - отмахнулась Мэлис. - Уверена, что твои усилия хорошо нам послужат. Но ты оружейник, и твои обязанности не заканчиваются на том, чтобы выстраивать пешки в боевой порядок.

- Я доступен старшему сыну или любому знатному дроу для индивидуального обучения, если они того пожелают.

- Хватит разговоров об обучении, скучный глупец, - упрекнула его мать Мэлис. - Ты — одно из главных лиц дома До'Урден. Твоя самая важная роль — развлекать меня по моей причуде. Кроме того, ты должен быть доступен и в Мензоберранзане, а не только для сил нашего дома.

- Вы хотите, чтобы я отправился в город?

- Не на Улицы Вони, если ты на это намекаешь, - быстро ответила верховная мать. - Нет, время от времени возникают другие возможности, и я ожидаю, что ты будешь их использовать — чтобы ярко осветить девятый дом Мензоберранзана.

- Всегда к вашим услугам, великая мать Мэлис, - сказал он с очередным поклоном.

- Сегодня нам предложили как раз такую возможность, - объяснила она. - Верховная мать Бэнр послала мне записку про экспедицию, покидающую город с целью разграбить мелкое поселение грязных свирфнеблинов. Нам предстоит победить гномов, и я рассчитываю, что твои личные победы затмят всех остальных участников.

- Разумеется, верховная мать, - ответил Зак, не поднимая головы, пытаясь решить, как отнестись к этой новости. Была ли это экспедиция Джарлакса под прикрытием? Или поблизости действительно находится отряд глубинных гномов, от которого надо избавиться?

- Будь у северных ворот, когда свет Нарбондель достигнет высоты взрослой женщины. Доложишь... - она замолчала и прочитала имя на пергаменте, который держала в руках. - Доложишь городскому разведчику Беньяго Курту из первого дома, который возглавит вашу группу.

Закнафейн украдкой вздохнул с облегчением. Беньяго Курт действительно был знатным дроу из этого влиятельного дома, но также он считался одним из самых важных дипломатов и разведчиков в Бреган Д'эрт.

Закнафейн получил свой побег.

ЧАСТЬ 2

Укрепления и просветление

Я захвачен врасплох, и это намного больнее любых неприятностей, с которыми я встречался — даже в бою. В отличие от боя, боюсь, что восстановление окажется намного более сложным и займёт не один день, месяц, год или даже жизнь.

Если я вообще сумею отыскать путь к принятию моего сына и тех, кого он считает своими дорогими друзьями — тех, кого он ценит больше меня. Последняя мысль — вовсе не жалоба, ведь эти друзья были рядом с ним большую часть жизни, сопровождали его во многих приключениях и стояли плечом к плечу во многих битвах — легендарных сражениях, судя по тому, что рассказал мне Джарлак.

Так что дело не в ревности и в не горечи по поводу его отношений с другими.

Кроме того, я сам виноват в своих текущих затруднениях. Я знаю об этом, но признаваться даже самому себе — больно.

Я слышу слова, слетающие с моих губ, рефлекторные шутки и уколы, и только увидев выражения на лицах собеседников — и услышав иногда разгневанную отповедь — только тогда понимаю, что нанёс оскорбление.

Я выпал из мира живых почти на две сотни лет. Может быть, настали другие времена, но кроме того — я оказался в месте, подобного которому никогда не знал в прошлой жизни.

Моя прошлая жизнь принадлежала тёмному эльфу, дроу Ллос. Я никогда не жил за пределами Мензоберранзана и провёл свои полвека только там, за исключением отдельных миссий, все из которых, кроме двух, проходили в Подземье и в основном заключались в патрулировании тоннелей вокруг пещеры, содержавшей мой родной город, или в других городах дроу под пятой Паучьей Королевы — обычно в Чед Насаде.

В той прошлой жизни я видел нескольких людей, пару дюжин dwarфов и лишь горсточку эльфов. И я хорошо с ними обходился — даже старался заставить других быть такими же милосердными, насколько это возможно без того, чтобы обречь собственную жизнь.

Я думал, что это было правильно, было чем-то таким, что позволяло мне облечься мантией гордости. Как благородно поступает Закнафейн, отказываясь пытаться или убивать dwarфов просто за то, что они dwarфы!

Я не видел собственных предрассудков и относил свои тихие, искренние чувства просто на счёт «порядка вещей».

Мне даже в голову не приходило, что в восхвалении собственной доброты тоже скрывалось молчаливое чувство превосходства. Молчаливое, но не могу сказать, что ненамеренное. Какое-то время я признавал ценность человека, dwarфа, эльфа, полурослика или гнома как личности, а не как чудовищ-гоблиноидов — и хотя я пытался в своём кратком общении судить этих не-дроу по их убеждениям и тому, что было в их сердце, по их словам и поступкам, эти суждения выносил один лишь разум.

Их не было в моём сердце.

Заключалась ли причина просто в моём воспитании или дело было в обществе, в котором я жил, в «порядке вещей», правда в том, что я считал себя — дроу — выше. Я

не признавал этого — может быть, не мог осознать — но обладал определёнными ожиданиями по поводу ограниченности других народов, физической и ментальной.

Теперь я отчётливо это вижу, особенно столкнувшись с реальностью, в которой мой сын женился на человеческой женщине, а она носит дитя человека и дроу!

Я вижу свои собственные предрассудки, но это не значит, что от них легко избавиться.

Нет. Я вижу правду каждый раз, когда с моих губ срывается насмешка, укол, подначка — унижительная для окружающих меня не-дроу или предназначенная напомнить тем немногим дроу рядом о «порядке вещей».

Теперь я знаю. «Порядок вещей» — самый упрямый и губительный демон из всех.

— Закнафейн До'Урден

ГЛАВА 7

Восемь сотен

*Год Возрождения Дварфийского Рода
1488 по Летосчислению Долин*

- У нас есть для тебя подарок, - сказала йоклол Йикардария верховной матери Жиндии Меларн, войска которой разбили лагерь в Кровоточащих Лозах, разрушенной деревне полуросликов.

- Похоже, он тебе понадобится, - хихикнула Эскавидне, другая служанка Паучьей Королевы. Их истинная природа не могла быть ещё более очевидна. Они явились не в своей естественной форме, похожей на обмякшую, полу расплавленную свечу из жидкой грязи, а в обличье прекрасных женщин-дроу — полностью, бесстыдно обнажённых. Однажды они объяснили Жиндии, когда та пожаловалась на отвлекающий эффект их присутствия, что для них облечься в тело дроу — всё равно, что надеть костюм животного, так зачем обременять себя жалкой одеждой, если голое тело намного более эстетично?

- Понадобится? - переспросила верховная мать, не скрывая своего скептицизма. - Дварфы заперты в своей норе без путей к бегству. Полурослики... - она замолчала и взмахнула рукой, приглашая йоклол взглянуть на распотрошённые здания. - Если верить докладам, Лускан пал перед Бревиндоном Маргастером, а Порт Лласт разрушен. Я практически завоевала Север — причём очень быстро.

- Практически, - сказала Йикардария.

- Нам передать госпоже Ллос, что ты отказываешься от её великого и щедрого дара? - добавила Эскавидне.

- Нет, конечно нет, - поспешила уточнить Жиндия.

- Где твои демонические орды? - спросила Йикардария.

- Внизу, сражаются на верхних ярусах комплекса, который дварфы зовут Гонтлгримом. Но скоро я переименую его в знак преклонения перед победоносной Паучьей Королевой.

- В верхних тоннелях. - сказала Эскавидне.

- Дварфы — упрямый противник, - добавила Йикардария. - Многие владыки демонов говорили мне, что за каждого погибшего дварфа приходится платить сотней демонов. Может, даже больше.

Жиндия Меларн пожала плечами.

- Ряды демонов можно восполнить. Они открыли ворота в Бездну, через которые постоянно проходят новые войска, в том числе — воскресшие младшие изверги, которых уничтожили днём раньше.

- Но старших демонов, способных на создание таких порталов, осталось меньше, чем было в начале твоего приключения, - напомнила ей Йикардария.

- Конечно. Поэтому я приказала им не участвовать в сражениях, - ответила Жиндия. - Признаю, не так-то просто заставить их выполнить этот приказ. Слишком любят убивать.

- Скажи нам, дитя, как ты поступишь, когда появятся первые человеческие армии, чтобы сразиться с тобой здесь? - спросила Йикардария. - Когда придут лорды Глубоководья со своими тысячами, а твои армии демонов останутся внизу — вести битву с дварфами?

Мать Жиндия напряглась.

- Ты думаешь, дварфы останутся сидеть в своей норе, когда ты отзовёшь демонов сюда? - продолжала Йикардария. - Они не трусы.

- Лускан...

- Лускан ничем тебе здесь не поможет, - настаивала Йикардария. - Город держится на грани — и так будет продолжаться месяцы, если не годы. Там остаются более грозные силы, чем войско Бревиндона.

- Главная башня, - произнесла Жиндия.

- Другие, - ответила прислужница.

- Если ты говоришь о наёмниках Джарлакса, отправляйся в Мензоберранзан и потребуй, чтобы верховная мать Бэнр усадила их на поводок, а его отхлестала плетью!

Обе йоклол хихикнули.

- Мир на поверхности широк, мать Жиндия, - сказала Эскавидне. - Здесь много сил, с которыми приходится иметь дело. Пока орды демонов сражаются под землёй, ты уязвима наверху.

- Но у меня есть дар Ллос, пауки-захватчики... - начала спорить Жиндия.

- Один из конструкторов потерпел неудачу и был уничтожен, - вмешалась Йикардария, и кровь отхлынула от лица Жиндии. Йикардария пристально посмотрела на неё, давая понять, что приняла утрату захватчика близко к сердцу.

- Как такое возможно? - спросила Жиндия с редкой дрожью в её голосе.

- Другой вернулся в Бездну с победой, - добавила Эскавидне, - а значит, Дзирт До'Урден уничтожен. И за это ты получаешь награду. Твоя награда — подарок госпожи Ллос. Разве что ты так уверена, что он тебе не нужен, что готова отказаться.

Мать Жиндия осторожно улыбнулась, услышав эти новости, радуясь тому, что получит славу верховной матери, победившей заклятого врага Ллос. Однако она услышала их слова, и потому быстро ответила:

- Я с благодарностью и смирением приму любой дар от Паучьей Королевы.

Йоклол переглянулись, затем отступили от Жиндии. Каждая вытянула перед собой руки — левая рука сверху, правая снизу. Они переплели пальцы и начали петь, затем медленно разошлись, плавно проводя руками по воздуху, оставляя след чёрного дыма.

Этим дымом они начертили высокий и широкий дверной проём, затем отступили, продолжая петь, и дым засосало внутрь, где он заполнил область внутри образованного прямоугольника.

Пение стало громче, как будто требуя покорности от того, что находилось внутри. Через проём прошла большая паучья лапа, затем вторая, и наружу вышел крупный драук, быстро отступив в сторону.

Затем второй, а потом и третий, новые и новые драуки потекли вперёд — сотня, ещё одна сотня, собираясь в боевые построения, заполняя всю разрушенную деревню. Врата оттеснили дроу Меларн и эскорт драуков, который они привели собой из Мензоберранзана.

- Что это? - охнула мать Жиндия, едва протолкнув слова сквозь дрожащие губы.

- Когда драуков убивают, Ллос не освобождает их от службы, - сказала Йикардария. - Узри войско мёртвых драуков, еретиков-дроу утраченных веков. Теперь они твои — ещё большее войско.

Жиндия искала и никак не могла найти слов. Сотни драуков, покорные её власти? Она надеялась исполнить свою судьбу, разделавшись с еретиками — цель, которая казалась по крайней мере наполовину достигнутой — но теперь, с этой новой подаренной ею силой, чего ещё сумеет она достичь?

- Армия демонов не вечна, - сказала Йикардария, как будто прочитав её мысли. - Ни одна демоническая армия не может вечно присутствовать на материальном плане. Когда их не останется, Север будет захвачен — но не тобой и не надолго. Нет, твои союзники будут удерживать Лускан, Порт Лласт и земли северного побережья Меча. Но твоё место не здесь.

- Гонтлгрим, - сказала Жиндия.

- Думай шире, - ответила Эскавидне. - Мать Зирит, теперь из дома До'Урден, с радостью нанесёт удар и захватит великий комплекс и волшебную кузню для детей Ллос, а превосходство твоих союзников в Лускане вынудит Громфа Бэнра выбрать сторону — и несомненно он выберет твою.

- Мензоберранзан, - выдохнула мать Жиндия. - Я победительница главного еретика, и мои армии вернут Знафейна в его могилу. Даже дом Бэнр склонится передо мной, когда я вернусь в Мензоберранзан с этим войском за спиной.

Йоклол переглянулись, улыбнулись, затем шагнули через свой портал и пропали — а за ними исчез и сам портал.

Когда они ушли, Черри Ханцрин, первая жрица могущественного дома дроу, союзников дома Меларн, осторожно подошла к матери Жиндии.

- О чём был разговор? - тихо спросила она. - Откуда и как появились эти драуки?

- Дзирт До'Урден мёртв.

Черри втянула воздух.

- Но всё же... это?

- Это? - со смешком отозвалась мать Жиндия. - Это, моя дорогая старшая жрица Черри, доказательство того, что твоя мать поступила правильно, заключив союз с домом Меларн. Это, старшая жрица Черри, победа.

Слово несколько мгновений висело в воздухе, и Жиндии понравилось, как оно звучит, так что она повторила его снова.

- Победа.

- Клянусь своей жёлтой бородой! Рад видеть вас в добром здравии, моя королева, - сказал Скиддидей Громобой Широкопояс, коренастый дварф с бородой, так сильно пострадавшей от неудачной попытки заплести её в косички, что она скорее напоминала пригоршню брошенных на пол червей, чем нечто приличествующее лицу живого существа.

- И я тоже рада тебя видеть, Скид... Громобой, - ответила королева Маллабритчес Боевой Молот.

Дварф, который сам дал себе это среднее имя и предпочитал, когда другие называли его именно так, просиял беззубой ухмылкой.

- Я просто подумал, что раз вы были на переднем крае сражения...

- Я получила свою порцию тумачов, как и все остальные, - ответила она. - Никогда не видала так много демонов разом. И так близко.

- И они продолжают прибывать, - проворчал Скиддидей, кивая.

- А внизу у ворот? - спросила Маллабритчес.

- Тихо, моя королева.

- Ты их видел? Хоть кого-то?

- Ни единого вонючего дроу, моя королева.

Маллабритчес прошла в широкую железную дверь, затем подступила к парапету рядом со Скиддидеем, выглядывая за стену в другой конец длинного коридора.

- Мы знаем, что они там.

- Да, моя королева. Я видел их в хрустальном шаре до того, как король Бренор послал меня сюда.

- Но ничего?

Дварф покачал головой.

- Что скажешь, если мы выйдем наружу и поищем?

- Моя королева?

- Собирай двадцать лучших парней и давай посмотрим.

Скиддидей вытаращил глаза, как будто пытаясь — и потерпев поражение — помешать себе покачать головой.

- Да брось ты, - подмигнув, сказала ему Маллабритчес. - Сам можешь остаться, если нет настроения.

- Никогда, моя королева!

- Но ты мешкаешь.

- Мой приказ был стоять здесь, только здесь, у закрытой двери в запечатанный Гонтлгрим.

- Конечно, приказ тебе отдал король Бренор.

- Да, моя королева!

- А я кто?

- Ээ, моя королева, вы моя королева, я хотел сказать. Одна из моих королев!

- Ага, так и есть. Так что собирай двадцатку лучших. Мы выходим наружу.

- Да, моя королева! - с огромным энтузиазмом отозвался Скиддидей и нырнул обратно в открытый проход, промчавшись мимо боковых комнат, криком поднимая своих парней.

Маллабритчес продолжала смотреть в длинный коридор, заполненный волшебными огнями, насколько хватало глаз. Она не удивилась, что Скиддидей и другие ничего не видели у этих ворот.

Но дроу были там.

И они строили козни.

Он увидел дроу издалека и не осмелился приближаться, несмотря на свою бестелесную газовую форму.

Сотни дроу шагали по коридорам Подземья ниже Гонтлгрима, устраивая свои часовни и казармы в естественных пещерах, отправляя патрули во все стороны. Он знал, что в их рядах было много волшебников и ещё больше жриц. Тибблдорф Пвент был знаком со знамёнами и привычками тёмных эльфов.

Волшебников и жриц он старался избегать, поскольку те могли обнаружить его даже в таком виде — и скорее всего, могли его уничтожить.

Он вернулся в нижний коридор, струясь вдоль верхнего угла, там где каменная стена соединялась с потолком, и как раз в этот момент наружу неожиданно вышел отряд dwarфов.

Пвент с любопытством пригляделся к ним, не понимая, зачем они покинули оборонительные позиции. Здесь было всего два десятка dwarфов.

Там были сотни дроу.

Dwarf-вампир встревожился ещё сильнее, когда узнал одну dwarfийку: Маллабритчес. *Королева Маллабритчес.*

Потребовалась вся его сила воли, чтобы удержаться в этой газовой форме, чтобы воспротивиться порыву стать телесным перед этими dwarфами. Однако боялся он собственной реакции.

Поскольку искушение стало сильнее, превратилось в постоянный зуд, вечный голод, который от простого взгляда на прекрасную королеву Маллабритчес стал почти оглушительным.

Может, я достаточно силён, чтобы заставить её любить меня вечно..

Он почувствовал, как становится более плотным, как сгущается газ.

Она будет моей собственной королевой... у Бренора есть другая...

Тихое рычание заглушило голоса в его голове. Пвент снова заставил облако газа растечься шире.

Но она полюбит меня, а я подарю ей вечную жизнь!

Туманное облачко, которым был Тибблдорф Пвент, промчалось по коридору, удаляясь от dwarfийских солдат, прочь от искушения, которым была королева Маллабритчес — да и все остальные, раз уж на то пошло, поскольку Пвент больше не мог смотреть на разумного живого гуманоида, не испытывая желания кормиться, и хуже того — не испытывая желания доминировать, поработать, или даже возвысить кого-то другого, может даже нескольких, до полноправных вампиров.

Я мог бы создать собственный клан... Клан Пвент... нет, клан Кишкодёрсов! И что за могущественный клан это был бы! Мы спасём Гонтлгрим, да! И отбросим этих проклятых дроу обратно в их норы.

Пвент просочился в трещину в полу и материализовался в пустом коридоре уровнем ниже. Он понимал, что сейчас должен был задыхаться, если бы по-прежнему дышал. Ошеломлённый вампир шатался по коридору из стороны в сторону, пытаясь отделить рациональные мысли от навязанных злом фантазий, пытаясь отделить сознательный порыв от жажды крови и убийства, не желавшей его отпускать.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем первые звуки битвы достигли его обострённого слуха.

- Королева Маллабритчес, - встревоженно прошептал он.

Не успев осознать, что делает, он превратился — и газовое облако Пвента скользнуло в потолочную трещину и потекло по верхнему коридору. Даже в этой форме он чувствовал запах крови.

Сладкий, сладкий запах крови.

Он летел, как на крыльях урагана, хотя на такой глубине воздух был неподвижен. Вдоль стен, по трещинам в потолке, сквозь новые стены, срезая углы долгих извивающихся коридоров.

Он обнаружил dwarфов, сражающихся с несколькими дроу и толпой гоблинов и багбиров. Он сразу же заметил королеву Маллабритчес. Могучая женщина обоюдоострой секирой разрубила грудь атакующего багбира.

Остановив эту атаку с той же эффективностью, с которой могла бы остановить чудовище каменная стена.

Полетел багбир, полетели капли багбирской крови, и Пвенту показалось, что последние движутся медленно, каждая капля отдельно, ясно — слишком ясно — различимая.

И запах заполнил его. Одна из капель даже отлетела достаточно далеко, чтобы пройти через облако газа.

Пвент почувствовал её вкус! Медный. Сладкий и липкий.

Один из гоблинов поставил dwarфу подножку, второй гоблин проткнул его мечом, женщина-дроу подскочила, чтобы закончить дело.

Ярость Пвента одолела его вампирический голод.

Облако сгустилось, и Пвент приземлился на ноги рядышком с dwarфом, прямоком перед дроу, которая от неожиданности отпрянула.

Пвент ударил правым кулаком в сторону. Шип на руке воткнулся в гоблина с мечом, пробив ему грудь. Гоблин соскользнул с окровавленного шипа, упал, взвизгнул и начал задыхаться, разбрызгивая кровь.

Когда дроу отступила, берсерк-вампир прыгнул назад и вверх. Сильные ноги подбросили его высоко в воздух, поднимая над вторым гоблином — как раз когда тот ринулся вперёд, чтобы ударить Пвента в спину. Пвент рухнул вниз, похоронив под собой гоблина, хотя к несчастью — прямоком над павшим dwarфом.

Пвент схватил гоблина и рванул его в сторону, перекатился на спину и прижал его к себе, затем перекатился дальше, снова оказавшись сверху. Dwarф начал трястись и корячиться, всё его тело каталось и извивалось, его острая ребристая броня разрезала гоблина на куски.

Кровь!

Но не гоблинская кровь, нет! Пвент ненавидел вкус гоблинской крови. Однако на камнях перед ним была пролита кровь dwarфа.

- Нет! - протестовали его мысли.

- Нет! - закричал он, увидел отступавшую дроу, и сосредоточился на ней. Ноги бешено заработали, бросая его вперёд, подскользнувшись на крови, споткнувшись о стонущего dwarфа. Он восстановил равновесие, наступив на корчащегося проткнутого гоблина и оттолкнувшись сапогом.

Мечи дроу полетели на него вспышкой, слишком быстрые, чтобы их блокировать.

Так что он не стал этого делать.

Он просто опустил голову и ринулся вперёд, вонзив большой шип на шлеме в туловище дроу, затем нажимая дальше, отбрасывая лёгкую и не такую сильную эльфийку назад — назад, назад, назад, пока она не ударилась о стену. Пвент замотал головой, как волк, убивающий кролика. Он бил руками, коленями и ногами ещё долго после того, как дроу перестала шевелиться, затем отдёргнулся назад, извлекая свой шип, и дроу сползла по стене в сидячее положение.

По-прежнему живая.

И запах...

О, этот сладкий запах! Пвент пригнулся и впился зубами в её шею.

Звуки битвы угасли, сменившись стуком сердца женщины-дроу.

Он больше ничего не слышал. Больше его ничего и не волновало.

Кровь.

Он пил и пил.

- Пвент, клянусь бородой Морадина! - неожиданно и резко услышал он, и распахнул глаза. Он чувствовал себя так, как будто ребёнок застал его за занятием любовью, но это чувство быстро прошло.

Он обернулся и посмотрел на ту, кто окликнул его, королеву Маллабритчес, лицо которой представляло собой маску ужаса.

Ужаса.

Отвращения.

Охваченный стыдом, вампир едва окинул взглядом помещение — только чтобы убедиться, что дварфы одержали победу, хотя некоторые казались ранеными. Комната была завалена телами гоблинов и багбиров — и одной истерзанной дроу.

Тибблдорф Пвент никогда не боялся врагов и никогда не боялся сражений. Но теперь он бросился наутёк и услышал, как Маллабритчес окликает своих подчинённых, приказывая им взять тёмную эльфийку и отнести её назад в Гонтлгрим: «Прежде чем проклятье её заберёт».

Проклятье... ты проклятый... чудовище...

Вампир тяжело прислонился к стене, нуждаясь в какой-то материальной опоре, иначе бы он просто рухнул. Его удивили выступившие в глазах слёзы — Пвент считал, что эта способность была утрачена, когда он перестал дышать.

- Мой король, - прошептал он, пытаясь вспомнить прежние деньки рядом с Бренором, время, проведённое в Мифрил-Холле, время, когда они искали это место, Гонтлгрим. Последним поступком Пвента была защита короля Бренора, и он всегда был с радостью готов отдать жизнь за этого чудесного, чудесного дварфа.

Но теперь... он слышал слова королевы Маллабритчес, жены Бренора. Слова, которые вели к неизбежному выводу.

Пвент был чудовищем, и несмотря на всю свою силу воли, его крепкое сердце и решительность, всю его верность Бренору, он знал без всяких оговорок: проклятие сильнее. Он не может его контролировать.

Всего лишь вопрос времени, когда он сдастся, убьёт дварфа и подарит тому не-жизнь рядом с собой.

Дикий дварф-вампир испустил глубокий, звериный рёв, оттолкнулся от стены и снова побежал — прочь от дварфов, в сторону дроу. Когда он увидел их передние ряды, он хотел пробиться насквозь, убить как можно больше и продолжать сражаться,

пока жрицы не призовут силу их проклятой демонической королевы и не отправят его в забвение.

Но нет, даже в этом он потерпел поражение. Когда поднялась тревога, вампир внутри Тибблдорфа Пвента не позволил ему пожертвовать собой. Проклятье внутри преодолело его решительность, и он снова превратился в облако газа, взлетел к потолку, нашёл трещину и просочился в неё.

Какое-то время спустя он снова стал телесным. Он осел на пол, пытаясь взять себя в руки, и повторил литанию, ставшую его главной молитвой: «Забери меня домой, Морадин. Ты запер меня между сердцем и голодом, и я так не могу. Я так больше не могу».

На знак свыше это не походило, но когда он произнёс эти слова, Тибблдорф Пвент нашёл то, что показалось ему хорошим компромиссом.

Он решил преследовать дроу, наносить удары там, где сможет причинить наибольший урон. Может быть, передавать каким-то образом сведения об их передвижениях обратно в Гонтлгрим.

Полный решимости, он стал летучей мышью, и при помощи обострённых чувств скоро опять оказался рядом с огромным воинством дроу.

- Сколько дварфов было убито? - спросила верховная мать Квентл Бэнр дроу, которые доложили ей о стычке.

Две молодых женщины-дроу переглянулись с заметным беспокойством, которое не прошло незамеченным для Квентл. Их окружали величайшие матери Мензоберранзана, *валшаресси*, которые были скорее королевами города, чем простыми главами отдельных домов. Сама верховная мать Квентл обращалась к ним!

- Кажется, мы убили одного, - начала высокая.

- Мы ранили всех, - быстро вмешалась другая, которая вдруг занервничала и встревожилась.

Первая посмотрела на неё и быстро подхватила.

- Да, верховная мать, и там было лишь несколько дроу. Почти все остальные были гоблинами и багбирами. Даже жалкий солдат-дварф может победить этих гоблиноидов.

- Жалкий солдат-дварф? - повторила Квентл. - Вы знаете, кто держал топор, срубивший голову верховной матери Ивоннель Бэнр?

Обе девушки отпрянули, полностью растерявшись.

- Всего лишь *саргтлин*? - спросила мать Зирит До'Урден. - Почему только воины? Где были волшебники и жрицы?

- Это был небольшой разведывательный отряд, двигавшийся в стороне от основных коридоров, - ответила мать Мез'Баррис, прежде чем успели гонцы.

- Нам нельзя недооценивать этих дварфов, - сказала мать Зирит. - Особенно сейчас, когда мы должны с осторожностью выбирать, в каких битвах сражаться, и ещё тщательнее следить, чтобы ни одна из них не привела к неблагоприятному и необратимому исходу событий.

- Пускай волшебники ведут разведку своей магией, - решила верховная мать Квентл. - Не будем рисковать дроу, не будем рисковать дварфами. И совсем не будем

выпускать этих грязных рабов. Сейчас они ничего не могут сделать в поддержку наших усилий, зато могут сделать всё, чтобы их подорвать.

Две девушки снова переглянулись.

- Идите! - приказала Квентл. - Передайте мой указ и сплотите ряды. Стычек не будет, пока я не решу иначе.

- Ты же не думаешь, что король Бренор Боевой Молот станет вести с нами переговоры? - спросила Мез'Баррис после того, как верховная мать распустила собрание, и остались только *валшересси* и Сос'Ампту Бэнр, которую большинство в городе тоже считало принадлежавшей к этой элитной группе.

- Они кровожадные звери, ничего больше, - заявила мать Биртин Фей из дома Фей-Бранч, важного союзника дома Бэнр. Дочь Биртин, Минолин Фей, сейчас была старшей жрицей в доме Бэнр, женой Громфа и матерью Ивоннель, предполагаемой наследницы Квентл. Все присутствующие валшаресси наверняка заметили, что сказанное Биртин несколько противоречит заявлениям матери Квентл.

Квентл тоже это заметила — напоминание о том, что её решения могут определить всё её правление или лишить её власти.

- Если нам придётся взять дварфийский город штурмом, давайте быстрее с этим покончим, - сказала свирепая Мез'Баррис Армго со зловещим смешком.

- Однажды мы уже попытались, - возразила мать Зирит.

- Только некоторые из нас, - парировала Мез'Баррис.

Зирит Ксорларрин До'Урден сощурилась в ответ на очевидный укол. Она и её влиятельная семья, в прошлом — третий дом Мензоберранзана, захватили комплекс, вставший сейчас у них на пути, и назвали его Ку'Ксорларрином, городом-побратимом Мензоберранзана. Но затем прибыл король Бренор с войском делзунских дварфов, и семью Зирит выдавили из комплекса с огромными потерями, значительно унизив её дом. Её место в правящем совете спасло лишь довольно подозрительное решение верховной матери Квентл сделать уцелевших Ксорларрин заменой дому До'Урден, а Зирит — новой верховной матерью дома До'Урден.

- Отправьте вперёд разведчиков, множество разведчиков, - приказала верховная мать Квентл. - Магов-разведчиков, сплетающих прорицательные заклинания. Найдите для нас другой путь. Я, конечно же, не стану доверять дварфам — и не стану бросать наше войско на укреплённые дварфийские позиции у единственных врат, защищённых от подобного вторжения.

От любых вопросов Квентл отмахнулась. Ей нужно было остаться наедине. Здесь что-то было неправильно, ужасно неправильно. Она знала, что ответы находятся в воспоминаниях Ивоннель Вечной, её благословенном даре.

Но ответы ускользали. Она не могла составить цельную картину и была убеждена, что результат станет концом.

Всего.

- Это дьявольский враг, обученный жестокому убийству, - сказала мать Жиндия Меларн Кирнилл, первой жрице дома Меларн, которая когда-то сама была верховной матерью другой семьи дроу. Кроме того, в просторной входной пещере у стен Гонтлгрима присутствовала Черри Ханцрин.

- Поглядите на их оружие! - продолжала Жиндия, указав со сталагмитового холма на полое укрепление с хитроумно расположенной боковой катапульты, которую можно было убирать и заряжать под прикрытием толстого камня сталагмита, а метательная балка взлетала над вырытыми в холме траншеями, отправляя смертоносные снаряды на свой огневой рубеж. - Свирепые маленькие твари!

- Балор сказал мне, что во время взятия этой пещеры было убито четыре тысячи демонов, - заметила Черри.

- Их заменят, - заверила её Жиндия.

- Некоторых — да, но здесь нашли свой конец многие старшие изверги, которые лишь через сотню лет смогут вернуться из Бездны.

- Их тоже заменят в случае необходимости, - ответила Жиндия с нотой раздражения в голосе. - Пещера завоёвана, разве нет?

- Действительно, дварфов заставили отступить за стены.

- А твоя верховная мать Шакти до сих пор отсутствует, - сказала Жиндия. - Ты понимаешь, что её отсутствие заставляет меня считать, будто наш союз с домом Ханцрин совсем не так прочен, как она меня заверяла?

Черри бросила нервный взгляд на Кирнилл, но бывшая верховная мать не отреагировала и даже попыталась притвориться, что ничего не замечает.

- Она пытается вовлечь дом Фен Тлаббар в наш заговор, - ответила Черри Жиндии.

Фырканье Жиндии оборвало её прежде, чем Черри успела продолжить.

- Вадалма Тлаббар — дура, интриганка и предательница, - сказала Жиндия.

Яд в её голосе удивил Черри, но враждебность — нет. Жиндия старалась привлечь мать Вадалму на свою сторону ещё до того, как решила попытаться завоевать эти земли на поверхности, а позднее — ещё раз, как слышала Черри, получив от прислужниц Ллос пауков-захватчиков. Фен Тлаббар был не последним домом в Мензоберранзане, уступая сейчас лишь Бэнрам и Баррисон Дель'Армго после катастрофы, настигшей дом Ксорларрин здесь в Гонтлгриме.

Однако все считали, что это лишь временное положение, и у Фен Тлаббар есть только один путь: вниз. Они не могли бросить вызов двум верхним домам, а теперь, когда мать Зирит полностью соединила свою могущественную семью с остатками дома До'Урден, ожидалось, что она снова займёт место третьего дома, которое уже занимала много лет в роли верховной матери дома Ксорларрин.

Мать Жиндия глубоко вздохнула.

- Оглядись, - сказала она, проводя рукой налево и направо.

Другие две жрицы последовали за этим жестом, хотя и не нуждались в подтверждении точки зрения Жиндии. Пещера была заполнена драками, ползающими по холмам, патрулирующими каждый дюйм, чтобы обеспечить безопасность этой троице женщин, в особенности Жиндии, которая ими командовала.

Черри прекрасно понимала, о чём речь. Дом Фен Тлаббар считался одним из самых религиозных домов Мензоберранзана, но мать Вадалма снова отказалась от участия в заговоре, несмотря на то, что Жиндия объявила о благословении Ллос. В конце концов, у неё были демоны. У неё были пауки-захватчики — захватчики! - которые считались одним из самых драгоценных даров, что вручала Ллос своим последователям.

А теперь у Жиндии были драуки, опять подаренные ей прислужницами Ллос: огромное войско чудовищных, огромных и сильных драуков.

- Может быть, мать Шакти убедит её, верховная мать, - предположила Черри. - Нельзя недооценить свидетельства того, что милость Ллос на вашей стороне.

Жиндия лишь фыркнула и отмахнулась.

Черри поняла — она знает, что сейчас не нуждается в доме Фен Тлаббар. Её армии достаточно, чтобы закончить начатое, а главная цель — убийство Дзирта До'Урдена — уже была достигнута одним из захватчиков. Какие санкции наложит мать Жиндия на мать Вадалму, когда с победой вернётся в Мензоберранзан?

- Вадалма осознает свою трусость и глупость, когда поймёт, чего действительно хочет Ллос, - сказала Жиндия, и Черри заметила, что она уже второй раз опускает титул верховной матери. - Когда мы вернёмся в Город Пауков, и в моей власти будет вся земля от Лускана до Гонтлгрима, лишь тогда Вадалма поймёт свою ошибку. Может быть, я дам ей ещё один шанс присоединиться. Может быть, радость завоеваний заставит меня проявить милосердие.

Черри прекрасно понимала контекст этой похвальбы: после её великой победы над дварфами, Бреган Д'эрт, контролирующими Лускан, и над двумя еретиками — Дзиртом и Закнафейном, Жиндия собиралась открыто бросить вызов верховной матери Бэнр за главное место в правящем совете. Конечно же, она даст матери Вадалме ещё один шанс присоединиться, и скорее всего мать Мез'Баррис из второго дома тоже пригласят поучаствовать.

Потому что верховная мать Квентл Бэнр не отступит в сторонку, а война с домом Бэнр — серьёзное предприятие, даже с благословения Ллос.

Первая жрица Черри Ханцрин не впервые задумалась, насколько абсурдна вся эта экспедиция и другие цели Жиндии, но когда оглянулась кругом на сотни драуков, так покорно подчинившихся матери Жиндии, она вспомнила, почему мать решила встать на сторону дома Меларн.

- Малфуш! - крикнула мать Жиндия, и огромная женщина-драук резко остановилась, оцарапав лапами камень. Могучее чудовище обернулась, заметило Жиндию и бегом бросилось к ней. Этот драук благодаря своей силе управлял всеми остальными тварями. Даже собственные драуки Жиндии подчинялись этому древнему существу, которого воскресили из мёртвых. Жиндия не возражала — напротив, ведь Малфуш была очень покорной.

- Какие новости из-за стены? - спросила Жиндия.

- Демоны столкнулись с серьёзным сопротивлением, - ответила Малфуш, глядя сверху вниз, но отводя взгляд в сторону в знак уважения.

Она казалась Черри такой странной — этот большой трезубец с лёгкостью мог бы прикончить Жиндию. Но как полностью сломленный ящер под седлом наездника, Малфуш подчинялась хозяйке безоговорочно.

- Старшие изверги безостановочно призывают новых солдат из своего адского дома, - продолжала Малфуш — и сразу посылают их сражаться в тоннели дварфов.

- Но их убивают с той же скоростью, с какой прибывают новые, - осмелилась сказать Кирнилл Меларн. Жиндия окинула её суровым взглядом.

- Да, - подтвердила Малфуш. - Но дварфы не демоны. Они устают, и тогда совершают ошибки. Когда погибает младший изверг, ему быстро приходит замена, но когда погибает дварф, он остаётся мёртвым.

- Хорошо сказано, - поздравила драука Жиндия, не отрывая лаз от Кирнилл.

- Когда мать Жиндия позволит мне повести легионы за стену, оборона дварфов рухнет, и они начнут умирать быстрее, - пообещала Малфуш.

- Твоё желание ещё может исполниться, могучая Малфуш, - сказала Жиндия. - Моё терпение на исходе. Это последняя крепость между мною и моим — нашим — славным возвращением в Мензоберранзан.

И тогда драуков ждёт настоящая битва, подумала Черри Ханцрин, но мудро решила промолчать.

ГЛАВА 8

Чистилище или ад?

- Ты с ума сошла? - воскликнул Реджис, когда Далия забрала у него поводья и развернула повозку на боковую дорогу, отходящую от Торгового тракта, которая судя по всему вела к разрушенной крепости Терновый Оплот ниже у побережья — крепости, по стене которой только что взобрался паук размером с молодого дракона.

Полурослик не сумел вырвать у неё поводья, поэтому подался вперёд, ухватил их поближе к упряжке, с силой дёрнул, и карета резко остановилась.

- Мы должны узнать, что это было! - заявила Далия и потянулась, чтобы оттолкнуть руки Реджиса, но затем поморщилась и бросила поводья, прижав к груди сломанную руку и зашипев от боли.

- Я уже знаю, что это было, и поэтому не испытываю никакого желания... - начал спорить Реджис, но увидел изумление в глазах Далии и замолчал, а затем проследил за её взглядом на юг, вдоль Торгового тракта, назад, где в очередной раз появилась кучерявая маленькая девочка, которая казалась жутким маленьким демоном (в таких вещах Реджис разбирался), улыбаясь своей злобной улыбкой. Однако Реджису показалось любопытным, что хотя у этого дитя были аспекты, которых он привык ожидать от демонических созданий или от призраков, по какой-то пока что непонятной причине она не вызывала у него отвращения.

Но его по-прежнему несколько тревожило, что девочка преследует их от самого Глубоководья, от особняка Маргастер.

- Гони! Просто гони! - взвизгнула Далия, и на сей раз Реджис не стал возражать, хлестнув поводьями и понукая лошадей бежать. Он повёл их назад на основную дорогу, бросив в галоп, как только земля перед каретой стала более-менее ровной.

- Мир сошёл с ума, - буркнула Далия, качая головой. По щекам женщины катились слёзы. Она оглянулась — не на парящую в воздухе девочку-демона, а на пассажирское отделение кареты, где лежал её возлюбленный, Артемис Энтрери, завёрнутый в кусок какого-то неизвестного материала. Она была уверена, что это погребальный саван — который, к тому же, регулярно выпускал наружу свирепых маленьких ос.

Теперь их преследовало демоническое дитя, а огромный паук карабкался по стене замка. Для неё это было слишком.

Реджис положил ладонь ей на ногу в знак утешения и чуть-чуть придержал упряжку, поскольку демоническое дитя летело не слишком быстро и они уже успели оторваться.

- Не теряй надежды, - снова сказал он ей. - Больше у нас ничего не осталось.

- Тогда у нас не осталось ничего, - прошептала Далия. Реджис услышал и не смог ничего возразить.

- Рамблбелли! - услышали полурослик и Далия, несмотря на грохот катящейся кареты и топот лошадиных копыт. Реджис придержал упряжку, хотя не осмелился остановить карету полностью, и повернулся назад, в сторону крика.

- Рамблбелли! - услышал он снова, и из кустов на обочине дороги вырвался дварф — широкоплечий мужчина с чёрными волосами и бородой, заплетённой в косички и смазанной кусками навоза.

- Атрогейт, - охнул Реджис, натягивая поводья, чтобы остановить лошадей.

- Что он здесь делает? - спросила Далия.

- Её сопровождает, - пояснил Реджис, когда вторая фигура, женщина-дроу, выбралась на дорогу рядом с дварфом. - Они доставили меня в Глубоководье.

Реджис не стал пытаться развернуть повозку на узкой дороге, поэтому заставил лошадей стоять смирно и позволил парочке догнать карету.

- Забирайтесь, - сказала Далия, не успели они даже обменяться приветствием. - У нас нет времени.

- Наверх или внутрь, а? - спросил Атрогейт.

Реджис заметил, что дварф несёт на плече большой мешок, а из мешка торчит хорошо знакомая полурослику рукоять. Её оголовье было вырезано в виде пантеры, Гвенвивар. Однако он не успел ничего сказать по этому поводу — Ивоннель удивлённо нахмурилась, а затем с любопытством уставилась в окошко пассажирского отделения кареты.

Далия хотела что-то сказать, но Реджис схватил её здоровую руку и сжал, умоляя молчать — он видел, что Ивоннель что-то шепчет, как будто читает заклинание.

Женщина-дроу снова нахмурилась — от ещё большего удивления и с заметным отвращением.

- Что это такое? - спросила она, повернувшись к паре на переднем сидении кареты.

- Внутри заперт Энтрери, - сказала Далия.

- Мёртвый?

- Нет! - резко ответила Далия. Ивоннель и Атрогейт уставились на неё.

- Тогда что это? - снова, ещё более настойчиво, спросила Ивоннель.

Ивоннель знает нечто, чего не знают они, понял Реджис, и это её не радует.

- Что? - ещё раз повторила дроу.

- У неё спроси, - предложил Реджис, заглядывая ей за спину. Он указал подбородком в ту сторону, заставив Ивоннель обернуться.

Там парило демоническое дитя, улыбаясь — не прекращая улыбаться.

- Нам нужно ехать! - воскликнула Далия, но Ивоннель подняла ладонь и покачала головой.

- Атрогейт, достань кокон из кареты, - приказала Ивоннель. - Будь готов заскочить внутрь, если нам придётся бежать.

- Мы его не оставим! - закричала на неё Далия, но Реджис тут же попросил её замолчать.

- Доверься ей, - сказал он. - Ивоннель намного сильнее, чем ты можешь себе представить. Я видел, как она парой слов изгоняет могучего демона.

Далия хотела протестовать, но Атрогейт подчинился Ивоннель, опустив закутанное тело рядом с каретой и вскрикнув, когда вылетевшая оса ужалила его.

Он прихлопнул насекомое, затем отодрал упрямую мерзость от лица и с интересом принялся её рассматривать.

- Довелось мне видеть много ос, но это что такое, вот вопрос? - произнёс он.

Ивоннель оглянулась на дварфа через плечо.

- Тельце насекомого, но лицо человека, - сказал дварф, поднимая странное создание. Он воскликнул «Ого!» и быстро отступил к переднему краю кареты, когда странная демоническая девочка подлетела и повисла перед Ивоннель — достаточно близко, чтобы Атрогейт смог разглядеть абсолютную белизну её глаз.

- Здрасьте, - мило сказал ребёнок. Какое-то время она разглядывала Ивоннель вблизи, потом улыбнулась ещё шире и повторила «Здрасьте!» с куда большим энтузиазмом.

- Я тебя знаю, - сказала Ивоннель.

- О, ты ещё узнаешь. Все узнают. Однажды.

Ивоннель прочитала заклинание, потом другое, но девочка как будто не обратила внимания — казалось, растерянность прекрасной дроу её забавляет.

- Ты не видишь правду лишь потому, что не можешь поверить в правду, - сказала парящая в воздухе девочка.

- Как такое возможно?

Девочка хихикнула и пожала плечами.

- Я тебя знаю, - настаивала Ивоннель. - Но этого не может быть.

- Но есть.

- Как? Неужели весь мир сошёл с ума? - спросила недоумевающая дроу, могучая жрица и сильная волшебница, которая не хуже любого смертного разбиралась в работе магии и планах бытия.

И в созданиях вроде этой девочки — созданиях, которых не должно было существовать.

- Она сделала это с Энтрери, - сказала Далия. Она протолкнулась мимо Реджиса и неловко соскочила на землю, баюкая сломанную руку. Она потянулась за своим посохом, но Реджис схватил оружие за другой конец и потянул изо всех сил.

- Я убью тебя, - пообещала ребёнку Далия. - Я отправлю тебя обратно в ад!

- Ад, - повторила Ивоннель. - Так её зовут.

- Это одно имя, - сказала девочка. - Небеса.

- Мучитель! - сказала Ивоннель.

- Учитель, - ответила девочка.

- В чём дело? - спросил Реджис, но замолчал, когда понял, что его никто не слушает.

- А, да, - сказал Атрогейт и подошёл к своей спутнице-дроу. Он сказал, обращаясь к девочке:

- Наказание.

- Награда, - хихикнула та. - Всегда есть другое имя. Уравновешивающее имя.

- И ты судья, - сказала Ивоннель.

- Я весы, - поправила девочка.

- Приговор! - сказала Ивоннель.

- Правосудие! - парировала девочка, прекрасно подражая интонациям дроу.

Ивоннель хотела сказать что-то ещё, но замолчала и кивнула, а потом подняла руку, давая товарищам знак не приближаться.

- В чём дело? - снова крикнул Реджис.

- На этот раз меня зовут Шерон, - сказала девочка.

- Харон, ты хотела сказать, - сказала Ивоннель.

- Это одно из тех имён, что иногда дают люди, нуждающиеся в именах, чтобы разобраться в том, чего не в силах понять. Как, конечно же, и Шерон.

- Лодочник, - пробормотал Атрогейт.

- Тебя не должно здесь быть, - сказала Ивоннель.

- Дорогая Ивоннель, я есть везде — особенно рядом с теми, кто противится моему вездесущему голосу, - ответила Шерон. - Разве это недостаточная причина?

- Но в таком виде? - Ивоннель сделала жест рукой, обводя парящую девочку. - Что за телом ты облёкся? Необычные обстоятельства? Уникальные?

Шерон пожала плечами.

- Я не просил об этом, я не желал этого. Оно было здесь, и потому... - она снова хихикнула.

- Ты воплотился, когда пал Демогоргон, - предположила дроу.

- Интересные времена. В конце концов, этот изверг — великий совратитель. Наверное, мне стало интересно, что означает его отсутствие для тех, кто слышит мой шёпот.

- И что означает падение барьера фаэрцресс.

- Это тоже.

- Интересные времена, - согласилась Ивоннель, - но тебя они интересовать не должны. Это не твоё место — определённо не твоё.

- Определённо моё! Разумеется, оно весьма меня интересует — да и почему должно быть иначе? Настало время хаоса, а такие времена особенно сильно испытывают душу. Что за прекрасные обстоятельства для духовных откровений.

- Для тебя это не откровение, - возразила Ивоннель. - Ведь тебе известны любые преступления сердца.

- Да, но теперь преступники могут увидеть всё сами, - девочка указала на кокон. - И теперь я могу показать им последствия. Подумай — ты, наделённая даром воспоминаний, более древних, чем твоё тело. Нынешние времена? Они не слишком отличаются от тех, когда Ллос облеклась формой несколько тысяч лет назад.

- Когда Ллос облеклась формой, - повторила жрица-дроу, и все поняли, что она разговаривает сама с собой. Затем она сказала, обращаясь уже к Шерон:

- Можешь ли ты выслушать необычную просьбу в это необычное время?

- Я лишь наблюдаю, я не вмешиваюсь.

- Ты не выносишь приговор?

Шерон не ответила, и улыбка впервые покинула её лицо — хотя Реджис не был уверен, хорошо ли это или сулит злой рок.

- Тогда что это такое? - спросила Ивоннель, указывая на кокон Энтрери.

- Дело его собственных рук, разумеется.

- Лжец! - заявила Далия, прыгнула вперёд и угрожающе занесла посох, хотя движение заставило её поморщиться от боли. - Это сделал ты!

Шерон просто мило взглянула на неё, и Далия замолчала. Её лицо исказилось, она прикусила губу, а в глазах проступили слёзы. Её уверенная поза перешла в дрожь, но через пару мгновений сильная женщина отшатнулась, пытаясь вдохнуть, пытаясь закричать, в ужасе мотая головой.

- Неужели это было необходимо? - спросила Ивоннель.

- А ты предпочла бы вот так? - спросила Шерон, кивнув на кокон.

- А разве в этом тоже была необходимость?

Девочка пожала плечами.

- Верни его, - сказала Ивоннель. - Я прошу тебя об этом. Верни его в добром здравии. Его путешествие пока что не завершилось. Его путь изменился — если бы не... ты, которого не должно быть здесь в этом воплощении. Может ли Артемис Энтрери не идти по дороге до конца своих дней, возможно, к менее суровой цели?

- Он шёл дольше, чем положено любому человеку.

- Но путешествие было крайне интересным.

Шерон снова улыбнулась, даже хихикнула, и кивком выразила своё согласие.

- Ты не видишь здесь проблемы? - спросила Ивоннель. - Ты вмешиваешься. Тебя не должно быть здесь, и ты выносишь окончательный вердикт по поводу того, что ещё не достигло окончания.

Шерон вздохнула, пожала плечами и снова вздохнула.

- Я знаю, что говорю правду, - сказала Ивоннель. - Ты и сам об этом знаешь — знал с самого начала. Или ты из тех, кто может заставить всех не лгать самим себе — всех, кроме самого себя?

Это вызвало у Шерон смехок — как будто искренний.

- Браво, проникательная дроу. Интересно, насколько проникательной ты окажешься в конце?

Девочка улыбнулась и вздохнула.

- Возможно, мне пора уходить, - согласилась она, посмотрела в сторону, на кокон, и издала резкий шипящий звук. Кокон немедленно начал растворяться... превращаясь в новых ос.

- Нет! - воскликнула Далия и шагнула в ту сторону. Она отступила, когда поднялась уже вторая туча насекомых, похожая на первую, но другого оттенка. Затем она отступила ещё дальше, Атрогейт взвыл и присоединился к ней, а Реджис прыгнул с кареты. Две стаи насекомых вступили в бой — оса против осы, кусаясь и жаля, сражаясь друг с другом — взаимная смерть в общих объятиях, безумная война крохотных созданий, настолько равных по силам, что стаи истребили друг друга.

- Видишь? - спросила Шерон, когда последняя оса рухнула на землю и погибла. - Всегда найдётся другое имя.

На земле закашлялся Артемис Энтрери. Он скорчился, его вырвало — а потом мужчина сел, обхватив колени и сотрясаясь от дрожи. Далия и Атрогейт бросились к нему.

- Это было... интересно, - сказала Шерон, обращаясь к Ивоннель. Девочка полетела обратно по южной дороге, по пути становясь всё более прозрачной.

Реджис вышел с другой стороны кареты и с потрясением увидел, что Ивоннель бросилась бежать следом.

- Шерон! - окликнула она. - Совесть!

- Совесть? - переспросил полурослик, и его глаза широко распахнулись, когда он начал понимать.

Полупрозрачная девочка замерла и обернулась.

- Скажи мне, - попросила Ивоннель.

- Сказать?

- Небеса или ад? - спросила жрица. - Можешь мне сказать?

- Для тебя? - недоверчиво поинтересовалась Шерон, заметно потрясённая — как будто сам вопрос настолько выходил за мерки разумного, что его вообще нельзя было задавать.

- Нет, - прояснила Ивоннель. - Я знаю, что этого ты рассказать не можешь. Но... для всех. Для всех нас. Для всего мира и тех, кто в нём обитает. Я спрашиваю тебя — того, кто видит лучше всех нас, к чему всё идёт? Какая чаша весов перевесит?

Девочка рассмеялась над ней.

- Скажи мне, - умоляла Ивоннель.

- Скажи себе сама, - и Шерон полетела в ничто.

Реджис подбежал к Ивоннель, которая внезапно вздрогнула, дёрнула головой и громко охнула.

- Что? - спросил полурослик.

Ивоннель не ответила — Шерон сказала только ей. В её разуме голос девочки прошептал: «Дуга разума клонится к небесам. Тьма немногих может привести к аду».

- Что? - повторил Реджис.

Ивоннель улыбнулась и закивала.

- Что? Ты должна сказать!

- Это длинная игра, друг мой, - ответила ему Ивоннель. - Долгий путь. Но не теряй веры, ведь теперь я считаю, что его стоит преодолеть.

- Что? - снова спросил Реджис обрывающимся голосом. - Ты скажешь мне, в чём дело, или нет?

- Ты уже знаешь.

- Как её звали?

- У неё много имен.

- Совесть?

Ивоннель взглянула на Реджиса и улыбнулась, затем пошла заботиться об Энтрери.

Реджис не следил за ней. Он смотрел на южную дорогу, где полностью пропала девочка, Шерон. Он смотрел так, как будто по-прежнему видит её, и у себя в голове действительно видел — прокручивая в голове прошлые встречи.

Он взглянул в сторону — на секундочку — увидел Далию, и задумался о том, как по-разному они с эльфийкой отреагировали на призрак Шерон.

Сам Реджис был странно спокоен, но Далия — совсем наоборот.

Он достаточно знал о её прошлом, чтобы сложить вместе два и два, и закивал, вспомнив замечания Ивоннель и её диалог.

Да, подумал Реджис, с ослаблением барьеров между планами бытия орды демонов вырвались из Бездны, а вместе с ними — и это... создание. Шерон была не отдельным существом, а являлась неотъемлемой частью существования всякого разумного индивида.

Шерон была совестью во плоти.

Вскрик заставил полурослика обернуться — и увидеть, как садится на землю Артемис Энтрери, с бледным лицом, загнанными красными глазами, отвисшей челюстью, слюной на щеках и подбородке. Когда Далия стянула с него рубаху, у Реджиса снова перехватило дыхание — плечи, грудь, живот, туловище и руки целиком были покрыты мелкими красными ранами.

Осы, понял Реджис.

Осы, которые досаждали Далии, но едва заметили полурослика.

Жалящие осы совести.

На самом деле Реджис не знал, что думать или чувствовать по этому поводу. Он видел нечто, выходящее за пределы его понимания, нечто, казавшееся чудом. Пока Ивоннель читала заклинания исцеления — Артемис уже выглядел намного лучше — полурослику пришло в голову, что кокон Шерон мог быть для него огромным подарком. Предупреждением, болезненным и мрачным.

Реджис считал, что Артемис Энтрери стал куда лучшим человеком, чем раньше, и может быть — только может быть — этот жестокий эпизод подтолкнёт его к новым высотам.

По крайней мере, можно было на это надеяться.

Конечно, все эти размышления полагались на то, что подозрения Ивоннель были верными. Вполне возможно, что это маленькое создание, Шерон, было всего лишь злобным и лживым демоном.

Однако в глубине души Реджис в это не верил.

Несмотря на всё — на хаос, разрушение, огромного паука, боль Энтрери — в походе Реджиса была лёгкость, когда он присоединился к остальным на обочине.

- Пойдёмте, - сказала всем Ивоннель. - Терновый Оплот совсем рядом, у воды.

- Ох, не ходите туда! - предупредил Реджис. - Там чудовище.

- Огромный паук, - подтвердила Далия. - Он залез по стене. Его размеры так велики, что мы увидели его издалека.

- Не паук, - сказал Атрогейт. - И да, мы видели, как он перемахнул через стену.

- Захватчик, - объяснила Ивоннель. - Огромный демонический конструктор. Скорее всего, в Терновом Оплоте не осталось никого в живых.

- И вы всё равно хотите туда отправиться? - вздёрнув бровь, поинтересовался Реджис.

- Захватчик почти наверняка сгинул, - ответила Ивоннель.

- Загнал туда Дзирта! - сказал Атрогейт, и Реджис охнул. - Он дал мне эти вещи на сохранение, затем увёл эту тварь за собой через полмира и за стену.

- Пойдём посмотрим, - сказала Ивоннель.

Она двинулась в путь, и другие пошли следом. Далия помогла Энтрери подняться на ноги. Однако мужчине потребовалось всего мгновение, чтобы выпрямиться. Затем он наклонился, поднял свой плащ и оружие, и пошёл вровень со всеми.

- Я рад, что с тобой всё хорошо, - сказал Реджис, когда он прохромал мимо.

Энтрери скептически оглянулся на полурослика, но кивнул и продолжил путь.

Реджис узнал его скептицизм и не принял его на свой счёт. Нет, Реджис понимал истинную причину — ведь, по правде говоря, совсем не казалось, что с Энтрери всё хорошо.

Он освободился от кокона ос, но не был свободен.

Он до сих пор слышал их жужжание. Чувствовал их крохотные лапки на коже. И хотя свирепые демонические насекомые перестали его кусать, он всё равно отчётливо ощущал их жала.

Он посмотрел на Ивоннель далеко впереди, решительно пересекавшую каменистую местность у старой крепости. Он подумал, что у неё могут найтись ответы.

Но так ли они ему необходимы?

В разуме Артемиса Энтрери его жуткий опыт казался вполне очевидным. Только один вопрос беспокоил его по-настоящему: это какое-то чистилище, какое-то вынужденное, болезненное искупление, или это ад?

Вечный ад?

Он надеялся на первое и боялся второго, но понимал, что варианты именно таковы. Внутри кокона, пока его кусали и жалили — или что там делали эти насекомые, чтобы причинить такие ожоги — он ничего не видел физическим зрением, но не мог развидеть многочисленные преступления, которые совершил. В этой бесконечной петле зверств ему являлся не каждый бой и не каждое убийство.

Нет, только те, которые были несправедливыми.

Несправедливыми.

Артемис Энтрери никому в этом не признавался — ни Дзирту, ни Джарлаксу, ни первой возлюбленной, Калихе, ни даже Далии.

В незатухающей злобе, которая пожирала его большую часть жизни, признавался ли он в этом самому себе?

Теперь ему казалось, что он не спрячется от этих воспоминаний. Теперь они повисли на душе тяжким грузом и молниями сверкали в мозгу, вспыхивая между слишком отчётливыми воспоминаниями о невыразимой, непрекращающейся, неотступной боли.

Он знал, что заслужил боль.

Он мог лишь надеяться, что эта боль очистит его от тех старых, мёртвых событий, как огонь пожирает гнилые стволы бесполезных деревьев.

Он услышал настойчивую фразу Далии и посмотрел на неё.

- Теперь ты свободен, - говорила она. - Мы нашли тебя. Мы вытащили тебя. Мы вытащили тебя оттуда.

Энтрери не знал, что ответить, и вместо этого спросил:

- Чистилище или ад?

Далия странно посмотрела на него и не ответила.

Но она тяжело сглотнула, и по побледневшему лицу женщины Артемис Энтрери увидел, что она поняла.

ГЛАВА 9

Город утраченный

Она мчалась по улицам Лускана. Она старалась держаться в тених, поскольку знала — опасность повсюду. Всё шло так хорошо! Город успокоился под властью новых завоевателей, и улицы, хотя ещё не затихли, начали показывать признаки нормальности. Болтовня в тавернах была спокойной и непринуждённой.

Но потом её узнали. Она была уверена. Она заметила выражение на лице мужчины, который торопливо вышел.

Несмотря на свои опасения, Милашка Чарли не сразу направилась к тайному входу в Иллуск, руины под Лусканом. Она должна была убедиться, что оторвалась от погони, что за ней никто не следит, и только потом отправиться на кладбище возле моста на остров, к фальшивой могиле, которая вела на потайную лестницу вниз.

Только она понадеялась, что обогнала любых преследователей, как повернула за угол в переулок и чуть не врезалась в парочку гноллов, каждый из которых был выше её на два фута.

Милашка надеялась, что они не являются частью погони — гноллы удивились сильнее, чем она.

Времени разбираться не было.

Женщина бросилась на ближайшего крепкого гнолла, выхватила кинжал, уперев рукоять в рёбра и используя свой вес, чтобы глубоко вогнать лезвие в живот противника.

Она вытащила кинжал и оттолкнула раненное чудовище, затем резанула второго, который напрасно пытался вытащить меч, удачно попала ему по горлу — рука прошла как раз мимо оскаленной морды гиены и щёлкнувших челюстей. Гнолл с бульканьем рухнул, но второй громко завыл — и ему ответили другие где-то рядом!

Она помчалась по переулку, петляя из стороны в сторону, и услышала за собой возобновившуюся погоню. Она хваталась за любые предметы — мусор, разбитую повозку, пустую флягу — и бросала их за спину, чтобы замедлить преследователей.

От неожиданности Милашка Чарли споткнулась, когда мимо головы просвистело метательное копьё, отскочив от стены здания. Она оглянулась, схватившись за ящик, и побледнела, осознав, что обречена — проход позади неё заполняли разъярённые гуманоиды.

Она выскочила с противоположного конца переулка, хватаясь за правое плечо, которое задело копьём. Она знала, что рядом смерть или нечто хуже, знала, что ей наступают на пятки. Она даже крикнула, обернувшись, в отчаянии взмахнув своим мелким оружием, и ей потребовалось несколько мгновений, чтобы разобраться в представшей её взору картине.

Переулок заполняла тьма. Не ночная тьма, а истинный мрак — волшебный мрак. Она услышала визги гноллов, щелчки арбалетов, потом воя стало меньше, а стонов больше.

Скрежет меча по стальному нагруднику. Визг боли.

Один гнолл выскочил из переулка, спотыкаясь, истекая кровью — да, измазанный в собственной крови.

Он пару раз сильно вздрогнул, и Милашке потребовалось какое-то время, чтобы понять — две новых раны гнолла были от тяжёлых арбалетных болтов.

Прежде чем умирающий зверь рухнул, из мрака выскочил дроу, схватил его и затянул обратно. Меч тёмного эльфа принялся за своё смертоносное дело, не успели ещё они с жертвой скрыться во мраке.

Дроу показался снова — по крайней мере, его лицо.

- В Иллуск, дура! - буркнул он.

Милашке Чарли не нужно было повторять дважды.

- Очевидно, что твоя вылазка оказалась не такой успешной, чем мы надеялись, - поприветствовал Милашку Киммуриэль Облодра, когда она вернулась в тайное укрытие Бреган Д'эрт глубоко в руинах под Лусканом.

- Я добыла кое-какие сведения, - ответила женщина. От переживаний под взглядом холодного, рационального и невероятно опасного дроу-псионика у неё на лбу выступили капли пота.

- И теперь ты для нас бесполезна, потому что тебя опознали, - заметил Киммуриэль.

- Однако те, кто её узнал, мертвы, - раздался другой голос. В тесное помещение второго предводителя Бреган Д'эрт вошёл ещё один дроу вместе с высоким, рыжеволосом мужчиной — человеком, на первый взгляд.

Милашку больше успокоило присутствие Браэлина Джанкуэя, разведчика-дроу и обладателя легкомысленного характера, чем другой персоны, которая на самом деле не была человеком. Он был Беньяго Куртом, фасадом Бреган Д'эрт в городе, не только дроу, но и членом правящего дома подземного города Мензоберранзана. Беньяго угрожал ей не больше прочих — и уж наверняка меньше Киммуриэля, но какая-то опасность в нём заставляла женщину всё время держаться настороже.

- Ты в этом уверен? - спросил Киммуриэль.

- У нас повсюду разведчики, - ответил Браэлин. - Это была всего лишь банда мерзких гноллов, и они оказались слишком кровожадными, чтобы сбежать, и слишком глупыми, чтобы понять, когда пора отступить.

- Я согласен с его оценкой, - добавил Беньяго и устремил суровый взгляд на Милашку, от которого у неё зацепило кожу. - Ей повезло.

Милашка Чарли выпрямилась под убийственным взглядом высокого мужчины. Она решила не упоминать человека в таверне, который наверняка узнал её.

Однако стоило ей лишь подумать об этом, как Киммуриэль хмыкнул — и Милашка поняла, что только что всё ему выложила. Однако псионик промолчал и даже кивнул ей.

- Вы просили меня кое-что разузнать, так? - упрямо сказала Милашка Чарли, надеясь, что правильно поняла Киммуриэля. - И я пошла, так? Перестань так злобно зыркать, приятель.

Бразлин фыркнул.

- Беньяго злится просто потому, что до сих пор выглядит как человек, - легкомысленно заметил разведчик. - Хотя, строго между нами, пройдохами — перед превращением он был куда уродливее.

Милашка Чарли ответила на его улыбку. Тон Бразлина принёс ей глубокое облегчение.

- Так что ты узнала? - спросил Беньяго, игнорируя колкости.

- Не здесь, - предупредил Киммуриэль и вышел из комнаты, остальные трое — следом.

Пока они шли по Иллуску, Милашка Чарли тщательно запоминала планировку. Тёмные эльфы возвели здесь внушительные фортификации, а многочисленные часовые были смертоносными и бдительными.

Милашка Чарли хотела знать их всех. Если её схватят наверху, знакомство с этим местом может стать для неё спасением — да и разве она чем-то обязана дроу?

- Как минимум, жизнью, - прошептал на ухо женщине Киммуриэль, как только она об этом подумала.

У Милашки ослабели ноги. Вульфгар так часто предупреждал её об этом дроу, о том, что тот легко способен проникнуть в разум и прочесть там любую мысль. Он уже прочёл её мысли о мужчине в таверне, а теперь она снова выдала себя.

Ей было никак не защититься!

- Да, - прошептал он. - Никак.

Киммуриэль скользнул прочь, снова занимая ведущую позицию, и она прикусила губу. Он вёл их в более глубокие помещения, занятые Бреган Д'эрт, в комнату, лучше всего знакомую женщине — комнату, где ждал Вульфгар.

Варвар был не один, а с жрицей Даб'ней, одной из немногих женщин, встреченных Милашкой в отряде дроу. Даб'ней покосилась на Киммуриэля и кивнула, затем принялась читать божественное заклинание, очевидно — исцеляющий двомер, поскольку Вульфгар принял его с удовлетворённым выражением старика, раскурившего на крыльце трубку с добрым табаком.

- Мне уйти? - спросила Даб'ней.

- Нет нужды, - ответил Киммуриэль. Он повернулся к Милашке. - Расскажи им, что ты узнала.

Милашка Чарли замялась, обратив внимание на слова Киммуриэля. Расскажи *им*, поскольку Киммуриэль уже всё знал — знал даже больше, чем могла сознательно припомнить сама Милашка.

Ей хотелось вернуться на море, рассекать волны в погоне за торговыми галерами...

- Они все подчиняются новому старшему капитану, - сказала женщина, очистив голову от напрасных мечтаний. - Все корабли. Ретнор, Барам...

- От Барама следовало ожидать, - сказал Беньяго. - Каждый старший капитан Корабля Барам готов был отправиться туда, где Кораблю Барам безопаснее. Скорее всего, этот открыл двери захватчикам, не успели они даже войти в гавань.

- Все они, - сказала Милашка. - Твое место, Беньяго, занял старший капитан Бревиндон. Корабль Курт теперь Корабль Маргастер.

- Знатная семья Глубоководья, - заметил Киммуриэль.

- В открытую захватила Лускан? - спросил Браэлин Джанкуэй. - Это кажется глупостью.

- Или уверенностью, - добавил Беньяго.

- Обычный образ мыслей для воров и перебежчиков, - объяснил Киммуриэль. - Когда ты украл, что хотел, кричи об этом во всю глотку — пускай попытаются отнять.

- Я бы попытался, - заметил Вульфгар.

- Весь город подчинился ему, - продолжала Милашка. - Гноллам, которые прибыли с флотом Маргастеров, даже позволяют свободно ходить по улицам.

- Почему? - спросил Вульфгар, поднимаясь на ноги и расправляя плечи, чтобы прогнать усталость и боль. - Почему они так поступили? Конечно, Бревиндон возглавлял нападение и многих убил. Но половина Лускана как будто сдалась без боя. Почему?

- Потому что у него нет тёмной кожи, - напрямик заявила Милашка Чарли, прежде чем успели ответить остальные. Это привлекло долгие взгляды присутствующих дроу, но скорее любопытные, чем враждебные.

- Похоже, моя личина их не обманула, - со смешком согласился Беньяго. - С виду в капитанском кресле сидел человек, но они знали, что в последние годы за Лусканом стоят дроу. Теперь у них есть человеческий лорд Глубоководья в роли старшего капитана — тот, кто выглядит, как они, тот, кого они считают величественным и красивым.

- Такие примитивные эмоции — кормушка для деспотов, - заметил Киммуриэль.

- Значит, Бревиндон поселился в Корабле Курта, как у себя дома, другие корабли встали под его знамя, а Громф не позволяет Главной башне предпринимать что-либо против, - сказал Браэлин Джанкуэй. - Выходит, это всё? Бреган Д'эрт пора двигаться дальше?

Все взгляды устремились на Киммуриэля, неоспоримого лидера отряда, поскольку Джарлакс исчез в неизвестном направлении.

- Нет, - ответил Киммуриэль. - Нет. Позволим им устроиться поудобнее, затем нанесём удар — и не один. Видимость силы впечатляет до тех пор, пока никто не видит стоящей за ней слабости. Предводитель, захвативший власть подобно Бревиндону Маргастеру, также вызывает враждебность многих могущественных людей, у которых недостаёт храбрости противостоять ему в открытую. Значит, мы сделаем его смертным — фигурально и буквально, и обнажим его истинное обличье.

- Но единственным выбором кроме Бревиндона по-прежнему будем... мы, - возразил Браэлин.

- Или он, - ответил Киммуриэль, указав на Вульфгара.

- Ты просишь меня стать марионеточным правителем для Бреган Д'эрт? - возмутился гордый варвар, как только обрёл дар речи.

- Я прошу тебя помочь нам избавиться Лускан от вторжения, которому помогают демоны, - ответил Киммуриэль. - На самом деле, я даже настаиваю.

- Да. И на этот счёт мы уже договорились. Но править городом я не желаю.

- Тебе не придётся.

- Притворяться, что правлю городом, тоже, - прояснил Вульфгар решительным тоном, не допуская дальнейших обсуждений.

- Мы найдём способ удовлетворить наши общие нужды, - услышал варвар в голове и постарался не выдать свою реакцию. На его лице не было ни намёка на отвращение, вызванное телепатическим вторжением Киммуриэля.

- Выбирайся наружу и отправляйся на юг, - приказал Киммуриэль Браэлину. - Доставь новости из Лускана и узнай о событиях в Гонтлгриме. Оставайся под землёй, в тоннелях, пока не окажешься далеко за городом. Возьми это.

Он протянул Браэлину небольшой свисток на серебряной цепочке.

- И возьми с собой тех, кого считаешь нужным для выполнения миссии.

Браэлин мгновение смотрел на странный свисток. Он кивнул, и Киммуриэль понял, что дроу узнал этот предмет — и неудивительно. Ведь такой же свисток носил на шее Джарлак. Браэлин надел свисток и поднял взгляд.

- Всех, кого захочу? Жрицу Даб'ней?

Киммуриэль какое-то время размышлял, потом ответил:

- Нет. Её — нет. Она останется здесь. Она может мне пригодиться.

- Это должно мне польстить? - легкомысленно, с ноткой шуток и с ноткой сарказма спросила Даб'ней.

Киммуриэль не собирался терпеть подобный тон, что и показал ей своим холодным выражением.

- Польстить? - ответил он. - Нет. Возможно, напугать.

Даб'ней хотела что-то ответить, но прикусила язык.

- Мне идти до самого Гонтлгрима? - спросил Браэлин Джанкуэй, открыто пытаясь сменить тему.

- Если придётся, - ответил Киммуриэль. - Но будь осторожен и используй свисток, если повстречаешь что-то необычное.

Он замолчал всего на долю секунды.

- Что-то необычное и драматическое, - прояснил он. - Не трать моё время зря, если не уверен, что твой вызов заслуживает моего внимания.

- Разве ты не в силах быстро связаться с Гонтлгримом и получить ответ? - спросил Киммуриэля Вульфгар.

- Не притворяйся, будто разбираешься в том, в чём очевидно не разбираешься, - не замедлил с ответом псионик. - У каждого действия есть цена, и моим способностям найдётся куда более важное применение, чем работать связным между городами.

- А здесь? - спросил Беньяго, и по его тону Киммуриэль понял, что он просто пытается сменить тему, пока разговор не вышел из-под контроля, и предупредить возможную грубую отповедь прямолинейного варвара. - Продолжим прятаться или попытаемся усложнить Бревиндону жизнь?

- Как? - спросил Киммуриэль.

- В переулке осталось полно мёртвых гноллов, - с хитрой усмешкой сказал Беньяго. - Кажется, неплохое начало для восстания.

- Какой Корабль самый сильный после Корабля Курта? - спросил Киммуриэль. - Ретнор?

- Определённо.

- Укусите их, - приказал псионик. - Нанесите урон, но только небольшой, по краю, и пускай всё выглядит, как дело рук Корабля Маргастер. Затем отправляйтесь...

- В Корабль Барам и дайте им понять, что Корабль Маргастер уничтожит любых соперников, - вмешался Беньяго.

Киммуриэль улыбнулся и кивнул.

Вскоре после этого Вульфгар каким-то образом остался в комнате наедине с Киммуриэлем — что всегда было ему неприятно.

- Как мы уже обсуждали после поражения города, - сказал Киммуриэль, - если всё пройдет хорошо, тебе может достаться один удар. Это твой единственный шанс.

- А если нет?

- Тогда ты почти наверняка погибнешь.

- *Мой* единственный шанс, - повторил Вульфгар, сделав ударение на использованное Киммуриэлем единственное число. - *Я* почти наверняка погибну. А что Киммуриэль? - спросил он лишь потому, что хотел услышать презрительное фырканье дроу.

Что бы ни случилось в Лускане, Вульфгар понимал, что для него ставки здесь выше, чем для этого странного дроу — выше, чем для любого дроу из отряда Джарлакса.

Бреган Д'эрт всегда проворачивал дела именно таким образом.

- Подумай ещё вот о чём, пока мы ждём подходящей возможности, - сказал Киммуриэль. - Твоя подруга, эта пиратка Милашка Чарли.

- Что с ней? - пожав плечами, спросил Вульфгар — и сам удивился, насколько в глубине души ему не всё равно.

- Её узнали в городе, но она решила об этом не рассказывать. Тебе следует объяснить ей, что одной лишь мысли о предательстве хватит, чтобы я узнал — и тогда её постигнет судьба куда худшая, чем всё, на что способны обитатели поверхности.

- Даже простой мысли? - спросил Вульфгар. - У людей хватает произвольных мыслей. Сможет ли друг остаться другом, если заглянет в разум товарища в неподходящий момент?

- Я способен различить мимолётную прихоть и настоящую угрозу. Прихоти я допускаю. До определённого момента.

- Ты не можешь вечно держать своё мнение при себе. Поэтому у Киммуриэля нет друзей?

- Ты говоришь так, как будто это что-то плохое, - сказал Киммуриэль и покинул комнату.

Вульфгар тяжело вздохнул, подумав, что ему действительно необходимо серьёзно побеседовать с Милашкой Чарли. Он мог ненавидеть многих дроу, в особенности — Киммуриэля, но понимал, что им с Милашкой необходимо сотрудничать с Бреган Д'эртом, если они хотят пережить этот кошмар. Только Киммуриэль, или Джарлакс, если он вернётся, могут заставить Громфа открыть порталы в Гонтлгрим, а без этого Вульфгару нечего и надеяться на встречу с друзьями.

Он был почти уверен, что Браэлин с друзьями найдут на юге землю, кишашую могущественными врагами и чудовищами, намного превосходящими его по силе.

Да, с Милашкой следовало поговорить — причём немедленно. Вульфгару опять пришлось задуматься, почему он так беспокоится о благополучии этой женщины. Он не влюбился в неё, ничего такого, упрямо повторял себе варвар, сразу отменяя подобные мысли — вместо того, чтобы обдумать их хотя бы в шутку.

Но она показала себя верным товарищем, а в Городе Парусов подобное было редкостью.

- С ней Ллос, - ответил Громф, когда позднее тем же днём псионик загнал его в угол в надразмерном особняке внутри Главной башни Волшебства. - Мать Жиндия Меларн не осмелилась бы зайти так далеко, не смогла бы управлять подобной ордой демонов и бродяг без благословения Ллос.

- Многие обладатели благословения Ллос в итоге терпели поражение, - ответил Киммуриэль. - Даже в Мензоберранзане.

- А что случилось с победителями, лишенными такого благословения? - отозвался Громф.

- Почему ты боишься?

- А почему ты нет?

Этот простой вопрос застал Киммуриэля врасплох, что случилось очень редко.

- И почему ты так беспокоишься? - добавил Громф.

- Я работаю с Бреган Д'эрт.

- Бреган Д'эрт уцелеет. В случае необходимости вы можете быстро покинуть город и весь этот регион. Джарлакс веками оставался в живых лишь потому, что ему нет равных в маневрировании в этой паутине. Подозреваю, что он ожидает того же от дроу, которого назвал своим партнёром.

Киммуриэль почти не слышал этих слов, упрямо мотая головой.

- Посмотри на себя! - упрекнул его Громф. - Тебе не всё равно. Киммуриэль Облодра — как удивительно, что любому Облодра или Одран не всё равно! Неужели ты настолько размяк? Неужели ты оставил с этими щупальцемордыми иллотидами свою единственную цель в жизни — отыскать Одну Вечную Истину?

Киммуриэль хотел отмахнуться от его слов, отмахнуться от Громфа, но его ответы звучали неубедительно.

- Ты возлюбил плоть, Киммуриэль? - уже серьезнее спросил Громф. - Ты нашёл в своём бесчувственном разуме клочок любви к тому, чего жаждем мы, простые смертные?

- Ты испытал необузданную силу разума улья, - напомнил ему псионик, ведь Громф был вместе с ним, когда они направляли невероятную псионическую энергию целого коллектива иллотида в оружие, которое ради уничтожения Демогоргона сделала из Дзирта Ивоннель.

- И это было прекрасно, - признал бывший архимаг. - Я надеюсь испытать это снова, но знаю, что для этого мне нужно прожить достаточно долго. А ради долгой жизни, подозреваю, не стоит злить Ллос. Мать Жиндия явилась сюда с полного одобрения Ллос. В этом я уверен. Два захватчика, Киммуриэль! Два! Ты когда-нибудь слышал о подобном?

Сложно было игнорировать его аргументы. Захватчики были великим даром с нижних планов, великолепными конструктами, которых редко создавали из-за стоимости и сложности. Киммуриэлю было не всё равно, чем всё это закончится, но причиной его беспокойства была вовсе не любовь или страсть.

Нет, Киммуриэль был зол, даже в ярости.

И это молчаливое признание поразило его. Когда в последний раз он позволял гневу взять контроль над рассудком? Даже когда верховная мать Бэнр бросила его дом, его семью, его мать в Клорифту, уничтожив всё, чем был дом Облодра. Киммуриэль умирил свою ярость. Он полностью присоединился к Джарлаксу, к Бреган Д'эрт, которые были верным союзником той самой матери Бэнр!

Много раз он обдумывал месть и много раз отодвигал это желание в сторону, осуществляя лишь те мелкие кары, которые мог втайне обрушить на Бэнров, когда представлялась такая возможность — но никогда не совершал ничего рискованного. Это было всего лишь забавой, простой причудой, а не чем-то важным.

Однако теперь он пылал от гнева. Теперь он хотел прикончить Бревиндона раз и навсегда, хотел раздавить демона внутри Маргастера. Он говорил себе, что его план — опасный, но осуществимый — пойдёт на благо Бреган Д'эрт, и в этом было достаточно правды, чтобы продолжать заниматься самообманом.

Но не сейчас. Сейчас Киммуриэль понял, что здесь скрыто намного больше, что им движет намного более личный гнев. Он не знал, почему. Он решил, что чего-то не замечает, какой-то элемент прямо перед глазами, который он не связал с общей картиной, старое воспоминание, услышанный где-то намёк... что-нибудь.

- Если ты не возобновишь поток магии в Гонтлгрим к предтече, чудовище сбежит и опустошит регион, - в последний раз сказал он Громфу.

- А если я сделаю, как ты просишь, я приму одну из сторон — сторону, которая не пользуется расположением Ллос.

- Джарлакс там, в Гонтлгриме, насколько я могу судить.

- Тогда Джарлаксу придётся проявить смекалку, иначе Джарлакс погибнет.

Киммуриэль ещё долго стоял и смотрел на него, но понял, что ничего не может сделать. Он был сильнее Громфа по части псионики, но если бы попытался воспользоваться ею, чтобы убедить волшебника — пришлось бы сражаться с одним из самых сильных магов в мире.

Он хотел утолить свой гнев, но не хотел делать это ценой своей смерти.

Он вернулся в Иллуск, в тайный анклав дроу. Громфа нельзя было переубедить.

ГЛАВА 10

Плести паутину

- Поверхность, - доложил взволнованный разведчик-дроу, когда вернулся к командирам.

Воин странного вида, стоявший рядом со старшей жрицей Минолин Фей Бэнр, издал грубый и гортанный, практически звериный рёв. Он был крупным и мускулистым, особенно для мужчины-дроу. Посередине выбритый в других местах

головы торчали шипами белые волосы, как корона военачальника. В носу висело мифриловое кольцо, в щеках торчали золотые булавки, а вокруг глаз были нарисованы белые круги.

Несмотря на подобную вызывающую эксцентричность, с первого взгляда было ясно, насколько силён воитель. Он носил чёрные латы, идеально сидевшие на теле, и огромный трезубец в одной руке. Для другой руки справа на поясе была заготовлена сеть.

- Он слишком сильно пытается быть Утегенталем, - прошептала жрица Сарибель Ксорларрин До'Урден своему брату-волшебнику, Равелю, указав на необычного воина, Малагдорла Армго, подбородком.

- Воины всегда стараются слишком сильно, - ответил Равель. - Поэтому они, к счастью, чаще всего умирают молодыми.

Малагдорл оглянулся на них и снова зарычал. Равель подмигнул ему. Сарибель отвесила брату подзатыльник.

- Дурак, - прошипела сестра. Затем, прикрыв руку, она просигналила ему беззвучным кодом дроу: *- Он любимый внук верховной матери Мез'Баррис. Она видит в Малагдорле своего утраченного возлюбленного, Утегенталя.*

- Она видит любовника во внуке? - беззвучно ответил Равель, поморщившись от отвращения.

- Не в том смысле, - рефлексивно отозвалась Сарибель, хотя на самом деле не была так уверена. На языке жестов она добавила: *- Посмотри на его руки. Он даже носит перчатки Мез'Баррис, которые делают его ещё сильнее.*

- Ты видел кого-нибудь для убийства? - спросил разведчика Малагдорл, выступая немного вперёд перед старшей жрицей. - Эльфов?

- Знай своё место, - упрекнула его Минолин Фей, вставая впереди дерзкого мужчины. Разведчику она добавила: - Можешь ответить.

- Там была лишь тишина, - сказал он. - Мы не нашли ничего живого. Ни птиц, ни... эльфов.

Малагдорл зарычал.

Равель фыркнул и просигналил:

- Надеюсь, уродливый глупец умрёт быстро. Может быть, я помогу первому встреченному эльфу.

Сарибель пихнула его локтем.

- Не забудь, какую честь оказала нам верховная мать Бэнр, назначив младшими командирами отряда разведчиков. Выше нас стоят лишь её собственная старшая жрица и оружейник второго дома.

- Интересно. Всего два заклинания, и мы станем командирами, - мелькнули пальцы Равеля. - Одно, если хорошо прицелиться.

Сарибель постаралась не хихикать над бесконечными шутками её неугомонного брата — по крайней мере, она надеялась, что эту всего лишь шутку, поскольку с Равелем никогда нельзя было сказать наверняка. Она направилась к остальным предводителям отряда.

- Нужно проверить, что мы сумеем разузнать на земле без потолка, - сказала собравшейся группе Минолин Фей Бэнр. - Передайте это своим подчинённым.

Малагдорл и четыре младших командира кивнули. Когда Равель повернулся, чтобы уйти, Сарибель подхватила его за руку и удержала, направив его взгляд на других командиров, равных им по рангу: Келфейна Миззрима и Крона Тлаббара. От внимания Сарибель не укрылось, что эти два младших командира были патронами в своих домах, третьем и четвёртом доме города, и что оба этих дома были заклятыми врагами семьи Ксорларрин. Вряд ли эта вражда пошла на убыль после того, как мать Зирит и её семья приняли фамилию До'Урден. Прежде чем оставить своё место в правящем совете ради попытки завоевать этот регион, Ксорларринны занимали позицию третьего дома в городе. Для них многое изменилось после катастрофы с Гонтлгримом, когда дельзунские дварфы отразили натиск Ксорларрин — но Сарибель сомневалась, что эти перемены, в том числе полное искоренение дома Ксорларрин и слияние с домом До'Урден, пускай и ниже по рангу, чем были Ксорларрин, хоть как-то уменьшили враждебность.

И теперь на этом великом марше Мензоберранзана, который верховная мать Квентл Бэнр считала самым важным событием текущей эпохи, матери третьего и четвёртого дома очевидно решили перестраховаться. Вместо более ценных придворных волшебников, оружейников или старших жриц они отправили патронов — легко заменимых мужчин. Матери дома Миззрим и Фен Тлаббар держали свою истинную силу при себе, под защитой основной боевой группы.

Что это может значить, задумалась Сарибель. Да и значит ли вообще что-нибудь? Мать Мез'Баррис Армго, которую сложно было назвать другом Ксорларринов или Бэнров, послала сюда своего драгоценного оружейника — но Сарибель считала это результатом желания Мез'Баррис заставить Малагдорла сравняться с легендарным Утегенталем. Малагдорл никогда не сможет добиться такой славы, если мать Мез'Баррис будет защищать его от опасных поручений, поэтому она не стала его опекать — и сама не нуждалась в защите Малагдорла, учитывая, какими ресурсами обладал дом Баррисон Дель'Армго.

Верховная мать Бэнр послала старшую жрицу, но другого выхода не было, если она желала обладать полной властью над отрядом разведчиков. В конце концов это была всего лишь Минолин Фей, которая присоединилась к дому Бэнр лишь потому, что вышла замуж за Громфа и родила очень влиятельную дочь.

Дочь, которая скорее всего сейчас сражается против них, подумала Сарибель. Однако оставила эту опасную мысль при себе.

Однако Сарибель не могла отделаться от чувства, что в этой странной экспедиции собралась очень странная компания. Мать Квентл Бэнр дёргала за свои ниточки, но знал ли кто-нибудь, что она планирует?

- Мы не должны вступать в бой, - говорила Минолин Фей, когда Сарибель снова вернулась к разговору. - Мы не должны никого атаковать — ни людей, ни дварфов, ни даже эльфов. И тем более нельзя атаковать дроу или демонов — если те не нападут первыми. Мы здесь, чтобы учиться, а не сражаться. Вас предупредили.

Сарибель показалось, что это предупреждение о необходимости проявить терпение и сдержанность Минолин Фей предназначала конкретному дроу, и если кто в нём и нуждался, так это Малагдорл Армго.

К тому времени, как весь разведотряд достиг выхода на поверхность, на землю спустились сумерки. Это было хорошо — немногие в их рядах когда-либо бывали на

поверхности, а глазам дроу сложно было адаптироваться к огненному шару, который половину каждого дня преследовал верхний мир Торила.

Они с необычайной точностью передвигались походным порядком. Хотя все эти охотники происходили из множества различных домов, и мало кому из них приходилось сражаться бок о бок с остальными, дети Мензоберранзана обладали общей военной подготовкой, знали своё место в мелкой группе и знали место своей мелкой группы в крупной формации.

Бесшумные, словно тени, они поочередно скользили сквозь сгущающийся мрак. Некоторые взбирались на деревья с лёгкостью белок, чтобы лучше осмотреть местность. Какое-то время они двигались на север, затем повернули на запад, затем сбавили скорость, когда один из разведчиков на дереве сообщил об активности впереди.

Вскоре вернулся авангард, доложив о приближении неизвестных существ, и при помощи языка жестов дроу начали передавать приказы найти укрытие и держать оборону.

С первого взгляда на крупные тени, движущиеся среди деревьев. Сарибель приняла их за орду демонов, но когда тени приблизились, когда ритм их лап приобрёл знакомый рисунок, жрица — и те, кто были рядом — поняли, кого повстречали.

Сарибель оглянулась на Минолин Фей, припавшую к земле рядом с Малагдормом за низкой насыпью справа. Жрица Бэнр просигналила: «Драуки!»

Сарибель не удивилась. Где-то здесь наверху находилась мать Жиндия Меларн, и все знали, что её дом держит множество драуков (и что мать Жиндия очень любит именно этот способ наказания еретиков).

Новость передали по рядам, но не успела половина отряда увидеть сигнал, как всё стало очевидно — войско огромных пауков-полудроу пробилось сквозь подлесок, бесстрашно раскрывая себя во всей своей жуткой славе.

Непонятно, знала ли их предполагаемая предводительница — великанша с огненными красными глазами и похожими на паутину косами — кто находится перед ней, но действовала она так, как следовало ожидать от драука: швырнула тяжёлое копьё в насыпь. Копьё задело верхушку насыпи посередине между двумя командирами, промахнувшись лишь на волосок.

В ответ Минолин Фей вслух приказала чудовищу остановиться, но Малагдорл предсказуемо этим не ограничился.

- За мной! - взревел он, выскочив из-за насыпи. В него полетело второе копьё откуда-то справа, но Малагдорл ловко развернулся и завершил разворот прямым броском на драука перед собой.

Раздались щелчки арбалетов и посыпался дождь из дротиков.

Равель, увлечённый общим порывом, вскочил и начал заклинание, но Сарибель бросилась к брату и сбила в сторону его жестикулирующие руки.

Они с Минолин Фей начали кричать на драуков и собственных дроу, пытаясь остановить бой.

- Как вы смеете осквернять дары Ллос? - заорала Сарибель на своих товарищей, ведь драуки считались подарком Паучьей Королевы.

- Как вы смеете бросать вызов жрицам Ллос? - закричала Минолин Фей на драуков.

Большая часть потенциальных комбатантов, и драуков, и дроу, отступили — но не Малагдорл и не исполинская женщина-драук перед ним.

Оружейник-дроу рванулся вперёд, драук встал на дыбы, ударив перед собой двумя хитиновыми лапами. Драук встретил трезубец дроу собственным, более крупным трезубцем, и нанёс сильнейший удар сверху вниз, когда Малагдорл отскочил.

Малагдорл перехватил трезубец широким хватом и поднял его диагонально вверх и перед собой, поймав опускающийся трезубец драука между зубцами. Сарибель и другим наблюдателям, ожидавшим, что могущественный натиск создания намного более крупного, обладавшего с лучшей точкой опоры, создания сокрушит дроу, это показалось невероятным — но оружейник дома Баррисон Дель'Армго перехватил опустившееся оружие, на которое драук налёг всем своим весом, и удержал его.

С непокорным рёвом Малагдорл повернулся вперёд и направо, уводя трезубец драука поверху и не выпуская его, пока не оказался под брюхом у твари.

Драук подпрыгнул, как паук — вертикально вверх, чудом избежав попытки Малагдорла пронзить брюхо.

Чудовище приземлилось набок, перевернувшись в прыжке, вернув трезубец в готовую для боя позицию, и сразу же бросилось на дроу.

Свирепый Малагдорл не стал отступать, с нетерпением ринувшись в атаку.

В воздухе между сближающимися противниками возник шар огня, провисев всего мгновение, прежде чем выстрелить полосой божественного пламени, вынуждая драука и дроу резко остановиться.

Минолин Фей бесстрашно вышла из-за насыпи, направляясь вперёд длинными решительными шагами. Вокруг неё струилась мантия, подобающая старшей жрице на хорошем счету у госпожи Ллос. У Сарибель от изумления отвисла челюсть — она знала эту женщину, когда та ещё была Минолин Фей Бранч, первой жрицей дома Фей Бранч, считавшегося самым слабым из правящих домов, уступая даже домам с девятого по двенадцатый. Только длинная и славная история дома Фей Бранч, а также союз с домом Бэнр сохранял матери Биртин место в правящем совете. Та Минолин Фей, которую знала Сарибель, единственным достижением которой служило место старшей дочери матери Биртин, служила мишенью шуток для других женщин, стремившихся получить звание старшей жрицы.

Но эта Минолин Фей, Минолин Фей Бэнр, казалась куда более уверенной в себе — и намного более сильной.

Как чудесно быть членом дома Бэнр, с немалой завистью подумала Сарибель. Она схватила брата за руку и потащила за собой, догоняя Минолин Фей, чтобы дом До'Урден — нет! Дом Ксорларрин! — был тоже представлен на переговорах.

- Кто ты, чудовище, что посмело напасть на жриц госпожи Ллос? - спросила Минолин Фей.

- Мы не знали, - прокаркала женщина-драук, заметно испугавшись и опустив оружие.

- Кто ты?

- Я Малфуш!

- Малфуш?

- Да, жрица! - ответила она.

- Что за имя такое? - спросила Минолин Фей.

В это мгновение к Минолин Фей подбежал Крон Тлаббар и зашептал что-то ей на ухо. Жрица как будто пошатнулась, но сразу же взяла себя в руки. Сарибель бросила вопросительный взгляд на патрона дома Фен Тлаббар, но мужчина просто покачал головой и отошёл.

- Малфуш из какого дома? - спросила Минолин Фей, захватив Сарибель врасплох. Было очевидно, что это драуки Жиндии, разве нет? - Я не слышала о драуке Малфуш в войсках дома Меларн.

Сарибель ничего не понимала. Откуда Минолин Фей вообще знать любого драука из дома Меларн? Зачем ей утруждать себя запоминанием их имён?

- Какой дом? - настаивала Минолин Фей.

Лицо женщины-драука исказилось, словно от боли.

- Это было так давно... - начало чудовище, но потом замолчало, качая головой. - Тогда... не была Малфуш, жрица. Мал'а'воселл... кажется.

- Мал'а'воселл?

- Жрица, госпожа, я не знаю.

- Мал'а'воселл из какого дома?

- Дома Амвас Тол! - воскликнула драук, собравшись с силами.

Минолин Фей растерянно взглянула на Сарибель. Та могла лишь пожать плечами — она никогда не слышала о таком доме в Мензоберранзане.

- Это было очень давно, жрица, - объяснила драук. - Во времена зарождения Города Пауков. Мой дом не уцелел.

Сарибель и Минолин Фей снова обменялись растерянными взглядами, но Сарибель кивнула, принимая ответ драука. Имя Мал'а'воселл сейчас встречалось очень редко, но когда-то давно было намного более распространённым. Однако драуки не жили так долго.

- Зачем ты здесь? - спросила Минолин Фей.

- Я не знаю, зачем Паучья Королева снова выпустила нас в этот мир, жрица.

- Вы были в Бездне? - спросила Сарибель, потом прикусила язык и поклонилась Минолин Фей, признавая свою оплошность. Жрица Бэнр не обратила внимания, поскольку вопрос напрашивался.

- Да, служили. Все мы.

- Но тогда зачем вы пришли? Почему вы здесь, Малфуш? - повторила Минолин Фей.

- Нам дали задачу очистить леса и холмы от противников.

- А мы — ваши противники? - недоверчиво спросила жрица Бэнр.

- Мы не знаем, жрица. Мы не ожидали встретить детей госпожи Ллос. Кто вы и зачем пришли? Я должна сообщить своей верховной матери, Жиндии.

Сарибель тяжело сглотнула при упоминании верховной матери дома Меларн. На мгновение женщине показалось, что им грозят крупные неприятности.

- Мы из Бреган Д'эрт, - солгала Минолин Фэй.

- Бреган Д'эрт? Я не знаю этот дом.

- Это не дом, а отряд разведчиков, которая служит всем матерям Мензоберранзана, - объяснила Минолин Фей. - Мы собираем информацию и передаём её правящему совету.

Женщина-драук растерялась, но в конце концов просто пожала плечами.

- Мы слышали о битве в окрестностях и пришли проверить, уничтожены ли дварфы и готов ли Ку'Ксорларрин вернуться под власть матери Зирит, как ему и полагается, - сказала Минолин Фей.

Сарибель усмехнулась, удивлённая смекалкой жрицы Бэнр и данью уважения, которую она только что отдала своей возлюбленной матери Зирит. Она оглянулась на брата. Тот кивал, заметно впечатлённый.

- Ку'Ксорларрин? Об этом я тоже ничего не знаю.

- Это неважно, - заверила чудовище Минолин Фей.

- Вам следует переговорить с... - начала Малфуш.

- Мы не можем, - фыркнув, оборвала её Минолин Фей. - У нас много дел. Что тебе известно о дварфах?

- Они упрямо сражаются, но демоны продолжают наступать. Долго им не продержаться.

- Хорошо. Теперь отправляйся к матери Жиндии и передай, что многие следят за ней с интересом.

У драука не было иного выбора, кроме как подчиниться. Неподчинение жрицам давным-давно выбрали из бедной Мал'а'воселл — вероятно, задолго до того, как превратить её в страдающее чудовище.

Когда драуки ушли, а Сарибель повернулась к Минолин Фей, жрица Бэнр взмахом приказала ей молчать, затем потащила за собой, вместе со всем отрядом возвращаясь обратно в тоннели, которые вели к основным силам дроу. Только оказавшись глубоко под землёй, Минолин Фей заговорила.

- Их целые сотни, - сказала она, и глаза Сарибель расширились.

- Сотни драуков? - спросил Равель.

- Множество сотен, - ответил Крон Тлаббар. - Они были повсюду, окружили нас с юга и севера. Огромные отряды чудовищ — и все прекрасно вооружённые.

- Посланные из Бездны служить матери Жиндии, - сказала Минолин Фей, и голос её сочился ужасом. - Освобождённые под её начало госпожой Ллос.

«Почему мы стоим ей?» - подумала Сарибель, но мудро решила не спрашивать вслух — по крайней мере, не у жрицы Бэнр!

- Вы должны были уничтожить их! Уничтожить всех, - сказала верховная мать Мез'Баррис Армго возвратившимся командирам разведчиков.

- Я пытался, верховная мать, - заявил Малагдорл, бросив злобный взгляд на Минолин Фей. - Мне не позволили убить предводительницу чудовищ.

- Молчи, дитя, - приказала верховная мать Квентл Бэнр, не отрывая строгого взгляда от возлюбленного внука Мез'Баррис — даже для того, чтобы посмотреть на саму Мез'Баррис. - Ты здесь лишь потому, что я тебе разрешила, и в этом месте, на этом походном собрании правящего совета, у тебя нет права речи.

Малагдорл как будто хотел возразить.

- Нет права речи, - предупредила верховная мать. Она повернулась к Минолин Фей, но затем устремила взгляд на жрицу Сарибель.

- Их были сотни, - сказала Сарибель, не только в ответ верховной матери, но и в пику Малагдорлу.

- Драуки из иной эпохи, - пояснила Минолин Фей. - Малфуш, которая была Мал'а'воселл Амвас Тол...

Квентл подняла руку и заставила её замолчать. Затем верховная мать закрыла глаза и отстранилась от шёпота среди других матерей вокруг. Разумеется, они были взволнованы — да и как иначе?

Верховная мать Квентл, обладавшая даром воспоминаний Ивоннель, погрузилось в это тёмное место внутри своего разума, пытаясь отыскать названное имя. Она улыбнулась, когда её мысли потекли назад через тысячелетия, в дни зарождения Города Пауков. О, что за великое время — полное хаоса, но и полное надежд!

- Оружейник дома Амвас Тол, - сказала она, и все разговоры прекратились. Все ждали, затаив дыхание.

- Женщина, - произнесла Сарибель, не в силах удержаться.

Квентл и другие уставились на неё, но верховная мать кивнула, и Сарибель приняла это как позволение окончить мысль.

- Мал'а'воселл, - тихо сказала она.

- В ранние дни женщины часто бывали оружейницами, - объяснила им верховная мать Квентл. - Ведь мы — сильный пол, а Ллос тогда ещё не вручила нам весь свой дар божественной магии. То была другая эпоха.

- Она была похожа на твоего Утегенталя, мать Мез'Баррис, - продолжала Квентл. - Великая и могучая воительница, бесстрашная и хитрая, если я правильно помню. Её ожидало яркое будущее — если бы не грехи матери Данна'ды Амвас. Увы, Мал'а'воселл принесли в жертву Ллос прямо перед рыдающей матерью Амвас.

Она посмотрела на Мез'Баррис и широко улыбнулась, затем повернулась, позволяя всем остальным увидеть эту улыбку, прежде чем наконец остановиться на Малагдорле, о дерзости которого Квентл знала.

- Мал'а'воселл превратила в чудовище моя родительница, верховная мать Ивоннель. Это был один из её первых поступков после того, как Паучья Королева назначила её матриархом Мензоберранзана. Ивоннель превратила Мал'а'воселл Амвас Тол в драука. Чаще всего это пустая трата, особенно с многообещающими, но упрямыми молодыми женщинами.

Улыбка Квентл стала ещё шире, когда Малагдорл съёжился.

- Сотни драуков? - спросила мать Зирит. - Драуки, вернувшиеся из владений самой Паучьей Королевы? Разве это не значит, что мать Жиндия пользуется высочайшим расположением Ллос?

- Если это правда, мы должны заново всё обдумать, - сухо заявила мать Мез'Баррис. - Мы можем присоединиться к материи Жиндии и завершить начатое ею, вернув Ку'Ксорларрин матери Зирит и по заслугам вознаградив мать Жиндию за её прозорливость.

- Вознаградив по заслугам? - саркастично отозвалась верховная мать. - Если всё это правда, Жиндия потребует титула верховной матери города.

- И любая из нас, кто станет сопротивляться, лишится милости Ллос и станет всеобщим врагом, - парировала Мез'Баррис. Недвусмысленная угроза.

Но Квентл лишь опять улыбнулась и даже фыркнула, как будто предположение показалось ей абсурдным.

- Не переживайте, мать, - ответила она, увидев напряжённое выражение Мез'Баррис. У Минолин Фей она спросила:

- Они знают, кто вы, или под какими знамёнами выступаете?

Жрица сжалась под тяжёлыми взглядами верховных матерей.

- Я... я... - запнулась она, пытаясь придумать наилучший ответ.

- Ты Бэнр, дорогая, - сказала верховная мать. - По этой причине тебе поручили возглавить отряд. Ты правильно сделала, что удержала наглого Малагдорла — скорее всего, ты спасла весь отряд, не говоря уже о репутации его семьи, и вернулась, чтобы нас предупредить. Говори свободно. Знают ли драки ваши знамёна?

- Нет, - ответила она, взяв себя в руки и вернув уверенность голосу. - Я сказала женщине-драку, которая назвалась Малфуш, что мы из Бреган Д'эрт — проводим разведку после докладов о стычках.

Это застало матерей врасплох, вызвало перешёптывание, кивки, несколько вздохов, но самое важное — широкую усмешку верховной матери Квентл.

- Хитро, - заметила Квентл. - Теперь мать Жиндия станет гоняться за призраками.

- Что вам известно, верховная мать? - спросила Мез'Баррис.

- Мать Жиндия недолюбливает банду Джарлакса, - объяснила Квентл. - Она ненавидит их за то, что они совершили с её семьёй и домом. Она сама была убита — хотя и ненадолго — Дзиртом До'Урденем, а её возлюбленное дитя, Яжин, убил другой друг Джарлакса, человек, причём таким образом, чтобы её нельзя было воскресить. Если помните, Джарлакс был с ними во время того налёта. Мать Жиндия его не простила. И не простит. Она легко поверит в историю старшей жрицы Минолин Фей, потому что отчаянно хочет в неё поверить.

Мез'Баррис кивнула, не в силах спорить с логикой.

- Хорошая работа, Минолин Фей Бэнр, - сказала верховная мать Квентл, подчеркнув фамилию, чтобы дать всем понять, что смекалка Минолин Фей дала им преимущество — преимущество, которое могло обернуться катастрофой, если бы внук матери Мез'Баррис получил лидерство и начал войну.

- В любом случае, мать Жиндия скоро о нас узнает, - вмешалась мать Зирит, словесно и физически разделив Мез'Баррис и Квентл, когда заставила свой волшебный диск скользнуть между ними. - Нам следует спланировать следующую вылазку.

- Отправьте самых лучших ваших разведчиков, - приказала Минолин верховная мать Квентл. - Лучших из лучших, и позаботьтесь, чтобы у них была магия для возвращения к нам на случай обнаружения. Я хочу как можно дольше сохранить наше прибытие в тайне от матери Жиндии.

- Даже если она пользуется расположением Ллос? - спросила Мез'Баррис.

- Да, - без колебаний ответила Квентл.

- Мои разведчики расскажут вам всё про земли над Гонтлгримом и вокруг него, - заверила их Минолин.

- Ку'Ксорларрином, - поправила её мать Зирит. Она обратила суровый взгляд на верховную мать Квентл. - Если мать Жиндия на хорошем счету у Паучьей Королевы, если сама Ллос помогает дому Меларн обратить эти демонические силы против

наших врагов, почему мы сомневаемся и медлим? Мои волшебники откроют глубинную дверь и мы пройдем сквозь dwarфов, как нож через масло, вернув Ку'Ксорларрин Мензоберранзану, вырвав победу из-под самого носа матери Жиндии, чтобы разделить с ней славу. Войска dwarфов в верхних палатах сражаются с демонами. Мы можем пробиться внутрь и занять нижние ярусы, прежде чем они поймут, что происходит.

- Поговорим, - вот и всё, что ответила Квентл. Она несколько раз перевела взгляд с Зирит на Мез'Баррис, оценивая их. - Только мы вдвоём.

Квентл заметила, что Мез'Баррис посветлела, услышав замечания Зирит, но потом помрачнела — ничего удивительного. Разговор двух могущественных матерей наедине — не то, чего она желала.

В первую очередь потому, что всем было очевидно — темой этого разговора станет она сама, Мез'Баррис.

- Бреган Д'эрт? - спросила мать Жиндия Меларн хриплым шёпотом, как будто боялась потерять контроль над своим голосом — и потерять контроль над собой.

- Это отряд разведчиков, - начала драук.

- Я знаю, кто они, тупица, - рявкнула Жиндия, и Малфуш втянула в себя воздух. Её выдох сопровождался низким гудением, похожим на рык.

- Жрица сказала Бреган Д'эрт, - настаивала женщина-драук.

- Где они?

Малфуш пожала плечами.

- Они ушли.

- Ты позволила им уйти? Даже не проследила?

- Я не могу подвергать сомнению слова жрицы, мать Жиндия.

- Ты должна подчиняться мне, а не ей!

- Конечно, но у меня не было приказов от матери Жиндии, когда я встретила дроу.

- Я приказала тебе очистить лес.

- От дроу? Это другое дело, мать Жиндия, - напомнила Малфуш. - Я, мы — драуки, отбываем наказание за преступления против госпожи Ллос. Мы не можем напасть на детей Ллос.

- Если я вам не прикажу.

- Да, если вы не прикажете. Но вы нам такого не говорили.

Жиндия вскинула руки и испустила собственный раздражённый рык.

- Бреган Д'эрт нам не союзники. Прямо сейчас они сопротивляются нам в Лускане, тупица.

- Кто была та жрица? - спросила старшая жрица Кирнилл Меларн.

- Она не представилась, госпожа, - сказала Малфуш. - Остальные жрицы с ней — тоже.

- Две жрицы? - продолжала расспрашивать Кирнилл.

- По крайней мере. В отряде были и другие в мантиях.

- Другие женщины? - спросила Жиндия, ухватив суть.

- Да, и мужчины — и грозный воин, сражавшийся со мной трезубец к трезубцу, пока жрица не остановила нас.

- Закнафей... - хотела сказать Кирнилл, но замолчала.

- Трезубец? - спросила Жиндия. - Расскажи мне о нём. В подробностях.

Малфуш выполнила приказ, а затем её отпустили. Жиндия осталась наедине с Кирнилл и Черри Ханцрин.

- Это должен быть Малагдорл Армго, - сказала Кирнилл.

- Они отправили разведчиков, чтобы узнать, каких успехов мы добились, - сказала Черри.

- Просто разведчиков? - спросила мать Жиндия, прошла несколько шагов и взглянула на запад, в ту сторону, где произошла встреча. - От самого Мензоберранзана? С оружейником второго дома? Не могу представить, чтобы Мез'Баррис подвергла такому риску своего ненаглядного Малагдорла.

- Что тогда? - спросила Черри.

- Может быть, они видят, что наша победа уже близко, - сказала Жиндия. - И спешат украсть мою славу.

Она резко обернулась и уставилась на других двух женщин.

- Этого не будет.

- Придержи на сей раз свои амбиции, - сказала матери Зирит верховная мать Квентл, когда после доклада разведчиков они остались наедине. - Мы не знаем, как будут разворачиваться события.

- Мы не знаем? - фыркнула старуха Зирит. - Армия драуков? Сотни? Орда демонов, с каждым днём набирающая новых солдат из Бездны? Дварфы обречены, а Лускан уже пал. Всё, как ты предсказывала ещё до нашего отбытия из Мензоберранзана: мать Жиндия одержит победу.

- Если она победит, мы должны сыграть в этом важную роль, - отозвалась Квентл.

- Действительно! Так давай опередим её, первыми захватим великую кузню Гонтлгрима, и как можно быстрее без всякой пощады свергнем короля Бренора.

Но Квентл Бэнр покачала головой.

- Если она победит.

- Разве может быть иначе? - спросила Зирит.

Квентл начала обдумывать тот же самый вопрос, но пока не готова была давать дальнейшие объяснения.

- Тогда что ещё нам нужно знать? - спросила Зирит.

- Всё. Если всё кажется простым и ясным, значит это обман. Разве ты не поняла этого за годы служения Ллос? Не позволяй желанию возвратить Гонтлгрим ослепить себя. Этого не произойдёт. В любом случае, наше присутствие на поверхности уже раскрыто. Лорды всех земель наверняка устремили свои взоры на северный участок побережья Меча, где рыщут демоны и пылает Лускан.

- Пламя быстро угаснет, а от Лускана никто не ждал стабильности. Что касается короля Бренора, то по нашим сведениям у него почти нет настоящих союзников.

Квентл не стала возражать.

- Это неважно, - ответила она. - Мы не можем сейчас планировать вернуть Ку'Ксорларрин, каким бы ни был исход нашего марша или усилий матери Жиндии. Неважно, чем обернётся воля Ллос — нельзя даже думать о том, чтобы снова

отправить туда твою семью. Пыль ещё нескоро уляжется — здесь, и, что более важно, в Мензоберранзане.

- Ты хочешь сказать, что я понадоблюсь тебе в Мензоберранзане, чтобы поддержать тебя против дома Меларн, - сухо констатировала Зирит. - Мать Мез'Баррис, конечно, встанет на другую сторону — тем более если она считает, что мать Жиндия пользуется высочайшим расположением Ллос, и увидит долгожданный шанс избавиться от гнёта дома Бэнр.

- Гнёта? Любопытное слово. Разделяет ли это мнение мать Зирит, которую я спасла от позора и поражения?

Старую Зирит нелегко было заставить нервничать — по крайней мере, она никогда этого не показывала, но сейчас она с отвисшей челюстью едва не рухнула со своего парящего диска.

- Разумеется нет, - сказала Квентл, чтобы перестать давить на Зирит. - Ты всегда была достаточно мудра, чтобы считать дом Бэнр выгодным — как дом, который вознаграждает своих союзников. Тебе стоит помнить об этом в наше беспокойное время. Больше никаких упоминаний Ку'Ксорларрин. Даже если короля Бренора и всех его дварфов искоренят, даже если Гонтлгрим освободят от всех живых существ до последнего, и великая кузня останется беззащитной — упоминать Ку'Ксорларрин нельзя.

- Но ты же не собираешься оставить подобное сокровище без применения?

- Конечно, - ответила Квентл. - И именно волшебство магов, в которых у тебя нет недостатка, сыграет критическую роль, когда мы начнём использовать великую кузню, не привлекая внимания.

- И не ослабив твоё правление в Мензоберранзане, - добавила Зирит.

Квентл кивнула.

- Значит, я останусь в доме До'Урден, а ты втайне используешь моих волшебников, чтобы переправить кузнецов в кузню Гонтлгрима?

- И тебя хорошо вознаградят, - пообещала Квентл.

- Я хочу получить повышение в правящем совете. Я хочу вернуть своё место — с целью в конце концов стать вторым домом Мензоберранзана.

Квентл коротко кивнула.

- Пообещай мне, что дом Ксорларрин не останется в стороне, когда мы добьёмся победы, и дом Бэнр удержит своё положение, - потребовала Зирит.

Квентл помолчала, заставляя себя оставаться тактичной перед лицом требований другой верховной матери.

- Дом До'Урден, - поправила она, - пока я не решу иначе.

- Конечно, - согласилась Зирит, но стиснула зубы, как будто само имя её оскорбляло.

- Посмотрим, как пойдут дела, но твой дом остаётся самым важным моим союзником, - сказала Квентл. - Я обещаю, что не забуду тебя, если мы добьёмся своего.

- А разве могут быть сомнения?

- Мы поклоняемся Ллос, госпоже Хаоса, дорогая мать Зирит. Сомнения будут всегда.

Мать Зирит До'Урден беспомощно фыркнула, затем приказала своему волшебному диску покинуть сверхпространственное помещение, которое верховная

мать использовала для аудиенций. Как только Зирит ушла, через другой волшебный портал вошли первая жрица Сос'Амπτу и дочь Квентл, Миринейл.

- Я не доверяю ей, - сказала Миринейл. - Её амбиции больше, чем её преданность.

- Значит, она хорошая верховная мать, - сказала Сос'Амπτу.

- Её дочь, жрицу Сарибель, будет легче подчинить и держать в узде, - прямолинейно заявила Миринейл. - Мать Зирит стара и слишком привязана к...

Она замолчала и бросила неловкий взгляд на мать.

- К верховной матери Ивоннель Вечной, - закончила за неё Квентл.

Миринейл втянула в себя воздух.

- Это хороший и разумный аргумент, - сказала Квентл, успокоив женщину. - Но пока что не заговаривай об этом.

Её тон ясно дал понять, что она не ругает Миринейл, а предупреждает её не торопить события.

Квентл знала, что в зависимости здешних событий от неё может потребоваться заменить Зирит. Она надеялась, что до этого дело не дойдёт, но часто напоминала себе, что Зирит стара — очень стара, и хотя она оставалась союзником дома Бэнр, её настоящая преданность была в самом деле нацелена на верховную мать Ивоннель. И как бы осторожно ни пыталась мать Зирит подбирать свои слова, в них всегда таилась прохлада по отношению к дочерям Ивоннель. Зирит знала Квентл и Сос'Амπτу ещё со времён их молодости — она была первой наставницей Сос'Амπτу.

- По крайней мере мать Вадалма Тлаббар не оставит нас, чем бы ни закончилось дело в Гонглгриме, - заметила Сос'Амπτу. - Она отказала матери Жиндии в поддержке, и знает, что кровожадная Жиндия не станет её щадить.

- Дом Фей Бранч тоже не оставит нас, - добавила Миринейл. - Мать Биртин знает, что без дома Бэнр её место в правящем совете отдадут другой — скорее всего, дому Ханцрин, есть мать Жиндия...

- Они действительно считают себя важными? - оборвала её верховная мать Квентл. - Любая из них? Если мать Жиндия уйдёт отсюда победительницей, она получит могущественных союзников — включая мать Мез'Баррис.

- Мать Зирит не друг Меларнам и Армго, - заметила Миринейл.

- Но и мать Зирит, и мать Мез'Баррис прекрасно понимают, что им не осуществить свои амбиции, пока городом правит дом Бэнр, - сказала Сос'Амπτу.

- И это было так ещё с ранних дней Мензоберранзана, и правление Бэнров не окончится на мне, - провозгласила Квентл.

Другие две дроу кивнули.

- Мать Жиндия не должна победить, - провозгласила Квентл.

- Значит, мы возьмём крепость дварфов до того, как она успеет пробиться? - спросила Миринейл.

- Может быть, и нет, - ответила верховная мать, размышляя вслух, снова погружившись в воспоминания Ивоннель Вечной, чтобы найти ответы.

- Войско драуков, подарок из Бездны? - с сомнением отозвалась Сос'Амπτу. - Два захватчика, подаренные ей прислужницами Ллос?

- Думаешь, что тебе известна воля Ллос? - с насмешкой поинтересовалась мать Квентл.

Это заставило Сос'Ампу задуматься, но Миринейл, не отличавшаяся подобным опытом, спросила:

- Разве это не очевидно?

Взглянув на верховную мать — та ответила кивком — Сос'Ампу предложила самое просто понимание истины среди приверженцев Ллос:

- Единственное, что может быть очевидным в желаниях Демонической Королевы Пауков — так это что нет ничего очевидного.

ГЛАВА 11

У границ мрака

Большие врата Тернового Оплота были приоткрыты. Створки заклинило, но места между ними хватало, чтобы товарищи могли протиснуться внутрь по одному.

- Паук сломал ворота, - сделал вывод Реджис, взглянув на согнутую огромную петлю. Откуда ещё могла взяться такая поломка? - Он всё ещё здесь, - предупредил полурослик. - Не хотелось бы встретиться с этой тварью.

- Никому из нас не хочется, - сказала ему Ивоннель, но смотрела при этом на Энтрери.

Когда Реджис тоже взглянул на убийцу, он понял причину её беспокойства — тот шатался на каждом шагу, шептал что-то себе под нос и выглядел так, будто может рухнуть в любой момент.

- Я уже говорила, что это был — а может, и есть до сих пор — захватчик, - продолжала Ивоннель. - Если он до сих пор жив, его единственная цель — Дзирт До'Урден. Он не представляет для нас угрозы, если мы не встанем между ним и Дзиртом. И ради вашего друга я надеюсь, что паук по-прежнему здесь и всё ещё охотится.

- И тогда мы его убьём? - спросил Реджис.

В ответ Ивоннель фыркнула.

- Тогда мы постараемся найти Дзирта и помочь ему обогнать чудовище.

Она тяжело вздохнула.

- Мне следовало сделать это во время нашей прошлой встречи, но тогда я не заготовила нужные заклинания. Кроме того, это было небезопасно. Куда бы я не отправила Дзирта — захватчик устремился бы следом за ним, разрушая всё на своём пути, даже если бы пришлось прочертить борозду через пол-Торила.

- Как мило, - заметила Далия. Она подошла к Энтрери и приобняла его, помогая держаться на ногах.

Ивоннель кивнула и повела их вперёд, бесстрашно протиснувшись через узкую щель во двор крепости. Она высунула обратно голову.

- Паука нет.

- Он внутри, - предположил Атрогейт. - Туннели намного длиннее, чем вы думаете.

Ивоннель мрачно покачала головой, и когда остальные тоже протиснулись внутрь, они поняли в чём дело — посередине двора растекалась огромная

пузырящаяся масса чёрной слизи, хорошо знакомые им следы демона, покинувшего этот план бытия.

Пока они шли к этой луже, вокруг не раздалось ни звука, кроме собственных их шагов. Они просто чувствовали, что крепость мертва и абсолютно беззвучна.

При ближайшем рассмотрении демонических останков предположение Ивоннель подтвердилось — шрам обладал характерной паучьей формой с чётко обозначенными восемью ногами. Земля перед чудовищными останками была разорвана, как будто от удара каким-то лучом, и к этому следу вели чёткие отпечатки голых ног. Были там и клочья хорошо знакомой друзьям одежды и сапог.

- Дзирт, - пробормотал Реджис ломающимся голосом.

- Значит, он мёртв? - спросила Далия.

По щекам полурослика потекли молчаливые слёзы. Атрогейт казался ошарашенным, его прошлая скорбь лишь приумножилась с потерей Дзирта. А Артемис, который ещё не успел прийти в себя после освобождения из мучительного кокона, опустил голову и приобнял одной рукой Далию.

Ивоннель вдруг осознала, насколько глубоко этот тёмный эльф-отступник затронул многих других — таких разных существ с разными ценностями и убеждениями. Даже Артемиса Энтрери! Будь то открытые и добрые личности, как Реджис, или обладатели куда более зловещей истории, или те, кто подобно Атрогейту был где-то посередине. Все они поникли, а Реджис даже упал на колени и закрыл лицо руками.

Связь с этим дроу превосходила простую дружбу, поняла Ивоннель — и осознала, что то, что Дзирт дал им за годы знакомства, нельзя было так просто измерить. Перед лицом этого слово «друг» действительно казалось пустым. Она поняла — то, что дал им Дзирт, касалось всех народов — полуросликов, людей, дварфов и дроу. Глядя, как храбро Реджис сражается со своей ошеломительной болью и терпит поражение, она увидела будущую реакцию Джарлакса. Прежде всего, Дзирт дарил окружающим честность и мужество — он пытался, всегда пытался делать то, что считал правильным.

И сейчас Ивоннель была глубоко тронута его наследием — хотя она едва знала следопыта-дроу, ей пришлось сдерживать слёзы, глядя на развернувшуюся перед её глазами демонстрацию искренней скорби, в особенности глядя на Реджиса — доброго полурослика, который встречал Шерон улыбкой.

Ей стало теплее на сердце, ведь Ивоннель решила, что это пример правосудия — искренняя, щедрая скорбь без ожидания личной выгоды.

Она подумала, каким же холодным и бессердечным местом был Мензоберранзан.

- Крепость большая, - снова сказал Атрогейт, позволяя себе клочок надежды. Он шагнул к Реджису и поднял его на ноги.

- Пойдём, Рамблбелли. Не будем сдаваться, будем верить в Дзирта. Крови я не вижу, и не хочу сомневаться в этом проклятом эльфе. Мы так не делаем. Мы дерёмся. Мы дерёмся, пока есть за что драться.

- Не будь глупцом, - упрекнула его Далия — слишком жестоко, по мнению Ивоннель.

- А ты, значит, готова сразу же плакать и драпать, да?

- Его больше нет.

- Мы этого пока не знаем!

- Тогда почему ушёл захватчик? - спросила Далия.

- Может, этот дроу убил его насмерть в поединке! - настаивал Атрогейт.

- Захватчика? - мягко спросила Ивоннель, качая головой.

- Не сомневайтесь в нашем парне, - сказал Атрогейт. - Я видал, как он убивал и больших тварей.

Реджис приободрился. Он глубоко вздохнул, прочистил нос и расправил плечи.

- Хорошо, посмотрите, - сказала им двоим Ивоннель. - Позовёте нас, если что-то найдётся.

Она пыталась показать свою поддержку, ведь эти самые дорогие друзья Дзирта не заслуживали меньшего, но услышав собственный голос, различила в нём ноты обречённости.

Атрогейт и Реджис направились к выбитым дверям крепости. Далия, после того как помогла Энтрери опуститься на землю, поспешила за ними.

- У тебя бывали деньки и получше, - сказала ему Ивоннель, усаживаясь рядышком.

- Просто боль, - ответил он. - Всё время, пока я был внутри — и до сих пор. Не могу привыкнуть. Невыразимая боль, которая не отступает и не слабеет.

Ивоннель кивнула и положила руку ему на плечо.

- Возьми мой кинжал и воткни мне в сердце, - попросил он. - Забери у меня душу, отправь в забвение, умоляю — ведь если вечность приготовила мне такие мучения, я лучше превращусь в ничто.

- Ты думаешь, что твоя книга уже написана.

- Я только что прочёл её. Концовка печальная.

- Но так не должно быть, Артемис Энтрери, - заверила его Ивоннель. - Это были только прожитые тобой главы. Ещё остались страницы, которые необходимо заполнить.

- Что ты об этом знаешь? - с сомнением спросил он.

- Я знаю, что если бы твоя судьба была предрешена, а история — уже рассказана, у Шерон не было бы причин позволять тебе вернуться.

- Может быть, это лишь ради того, чтобы истязать меня знаниями о грядущем.

- Нет, это не её цель. Хотя в последнее время она оказалась не на своём месте, подобные бессмысленные насмешки не подходят её роли во вселенной.

- Её роли?

- Её роли в сердце любого разумного существа. Она — причина правосудия, но не судья. Она не получает удовольствия от добра или зла. У неё нет предпочтений.

- Тогда кто же судья? - спросил Энтрери. - Какой-нибудь бог, которого я никогда не признавал? Некое высшее существо, сделавшее нас пешками в своей странной игре?

- Ты сам себе судья, - объяснила Ивоннель, - в тех местах своего сердца, души и памяти, где не можешь спрятаться. Ты знаешь об этом. В этих тёмных и тайных местах ты знаешь, чего заслуживаешь.

Фыркание Энтрери выражало нечто среднее между насмешкой и отрицанием.

- А разве Дзирт заслужил такую судьбу? - спросил он.

- Мы пока не знаем, какая судьба его постигла.

- Разве? - спросил Энтрери, кивнув на лужу в форме паука.

- В посмертии, - ответила Ивоннель. - Мы говорим о божественном правосудии или о слабости смертных? Я сомневаюсь, что они похожи. Каждый день многие получают то, чего не заслуживают — хорошее и плохое. Каждый день. Тысячу раз на дню.

Она замолчала и какое-то время просто разглядывала мужчину. Он столько перенёс — его боль была очевидна. Его лицо превратилось в маску гнева, но в глазах стояли слёзы.

- Ты дорожил им, - сказала она.

- Это сложно.

- Разве? Или ты делаешь это сложным, чтобы скрыть своё собственное... эго?

Энтрери бросил на неё презрительный взгляд, но лишь на мгновение.

- Смотреть на Дзирта было всё равно, что смотреть в зеркало — но в ином свете. Его кожа была тёмной, а моя — светлой. Но его душа...

Он замолчал и беспомощно рассмеялся.

- Мне говорили, что однажды он сказал, будто глядя на меня, на то, чем я стал, боится того, чем может стать сам. Уверен, Дзирта До'Урдена не ждут коконы с жалящими осами.

- И поэтому ты оплакиваешь свою жизнь?

- Нет, - резко ответил он, не успела она закончить. - Нет, - повторил он мягче. - Я о многом сожалею, но из-за того, что я принёс другим, моя собственная судьба проклята... если она проклята.

- Что ж, Артемис Энтрери, в таком случае Дзирт показал тебе, кем ты надеялся стать — по крайней мере, в каком-то смысле.

Она хлопала его по плечу, встала и отвернулась. Она закрыла глаза и прочитала заклинание обнаружения, пытаясь найти магическое излучение. Она удивилась, когда и в самом деле почувствовала что-то интересное, и последовала за своим ощущением в крепость.

Это место тоже казалось ей мёртвым, и в глубине зала она увидела трупы убитых дварфов. Разбитые стены и расширившиеся проёмы показали ей путь, которым Дзирт провёл паука-захватчика, заставляя демонический конструктор провести здесь уборку, в которой отчаянно нуждалась крепость.

Она услышала удалявшиеся голоса друзей в другом помещении, но всё как будто было в порядке. Она полностью погрузилась в своё заклинание. Магия привела её к стене, и поначалу Ивоннель растерялась. Оказавшись совсем близко, она заметила в камне трещину и сумела засунуть туда палец, ощупать полость и достать серебряную цепочку, на которой висел свисток в форме единорога.

- Андахар, - сказала она и впервые почувствовала, как дрожит голос. Даже в последние мгновения жизни Дзирт думал о других — об этом волшебном скакуне, и потому спрятал цепочку.

Она хотела сунуть цепочку в карман, но передумала, услышав шаги друзей, и вместо этого сунула её обратно в трещину.

- К твоему возвращению, Дзирт До'Урден, - прошептала она, хотя и знала, что это невозможно.

Она вышла обратно к Энтрери и дождалась остальных.

- Ничего, - сказал Атрогейт.
- Оставался ещё один ярус, - добавила Далия, бросив раздражённый взгляд на дварфа. - Он не стал туда спускаться — и нам тоже запретил.
- Захлопнись, девчонка, - сказал Атрогейт.
- Но там может быть Дзирт, - возразил Реджис.
- Его там нет, - обречённо сказала Ивоннель. - Я воспользовалась магией. Дзирта здесь нет. Его не стало.
- Просто... не стало? - сказал Атрогейт.
- Его забрали в Бездну? - спросила Далия.
- Тогда мы отправимся в Бездну и вытащим его, - сказал Атрогейт.
- Да! - согласился Реджис.

Ивоннель подняла руку, чтобы заставить всех замолчать. Она посмотрела на Реджиса, готового броситься в Бездну в погоне за потерянным другом. Она сомневалась, что сможет его отговорить, даже если объяснит всю безнадёжность подобного предприятия. Она поняла, что полурослик нуждается в этом. Он нуждался в том, чтобы делать что-нибудь — что угодно, пытаясь вернуть отступника-дроу.

Ивоннель считала, что хорошо понимает, как сильно Дзирт влиял на других, но теперь поняла, что недооценила его, хотя всегда знала, что он особенный, что честная жизнь, которую он ведёт — особенная. Она задумалась, оплатит ли кто-нибудь так же её собственную гибель, наденет ли ту же маску решительности и боли, какую она видела сейчас на лице Реджиса.

- В своё время, - наконец сказала она. - Узнаем, что можем, и заручимся помощью сильных союзников. Я бывала в Бездне — по крайней мере, у меня есть воспоминания о похождениях моей тёзки в клубящемся дыму. Туда не отправляются с надеждой вернуться.

- Но ты была там, - возразил Реджис. - Или твоя тёзка, как ты только что сказала.
- Как гостя демонической королевы, а не как её враг.
- Думаешь, сама Ллос забрала Дзирта?
- Только существо, практически равное ей по силам, могло подарить захватчика — нет, двух захватчиков.

- Мы не сумеем его вернуть, - прошептала Далия.
- Вы, может быть, и не сумеете, а я сумею, - огрызнулся Реджис с необычной для него резкостью.

Далия ответила на его гневный взгляд. На лицах Атрогейта и Энтрери было написано сочувствие к несчастному полурослику.

- Но я права, - сказала Далия. - Мы не сумеем его вернуть.

Они все повернулись к Ивоннель, ожидая какого-нибудь ответа.

Она хотела сказать то, в чём они нуждались — по крайней мере, трое, поскольку Далия оставалась для Ивоннель загадкой. Женщина-дроу изумилась, как сильно ей этого хочется. Но в конце концов оказалось, что она не может их обманывать — а правду она знала.

- Нет, - согласилась она. - Нет сумеем.

- Громф не ответит, - сказала Пенелопа Гарпелл, обращаясь к Кэтти-бри.

Младшая женщина вздохнула, забеспокоившись ещё сильнее. Её живот был уже большим. Беременность близилась к концу, и ребёнок постоянно проявлял активность. Больше всего на свете она хотела отыскать Дзирта, быть рядом с мужем, отцом её ребёнка, когда будет рожать.

Нашего ребёнка.

Но где он? Несмотря на все магические попытки Кэтти-бри, на все послания, разосланные Пенелопой, на все усилия остальных Гарпеллов — её настоящих друзей — о Дзирте не было слышно ни слова.

- Но ответ Громфу Бэну известен, - заметила Кэтти-бри. - Ворота не работают, и причина тому — почти наверняка у корней Главной башни.

- Или в самом Мифрил-Халле, - сказала Пенелопа, вздрогнув от осознания, что её слова наверняка встревожат Кэтти-бри.

- Ты отправила весточку дварфам?

- Это сложнее. Наши прорицания показали, что местность вокруг Мифрил-Халла заполнена врагами. Ордами демонов и дроу.

- Но разве в Лускане нет врагов? - напомнила ей Кэтти-бри. - Флот...

- Главная башня — другое дело. Она очень чувствительна к магическим посланиям, - ответила Пенелопа. - А дварфы сидят глубоко в своей норе — и скорее всего, ведут отчаянную битву.

- Мы должны открыть врата, - решительно сказала Кэтти-бри. - И в первую очередь мы должны выяснить, не является ли их отказ свидетельством чего-то более зловещего. Надо спешить, ведь если Главная башня ослабила поток волшебной энергии в Гонтлгрим, предтеча снова может освободиться. В прошлый раз, когда это произошло, был уничтожен Невервинтер.

- Я отправлюсь к Громфу, - объявила Пенелопа.

- Ты даже не знаешь, цела ли Главная башня — и кто её контролирует.

- Кто-то должен узнать.

Кэтти-бри взяла Пенелопу за руку.

- Я не могу тебя потерять, - тихо сказала она. - Не знаю, что я уже потеряла.

- Меня доставит туда Старый Киппер, и мы оба будем держать наготове заклинания для быстрого побега. Обещаю.

Кэтти-бри кивнула и отпустила её — и Пенелопа обернулась, чтобы заключить беременную женщину в крепкие объятия.

- Я найду Дзирта, - прошептала она на ухо Кэтти-бри. - Обещаю.

Кэтти-бри отстранилась и направилась к двери, сверкнув своей улыбкой — но та была вымученной. Она оставалась здесь, готовясь к родам, а весь мир вокруг как будто сошёл с ума.

Она никогда в жизни не чувствовала себя такой беспомощной, даже давным-давно, когда была пленницей Артемиса Энтрери, и её тащили через весь Фаэрун в погоне за Реджисом.

Теперь она цеплялась за это воспоминание — яркое свидетельство того, что они с друзьями, Компаньонами Халла, уже очень, очень долго сражались в тяжёлых битвах — и побеждали.

- Именем богов, - пробормотал Реджис, лёжа на гребне рядом с четырьмя спутниками. Широкое поле внизу пересекал отряд из крупных драуков примерно в сотню особей. Друзья были в дороге почти десять дней — в путешествии, тяжёлом эмоционально и физически, особенно для Артемиса Энтрери. Ивоннель сделала многое, чтобы помочь им — не только исцеляя их и обеспечивая пищу, но и ускоряя путь — и всё с помощью заклинаний. Однако без телепортации и прочей подобной магии. Она хотела, чтобы все смирились с новой реальностью, и собиралась хорошо познакомиться с землями между Терновым Оплотом и Гонтлгримом.

- Полно демонов, - сказал Атрогейт.

- Это не демоны, - поправила Ивоннель. - Демоны, подозреваю, ждут внутри Гонтлгрима. Это авангард войск дроу.

- Я думала, что драуки — редкость, - заметила Далия.

- Я тоже, - отозвалась Ивоннель. - Не могу ничего ответить.

- Как насчёт большого ответа на большой вопрос? - спросил Атрогейт. - Вроде того, как мы собираемся попасть ко входу?

Он кивнул на другой край поля, но никому не требовалось смотреть туда, чтобы понять, в чём дело. За полем росли деревья, а за этой рощицей — разрушенная и несомненно занятая врагом деревня Кровоточащие Лозы. Справа, к югу от деревни, стояла пустующая трамвайная станция. Среди горного склона отчётливо виднелись входной и выходной тоннели Гонтлгрима.

- Не будет никакого толка туда идти, если мы попадём напрямиком в объятья демонов. - заметил Реджис.

- Не вижу лучшего способа, - сказал дварф.

- Госпожа, а вы? - спросил Ивоннель полурослик.

- У меня кое-что есть, - отозвалась та. - Но я надеялась сначала собрать побольше информации.

Она перекатилась на спину и зашептала — слишком тихо, чтобы другие могли разобрать слова. Они начали понимать, в чём дело, когда к женщине стали слетаться её волшебные разведчики — похожие на хрусталь птицы, одна за другой усаживаясь ей на грудь и нашептывая на ухо. Так продолжалось достаточно долго, пока рассерженная Ивоннель наконец не села.

- Вся земля вокруг нас потеряна, - объявила она.

- Да, мы видели, - сказал Атрогейт. - Тут птицы не нужны.

- Вся земля, - уточнила женщина. - Отсюда до Лускана, всё побережье, все Утёсы. Порт Лласт стелает под ударами гнолльих кнутов.

- Гноллы? - фыркнул Атрогейт. - Мы перебьём их всех насмерть просто потому, что они гноллы.

- Вокруг деревни впереди полно демонов, и в основном это старшие изверги, - продолжала Ивоннель. - Скорее всего, слабые чудовища внизу, на верхних ярусах Гонтлгрима. Король Бренор отчаянно сражается, если ещё не проиграл.

- Так что же нам делать? - спросил Реджис.

Ивоннель покачала головой, продолжая размышлять.

- Пойдём внутрь, - сказал Атрогейт.

- А если внутри не укрыться? - спросила Далия. - Если там только демоны и дроу?

- Тогда мы пробьёмся через них и выйдем с другой стороны, - объявила Ивоннель.
- Давайте спускаться.

Она встала и зашагала вниз по гребню, другие — следом за ней. Атрогейт поддерживал ковыляющего на распухших ногах Энтрери.

- Возьмитесь за руки, - приказала им Ивоннель. - Артемис Энтрери — ко мне.

- Мы снова будем бежать? - спросил Атрогейт, поскольку последние несколько раз, когда им приходилось бросаться бегом, Ивоннель накладывала двомер, увеличивающий скорость.

Артемис Энтрери застонал. Эти лихорадочные рывки истощали его скудный запас сил.

- Сейчас всё иначе, - пообещала Ивоннель, главным образом ради измученного мужчины. Она взяла его за руку. - Атрогейт, возьми вторую руку. Потом ты, Реджис, потом Далия. Что бы ни случилось, не отпускайте.

- А не то упадём? - спросил дварф, который ошибочно подумал, что уже слышал эту речь.

- А не то вернётесь в физическую оболочку посреди тысячи извергов, и ни я, ни даже ваш бог вас уже не спасём, - сказала Ивоннель, и как только сформировалась живая цепочка, начала читать заклинание.

- Что за... - начал Атрогейт.

- Просто заткнись и держись, - ответила ему Далия. - Ради себя и нас, просто держись за руки.

Голос Далии истончился, пока она говорила, стал бесплотным, превратился в ветер в ушах товарищей.

Ведь скоро от них остался один лишь только ветер, облако клубящихся газов. Как ни странно, Реджис по-прежнему чувствовал касание Далии и Атрогейта, хотя и не чувствовал руку отдельно. Но они были вместе, держались друг за друга, и когда облако стало дрейфовать, а затем полетело вслед за усилием Ивоннель — рывком одновременно физическим и волевым — полурослик был этому рад. Все вместе они перемахнули за гребень и устремились на поле внизу. Реджису пришлось напрячься, чтобы не потерять самообладание, когда Ивоннель заставила их пролететь прямо через отряд драуков, скользя между чудовищами, как простое облачко. Однако сразу несколько драуков заметили их присутствие, хотя ни один как будто не понял, что это за странная дымка.

Вот на что похоже, когда мимо проходит призрак, подумал полурослик. Холодный ветерок.

Они просочились в Кровотокащие Лозы через дроу — и эти враги были внимательнее, чем драуки, некоторые вздрагивали и оборачивались, окликали жриц, и Реджис увидел, как одна, а потом вторая принялись читать какое-то заклинание.

Тогда Ивоннель прибавила скорости — потому что испугалась, знал Реджис. Могут ли эти жрицы вырвать их из облака? Какой ужас — оказаться посреди этого свирепого войска!

Полурослик немного расслабился только когда они влетели в тоннель, быстро оказавшись во мраке, а вскоре после этого — в огромной входной пещере, где кишели демоны и драуки. У Реджиса душа ушла в пятки, когда они направились к маленькому

пруду, затем пролетели над прудом и внутрь комплекса — чтобы обнаружить, что там тоже полно чудовищных обитателей нижних планов.

По комнатам, вниз по лестнице, в огромный зал, отделяющий верхние ярусы от главного комплекса — и там внизу тоже рыскали демоны.

Из этого большого зала они спустились в тесные коридоры, ведущие к великой кузне, и там звуки битвы заставили полурослика воспрять духом. Скоро они пересекли поле боя — боковые катапульты dwarфов разрывали младших демонов на куски, dwarфийские солдаты удерживали позиции, отражая натиск орды.

Затем вокруг снова остались одни dwarфы — жрецы заботились о раненых, подкрепления готовились занять своё место на линии фронта. За ней по-прежнему стоял Гонтлгрим, Гонтлгрим короля Бренора!

Они остановились в тоннеле с парой dwarфов-часовых, неподалёку от основных покоев правителей Гонтлгрима, и там, на некотором отдалении от солдат, охранявших хорошо знакомую Реджису дверь, Ивоннель сняла своё заклинание.

Пять товарищей снова стали телесными. Все, кроме Ивоннель, вздрогнули от резкого перехода.

- Стой, кто идёт! - закричали dwarфы, опустив свои копья и готовясь к атаке.

- Спокойно, друзья мои, - сказала Ивоннель. - Вы меня знаете — я друг Дзирта и Джарлакса.

- И я! - заявил Реджис, бросившись вперёд, чтобы встать между dwarфами и его спутниками.

- Рамблбелли! - в унисон воскликнули часовые.

- Ага, - отозвался Реджис. - Вы должны немедленно отвести нас к королю Бренору. И к госпоже Донноле Тополино — прошу, скажите, что моя жена в безопасности!

- Да, Рамблбелли, - ответил один из dwarфов. - Дела у неё не хуже, чем у любого из нас — что не так уж и хорошо, как ты можешь себе представить.

Реджис, конечно, понимал, что это правда, но испытанное им облегчение было огромным. Он только что потерял Дзирта и просто не вынес бы потери своей возлюбленной Доннолы!

Стук заставил Кэтти-бри вскочить, осторожно перекатиться с дивана и со всей доступной ей скоростью подойти к двери. Она отворила дверь, ожидая увидеть Пенелопу с новостями из Лускана, но вместо этого увидела высокого, худого мужчину в простой светло-коричневой рясе.

- Брат Афафренфер? - изумлённо спросила женщина.

- Официально я стал магистром, но да, добрая госпожа, - он взглянул на её раздутый живот. - Надеюсь, у вас всё хорошо?

- Да.

Он кивнул и тепло улыбнулся, не отрывая взгляда от её живота.

- Я могу вам чем-то помочь? - спросила она, немного нервничая. - То есть... пожалуйста, входите.

- Благодарю, госпожа. Я ищу Дзирта. И умоляю вас, простите моё удивление и заинтригованность. Я не хотел...

- Да, брат, ребёнок от Дзирта.

Афафренфер встретился взглядом с Кэтти-бри. У него отвисла челюсть.

- Он... когда мы в последний раз говорили, он только упомянул, что не может вернуться со мной в монастырь Жёлтой Розы, несмотря на приглашение магистра Кейна. Я подумал, что что-то не в порядке.

- Что ж, так оно и есть.

- Едва ли! - ответил монах, приподняв руки, как будто хотел обнять Кэтти-бри, но не мог решить, стоит ли.

Она шагнула вперёд и первой его обняла.

- Ох, дитя двух таких славных героев будет величайшим... - замямлил Афафренфер чуть-чуть дрожащим голосом. - Человек и дроу?

- Полуэльфов много, - напомнила ему Кэтти-бри.

- Но полудроу? Я никогда не слышал... - сказал Афафренфер. Он неожиданно и довольно энергично покачал головой, махая руками, как будто пытаясь забрать свои слова назад, и Кэтти-бри поняла, что он увидел, как она хмурится.

- Могу лишь представить себе красоту вашего дитя, - воскликнул Афафренфер, и неожиданно показался очень искренним.

- Не бойтесь, брат. Я понимаю ваши сомнения, - благородно сказала она.

- Нет, госпожа, если вы решили, что я сомневаюсь, значит я неправильно выразил то, что у меня на сердце, - ответил монах. - Это великолепные новости, и дитя будет чудесным. И прекрасным.

- И отверженным?

Глаза монаха расширились.

- Никогда!

Кэтти-бри улыбнулась, чтобы ослабить напряжение. По правде говоря, она просто дразнила молодого Афафренфера. Она точно знала, с какими испытаниями предстоит столкнуться её ребёнку — наполовину человеку, наполовину дроу. Знала она и то, что ни один ребёнок, даже родись он у знатной дамы из Глубоководья или дамарской королевы, не мог обладать такой большой и чудесной группой союзников, способных прогнать любого, неспособного видеть дальше необычного сочетания кровей.

- Будем надеяться, - сказала она.

- О да.

- Если вы пришли пригласить Дзирта в монастырь, знайте, что я даже слышать об этом не хочу. И боюсь, что он в любом случае не смог бы, ведь тьма явилась снова — а может быть, это всё та же самая тьма, снова и снова, беспощадная и разрушительная.

- Нет, конечно не сможет, и вести о беспорядках достигли нас в Дамаре. Но не поэтому я отправился так далеко на запад. Я должен немедленно поговорить с Дзиртом.

- Его здесь нет, - призналась Кэтти-бри. - Он в Гонтлгриме, сражается рядом с королём Бренором.

Она заметила, как отхлынула кровь с лица Афафренфера.

- Что вам известно, брат?

- Наверное, ничего.

- Скажите мне! Гонтлгрим пал?

- Я ничего не знаю о Гонтлгриме, госпожа. Даю слово.

- Тогда в чём дело? Зачем вы пришли?

Афафренфер тяжело сглотнул.

- Магистр Кейн...

Он замолчал, как будто пытаясь отыскать нужные слова.

- Магистр Кейн что-то почувствовал. Не знаю, как это описать. Восхождение из смертного тела. Как смерть, но не совсем.

На лице Кэтти-бри отразилось явное смятение. Как могущественная жрица, она знала о хождении по планам и астральных проекциях, позволяющих опытному магу перенести себя на иной план бытия, но понимала, что Афафренфер говорит о другом.

- Беспокоиться почти наверняка не о чем, - сказал монах. - Я упомянул это лишь потому, что после долгих часов обучения у верховного магистра цветов Дзирт почти наверняка будет заинтересован.

- Может быть, магистр Кейн решил, что это открытие соблазнит Дзирта вернуться в монастырь, - предположила Кэтти-бри.

- Уверен, что так и есть, - сказал Афафренфер.

Кэтти-бри хотела надавить на него в поисках более подробного объяснения, но в открытых дверях возникла Пенелопа Гарпелл и торопливо вошла. Она едва взглянула на Афафренфера и слабо кивнула в знак приветствия.

- Мне нужно поговорить с тобой наедине.

- Магистр Афафренфер пришёл сюда в поисках Дзирта, - ответила Кэтти-бри. - Подозреваю, его путь рядом с нами только начинается.

Пенелопа посмотрела на юношу и кивнула ещё раз, затем с мрачным выражением сообщила:

- Громф не позволил мне войти.

- В Главную башню Волшебства? - спросил Афафренфер.

- В его экстравагантные покои, - прояснила она. - Его дверь оказалась для меня заперта.

Она повернулась к Кэтти-бри.

- Твои старые знакомые, леди Авелиер и лорд Парис Ульфбиндер, ответили на мой вызов и привели меня в покои Авелиер для переговоров. Однако наш разговор был коротким, поскольку архимаг Громф был недоволен, что мне вообще позволили попасть в башню. Сильно недоволен. По его приказу Главная башня остаётся нейтральной в этой войне.

- Нейтральной?

- Да — это Громф нарушил поток волшебной энергии и закрыл порталы.

- Значит, он занял сторону противника, - сказала Кэтти-бри.

- Если верить лорду Парису, Громф это отрицает. Но друу с демоническим войском и флот, который лорд Бревиндон Маргастер из Глубоководья привёл в Лускан, очень сильны. Громф ясно дал понять всем магам в Главной башне, что он сам — и они тоже, если желают остаться в живых и не покидать свой новый дом — не станут выступать против завоевателей. Мне он тоже не позволил остаться, поскольку одно моё присутствие могло нарушить его нейтральный статус.

- Они готовят катастрофу, - сказала Кэтти-бри. - Чума на их головы...

- Завоеватели держатся подальше от башни. Они не готовы сражаться с собравшимися там силами. Они попытались только раз — и поле вокруг башни усеяно следами той бойни.

- Если дроу одержат победу на севере, завоевание Главной башни станет лишь вопросом времени.

Пенелопа кивнула.

- А что сейчас с Лусканом? - спросил Афафренфер.

- Похоже, Лускан находится во власти старшего капитана Бревиндона Маргастера. В его полной власти — только Главная башня сохранила некоторую автономность.

- Он так быстро захватил город?

- Разношёрстный флот Лускана и почти все городские капитаны — пираты, - объяснила Пенелопа. - Сражение шло всего одну кровавую ночь и один день, но чувство преданности такого эгоистичного народа к представителям власти в Лускане переменчиво, как ветер. Судя по всему, они решили, что лучше присоединиться к завоевателям, чем сражаться с ними.

- И они просто преклонили колени? - спросил монах.

- Я бы не сказала, что они преклоняли колени. Но один лорд или другой... - ответила Пенелопа.

- Однако этого лорда, похоже, поддерживают дроу и демоны?

- И гноллы, - согласилась Пенелопа. - В его флоте было полно диких тварей — а теперь они заполнили улицы Лускана. Но не забывай о том, что до нападения власть в Лускане тоже принадлежала дроу.

- Джарлаксу и Бреган Д'эрт, - объяснила монаху Кэтти-бри.

- Так что они просто сменили одного капитана на другого, - сказала Пенелопа. - Причём, похоже, на более злобного — такого, кто позволит им и дальше пиратствовать и грабить. Не заблуждайся — главная претензия к старшему капитану Беньяго Курту, которую слышали Парис и Авелиер, заключалась в том, что он принёс в Город Парусов толику порядка и цивилизованности.

Кэтти-бри кивнула и беспомощно хмыкнула. Афафренфер с любопытством взглянул на неё.

- Джарлакс — не злая личность, - пояснила она. - Даже король Бренор одобрил тайную власть Бреган Д'эрт над Лусканом. Джарлакс жесток, но только когда это необходимо — и только с теми, кто этого заслуживает. Его целью было использовать интересы жителей Лускана против их обычных привычек.

- Показать им лучший путь, - сказал монах.

Кэтти-бри кивнула.

- Медленно. И к их собственному удовлетворению, когда оказалось, что торговля более выгодна и не так... опасна, как пиратство.

- Они считают, что обменяли дроу на лорда Глубоководья — достаточно порочного, чтобы принять их образ жизни, - сказала Пенелопа. - Однако Громф знает правду. Город скоро поработят беспощадные хозяева — или следует сказать «верховные матери»?

- Будь он проклят, - прошептала Кэтти-бри. - Коварный глупец.

- Подозреваю, что дело в страхе, а не в злых умыслах, - сказала Пенелопа. - Если верить тому, что я вытянула из Париса и Авелиер, Громф очень боится шторма, который пришёл к нему на порог. Не забывай, когда-то он был архимагом Мензоберранзана. Он понимает, какие силы задействовал Мензоберранзан. И воспринимает всё особенно остро — потому что в надизмеренческих коридорах и особняках Главной башни нашёл жизнь, о которой даже мечтать не смел.

Кэтти-бри вздохнула и устало уселась в мягкое кресло.

- Неважно, какие у него причины и что он чувствует — мы должны открыть эти ворота, - сказала она.

- Мы не можем.

- Отсюда — нет.

- Из Главной башни — тоже. Ты не в том состоянии, чтобы бросить вызов такому, как Громф Бэнр — и мы не сумеем собрать достаточно сил, чтобы убедить кого-то внутри выступить против него.

- Из Гонтлгрима, - пояснила Кэтти-бри. - Может быть способ открыть порталы и без участия Главной башни. Ты должна доставить меня в Гонтлгрим — срочно.

Пенелопа сомневалась.

- Ты только что с лёгкостью телепортировалась в Лускан и обратно, - заметила Кэтти-бри.

- Главная башня – готовое место назначения для таких заклинаний, - сказала Пенелопа. - Киппер и я настроены на комнату, построенную специально для этой цели. Но у нас обоих нет никаких настоящих знаний о Гонтлгриме.

- Но ты же была там!

- Недолго и только однажды, просто чтобы испытать портал, когда они только появились. Так что да — порталный зал мне знаком.

- Хватит, чтобы телепортировать нас туда.

Пенелопа замолчала и не выразила согласия.

- Я видела его лишь мельком и точно помню низкий потолок и неровные стены — это неподходящее место для такой попытки.

- Врата похожи на постоянный круг, разве нет?

- Разве?

Кэтти-бри хотела ответить утвердительно, но не смогла — она не знала.

- Пожалуйста, мы должны попытаться, - умоляла Кэтти-бри. - Я многое смогу сделать, если попаду в Гонтлгрим.

- Как? Главная башня контролирует...

- Источник энергии — это предтеча, - напомнила ей Кэтти-бри. - Главная башня просто направляет её. Я могу поговорить с ним.

- Чего ради? Предтеча — существо, намного превосходящее наше понимание. Его желания отличаются от наших — настолько сильно, что ты даже не сумеешь их понять.

- Мы должны попытаться, - снова сказала Кэтти-бри.

- Ты хочешь рискнуть своим ребёнком?

Вопрос потряс Кэтти-бри.

- Отправьте меня, - сказал Афафренфер.

- Я никого не могу «отправить», - заметила Пенелопа. - Маг должен будет сопровождать.

- Тогда отправляйтесь со мной, - сказал Афафренфер. - Если ключ к успеху вашего заклинания — знакомство с местом назначения, отправляйтесь и познакомьтесь с ним.

- Но остаётся ещё первая телепортация, - напомнила возбуждённому монаху Кэтти-бри.

- Нужно быть храбрым, - парировал он.

- Нет, он прав, - согласилась Пенелопа. - В эти отчаянные времена мы должны использовать любой шанс, пускай даже самый маленький. Я найду Киппера. Он куда сильнее с такой магией. Мы отправимся в Гонтлгрим вместе и приготовим круг, затем быстро вернёмся.

Она замолчала, и на её лицо снова нашла туча.

- Если сумеем. Если порталный зал свободен от демонических захватчиков. Мы не знаем, стоит ли ещё Гонтлгрим.

- Тем более, возьмите меня, - сказал Афафренфер. - Если мы окажемся в опасности, я буду защищать вас, пока вы не вытащите нас оттуда.

- Я не могу просить... - стала возражать Кэтти-бри, но монах ничего не хотел слушать.

- Не можете, потому что вам нечего просить, - сказал он. - Это мой выбор. Пойдёмте, - обратился он к Пенелопе. - Давайте поспешим. Рушащийся мир не станет ждать героев, которые медлят.

ГЛАВА 12

Глубокий источник единой памяти

Беньяго сидел за своим столом в Иллуске, скрестив на груди длинные тонкие руки. Киммуриэль расположился в углу позади него и слева — псионик настоял на роли наблюдателя и отдал встречу целиком на откуп Беньяго, который какое-то время был старшим капитаном и знал город не хуже любого из членов Бреган Д'эрт.

За исключением Вульфгара и Милашки Чарли на скамьях перед Беньяго сидели только дроу. Киммуриэль настоял на присутствии Вульфгара, а Милашка Чарли исполняла важную роль, поскольку могла легко ходить по улицам города даже после столкновения с гноллами, шпионя и сливаясь с толпой.

Один из другим разведчики сообщали свою информацию, оставляя самого важного напоследок: Браэлина Джанкуэя. Он подытожил полученные сведения — и этот итог ставил под сомнение возможности Бреган Д'эрт продолжать операции в Лускане.

- Их слишком много, - продолжал Браэлин. - Судя по всему, остальные четверо старших капитанов действительно поклялись Бревиндону в абсолютной верности. Лускан похож по своим размерам на Мензоберранзан, и если все четыре корабля объединились в единый союз, мы не сможем их победить — даже если нас поддержат все остальные лусканцы.

- А поддержат нас немногие, - добавил другой разведчик.

- Это показывает, что люди с их короткими жизнями слишком непостоянны и лишены представления о чести, - сказала Даб'ней.

- Это показывает, как подозрительно относится город к переменам, - вмешался Вульфгар, вызвав у многих недовольные гримасы — дроу ясно дали понять, что не желают, чтобы они с Милашкой присутствовали на собрании.

- Вы предложили лусканцам перемены, и они только начали замечать их, - сказал он Беньяго и повернулся, чтобы убедиться, что Киммуриэль тоже его слышит. - Со временем перемены наверняка окажутся выгодными для Лускана, но это приведёт к тому, что многие горожане, в особенности самые сильные и свирепые, потеряют власть. Вы потребовали — может, не потребовали, но попросили — чтобы они отказались от своего образа жизни. Не всякий пират убивает и грабит лишь потому, что у него небогатый выбор. Некоторые делают это просто ради удовольствия. Они предпочитают полную приключений жизнь без каких-либо моральных ограничений, даже если она почти наверняка приведёт к неприятной и ранней смерти.

- А потом вы называете злыми нас, - сказала Даб'ней.

- Разве Мензоберранзане иначе? - спросил её Браэлин Джанкуэй. - Ты сомневаешься, что многие жрицы получают удовольствие от использования своей плети?

- Мы слишком отклонились от темы, - заметил Беньяго.

- Когда вы вернётесь Лускан, стоит разделить небезнадёжных горожан от всех остальных, - закончил Вульфгар.

Беньяго посмотрел на него, быстро кивнул, затем вернулся к Браэлину.

- Наша главная надежда — на вызванный гноллами хаос, - продолжал тот. - Даже Бревиндон Маргастер не в силах полностью их контролировать. Преступления гноллов против лусканцев множатся.

- А что нам известно о Бревиндоне? - спросил Беньяго.

- Внутри него — демон, - ответила Милашка Чарли. - Настоящий, злобный и краснокожий, с загнутым мечом, способным расцезь тебя надвое.

- Да, - согласился Браэлин. - Этот демон тоже невольно может нам помочь. Бревиндон ведёт себя жестоко, вешает людей дюжинами, и вскоре не останется ни одной лусканской семьи, которая не знала бы кого-то из повешенных. Люди будут бояться его, другие капитаны будут подчиняться ему, но скоро Бревиндона станут любить даже меньше, чем нас.

- Однако он — не единственный демон в Лускане. У него серьёзное наёмное войско, которое никогда его не предаст, включая гноллов, - сказала Даб'ней.

Другие стали отвечать, но Беньяго поднял руку, заставляя их замолчать, пока он обдумывал информацию — которая не являлась чем-то новым ни для кого из присутствующих.

- Этого недостаточно, чтобы убедить архимага Громфа, - сказал он после долгой паузы, - и мы мало что можем сделать, не понеся серьёзных потерь — Бреган Д'эрт не военное подразделение. Я надеялся найти нам место в Лускане с новой властью, но этого не случится, учитывая что за Бревиндоном, как мы теперь знаем, стоит мать Жиндия Меларн.

- Нет, мы должны победить, и победить быстро, пока мать Жиндия занята на юге. Продолжайте наносить быстрые удары, но давайте сосредоточимся на том, чтобы настроить гноллов против самых преданных капитану Бревиндону лусканцев. Надавим на него и заставим показать ещё большую жестокость, пока не найдётся способ нанести настоящий удар.

Он закончил, бросив взгляд на сохранявшего бесстрашие Киммуриэля. Тот ничем не выразил своё согласие или неодобрение.

В последнее время Киммуриэль Облодра часто задавался вопросом, существует ли такое явление, как естественная реинкарнация, или может ли дух разумного существа воплотиться в неподходящую телесную оболочку — может быть, как Ивоннель и Квентл Бэнр. Киммуриэлю хватило бы одного пальца, чтобы пересчитать своих друзей — если Джарлак вообще был ему другом. По крайней мере, тот был ближе всех остальных к этому званию.

Может быть, Громф Бэнр, может быть, Беньяго Курт, может быть Бразлин Джанкуэй. Это были его коллеги, с ними установилось некое взаимное доверие, а к Громфу он питал неохотное уважение — больше, чем к любому другому дроу или представителю любого другого народа Фаэруна.

Но друзья? Если и был у него друг на Торице, то это Джарлак. И да, псионик знал, что о командире наёмников можно сказать такое только с натяжкой.

Однако здесь, в этом месте, подобные мерки не действовали. В этом месте не существовало Киммуриэля Облодры — лишь единственное объединение в целой сущности, которую представляло собой общество иллитидов. Здесь, в разуме улья, воспоминания и опыт отдельных индивидов сливались в одно целое, пока его пальцы массировали огромный пульсирующий мозг — средоточие связи и единства. Учёба в разуме улья представляла собой не чтение или разговор с другим существом, а всего лишь поиск того, что становилось твоими собственными обширными знаниями и памятью.

Киммуриэль часто сожалел, что не родился иллитидом.

Разумеется, разум улья знал об этом, что объясняло, почему ему здесь так рады. Здесь невозможно было спрятать неискренность. От иллитидов сложно было спрятать хоть что-нибудь.

Значительная часть индивида, который был Киммуриэлем, хотела просто остаться здесь. Пускай Лускан и Бреган Д'эрт сами разбираются друг с другом. Он мог остаться в разуме улья и ласкать чистое знание, купаться в чистой мысли, наслаждаться воспоминаниями — такими телесными, как будто он сам ходил этими путями в одиноком и единственном обличье дроу, которое был вынужден носить.

Однако из других уголков разума улья к нему приходило множество возражений. Здесь он был уникальным — или почти уникальным. Лишь этот синапс общего разума, эта сущность по имени Киммуриэль, что существовала в реальности дроу в мире Фаэруна, могла принести с собой такой огромный опыт и знания о том месте.

Он бы ограничил разум улья, ограничив таким образом и себя, если бы утратил баланс между получателем и источником.

Так что он смирился и сосредоточился на поисках.

Демоны... одержимость... филактерия...

Конечно же, знания были обширными, поскольку демоны существовали с самого начала времён и всегда беспокоили разум улья, учитывая их потенциал к разрушению.

Он не учился.

Он вспоминал, и это было намного более сильным и богатым опытом.

Рассортировав воспоминания, дроу отстранился от центрального мозга сообщества, готовый уходить.

Береги себя, будь открыт, услышал он в голове — телепатические голоса множества иллитидов, соединившихся с ним, чтобы поделиться воспоминаниями. Они были едины, очень близки в этот последний момент до ментального разъединения, и так разборчивы были их общие голоса, что он мог безмолвно и почти мгновенно поблагодарить их — всех до единого. В первую очередь он различил Пескатава, сейчас — любимого иллитида центрального мозга. Особи на этой позиции регулярно менялись, и чужаку Киммуриэлю никогда было её не занять.

По какой-то причине он заметил и другого, отрывая руку от центрального мозга и закрывая связь. Нечто в том, как пожиратель разума по имени Увунивиск разделял мысли, показалось ему... иным.

- Этот план не сработает, - сказал Киммуриэль Беньяго и другим, когда они снова собрались в Иллуске. Разведчики и провокаторы Беньяго десять дней трудились в городе, провоцируя неприятности, раздражая гноллов, настраивая против гноллов народ Лускана. Даже шептали злоешие предостережения послам старших капитанов.

Случилось несколько драк, но смертей было мало — как и прогресса в подрыве власти старшего капитана Бревиндона. На самом деле лорд из Глубоководья полностью вооружил Корабль Маргастер. Весь остров быстро становился крепостью, и эта демонстрация силы должна была держать в узде пиратов — чужаков и горожан. Поэтому Киммуриэль вынужден был пересматривать планы и смотреть в сторону обострения конфликта.

- Тогда что нам остаётся? - спросил Беньяго. - Покинуть Лускан? Оставим, может, небольшую банду для наблюдения и поиска возможностей получить какую-то выгоду. Или вернёмся к Громфу и будем умолять его передумать?

- Или хотя бы убедим его открыть порталы в Гонтлгрим? - добавил Браэлин. - Король Бренор не позволит событиям в Лускане идти своим чередом. Если он наконец-то откроет порталы в Серебряные Кордоны, у него под началом окажутся ещё три армии дварфов.

- Врата закрыты, а Громф слишком эгоистичен, чтобы передумать. Пауки-захватчики и неожиданные победы Меларнов убедили его, что Ллос на их стороне, а он слишком мудр, чтобы провоцировать гнев Паучьей Королевы, - спокойно объяснил Киммуриэль.

- А мы, судя по всему, нет, - дерзнул заметить Вульфгар, хмыкнув — но к его веселью не присоединился никто из присутствующих.

- Мы недооценили Бревиндона Маргастера, а точнее — демона Азбиила, что находится внутри него, - пояснил Киммуриэль. - Он грозный противник — они грозные противники, и они явились сюда, готовые к последствиям, как и к первоначальной победе. Порт Лласт тоже в их власти.

- Значит, мы уходим, - решил Беньяго.

- Нет, - просто ответил Киммуриэль.

- Что тогда? - вместе спросили Беньяго и Браэлин.

Киммуриэль посмотрел в сторону, на Вульфгара, который понимающе кивнул.

- Мы уничтожим их, - сказал варвар. - Мы отправим этого изверга Азбиила обратно в бездны нижних планов, где ему самое место.

Взгляды командиров дроу задержались на Вульфгаре, прежде чем вернуться к Киммуриэлю, который по-прежнему глядел на варвара.

- Он знает, как это сделать, - сказал им всем Вульфгар.

На это Киммуриэль почти улыбнулся. Хотел бы он испытывать такую же уверенность. Что-то беспокоило Киммуриэля, не давало ему покоя. Он чувствовал, что упускает какой-то важный факт. Какие-то воспоминания парили за самой гранью его сознания, какая-то память, имеющая отношение к этой ситуации.

- На сей раз я не промахнусь, - пообещал им всем Вульфгар.

Тебе не следовало промахиваться в прошлый, подумал Киммуриэль, но не сказал вслух — и не стал передавать телепатически.

Замечание было странным — какое ему дело? — и Киммуриэль тут же решил, что оно вызвано раздражением.

Но понял, что нет. Он пошёл на большие усилия, чтобы защитить Вульфгара в том бою на корабле Бревиндона Маргастера в открытом море. Он оградил варвара кинетическим барьером, наделив Вульфгара ужасной силой на один удар, чтобы выплеснуть всю накопленную энергию. Киммуриэль поступил так, зная, что Вульфгар, такой могучий и опытный, прикончит демона внутри своего врага или по крайней мере избавится от физического тела Бревиндона. Азбиил был гордым и считал себя неуязвимым. Его боевой стиль был агрессивным, безрассудным, неосторожным.

Вульфгар не мог промахнуться.

Но промахнулся.

Как такое могло случиться?

ГЛАВА 13

Сближение

Они появились во вспышке и клубах дыма — небольшое дополнительное шоу, которое старый Киппер Гарпелл включал в свои заклинания телепортации чисто ради драматического эффекта. На сей раз это могло дорого обойтись ему и тем, кто путешествовал с ним, поскольку, прибыв в небольшой порталный зал в Гонтлгриме, они обнаружили два ряда боевых дварфов с заряженными тяжёлыми арбалетами и боковую катапульту на стене, готовую выпустить свой смертоносный заряд.

- Убрать луки! - крикнул Бьярк Лагер, командир боевого отряда, как только рассеялся дым и показалась Кэтти-бри. Половина dwarфов уже убрала оружие, опознав в женщине настоящего друга клана Боевых Молотов. Каждый dwarf в Гонтлгриме, каждый dwarf в Мифрил-Халле, каждый dwarf в цитадели Адбар и цитадели Фелбарр хорошо знал приёмную дочь короля Бренора.

- Миледи Кэтти-бри! Как здорово, что вы прибыли, - сказал Бьярк, бросаясь к четвёрке гостей. - Надеюсь, что вы позаботились о пути к бегству, если вдруг приспичит!

- В этом нет нужды, добрый мастер dwarf, - ответила женщина, легко перейдя на dwarфийский говор, к которому привыкла с юности. Переход был произвольным, но довольно обычным и вызвал улыбку у неё на лице — Кэтти-бри всегда чувствовала, что эта речь, немного лиричная, немного гортанная, подходит, когда рядом битва. Каждое слово было подобно хорошему шлепку по спине и вызывало образы тостов, поднятых во имя великих героев древности, сражавшихся с могучими противниками и одержавших победу. - Что мне нужно — так это увидеть моего мужа и моего па.

- Да, только король Бренор сегодня пользуется популярностью, - сказал Бьярк.

Кэтти-бри задумалась и с любопытством взглянула на него, но не стала расспрашивать. Dwarf продолжал:

- Придётся идти тайными ходами. В главных проходах кипит драка. С вашей... нагрузкой... может быть тесновато.

- Просто веди, дружище, и побыстрее, ладно?

- Ага, - согласился Бьярк. - Бренор должен быть в кузнице — или там, где держат зверя. Идёмте.

Он кивнул dwarfу у правой стены, и тот подпрыгнул и нажал на особые места в цельном на первый взгляд камне. Секция стены упала, обнажая узкий, зато чистый и хорошо обработанный коридор.

- Принесите факел! - приказал Бьярк.

- Не нужно, - сказала Пенелопа Гарпелл и взмахом руки призвала волшебный свет, поместив его на кончик острого шлема Бьярка.

- Волшебники, - пробормотал dwarf и двинулся в путь. - Если увидим каких-нибудь демонов, вам лучше сразу всё погасить.

- Это быстрее, чем погасить факел, - заверила его Пенелопа.

- Волшебники, - снова буркнул Бьярк.

Шестёрка — их стало шестеро, когда второй dwarf присоединился замыкающим — быстрым шагом направилась по узким петляющим проходам. Кэтти-бри и другим гостям всё это место казалось огромным лабиринтом — с многочисленными поворотами, развилками и перекрёстками, которые казались абсолютно одинаковыми, но Бьярк точно знал, куда направляется, и вскоре привёл их в коридор, заканчивающийся как будто простой каменной стеной, не считая железного засова сбоку с висящей рядом цепочкой.

Бьярк потянул за цепочку, и они услышали колокольчик по другую сторону двери. Dwarf досчитал до трёх, затем быстро дёрнул за цепочку дважды. После краткой паузы он отодвинул засов, и дверь бесшумно отворилась в просторное помещение.

Дюжина боевых dwarфов убрала своё оружие, наблюдая, как они заходят. Один поприветствовал Кэтти-бри, вышедшую из узкого коридора.

Радостные dwarфы расступились, кивая, тепло приветствуя Кэтти-бри и её товарищей. Сразу перед тем, как они открыли дверь в кузницу для четырёх гостей, им пришлось остановиться и осмотреть ещё один отряд, быстро приближавшийся по боковому проходу.

Ивоннель, Далия, Энтрери, Реджис и Атрогейт бросились им навстречу — все пятеро были мрачны.

- Леса вокруг нас кишат драуками, - сказал Реджис, поспешив к Кэтти-бри. - Так много, а мой друг...

Ивоннель схватила его за плечо и оттащила, хмурой гримасой дав знак молчать. Затем женщина-дроу обменялась довольно неловкими взглядами с Кэтти-бри.

- Мне сказали, что король Бренор в палате с предтечей, - пояснила Ивоннель. - Мы можем вместе рассказать ему новости. Dwarфы позвали Джарлакса и Закнафейна, чтобы те к нам присоединились.

В голове у Кэтти-бри появились сотни вопросов, вызванных тоном Ивоннель и Реджисом — с Реджисом что-то было не так. Волоски на шее Кэтти-бри встали дыбом. Да, что-то было не так. Она видела это на их лицах — у всех, особенно у полурослика. Реджис выглядел так, как будто готов взорваться.

Они отправились в кузницу, а оттуда — в боковой коридор, ведущий в широкий зал, где в разломе с бурлящими стенами, в огромной пропасти, окружённой водными элементами, был заточён предтеча. Там они нашли ожидающего их Бренора вместе с королевой Таннабритчес, Айвеном и Пайкелом Широкоплечими, леди Доннолой Тополино и двумя дроу — Закнафейном и Джарлаксом.

- Хвала Думатойну, - сказал Бренор, когда увидел свою беременную дочь. - Прошу, скажи, что растреклятые порталы заработали.

- Нас телепортировал сюда Киппер Гарпелл, - объяснила Кэтти-бри. - Порталы не при чём.

- И вряд ли что-то изменится, - добавила Пенелопа Гарпелл.

- Тьфу! - сплюнул dwarфийский король.

- Ивоннель превратила нас в живое облако, чтобы мы могли пролететь через дроу, драуков и демонов, - сказал Реджис.

- Атрогейт! - воскликнул Бренор, заметив своего щитового dwarфа, которого считал погибшим в Терновом Оплоте. - Ох, у вас всех столько историй!

- И начну я с самого важного, - мрачно сказала Ивоннель. Она сняла с плеча мешок. - Об этом нелегко говорить.

Она замолчала и глубоко вдохнула, и все, кто пришли с ней, задержали дыхание.

У Кэтти-бри дрогнуло сердце. Она знала. В этот момент, в этот ужасный момент, она уже всё знала.

- Дзирта не стало, - объявила Ивоннель. Она положила мешок к ногам Кэтти-бри, и когда ткань соскользнула, наружу показалась рукоять знакомой сабли.

- Не стало? - спросил Бренор. - Что значит «не стало»?

- Паук, - выпалил Реджис, бросившись вперёд просто потому, что должен был. Он направился напрямик к жене и рухнул в её объятия, нуждаясь в поддержке.

- Его не стало, - повторила Ивоннель.

- Где тело? - потребовал Бренор, повысив голос и начиная разъяряться.

- Не стало? - спросил Джарлакс.

Ивоннель кивнула.

- Но он не погиб, - сказал Джарлакс.

Ивоннель пожала плечами.

- Это был захватчик, - напомнил Джарлакс. - Паук забрал его, а значит, Дзирт мог стать пленником в Бездне.

- Тогда мы отправляемся в Бездну! - прорычал Закнафейн, и Бренор громко согласился — как и Артемис Энтрери к удивлению прочих.

Но Кэтти-бри даже не слушала. Она не слышала ничего, кроме стука крови в ушах. Она смотрела на Ивоннель, казавшуюся самой опытной здесь, и на Джарлакса, у которого всегда был наготове ответ... но нет, они как будто были вне её досягаемости, очень далеко, неразличимы.

Как и их голоса, как все голоса, спорившие и оружие друг на друга, обещая драку или что-то... что-то...

Ей показалось, что в ухе жужжит москит. Как в тот день, ранним утром, когда они с Дзиртом ехали по дороге к югу от Мифрил-Халла. Тот москит, да — она не могла его разглядеть, потому что не могла открыть усталых глаз, только слышала бесконечное жужжание.

В этот ужасный момент всё казалось ей размытым, кроме рукояти. Такой необычной, такой знакомой.

Рукоять.

Она потеряла Дзирта.

Она не знала, что делать.

Поэтому она закричала.

Просто закричала. Насколько хватало лёгких, изо всех сил, она бросила наружу барьер чистого отрицания, поток проклятий всем богам, её богу, любому богу — самому божественному правосудию, ведь как такое могло случиться?

Она просто кричала.

И когда она выплеснула всё наружу, колени задрожали и подвели её. Она рухнула — но Закнафейн, такой же проворный и ловкий, как его сын, подхватил и поддержал её. Другие тоже быстро подоспели — Реджис с зельем в руках, чтобы восстановить её силы, и вскоре она снова встала на ноги, извинившись, а потом почувствовав себя глупо за то, что извиняется.

Мир кружился, а её мысли кружились ещё быстрее.

Она оттолкнула все мысли прочь, и когда Бренор, возлюбленный отец, подошёл, чтобы обнять её, она вытянула руки, останавливая его.

- Не надо!

- Девочка? - спросил дварф, по щекам которого струились слёзы. Он снова шагнул к ней.

- Я не могу, - сказала она, подняв перед собой ладони в защитном жесте. Она знала — просто знала — что если кто-то коснётся её, пытаясь утешить, она расклеится.

Расклеиваться было нельзя. Не здесь. Не сейчас.

Она боролась со своей болью — такой боли она и представить себе не могла. Она позволила мыслям бурлить — её ребёнок... их ребёнок... Дзирт... в его руках — и

бурлить дальше, подобно водовороту, чтобы они все стекли вниз, чтобы она похоронила их под океаном слёз.

Кэтти-бри всегда знала, что это случится — такова была избранная ими жизнь.

И это уже случилось! С ней, с Реджисом, с Вульфгаром, с Бренором! Они попали в загробную жизнь и вернулись.

Но нет, она просто знала, что на этот раз — нет. Она знала, какую сделку заключила с Миликки, когда та держала их четверых в Ируладуне. Тогда были особые обстоятельства, Волшебная Чума, и они воскресли из-за Миликки, а не ради желаний простых смертных.

Больше такого не случится. Второго божественного вмешательства не будет — таковы условия сделки. Никакого воскрешения.

Она смотрела на рукоять — прекрасную адамантиновую рукоять, выполненную в форме клыкастой пасти охотящейся кошки.

Долг. Ответственность.

Она снова смогла сосредоточиться, но дрогнула, заметив устремлённые на неё взгляды окружающих. Жужжание пропало. Осталась тишина.

Дзирта не стало.

Долг. Ответственность.

Они все были в беде. Она была в беде. Её ребёнку грозила смертельная опасность.

Долг. Ответственность.

Но сейчас... когда их ребёнок... их ребёнок, её ребёнок, ребёнок Дзирта — в опасности!

Женщина зарычала и отстранилась от обступивших её друзей, опустившись к мешку, который Ивоннель положила у её ног.

Она порывалась внутри и выудила сначала Гвенвивар. Возлюбленная Гвенвивар, которая была намного большим, чем просто волшебная вещица, большим, чем просто товарищ. Гвенвивар была семьёй, и Кэтти-бри решила, что отдаст ониковую статуэтку только своему ребёнку — ребёнку Дзирта.

Затем она нашла пряжку для пояса, волшебный предмет, созданный ею самой, внутри которого хранился Тулмарил Искатель Сердец — лук Кэтти-бри, который она отдала Дзирту. Она сняла пряжку с пояса и сунула в свой кошель.

Она двигалась методично, помня о долге, чтобы держаться прямо. Ей нужно было подумать, что делать дальше, и не думать о травме и грядущих испытаниях, о жизни без Дзирта или о возможности найти способ — хоть какой-нибудь способ — вернуть его.

Она взяла пивафви Дзирта, чудесный, искусный плащ, не знавший износа. Его раздобыл для Дзирта Джарлак. Кэтти-бри подняла плащ и вдохнула запах Дзирта, зарылась в него лицом.

Она повернулась и протянула плащ Джарлаксу, но тот поднял ладони и покачал головой, отказываясь.

- ...твой, - сказал он, и было видно, что ему тяжело говорить в этот ужасный момент. - Оставь его... носи. Умоляю тебя.

Она ещё немного порывалась в мешке, и обнаружила, что испытывает всё большую и большую решимость. Спустя несколько мгновений она встала и посмотрела на Ивоннель.

- Подвеска для Андахара? - спросила она.

- Дзирт взял её, чтобы убежать от паука, - ответил Атрогейт раньше Ивоннель.

- Он хотел увести чудовище как можно дальше от всех нас, - добавила Ивоннель.

Кэтти-бри кивнула, затем вернулась к мешку, вытянув наружу пояс и мифриловую рубаху, наручи, которые Дзирт носил на ногах. Она подняла всё это перед собой — наследство её возлюбленного. Повинуясь импульсу, она достала второй его меч — саблю с Видринат и Мерцающим, и сказала другим — уверенным голосом с дварфийским акцентом:

- Мы не проиграем эту войну. Мы побеждаем. Ради Дзирта мы будем побеждать. Мы зашли слишком далеко, чтобы отказаться от нашей мечты — и будь прокляты все дроу, демоны и драуки!

- Ура! - воскликнула королева Таннабритчес, но все остальные повернулись к трём дроу, в особенности — к Джарлаксу. Все, кроме Бренора, стоящего абсолютно неподвижно, за исключением лица, на котором сменялись гримасы, а изо рта раздавалось низкое рычание.

Кэтти-бри знала, что он потерялся, и это придало ей ещё больше решимости и силы.

- Справедливое заявление, - признал наёмник, пожав плечами. - За Дзирта и ура!

Другие присоединились — кроме Кэтти-бри, Бренора и ещё кое-кого. Она заметила, что Закнафейн — щёки дёргаются, глаза большие и печальные — опустил взгляд.

Она убрала Видринат и подошла к нему, прямо к нему, и встретила его взгляд собственным.

- Мне жаль, что ты так и не узнал сына по-настоящему и так и не смог понять красоту, которую он дарил всем нам, - сумела сказать она. Голос несколько раз ломался.

- И ты дарила ему, - вмешался Джарлакс.

Кивнув ему в знак благодарности, Кэтти-бри прочистила горло и продолжила:

- Вот, - сказала она, протянув Закнафейну наручи и мифриловую рубаху. - Бренор сделал это для Дзирта, а эти наручи он забрал с тела Дантрага Бэнра.

- Я... - хотел ответить Зак, но не смог больше ничего сказать.

- И это, - Кэтти-бри удивила Зака и всех остальных, протянув ему сабли Дзирта. - Теперь они твои. Носи во имя Дзирта До'Урдена, твоего сына, который всегда любил тебя.

Руки Закнафейна дрожали, когда он принял пояс с оружием.

- Как бы ты не относился ко мне, или остальным кроме дроу, я уверена, что ты найдёшь хорошее применение этим клинкам, защищая всё, что было дорого Дзирту. И когда мы победим — а мы *должны* — ты сможешь решить, что делать дальше, и по крайней мере эта частица Дзирта будет с тобой.

- Да, - услышала она сбоку голос Бренора и обрадовалась, узнав, что дварф — один из лучших друзей Дзирта, лучший отец, которого она только заслуживала, согласен с её смелым решением.

- Куда мне отправиться? - спросил Закнафейн, наконец восстановив самообладание.

- Куда хочешь.

- А если я решу остаться здесь, рядом с тобой? - спросил Зак и огляделся кругом на всех остальных, разглядывая их по одному, встречая каждый взгляд. - Если я решу остаться рядом с вами? Сражаться рядом? Учиться у вас?

Он снова посмотрел прямоком в глаза Кэтти-бри и закончил:

- Узнавать своего внука так, как хотел бы узнать сына?

- Я буду рада, - сказала Кэтти-бри голосом тоньше шёпота. Из её синих глаз текли слёзы, и она обрадовалась объятиям Закнафейна и ответила на них десятикратно, прижимая его к себе, к своему ребёнку, его внуку, сжимая его между ними, чтобы оба обнимали дитя.

Мгновением спустя подошёл Реджис, затем Бренор, затем Джарлак.

Кэтти-бри позволила этим великим объятиям, этому общему чувству потери, унести себя.

Она вспомнила слова Дзирта и прошептала их вслух — скорее для себя, чем для других: «Радость увеличивается, если разделить её с друзьями, но горе с каждым разом уменьшается».

Она открыла глаза и посмотрела Заку через плечо — и заметила, как ни странно, Артемиса Энтрери.

Кэтти-бри никогда не видела его таким потряённым. Слёзы текли по его щекам, пока он прижимал к себе Далию.

Но взгляд его был устремлён на Кэтти-бри — и она поняла без всяких сомнений, что его мысли полны горем и пустотой из-за потери дроу, который был его величайшим врагом, величайшим соперником, и наконец — моделью того, кем мог бы стать сам Энтрери, и, наверное, кем стремился стать.

Кэтти-бри хотела и не могла сказать ему: держись за это.

- Держись за это, - беззвучно прошептала она, и никто, кроме неё, не расслышал. - Держись за это.

ЧАСТЬ 3

Длительные последствия

Неужели они все такие? Неужели у всех детей дроу такая наивность, такая простая, неиспорченная улыбка, которую губит уродство нашего мира?

Или ты особенный, Дзирт До'Урден? А если ты так отличаешься от других, то в чем причина? Моя кровь, которая течет в твоих жилах? Или годы, которые ты провел с твоей матерью-воспитательницей?

Этот не такой!

Этот не такой.

— Закнафейн До'Урден, «Отступник»

ГЛАВА 14

Сплетая паутину в тених

*Год Расколотого Дуба
1313 по Летосчислению Долин*

- Ты знаешь эти тоннели? - жестами спросил Беньяго у Закнафейна. Отряд Бреган Д'эрт затаился, пересекая отдалённые от Мензоберранзана пещеры. Они находились снаружи уже несколько десятидневок, и благодаря навыкам Беньяго и умелого разведчика, Нава Райана Дирра, избежали почти всех неприятностей. А в Мензоберранзане это не так-то просто.

- Знаю, - ответили пальцы Закнафейна.
- Значит, ты был в Городе Мерцающей Паутины, - сказали руки Беньяго.
- Однажды, давным-давно.
- С Джарлаксом, полагаю.
- Не только, - ответил Зак. - С блестящим убийцей по имени...
- Аратис Хьюн, - закончил за него Беньяго.

Закнафейн был захвачен врасплох. Этот Бэнр знал больше, чем показывал, в том числе, скорее всего, и тот факт, что Аратис Хьюн встретил неожиданный и неудобный конец после того, как артерия на его шее повстречалась с острой кромкой меча, висевшего сейчас у Закнафейна на поясе.

Аратис Хьюн был влиятельным членом отряда наёмников, уступая в иерархии только Джарлаксу.

- Я удивлён, что Закнафейн назвал Аратиса Хьюна блестящим, - показал Беньяго.
- Он был, пожалуй, вторым самым умелым убийцей из всех, кого я знал.
- Уступая лишь дроу, который прикончил его?
- Обычно всё так и работает.

Беньяго Курт кивнул, подтверждая факт.

- Мы направляемся в Чед Насад? - спросил Закнафейн.
- Похоже на то.

Закнафейн чуть задержался, замедлив шаг, чтобы лучше рассмотреть внешний вид, ощутить текстуру окружающих коридоров. Он использовал визуальные и тактильные ключи, чтобы в воспоминаниях вернуться к той невероятно увлекательной экскурсии — возможно, величайшему приключению в его жизни. Три бродяги отправились в Город Мерцающей Паутины, чтобы разобраться со старшей жрицей, верховной матерью, которая позволила своей гордости зайти слишком далеко по сравнению с заслуженной репутацией. Им сказали, что она разгневала Ллос.

Может быть, то была правда, а может и нет, тогда и сейчас думал Закнафейн. Разве мог кто-нибудь по-настоящему знать волю хаотичной богини, удерживающей в неволе два этих города, Мензоберранзан и Чед Насад?

Разумеется, правда всё равно не имела никакого значения, поскольку Ллос не беспокоилась про отдельных старших жриц — или даже верховных матерей — настолько, чтобы потребовать возмездия в этом смертном существовании. А вот в загробной жизни она наверняка осуществляла любую заслуженную месть.

Однако в этом конкретном случае верховная мать совершила нечто куда более самоубийственное, чем оскорбление Ллос.

Она оскорбила верховную мать Бэнр.

Закнафейн был уверен, что за прошедшие века многие дроу совершали такой поступок, но ещё больше в этом был уверен Джарлакс, ясно дав понять оружейнику, что мало кому удавалось сделать это дважды — и никто не прожил достаточно долго, чтобы оскорбить мать Бэнр в третий раз.

Отряд продолжал свой бесшумный путь ещё несколько дней, но потом, прямо в той области, которую хорошо помнил Закнафейн — здесь он спас рабов-полуросликов — направление резко изменилось.

Отряд Ханцрин отклонился на север. Вскоре после этого разведчик доложил, что Ханцрины направляются обратно в Мензоберранзан по цепочке редко используемых проходов и тоннелей.

- Они знают о слежке, - сказал Закнафейн Беньяго.

- Не думаю, - отозвался тот. - Отряд Ханцринов покинул город в полной тайне. Вполне возможно, что они специально прошли весь этот путь — просто ради того, чтобы обмануть потенциальных наблюдателей. Сейчас мы находимся за пределами действия всех прорицательных заклинаний, кроме самых мощных. В этой точке волшебные зеркала или блюдца не смогут следить за Ханцринами.

- Значит, они соблюдают крайнюю осторожность.

Беньяго кивнул, и Закнафейн в очередной раз подумал, что он знает намного больше, чем рассказывает.

Оружейник отбросил эту мысль, как несущественную. Он знал Джарлакса не первый век и привык к подобному.

- Значит, мы направляемся не в Чед Насад? - спросила женщина.

- Ты знаешь о Чед Насаде? - спросила Ду'Келв Ханцрин.

- Конечно, - ответила жрица Иккара. - Город Мерцающей Паутины. Достойный подарок Паучьей Королеве, не правда ли?

- Правда, - отозвалась Ду'Келв. Она тоже была жрицей Ллос и в ближайшие десять лет надеялась подняться до звания старшей жрицы. Любой другой ответ граничил бы с богохульством. Не то чтобы она солгала, поскольку Ду'Келв часто покидала Мензоберранзан по поручению матери Аролины Ханцрин, и многие из этих путешествий действительно приводили её в Чед Насад, любимый из торговых партнёров Мензоберранзана.

Но не на сей раз. Мать Аролина хотела оставить Иккару и другую жрицу, Больфей, себе. Ханцрины наткнулись на эту пару по дороге в Мензоберранзан. Домом двух женщин было место под названием анклав Арах — небольшое, но процветающее поселение почитающих Ллос дроу в глубоких тоннелях Подземья. Для Аролины и всего дома Ханцрин существование анклава Арах стало большим открытием. Может быть, о нём знала верховная мать Бэнр — или, скорее, она уже успела о нём забыть, — но мать Аролина была намерена сохранить эту информацию в тайне.

Неизвестная доселе деревня дроу стала бы чудесным торговым партнёром, особенно если Ханцрины опередят все остальные семьи — или хуже того, тот наёмный отряд, Бреган Д'эрт.

Время было избрано идеально, поскольку эту экспедицию запланировали всего за десять дней перед случайной встречей со жрицами Иккарой и Больфей в тоннелях далеко за границами Мензоберранзана. Всё, что нужно было сделать отряду — вернуться в Чед Насад вместо Мензоберранзана, чтобы защитить свою новую инвестицию, и теперь они могли воспользоваться этим роскошным шансом, который запросто мог привести их к ещё более роскошным торговым отношениям.

Прежде чем Бреган Д'эрт хотя бы узнает об анклав Арах.

Группа Ханцринов отозвала жрицу Ду'Келв в сторонку. Когда она прошла мимо бокового коридора, оттуда вышла Больфей и присоединилась к своей подруге Иккаре.

- *Нас преследует Бреган Д'эрт*, - телепатически сообщила она сестре.

- *Конечно, преследуют. А ты ожидала от Джарлакса меньшего? Он знает, что Ханцрины нашли крупного поставщика самоцветов, такого богатого, что его безделушки могут удовлетворить даже его ненасытные амбиции*, - молча ответила Иккара.

Больфей изобразила какую-то пустую болтовню на тот случай, если кто-то заинтересуется, почему они идут так близко, не обмениваясь репликами или жестами. Потом она телепатически спросила:

- *Думаешь, он знает о нас?*

- *Он знает, что к Ханцринам присоединились две жрицы не из Мензоберранзана.*

- *Жрицы дроу?*

- *Да*, - ответила Иккара, но в подобном телепатическом общении невозможно было скрыть сомнение. - *Мы должны предполагать, что да.*

- *А если нет?*

Иккара в ответ рассмеялась.

- *Джарлакс не дурак. Любую информацию он передаст матери Бэнр, которая тоже не дура. Может быть, это вызовет большее уважение к дому Ханцрин. Было бы неплохо. Мензоберранзан — такое ограниченное место. Паучьей Королеве пора распространить свои щупальца дальше, и кто сможет сделать это лучше, чем восходящий дом, у которого обычно в тоннелях дикого Подземья находится больше знати и простолюдинов, чем в самом городе?*

- *То же самое можно сказать о Джарлаксе и его Бреган Д'эрт*, - ответила Больфей.

- *Он всего лишь мужчина, так что это неважно.*

Иккара быстро перешла на слышимый шёпот, заметив приближение жрицы Ду'Келв.

- *Хорошие новости*, - сообщила им Ханцрин. - *Дорога по большей части свободна, а впереди у нас есть разведчики. Путешествие будет простым и быстрым. В последнюю встречу с нашим связным он сказал, что готов вести дела и располагает большими запасами ценных минералов. Ему пришлось быстро перепрятать тайник, иначе его сородичи могли узнать о краже.*

- *Как вы можете доверять подобному созданию?* - напрямик поинтересовалась Больфей, играя свою роль.

- Он слишком туп, чтобы быть хорошим лжецом, - ответила Ду'Келв. - Мы хорошо знаем место и участников.

- У вас есть среди них агенты? - спросила Иккара, хотя знала ответ.

- Да.

- А место? - добавила Больфей.

- Блингденстоун, - сказала Ду'Келв. - Анклав Арах знает про этот горд?

- Нет, - солгала Иккара. - Но мы достаточно знаем про этих мерзких маленьких свирфнеблинов. Мы держим много рабов-свирфнеблинов.

Ду'Келв одобрительно кивнула и взмахом приказала жрицам следовать за собой. Вскоре после этого отряд Ханцринов остановился на привал, быстро и бесшумно преодолев тоннели Подземья и оставшись незамеченным.

Никем, кроме Нава Райана Дирра.

ГЛАВА 15

Заговор

- Граклстах? - Беньяго не утверждал, а скорее спрашивал, обращаясь к старшему разведчику по имени Биннефин, получившему шрам в давней битве, в которой его спас сам Закнафейн — ещё в те времена, когда они оба носили фамилию Симфрей.

- Дергары? - спросил Закнафейн.

- Девять Адов, надеюсь, что нет, - ответил Беньяго. - Презираю этих мерзких маленьких дварфов. Но если всё и правда так, передай другим — дергары куда более грозный противник, чем принято считать. Их легко разозлить.

- Если мы направляемся в Граклстах, Ханцрины пропустили самый прямой проход, - объяснил Биннефин.

- Значит, мы можем пойти коротким путём и опередить их? - спросил Беньяго.

Разведчик на миг задумался, потом покачал головой.

- Я бы не рекомендовал. Никто не знает здешних тоннелей лучше, чем Ханцрины — может быть, кроме двух новеньких жриц, которых мы заметили с ними. Должна быть причина, по которой они избегают прямого пути.

- Если они вообще идут в Граклстах, - сказал Закнафейн.

- Справедливо, - согласился Беньяго. - Продолжайте разведку. Скажи Дирру, что я хочу новый счёт по головам, если он сумеет подобраться к их отряду достаточно близко.

- Семь мужчин, две жрицы, плюс ещё две, которые по нашему мнению не входят в семью Ханцрин. И, конечно, их рабы — что-то около двух десятков багбиров и меньших гоблиноидов.

- Точный счёт, - прояснил Беньяго.

- Они рабы; точное число постоянно меняется, - напомнил ему Биннефин. - Уже дважды после отбытия из Мензоберранзана Ханцрины брали в плен гоблиноидов, а кроме того мы нашли по пути одного мёртвого багбира, сражённого клинками дроу.

- Если бы только эти громилы знали своё место и учились слушать, - со вздохом сказал Беньяго. - Следите за ними. Очень пристально.

Биннефин отвесил полупоклон и поспешил прочь.

- Надеюсь, это Граклстах, - сказал Беньяго, когда они с Закнафейном снова остались наедине.

- Ты только что заявил совершенно противоположное.

- Потому что я подозреваю, какой будет альтернатива, и боюсь её — особенно с Закнафейном в моём отряде.

Закнафейн поднял белые брови, услышав такой необычный ответ.

- Альтернатива — небольшая тайная застава гномов из Блингденстоуна, - объяснил Беньяго.

- Блингденстоуна?

- Город свирфнеблинов недалеко от Мензоберранзана. Верховные матери знают о нём, но редко обсуждают — он не представляет собой какой-либо угрозы и не несёт ценности. Если мы направляемся к той заставе, может случиться бой — а я не хочу сражаться с Ханцринами, тем более когда вместе с ними две жрицы из неизвестного дома.

- Особенно с Закнафейном в твоём отряде, - повторил оружейник.

- Всем известно твоё отношение к жрицам Ллос, как и твои... щедроты к тем, кто не является дроу.

Зак обдумал слова Беньяго и пожал плечами, не собираясь их отрицать.

- Глубинные гномы? Я не знал...

- В том-то всё и дело. Немногие знают, и будет лучше, если всё так и останется. Блингденстоун расположен всего в нескольких милях от Мензоберранзана, как тоннели скальных червей таккв, хотя чтобы добраться до них, нужно идти сложным круглым маршрутом.

- Мы рядом с Блингденстоуном?

Беньяго покачал головой.

- Мы рядом с заставой. Несколько гномов покинули свой укрепленный дом. Может быть, закончились рудные жилы, а может быть, они нашли более ценные богатства — а чтобы свирфнеблины осмелились выйти в открытое Подземье, богатства должны быть поистине велики.

Закнафейн растеряно покачал головой.

- Ты не знал об этом, потому что матери Мэлис или кому-то другому незачем было тебе рассказывать, - пояснил Беньяго.

- Странно, что верховные матери позволили им спокойно жить.

- Пришлось бы слишком дорого заплатить за их искоренение. Свирфнеблины — хитрые маленькие твари, которые очень хорошо умеют обрушивать целые тоннели. В их уничтожении нет никакой выгоды — особенно с такой весомой ценой.

Закнафейн долгое время размышлял над этим, пытаясь разобраться. Когда это выгода была единственной причиной для дроу, чтобы атаковать и убивать любых чужаков?

- Свирфнеблины не воинственны, - сказал Беньяго, как будто прочитав мысли оружейника.

- Ага, - произнёс Зак, наконец-то сообразив. - Ты ведёшь с ними дела.

- Я ничего не делаю, - ответил Беньяго.

- Значит, Джарлакс.

- Иногда, - признал воин Бэнров. - Но они не особенно выгодные торговые партнёры. Если Ханцрины наладили с ними связи, если они действительно заключили сделку с одним из гномьих торговцев минералами и самоцветами, тогда нас ждут неприятности.

Он посмотрел прямо в глаза Заку и добавил:

- А если у нас будут неприятности, я надеюсь, что Закнафейн знает, по какую сторону этих неприятностей находится он.

- Что это значит? - возмущённо спросил Зак.

- Думай о гномах как о полуросликах, - ответил Беньяго.

Закнафейн уловил его мысль, особенно учитывая тот вкрадчивый тон, которым Бэнр это произнёс. Кроме того, всего несколько десятков дней тому назад они миновали пещеру, где произошёл тот инцидент.

- Я не притворяюсь, что могу понять, зачем ты пошёл на такое ради горстки рабов, - добавил Беньяго. - Но знай вот что: если Ханцрины действительно направляются в Блингденстоун или заставу глубинных гномов, любое милосердие с твоей стороны не должно подвергать опасности солдат Бреган Д'эрт под моим началом. Они отправились в дикое Подземье потому, что доверяют мне, а я не хочу, чтобы это доверие поставил под угрозу обычный воин, сердце которого больше, чем его мозг.

- Я делаю то, что должно быть сделано, - парировал Закнафейн. - И делаю это хорошо.

- И это всё, что от тебя ожидают, - ответил Беньяго. - По какой-то непонятной мне причине это всё, чего Джарлакс от тебя ожидает.

- Разве нужно что-то ещё?

- Действительно, - сказал Беньяго, закатывая глаза, и отошёл.

Правая рука Закнафейна скользнула на пояс и сомкнулась на рукояти меча. Он не уклонялся от драки и побеждал в ней чаще большинства других в Мензоберранзане. Но теперь он понял, что окружающие ему не доверяют.

- Рабы-полурослики из Чед Насада не представляли угрозы, - сказал он, обращаясь к спине Беньяго. - Они были беспомощными и в путах, и знали об этом. Вместо боя была бы бойня.

Беньяго обернулся.

- И Закнафейн считает, что это недостойное занятие?

- Да, - признал он.

- Почему? - спросил Беньяго. - Почему ты считаешь, что жалкие жизни обитателей поверхности обладают хоть какой-то ценностью? Почему ты оставляешь в живых тех, кто не поклоняется Ллос?

- А Джарлакс поклоняется Ллос? - возразил Закнафейн. - А Бреган Д'эрт? Облодра, Киммуриэль, предпочитающий компанию иллитидов? А Беньяго?

- Осторожнее, Закнафейн. Я племянник верховной матери Бэнр, которая является чуть ли не аватарой Паучьей Королевы на Фаэруне.

- И кому принадлежит твоя верность, Беньяго? Верховной матери Бэнр или Джарлаксу?

- Джарлакс понимает и одобряет ту роль, которую я играю. Прошло много лет с тех пор, как ты был формальным членом Бреган Д'эрт. Возможно, тебе следует меньше говорить и больше слушать.

- Может быть. Но я не смогу выслушать тебя, если ты не дашь мне ответ. Джарлак поклоняется Ллос?

- Он... не борется против неё.

- Как и полурослики.

- Лишь потому, что они были беспомощны, как ты сам сказал. Думаешь, в противоположной ситуации злобные маленькие человечки удержали бы свои клинки?

Это был хороший вопрос, и у Закнафейна не было на него простого ответа. Он думал, что если бы полурослики знали, что таится в его сердце, то они могли бы освободить его — как поступил с ними сам оружейник. Однако он не знал наверняка.

- Так я и думал, - сказал Беньяго в ответ на молчание Зака и пошёл своим путём.

Закнафейн ещё долго стоял в небольшом боковом помещении, сражаясь с тяжестью всего мира. В такие моменты неуверенности оружейнику казалось, что тонны и тонны камня над головой давят на него слишком сильно, душат, сковывают его. Почти три века прошло после того случая с Джарлаксом. Тогда ему казалось это мелочью — Джарлак больше никогда не заговаривал об этом, и впоследствии они с Заком серьёзно сблизились.

Однако было ясно, что другие члены отряда смотрят на милосердие Закнафейна иначе, и скорее всего — учитывая, что просветил его Беньяго Курт — в других сумрачных уголках Мензоберранзана к этому отнеслись ещё менее благосклонно.

Было ясно, что ему следует оставаться настороже. Зак понял, что если начнётся бой с этими гномами-свирфнеблинами, за ним будут тщательно наблюдать циничные взгляды.

Оружейник покачал головой в ответ на это осознание.

Любой страх или жажда чужой оценки не изменят его действий в любом бою. Он сделает то, что должен, чтобы защитить себя и других таких же бродяг. Но если битва закончится взятием пленных, он не станет — как не стал тогда — участвовать в их убийстве.

- Это Симвин, - сказал хранителю тоннелей Мальтзаблок Риффенхаммер. - Наверняка.

- Серьёзное заявление, приятель, - отозвался хранитель тоннелей Белвар Диссенгальп. - Симвин не преступник и недостаточно молод, чтобы быть таким глупым.

- Про арандур почти никто не знает, - напомнил ему Мальтзаблок.

Белвар честно обдумал такую возможность. Драгоценный металл встречался редко и пользовался большим спросом благодаря своему серебристо-синему виду и устойчивости, которую обеспечивал против молний, огня и даже кислоты. В Блингденстоуне по-прежнему было полно сверкающих самоцветов и других металлов, но жилы арандура там давно истощились. До недавнего времени, пока не нашли новый источник.

- Проклятый арандур, - пробормотал себе под нос Белвар, поскольку драгоценный минерал, подобно платине и мифрилу, искушал даже сильнейших. Белвар задумался о том, как сам соперничал с коллегами-хранителями, чтобы король

Шниктик выбрал для этой опасной миссии именно его — и всё ради арандура. Стал бы он так стараться ради золота или самоцветов?

Да, Белвару пришлось потрудиться, чтобы возглавить экспедицию в поисках жилы, и ему повезло, что несколько хранителей тоннелей постарше решили отказаться. Однако это означало, что Белвар Диссенгальп несёт ответственность за безопасность своего лагеря, и его до сих пор блистательная репутация получит серьёзный удар, если они не смогут добиться своего.

Но Симвин? Симвин Ривенстон? В королевстве не набралось бы и десяти свирфнеблинов, которых Белвар предпочёл этому сообразительному парню. За эти беспокойные годы Симвин не раз проявил себя. Когда через пол-королевства пронёсся буйный амберхалк, именно Симвин попал зачарованным болтом ему в спину, позволив прорицателям свирфнеблинов легко проследить за чудовищем в следующий раз, когда оно ушло под землю, нырнув сквозь камень в попытке захватить расплох других гномов в городе из множества пещер.

Белвар ни за что бы не заподозрил в Симвине вора и предателя.

- Ты знаешь наверняка или это просто рассуждения? - спросил хранитель тоннелей.

Мальтзаблок замешкался.

- Не так уж многим известно о нашей цели.

- Не так уж многим известно, что мы знаем об этом, - поправил Белвар. - Гномы начинают болтать, едва глотнув миконидского сока. После нескольких глотков крепкого напитка у многих закатываются глаза и они начинают видеть то, чего на самом деле нет. Мы сказали только избранным, да, но подозреваю, что здесь все уже знают о минерале.

В ответ Мальтзаблок просто пожал плечами.

- Это не может быть Симвин, - сказал Белвар. - Ищи лучше.

Младший гном кивнул, поклонился и поспешил прочь, оставляя Белвара наедине с тревожными мыслями. Находиться так далеко от Блингденстоуна, с его многочисленными тоннелями для побега и комнатами, созданными, чтобы проще было призывать земляных элементарей для помощи в обороне города, само по себе было опасно. Последнее, в чём они нуждались — в предателе, который заключил сделку с коварными тёмными эльфами, или того хуже — дергарами, поскольку серые дварфы были почти такими же хорошими шахтёрами, как и свирфнеблины, и точно бы решили, что новая жила арандура стоит того, чтобы развязать войну. Они так и не овладели работой с этой рудой — только свирфнеблины знали, как придать арандуру прекрасный серебристо-синий оттенок — но даже необработанный металл стоил дорого.

Белвар ничего не понимал. Блингденстоун равномерно распределял прибыль от своей торговли между всеми своими жителями, и каждый свирфнеблин в городе вёл хорошую жизнь. Лучшее вино, лучшая еда, прекрасная одежда, удобная постель — всё это король Шниктик обеспечивал всем своим поданным одинаково. Как мог один из товарищей здесь, в дикой местности, украсть у остальных, или того хуже — предать их в пользу дергаров или тёмных эльфов, если он и так получал все преимущества?

Хранитель тоннелей мог только вздыхать. Конечно, он уже видел такое прежде. В каждом городе встречались грибы с плесенью, портившие всю бочку, но Белвар лично подбирал членов своего отряда.

В этом не было никакого смысла.

Симвин? В этом смысла было ещё меньше, но Белвар хорошо знал Мальтзаблока. Тот не отличался чрезмерной подозрительностью или склонностью видеть заговоры на пустом месте.

Всё это легло лишней тяжестью на плечи хранителя тоннелей Белвара. Здесь, в глуши, в окружении смертельных врагов, с поставленной перед ними важной задачей — он был командиром. Положение было сложным даже без предательства!

А с изменником в отряде вся миссия и вовсе казалась невыполнимой.

Закнафейн крался по переплетавшимся тоннелям, делая по одному точному и медленному шагу за раз. Он боялся издать хотя бы звук, боялся сделать достаточно твёрдый шаг, чтобы вызвать вибрации в камне. Он хорошо знал регион, в котором оказалась их группа, и согласился с решением Беньяго отправить его вперёд.

Два дроу привлекли бы внимание хозяев, если те были поблизости, а Закнафейн знал, кто создаёт эти петляющие, пересекающиеся, переплетённые лабиринты.

Меньшие отверстия принадлежали токквам, червям длиной почти со взрослого дроу. Они двигались сквозь камень так же быстро, как дроу — через пустое пространство. Токквы Зака не пугали — он знал, что легко разделяется с одним или несколькими, а кроме того, они были не агрессивны, если их не провоцировать.

Однако крупные тоннели, в которых он мог идти, не сгибаясь, очевидно прорыли не токквы. Норы червей были гладкими, камень расплавленным, а эти крупные проходы — грубыми, рублёными и высеченными, причём не топорами.

Нет, эти проходы вырыли амберхалки, огромные, страшные и грозные. Амберхалки мгновенно набросились бы на него, а список врагов, которых Зак считал более опасными, был довольно коротким.

Однако при встрече с одиноким амберхалком в отличие от большинства дроу у него были шансы победить. Поэтому Беньяго и отправил его вперёд вместо остальных разведчиков, ни один из которых не справился бы с подобным чудовищем.

На том пятачке земли, который он занимал, Закнафейн был самым воплощением осторожности.

Нетерпение Беньяго его не волновало.

Осторожность окупила себя. Он подошёл к изгибу, заворачивающему налево. Из левой стены торчали острые камни. Он начал огибать эту грудку, и когда убедился, что она не представляет опасности, обратил внимание на тоннель впереди — и услышал слабый шёпот.

Он вскарабкался на грудку камней, осторожно ставя ноги, чтобы не перевернуть случайный булыжник. Приблизившись к более крутому участку изгиба, он опустился на живот, подполз к краю и выглянул за него. Область впереди представляла собой скорее пещеру, чем тоннель, место, где пересекалось множество проходов на разных уровнях, создавая подземную версию луга. Перекрёсток зарос мхом и был заселён

сверкающими червями, благодаря чем был ярче, чем большая часть оставшихся позади тоннелей, обеспечивая Закнафейну лучший вид.

Сначала он увидел глубинного гнома — крохотное создание с тонкими ручками, но широкими плечами, одетое в серое, с киркой на поясе, толстым плащом на плечах и крупным ранцем на спине.

Напротив него неподалёку стояла высокая женщина-дроу — наверняка жрица, судя по роскошной мантии с пауками. Она располагалась спиной к Закнафейну, и он как будто заглядывал ей через правое плечо.

Гном что-то протянул женщине. Она взяла и поднесла к глазам, потом кивнула.

- Ты добудешь это для меня, - тихо сказала она.

- Я добуду это для вас, - ответил гном.

- Ты добудешь это быстро.

- Я добуду это быстро.

- Ты будешь осторожен.

- Я буду осторожен.

- Но если тебя раскроют, ты убежишь — сюда, ко мне.

- Всегда к вам, - отозвался гном.

У Закнафейна отвисла челюсть от этого странного разговора, но когда он попытался разобраться, на ум пришло кое-что другое.

Он должен был броситься туда и присоединиться к беседе.

Он шевельнулся, затем спохватился.

- *Нет, поспеши*, - сказал он себе — или подумал, что сказал. - *Они хотят стать друзьями. Тебя ждёт огромная выгода!*

Закнафейн закрыл глаза, сражаясь с принуждением, потом открыл их — как раз вовремя, чтобы увидеть, как нечто ползёт — нет, не ползёт, а парит — над камнями с другой стороны прохода.

Каждый инстинкт воина твердил ему, что здесь что-то не так. Волоски на затылке, на руках, встали дыбом. Кожу щипало. Мускулы напряглись.

Он не мог определить, что именно здесь... не так, но знал, что это правда.

Закнафейн пополз назад, соскочил с груды камней и бросился наутёк.

- Отряд Джарлакса следил за нами, - сказала Иккаре Больфей после разговора Иккары с глубинным гномом Симвином. - Ты хорошо выбрала место встречи.

- Разумеется, - отозвалась Иккара. - Я потратила много времени на подготовку. Я хорошо знаю Джарлакса. Он умён для мужчины — и не собирается позволять дому Ханцрин угрожать его торговым связям за пределами Мензоберранзана, особенно свирфнеблинам, и особенно если они и в самом деле нашли арандур.

- Ты имеешь в виду — знаешь Джарлакса достаточно хорошо, чтобы ненавидеть его?

Иккара пожала плечами, как будто это неважно — что, конечно же, было неправдой.

- Конфликт между двумя отрядами, семьей и бродягами, неизбежен. Оба ищут славы за пределами города, а это означает — перейдут дорогу друг другу. Будет лучше, если всё закончится быстро.

- Лучше для нас, если мы сможем посмотреть и насладиться этим, - поправила Больфей, и Иккара не стала с ней спорить.

- Кто победит? - спросила Больфей.

- Разве кому-то есть дело?

- Ивоннель Бэнр, например. Она любит своего утраченного сына, а также то тайное знание и власть, которую он ей приносит.

- Справедливо, но этот бой не перенесётся в Мензоберранзан, - предсказала Иккара. - Это прощупывание, случайная стычка, не больше. Хотя шахтёры-гномы могут оказаться в самой гуще конфликта, который им не по силам.

- Ты заслужила большую честь, удержав этого гнома в подчинении. Я считала, что ими сложнее управлять.

- Не так уж сложно, особенно если соблазнить их тем, чего они тайно желают. С дроу то же самое.

- Похоже, не с тем дроу, который наблюдал за вашей встречей, - объяснила Больфей.

- Ты была достаточно близко?

- Конечно, и я попыталась. И он полностью воспротивился подавлению. Боюсь, он даже мог заметить мою попытку.

Иккара кивнула.

- Джарлакс хорошо выбирает своих слуг, и обучает их так, как будто это знатные дроу его дома. Даже самых слабых.

- Сомневаюсь, что этот был из слабых. Я ощутила силу воли, подобную которой мне не приходилось встречать раньше.

- Ты различила его имя?

Больфей покачала головой, затем выпрямилась и прочистила горло, когда к ним подошла жрица Ду'Келв с другими.

- Жрица, - поприветствовала её Иккара. - Хорошо, что вы пришли. Предатель-гном вручил мне это.

Она подняла небольшой фрагмент сине-зелёного минерала.

- Он пообещал мне серьёзный объём — достаточно, чтобы облачить верховную мать Аролину в полный доспех из арандура.

- И меня тоже? - спросила Ду'Келв.

Иккара улыбнулась.

- Он отправится в Мензоберранзан с нами, чтобы служить дому Ханцрин. Он знает тайну этого металла. Ваша слава будет абсолютной, а повышение до старшей жрицы — делом решённым.

Ду'Келв просияла, но затем отступила на шаг и озадаченно оглядела Иккару.

- Как ты...?

Улыбка Иккары стала ещё шире.

- Я же говорила, жрица. Мы с сестрой не из Мензоберранзана, но наткнулись на торговцев дома Ханцрин не случайно. У нас есть соглядатаи в городе. Мы знаем — и одобряем. Когда верховная мать Бэнр увидит мать Аролину Ханцрин в прекрасных сверкающих доспехах из арандура, она наверняка захочет комплект и для себя.

- А какая верховная мать не захотела бы? - спросила Больфей.

- И чтобы получить собственные арандуровые доспехи, она уничтожит этот отряд гномов и заставит собственных рабов-гоблинов добывать руду, - продолжала Иккара. - Но получит одну лишь руду. У дома Ханцрин будет Симвин, который хранит тайну очистки металла. Таким образом дом Ханцрин заслужит расположение верховной матери Бэнр, и мать Аролина воспользуется этим, чтобы выторговать у верховной матери Бэнр эксклюзивное право торговать с анклавом Арах, чего желаем мы обе.

- Как желаем мы обе, - согласилась Ду'Келв. - Есть другая причина для беспокойства. Мы заметили шпионов...

- Это наёмники, конечно же, - оборвала её Больфей. - Вы зовёте их Бреган Д'эрт, не так ли? Не обращайтесь внимания. Если они подойдут слишком близко, мы поможем вам расправиться с ними.

Жрица Ду'Келв нахмурилась.

- Они пользуются милостью верховной матери Бэнр.

- Их предводитель, да, - уточнила Иккара.

- Но дроу по имени Джарлакс здесь нет, - добавила Больфей.

- Откуда вам это известно?

- Мы уже сказали тебе, жрица Ду'Келв, - ответила Больфей. - У нас есть соглядатаи в городе. Мы знаем о Джарлаксе — тем более, учитывая наш интерес к свирфнеблинам.

Ду'Келв обдумывала услышанное со странным выражением — она была растеряна, но пыталась как-то связать воедино известные ей сведения. Обе жрицы знали, что по всему Мензоберранзану ходят слухи, что кто-то ведёт дела с Блингденстоуном, и теперь Ду'Келв скорее всего начала понимать правдивость этих слухов — и то, что почти наверняка этим кем-то был Джарлакс.

- Может быть, дому Ханцрин пора дать понять Бреган Д'эрт и всем остальным в Городе Пауков, что они — единственный источник торговли за пределами города, - предположила Иккара, дав жрице какое-то время, чтобы справиться с растерянностью.

Ду'Келв долго смотрела на Иккару, и снова было понятно, что она обдумывает информацию и пытается рассчитать все возможности. Медленно, но уверенно она принялась согласно кивать.

Иккара и Больфей переглянулись.

- *Да начнётся веселье*, - мысленно сказала сестре Иккара.

ГЛАВА 16

Петляющие коридоры амберхалков

- Нужно убираться отсюда, - сказал Беньяго Зак, когда отряд воссоединился в назначенном месте.

- Убираться? Мы знаем, что где-то рядом добывают руду гномы, и почти уверены, что у дома Ханцрин есть планы касательно...

Закнафейн качал головой в ответ на каждое слово, вынуждая Беньяго замолчать и уставиться на него.

- Что?

- Они добывают руду, и да, дом Ханцрин пытается работать с ними или, по крайней мере, с предателем, - объяснил Закнафейн. - Я видел обмен; жрица, которая, кажется, была не из дома Ханцрин...

- Одна из гостей в их отряде, значит, - сказал Биннефин, Закнафейн оглянулся на него и кивнул.

- Он передал ей кусок руды как доказательство их находки, - объяснил Зак. - Подозреваю, арандур.

- И ты хочешь, чтобы мы отсюда ушли? - недоумённо спросил Беньяго. - Мы здесь именно за этим!

- И теперь мы знаем.

- И теперь мы должны это прекратить, - сказал Беньяго. - Либо прогнав Ханцринов, либо убрав предателя из уравнения. В любом случае мы нарушим их планы. Нельзя оставлять всё как есть.

- Ты не понимаешь, - сказал Зак. - Мы чего-то не знаем. Здесь что-то... странное...

Беньяго с любопытством взглянул на него. Биннефин придвинулся ближе, Нав Райан Дирр тоже, привлечённые нетипичным для оружейника сомнением в голосе.

- Было что-то странное в том, как гном повторял каждый приказ жрицы, - пояснил Закнафейн. - Это само по себе подсказало мне, что кто-то или что-то проник и в мой разум, пытаюсь подчинить меня и вынуждая присоединиться к обмену.

- Чтобы убить жрицу и забрать руду себе? - спросил Нав Райан Дирр.

- Нет! Ничего такого.

- Ты всегда любил убивать жриц, - заметил Биннефин.

- Нет... то есть, да, - сказал Зак, энергично мотая головой. - Но я не хотел её убивать. Я хотел спуститься и присоединиться к жрице, чтобы помогать ей во всех начинаниях.

Все три взглянули на него с нескрываемым недоверием.

Зак кивнул, принимая и соглашаясь с их сомнениями.

- Кто-то или что-то был у меня в голове и пытался подчинить меня, приказывать мне.

- Жрицы — настоящие демоны, - заметил Нав Райан Дирр.

Но Беньяго поднял руку, приказывая ему замолчать и предупреждая любые реплики Биннефина.

- Самой верховной матери Бэнр пришлось бы постараться, чтобы заставить тебя выполнять её причуды, - сказал он Закнафейну.

Оружейник пожал плечами.

- Поэтому у меня очень плохое предчувствие по поводу нашего предприятия. Здесь замешано больше, чем я видел. Больше, чем просто попытка дома Ханцрин найти торгового партнёра среди глубинных гномов. Больше, чем сам дом Ханцрин. Я в этом уверен.

Беньяго посмотрел на двух своих разведчиков. У них был небольшой отряд, который значительно уступал Ханцринам в численности, не говоря уже о как минимум четырёх жрицах на их стороне.

- Мы узнали то, ради чего пришли, - сказал Нав Райан Дирр. - Ханцрины пытаются работать с отколовшимся отрядом шахтёров-свирфнеблинов, и кто-то со стороны помогает им.

- Пускай Джарлакс решает, что делать дальше, - согласился Биннефин. - Может быть, его друзья-Облодра узнают что-нибудь по поводу этих новых сведений.

- Возражения? - спросил Беньяго, взглянув на двух разведчиков, потом на Зака.

- Думаю, нам лучше уйти отсюда, - сказал Зак. Ему было больно об этом говорить. Он не хотел возвращаться в Мензоберранзан, учитывая, какими суровыми могли быть последствия для его сына. Но он знал, что чувствовал, и оружейнику было очевидно, что они оказались в скользком положении. Если кто-то или что-то пытался подчинить его, не говоря уже о том, что едва не добился успеха, значит то существо знало о его присутствии, и Ханцрины скорее всего догадались о существовании их отряда.

Беньяго согласно кивнул, и в то же мгновение из-за угла раздался возглас, напугавший всех четверых. Спустя какое-то время зазвучали звуки боя и гортанные кличи багбиров.

Мечи Закнафейна оказались у него в руках ещё до того, как другие что-то услышали. И Зак бросился прямо в сторону неприятностей, как поступал всегда. Он выскочил за угол, увидев троицу воинов Бреган Д'эрт, которых почти одолели полдюжины багбиров, пользуясь преимуществом своего размера и свирепости.

Он увидел открывшуюся брешь и бросился между парой сражающихся дроу. Меч в правой руке ударил в грудь ближайшего багбира, меч в левой руке рубанул по следующему чудовищу, наседавшему на дроу. Как раз вовремя, поскольку ещё один багбир увёл оружие этого дроу достаточно широко, чтобы заставить того открыться.

- Добивайте их! - крикнул трём товарищам Закнафейн, и это было вполне реально, поскольку шесть багбиров не представляли особой угрозы для четверых прекрасно вооружённых и обученных воинов-дроу, как только был упущен элемент неожиданности.

Чтобы подкрепить свои слова, Зак скользнул вперёд. Мечи разошлись вправо и влево, отбрасывая багбиров по обе стороны. Поражённый им противник зарычал и прыгнул на него, не понимая, насколько Зак быстр. Да и кто успевал это понять, пока не становилось слишком поздно?

Его мечи вернулись — один достаточно высоко, чтобы отразить предпринятую багбиром атаку дубиной, другой метнулся вперёд, проткнув здоровяка рядом с предыдущей оставленной Заком раной.

Тот упал и осталось пятеро, но судя по звукам дальше в тоннеле — крики тёмных эльфов, рёв гоблиноидов — приближались новые. Из-за угла вспыхнул яркий свет, оранжевый и трепещущий, как удар пламени, и Закнафейн понял, что жрицы уже рядом.

Беньяго, Нав Райан Дирр и Биннефин были настроены совсем иначе. Хорошо представляя себе силы Ханцринов, они знали, что шансы не на их стороне. В таком шатком положении звуки битвы не заставили их броситься вперёд и сражаться.

Скорее, напротив — они заставили их бежать, всех троих вместе по одному коридору, затем на первой развилке отделился Нав Райан Дирр, а на следующей разделились Беньяго и Биннефин.

Только Беньяго замедлил шаги, когда звуки битвы утихли. Он бросил Закнафейна. Других тоже, но Закнафейн... этого хватило, чтобы заставить его остановиться.

Он знал, как Джарлакс относится к этому дроу. Так много мыслей закружились у него в голове, и самая главная — что он был Бэнром. Осмелились бы Ханцрины напасть, если бы он назвал себя и сдался?

Возможно, он мог вернуться и прекратить этот конфликт, просто назвав своё настоящее имя. Какой дом Мензоберранзана осмелится вызвать гнев верховной матери Ивоннель Бэнр?

Однако если он так поступит, то покинет Бреган Д'эрт навсегда, лишившись прикрытия.

Что беспокоит его сильнее: гнев Джарлакса из-за потери Закнафейна или перспектива стать мелким знатным дроу в доме, где их и так полно?

Он стал искать третий вариант.

Закнафейн в третий раз ткнул багбира слева, затем развернулся вокруг своей оси и набросился на противника справа, описывая правым мечом восьмёрки в воздухе. Каждый диагональный удар был сильным и требовал внимания. Меч двигался так быстро, что он заставил багбира следить за ним глазами, и неожиданно повёл его обратно направо, затем прыгнул вперёд и вонзил левый меч громиле под подбородок и прямо в мозг, прежде чем тот сумел оторваться от гипнотизирующего лезвия.

Позади рухнул третий багбир. Впереди справа один из дроу сразил четвёртого. Два оставшихся попятились, и битва была выиграна — или замерла на достаточное время, чтобы Зак мог оглянуться в поисках Беньяго, Дирра и Биннефина.

Оружейник вздохнул. Их можно было не ждать.

Он попытался собрать трёх стоящих рядом воинов, но два уже мчались прочь, а когда Зак посмотрел на третьего, тот замер абсолютно неподвижно — даже не моргал. Слишком неподвижно.

Два багбира вернулись, а за ними — ещё шестеро.

Зак посмотрел на молодого дроу — слишком молодого, даже чтобы окончить академию.

Слишком молодого, чтобы умирать, подумал Зак.

Он пожал плечами и крутанул мечи в руках.

Он бросился на багбиров.

Пусть будет так.

Он знал, что при прямом приближении его задавят числом, поэтому начал снизу, бросившись в кувырок. Он перекатился и замедлил своё вращение, перенаправляя его в прыжок, подбирая ноги над нацеленным вниз оружием багбиров. Он плотно скрестил руки перед грудью, нацелив острия мечей в разные стороны. Он так неожиданно развёл их, что багбир прямо перед ним даже не начал поднимать своё

оружие, когда его горло вырвало с такой силой, что голова чуть не упала отдельно от тела.

Закнафейн как будто должен был пройти прямо через этого громилу, но использовал свои ноги, чтобы опереться о рухнувшего багбира, а не перекатиться через него.

Один из ближайших багбиров купился на это, но другой нет — и перенацелил свою шипастую булаву для удара повыше.

Однако Зак предвидел такую возможность и отбросил голову назад — прогибаясь — и булава просвистела прямо над ним. Он сложился, коснулся земли и ушёл в ещё один кувырок, на сей раз вбок, вскочил на ноги, упираясь в землю так, чтобы неожиданно, абсолютно неожиданно рвануться вперёд — на багбира в конце линии, который повернулся ему на встречу, когда первый подался в сторону, решив, что он пойдёт вдоль ряда.

Несмотря на всю свою ловкость этот багбир не успел повернуться, чтобы встретить быстрый натиск Зака, и теперь был широко открыт. Семь отдельных уколов, по очереди слева и справа, выпотрошили чудовище, и багбир упал.

С двумя покончено, но оставалось ещё четверо, и когда Зак опять изменил направление, швырнув себя обратно, откуда пришёл, он оказался отрезанным — оставшийся квартет рассредоточился вокруг и стал вести себя осторожнее.

Время было на их стороне, что подтвердило прибытие жриц дроу в дальнем тоннеле.

- Глина! - раздался крик в тоннеле, из которого Зак вошёл в комнату, слово, хорошо знакомое каждому члену Бреган Д'эрт.

Зак закрыл глаза, и не одна керамическая горошина, а целая их горсть влетела в комнату. Каждая горошина была покрыта особым составом, чтобы скрыть заточённую внутри магическую энергию — сильные двомеры, излучавшие яркий свет.

Когда Зак открыл глаза мгновением позже, он увидел, что четыре багбира пятятся, прикрывая глаза, и стонут от неожиданного яркого света. Жрицы дроу тоже отступили, исчезнув из виду в боковом коридоре.

Закнафейн прыгнул высоко и далеко, прошёл между двумя багбирами слева, выбросив мечи в стороны, чтобы ударить по черепам и поднятым лапам. Когда он приземлился, его мечи уже скрылись в ножнах, а он на полной скорости помчался к парализованному товарищу. Он ударил того плечом в живот, заставляя юношу согнуться, подхватил его и помчался дальше.

Он бежал по коридорам, бросаясь в любые боковые проходы, которые могли увести его дальше от врага. Однако один оказался тупиком, и Зак отчаянно обернулся, чтобы отступить.

Дроу, которого он нёс, застонал.

Зак опустил его на пол и пощёчиной привёл в чувство, затем потащил за собой, не успев тот даже спросить, что произошло.

Достаточно быстро они вернулись в главный коридор и помчались прочь, наконец оказавшись в знакомых обоим тоннелях. На следующей развилке Закнафейн кивнул товарищу, пожелал ему удачи и толкнул в правый поворот, а сам побежал по левому.

Он надеялся однажды снова встретить этого дроу в Мензоберранзане, но в этот момент Закнафейн считал, что у них обоих очень низкие шансы выбраться живыми из этой области дикого Подземья.

- Мы потеряли как минимум троих, - несколько дней спустя сказал Беньяго Джарлаксу, вернувшись в помещения Бреган Д'эрт в мензоберранзанской Клорифте под домом Облодра. - Ещё трое пропали без вести.

Джарлакс пристально разглядывал его и Биннефина.

- Да, о Закнафейне ничего не слышно, - признал Биннефин.

- Он знал, - сказал Беньяго. - Он предупредил нас, что что-то не в порядке, что в игре участвует кто-то ещё кроме Ханцринов. Но увы — это предупреждение запоздало.

- Совсем никаких новостей? - спросил Джарлакс.

- Когда я видел его в последний раз, он сражался с отрядом багбиров, а в помещение вошли жрицы. Я пытался помочь, но не мог остаться, - сказал Беньяго.

Джарлакс не ответил, просто сложил пальцы вместе.

- Я хотел потребовать перемирия, даже признаться, что я Бэнр, - сказал Беньяго.

- Я рад, что ты этого не сделал, - решил Джарлакс. - Так лучше для Бреган Д'эрт. И лучше для дома Бэнр.

- Мне хочется умолять верховную мать Ивоннель обрушиться на дом Ханцрин, - признался Беньяго.

Джарлакс покачал головой.

- Я согласен с оценкой Закнафейна. Лучше не впутывать сюда Бэнров, пока мы не узнаем про этот план Ханцринов что-нибудь ещё. Иди — попроси одну из своих кузин, старших жриц, попытаться разведать, не захватили ли Ханцрины Закнафейна в плен. Если мать Мэлис узнает об этом, начнётся война. Не то, чтобы это было плохо, подозреваю.

Беньяго издал смешок, испытывая заметное облегчение из-за того, что Джарлакс не считает его несущим ответственность за смерть друга. Они с Биннефином ушли и вернулись в «Сочащийся миконид» на Улицах Вони, где с радостью повстречали Нава Райана Дирра, пытающегося прогнать из памяти испытания Подземья при помощи выпивки.

Оставалось лишь два дроу, судьба которых была неизвестна.

На следующий день Беньяго был рядом с Джарлаксом, когда это число уменьшилось до одного — вернулся самый молодой член экспедиции, потрясённый, но целый, с историей о том, как его спас Закнафейн.

- В тоннелях мы разошлись, как учили, - сказал он Биннефину и Джарлаксу.

- Мало кого учили лучше, чем Закнафейна До'Урдена, - с надеждой произнёс последний. После этого его настроение заметно улучшилось.

Но дни шли дальше, а новостей о пропавшем товарище Бреган Д'эрт и возможно единственном дроу в городе, кого Джарлакс считал другом, всё не было.

Закнафейн ненавидел мысль о возвращении в Мензоберранзан. Оставшись один в тоннелях, он не раз испытывал искушение просто продолжать бежать в другую сторону, выживать одному в месте, которое не подчинялось Ллос.

В дни своей молодости он мог бы попытаться, но сейчас кружной путь Зака в конце концов неизбежно привёл его в Мензоберранзан.

К сыну.

Он вошёл в город тихо, через одни из меньших боковых ворот. Их тоже охраняли, но другим тёмным эльфам не задавали никаких вопросов. Зак накинул капюшон своего плаща и мог лишь надеяться, что его не узнали. Он не хотел, чтобы Мэлис узнала о его возвращении.

По этой причине он обошёл «Сочащийся миконид» — Мэлис часто держала там соглядатаев — и направился сразу в Клорифту, спустившись по тайной лестнице и пройдя через тоннели кобольдов, пока наконец не прибыл в частные покои Джарлакса.

- Ну наконец-то, - поприветствовал тот, когда Зак вошёл. Командир наёмников хотел казаться спокойным, как будто не был безумно рад видеть Закнафейна и всё это время ждал его, но Зак заметил его язык тела, нетерпеливо подавшиеся вперёд плечи, и понял, что это один из редких случаев в жизни Джарлакса, когда осанка выдала его.

- Как ты объяснишь свою задержку? - спросил Джарлакс. - Не думал, что Закнафейн станет медлить.

Зак оглянулся на двух других дроу в комнате, Беньяго и раздражающего Киммуриэля Облодра.

- Здорово наконец вернуться, - сказал он.

- Ты в это не веришь, - сказал Киммуриэль, и Зак прищурился, предупреждая псионика держаться подальше от его головы. Никто другой, включая сородичей-псиоников Киммуриэля и даже верховных матерей, не вызывал у оружейника такое беспокойство.

- Здорово, что ты наконец вернулся, - ответил Джарлакс, и Беньяго добавил своё «Да».

Закнафейн сосредоточился на лейтенанте Бэнров.

- Ты думал, я умру в той комнате.

- Да, но я пытался помочь, - ответил Беньяго.

- Я знаю.

В пылу битвы он не узнал голос, но был практически уверен, что световые бомбы, которые почти наверняка спасли ему жизнь, бросил Беньяго.

- Когда вернулся Браэлин, я думал, что скоро придёшь и ты, - сказал Беньяго.

- Браэлин?

- Молодой разведчик, которого ты вынес оттуда. Он вернулся к нам несколько дней назад.

Зак кивнул и обрадовался.

- Многообещающий молодой человек, - продолжил Джарлакс. - Рождён простолудином, но я нахожу его более благородным — по крайней мере, более преданным! — чем большинство знати. Я нашёл его, когда он был совсем ребёнком, и увидел в нём что-то, так что взял к себе. Ты бы знал об этом, Закнафейн, если бы больше времени проводил...

Наёмник продолжал болтать, и Закнафейн вздохнул. Джарлак говорил о пустяках не для того, чтобы убедить Закнафейна в важности этого Браэлина, а потому, что знал — Закнафейн встревожен и напряжён.

- Хватит! - наконец сказал Зак, потому что Джарлак даже не начал замедлять свои бесконечные истории. От него не ускользнуло довольное выражение на лице Джарлакса.

- Да? - мило спросил наёмник.

- Мне снова нужно покинуть город.

- Мать Мэлис будет несогласна.

- Она не знает, что я вернулся.

- Ты в этом уверен? - спросил Джарлак.

Прежде чем Зак ответил, Киммуриэль сказал:

- Он не уверен.

- Когда-нибудь я его убью, - тихо пробормотал Закнафейн.

- Распространённое желание, которым Киммуриэль, несомненно, гордится, - ответил Джарлак.

- Но хватит. Пока что я не могу вернуться. Ещё слишком рано.

- На этот раз ты не вернёшься в дом До'Урден, нет, - согласился Джарлак. - Только не после нашей катастрофы в тоннелях. Мы не можем так это оставить. Ханцрины бросили нам вызов, и если гномы действительно добывают арандур, богатства там огромные.

- Выглядел как арандур, хотя в сыром виде я видел руду только раз, очень давно.

- Даже если нет, я должен ответить Ханцринам, разумеется.

- Что ты хочешь сделать?

- Ты сказал Беньяго, что почувствовал, как кто-то или что-то пытается управлять тобой телепатически. Скорее всего, с гномом произошло то же самое. Для свирфнеблинов нетипично предавать сородичей ради золота или другой выгоды.

- Ты много знаешь о глубинных гномах, не так ли?

- Я обо всём много знаю, - ответил Джарлак. - Благодаря этому я остаюсь в живых.

- И живёшь в роскоши.

- Я живу в пещере.

- Мы оба знаем, как обстоят дела.

Джарлак пожал плечами и оставил эту тему.

- Значит, если этого гнома поработили, мы должны освободить его, - объяснил Джарлак.

- И как ты планируешь это сделать?

Джарлак улыбнулся Заку и указал ему взглядом на Киммуриэля Облодру.

- Киммуриэль любит вызовы, - сказал Джарлак.

- Что заставляет тебя считать, что это будет вызов? - заметил Облодра.

Зак снова вздохнул и потёр лицо, не испытывая особого восторга при мысли о необходимости возвращаться в Подземье рядом с такими, как этот странный псионик. Он успокоил себя, вспомнив, что однажды его сын узнает об этом, и если сын к тому времени познакомится с Киммуриэлем, он наверняка оценит жертву отца.

ГЛАВА 17

Слишком глубоко в норе токкв

- Жрицы могут управлять жертвой, - сказал Закнафейну Киммуриэль, когда они оба вместе с Джарлаксом по туннелям Подземья возвращались к позиции глубинных гномов.

- Не так, - ответил Зак уже не в первый раз. - Манипуляции жриц я чувствовал всю свою жизнь.

Зак замолчал, потом добавил.

- Хотя может быть. Признаюсь, что ни разу не сражался со жрицей в честном бою, когда она застала меня врасплох или могла подготовиться...

Неожиданно он остановился и яростно затряс головой, потом заревел от гнева.

- Было похоже? - спросил Киммуриэль.

Закнафейн сделал шаг к псионику, и в его руках возникли мечи.

Джарлакс быстро преградил ему путь.

- Если он ещё раз такое сделает... - сказал Зак, указывая мечом через плечо Джарлакса на далёкого Киммуриэля.

- Это не... - начал Джарлакс, но Зак оборвал его, слишком взбешённый, чтобы слышать что-то кроме гудящей в ушах крови.

- Я убью тебя, - пообещал Зак. - Никогда больше не проникай в мой разум, потому что я убью тебя!

- Это был не он! - закричал Джарлакс в лицо Зака. - Он действовал по моему приказу.

Прежде чем он смог придумать ответ, Закнафейн ударил лбом в лицо Джарлакса, отбросив наёмника на два шага. Зак поднял мечи — и его ударило, жестоко и намного сильнее, чем он считал возможным. Волна энергии, которая превратила его мозги в омлет и заставила бешено трястись колени. Мечи выпали у него из рук.

- Хватит, хватит, - услышал он слова Джарлакса, но неожиданно они раздались очень, очень издали. Он увидел приближение каменной поверхности коридора и подумал, что наверное будет больно.

Но как ни странно, он ничего не почувствовал — по крайней мере, пока не очнулся какое-то время спустя, сидя спиной к стене. Напротив сидел Джарлакс.

- Тебе нужно прекратить, - сказал ему Джарлакс. - Да, я сказал Киммуриэлю сделать это с тобой, и да, я понимаю, что это насилие. Конечно. Как ты думаешь, зачем я ношу эту глазную повязку? Но нам нужно было знать.

- Было похоже? - где-то сзади и сбоку спросил Киммуриэль.

Зак уставился на него.

- Вот, - сказал Джарлакс, сунув руку за спину, под плащ, и доставая искусный кнут, который Закнафейн сразу же узнал.

- Ты нашёл его, - сказал оружейник переменившимся голосом. Магия этого кнута была поистине чудесной, его щёлкающий кончик проделывал брешь в мироздании, ведущую на сам план огня.

- Его нашёл Киммуриэль — тебе в подарок, - объяснил Джарлакс.

Закнафейн даже не пытался скрыть своё недоверие.

- Правящий совет взял его под арест, - сказал Джарлак. - Они решили, что это оружие слишком опасно для верховных матерей и подходит только для одной из них — хотя сами предпочитают змееголовые плети, подчёркивающие их положение. Они хотели убрать его с глаз долой — вероятно, не в последнюю очередь из-за того, кто именно им воспользовался.

Он говорил о Закнафейне, конечно. Оружейник принял протянутый кнут и взмахнул им, чтобы снова почувствовать. Закнафейн всегда любил такой тип оружия и умел им пользоваться в совершенстве — по крайней мере, раньше он знал эксперта по обращению с кнутом. Но это было больше ста лет назад.

- Вот, я искупил свою вину. А теперь, Закнафейн, ответь Киммуриэлю, - потребовал Джарлак. - Напоминаю, я вытащил тебя из города по твоей собственной просьбе. Мы трое направляемся в потенциальную западню. Мы должны знать.

Напоминание о том, почему они здесь, или, если точнее, почему *он* сейчас здесь, заметно успокоило Зака.

- Телепатическое вторжение, было ли оно похоже? - снова спросил Киммуриэль. Зак хорошенько задумался на какое-то время, потом покачал головой.

- Нет. Это было... иначе. Менее требовательно. Больше коварства, меньше чистой силы. Не знаю, как это объяснить, но твоё проникновение не казалось таким... злым?

- А иллитид показался бы злее? - спросил Киммуриэля Джарлак. Тот покачал головой.

Закнафейн уставился на псионика, который глубоко задумался над полученными сведениями, и оружейнику показалось, что тот знает больше, чем говорит. Зак не доверял Киммуриэлю.

Но он был рад по крайней мере вернуть себе кнут.

Крадучись, гном покинул затихший лагерь. Большинство шахтёров спали, повар и его помощник были заняты своими обязанностями, а хранителя тоннелей Белвара и этого невыносимого Мальтзаблока было не видеть — скорее всего, они находились глубоко в новом тоннеле, который трудолюбивые рудокопы прорыли, чтобы обследовать пока что разочаровывающее количество производимого им арандура.

Симвин остановился, когда вошёл в тоннель за охраняемыми воротами. Он задумался над своими планами — и не впервые.

- Что же ты делаешь, проклятый тупой гном? - в сотый раз спросил он себя.

В первый раз, может в первые десять раз, Симвин едва не вскинул руки и побежал признаваться хранителю тоннелей. Однако каждый раз возникало чувство, что он не получает то, чего заслуживает, что усердно и преданно трудится на короля Шниктика, а титул хранителя тоннелей пока что даже не обсуждается.

Однако уже какое-то время он больше не пытался убедить себя и оправдаться. Он просто зашёл слишком далеко. Слишком глубоко залез в нору токквы, как говорили свирфнеблины о подобных эмоциональных ловушках.

У него не осталось выбора, а значит, и сомневаться было незачем. Каким-то образом его заманили за точку не возврата.

Когда гном миновал часовых и сторожевые печати, он ускорил шаг, насколько позволяли ему короткие ножки. Может быть, ему следовало быть осторожнее,

следовало прислушиваться к амберхалкам или другим возможным чудовищам, но гному настолько не терпелось ставить этот неприятный эпизод в прошлом, что забыл о всякой предосторожности.

Да и потом, будь здесь какая-нибудь опасность, дроу бы уже о ней позаботились.

Гном увидел ожидающих его жриц дроу — на сей раз обеих, Ду'Келв и Иккару. Ду'Келв нервно расхаживала из стороны в сторону, Иккара спокойно сидела на камне, играясь со своим ногтем, как будто под ним что-то застряло. Он замедлил шаг и посмотрел в сторону, на груды камня в боковом тоннеле, где во время предыдущей встречи заметил какую-то разумную хищную слизь. Сейчас там казалось чисто, но вряд ли дела обстояли именно так — в Подземье мало кто умел скрываться так же хорошо, как хищные слизи.

- Рада видеть тебя, хитрый гном, - сказала Иккара, когда Симвин бросился к ним.

- Где он? - потребовала жрица Ду'Келв, не скрывая свой гнев.

Гном пошарил у себя на поясе, достал небольшой кошель, затем потянулся за спину, под плащ, и вытащил ещё два. Он протянул все три кошель жрицам.

Ду'Келв схватила один из кошель и распахнула его. Сунув руку внутрь она достала пригоршню чёрно-зелёной руды. Она оглянулась на Иккару, которая взяла два других кошель.

- Который здесь бездонный? - спросила она.

Иккара открыла каждый кошель и по очереди засунула руку внутрь, потом покачала головой.

- У меня нет такого предмета, - сказал им Симвин. - Было бы намного проще!

- Тогда где остальная моя руда? - спросила Ду'Келв.

- Я... я старался, как мог, - сказал Симвин, нервно переминаясь с ноги на ногу. - Руда тяжёлая, а вы хотите, чтобы я вынес целый мешок из Дун Арандура, как называл лагерь хранитель тоннелей. Они следят, не сомневайтесь. Следят, кто приходит, а кто уходит.

- Мне всё равно! - закричала на него Ду'Келв. - Здесь даже на рукавицу не хватит.

- Понемногу за раз, - сказал Симвин, с каждым словом пятясь.

- И сколько раз у нас есть, глупый гном? Ты думаешь, что мы месяцами будем ждать здесь в Подземье, пока ты будешь носить по горсточке?

- По три горсточки, - сказал Симвин и тяжело сглотнул, когда увидел выражение, которое вызвала его ремарка.

- Довольно, жрица Ду'Келв, - сказала Иккара. - Гном напуган, и его сложно в этом винить.

Ду'Келв вскинула руки и отвернулась, что-то бормоча себе под нос.

- Ты должен постараться, - сказала Иккара Симвину.

- Они пересчитывают руду, - умоляющим тоном отозвался он. - Не точный объём, но Белвар знает, сколько руды добыто, и заметит недостачу! И тогда меня поймут и всё закончится.

- Может быть, он прав, - сказала Иккара.

Ду'Келв резко развернулась, широко раскрыв свои красные глаза.

- Может быть, нам стоит изменить тактику и не полагаться исключительно на реакцию верховной матери Бэнр, когда та увидит блестящий доспех из арандура, - пояснила Иккара.

Ду'Келв с любопытством посмотрела на неё, потом позволила широкой улыбке расцвести на своём лице и кивнула.

Симвин наблюдал за происходящим и ничего не понимал.

- Расскажи нам о положении всех защитных печатей, - сказала ему Иккара.

Гном почувствовал, как у него отвисла челюсть.

- Мы так не договаривались!

- Это новый договор, - настойчиво сказала Иккара.

- Мы так не договаривались! - снова, уже громче повторил Симвин — и обнаружил, что ему трудно проталкивать слова сквозь губы, как будто голос ему не принадлежит.

- Это новый договор, - повторила Иккара, на сей раз спокойнее.

Тогда Симвину всё стало ясно. Он увидел ответ на все свои дилеммы — со жрицами и с угрозой Белвара в Дун Арандуре.

- Это новый договор, - в третий раз сказала Иккара.

- Это новый договор, - повторил Симвин, и это заявление сначала изумило его, но потом показалось очевидным.

Он увидел, как Ду'Келв и Иккара обменялись улыбками, и понял, что поступил правильно.

Он был рад обрадовать этих новых друзей, которые так сильно его ценили.

Джарлакс пригнулся и выглянул из-за камня. Он наблюдал за слизью, которая просочилась сквозь крохотную трещину и пропала из виду.

- Поразительно, - сказал он. Он встал и обернулся, чтобы взглянуть на Закнафейна и Киммуриэля.

- Здесь что-то не так, - предупредил Киммуриэль, озвучив мнение, которое полностью разделял Зак.

- Эта... штука ушла? - спросил Джарлакс.

- Оно смутилось, - ответил псионик. - Оно долгое время будет в растерянности. Не думаю, что оно снова нас побеспокоит.

- Но ты будешь наготове?

Киммуриэль молча посмотрел на него.

- Пойдём, поворот уже скоро, - сказал им Зак. Он зашагал вперёд, но остановился и оглянулся на камни. - Ты уверен, что это создание не знало о нашем приближении?

- Как я могу быть уверен по поводу слизи — или что оно было такое? - ответил Киммуриэль. - Я почувствовал его. Оно атаковало. Я победил.

- Но если оно каким-то образом передало сигнал нашим возможным врагам...

- Почему ты вообще думаешь, что слизь как-то с этим связана? - спросил Киммуриэль, как будто вопрос был очевиден, а заключение Зака — нет.

- Я думаю, что гнома взяли под телепатический контроль. Ты почувствовал создание, слизь, неважно, из-за его ментальных энергий. Связь кажется очевидной.

- Лишь потому, что ты не допускаешь совпадения — чего и следует ожидать от воина.

- Я не верю в совпадения.

- Как я и сказал.

- Как бы там ни было, - вмешался Джарлакс, пока их пререкания не зашли слишком далеко, - может быть это создание — какая-то чума разума и заражает свирфнеблинов независимо от Ханцринов. Может быть, связи нет, и оно пришло сюда лишь потому, что ощутило волшебную или псионическую активность. Это неважно — а наше время ограничено. Давайте узнаем, что сможем.

Зак и Киммуриэль ещё какое-то время переглядывались; потом Зак отвернулся и пошёл дальше по коридорам, которые запомнил в первый визит. Его шаг был быстрым — не только из-за знакомства с местностью, но и из-за силы его двух спутников. Однако он замедлил ход, когда оказался рядом с обломками, в которых узнал груды, откуда наблюдал за первой встречей гнома и дроу — потому что услышал голоса впереди.

Их троица подошла к повороту. Джарлакс выглянул за угол, затем отступил и достал странное устройство, похожее на воронку. Он приложил узкий конец к уху, а широкий высунул наружу, к беседующим.

- *Жрица Ду'Келв Ханцрин*, - просигналил он спутникам. Выражение наёмника изменилось по мере того, как он слушал, стало беспокойным.

- *Гном полностью предал свой народ*, - просигналил он. - *Думаю, Ханцрины собираются на них напасть.*

- *В одиночку?* - спросили пальцы Киммуриэля.

- *Его подчинили. Полностью*, - вмешался Зак.

Джарлакс посмотрел на Киммуриэля.

- *Освободи его.*

Киммуриэль кивнул и сделал шаг вперёд, но Закнафейн вдруг громко произнёс:

- Нам нужно уходить!

Другие два дроу в ужасе взглянули на него, потрясённые нарушенным молчанием, но всё поняли, когда проследили за его взглядом назад — обнаружив у себя за спиной троицу воинов и жрицу, как будто полностью обнажённую, бегом направляющихся к ним.

- Разделяемся, - сказал Джарлакс и бросился бежать, свернув в ближайший боковой проход. Киммуриэль не отставал.

Однако Закнафейну пришла в голову другая идея, и вместо того, чтобы последовать их примеру, он выскочил за угол на полной скорости с кнутом в руке.

Глубинный гном изумлённо закричал, и две жрицы обернулись к нему. Их изумление быстро сменилось гневом и действиями — Ду'Келв Ханцрин занесла свою плеть, а вторая сложила пальцы волшебным жестом.

Зак промчался мимо глубинного гнома, и Ду'Келв двинулась ему наперерез. Живые змеи её трёхголовой плети поднялись и скрутились петлями, готовясь к удару.

Но Зак ударил первым, его кнут оказался дразняще близко к плети и сжимающей её жрице. Неожиданный рывок запястья заставил кончик хлестнуть наискосок, и Зак призвал глубинные силы своего оружия, прочертив полосу пламени в воздухе прямо перед плетью.

Полоса перечеркнула одну змею, потом вторую, и две змеиных головы упали, отсечённые планарным разломом.

Жрица Ду'Келв закричала от ужаса — для жрицы дроу не было ничего священнее своей плети — и это заставило Зака улыбнуться.

Однако оружейник ни на секунду не замедлил свой бег и промчался мимо пары жриц, ожидая какого-то серьёзного удара заклинанием второй жрицы. Он получил ещё один взрыв ментальной силы, новую попытку завладеть его сознанием и подчинить чужой воле.

Это было очень похоже на первый раз, и в этот момент Зак испытал уверенность, что слизь как-то с этим связана.

Он воспротивился, чуть покачнувшись, и быстро нырнул за следующий угол — и едва не врезался в пару поджидавших его солдат-Ханцринов!

- Обнажённая жрица, - тихо прошептал Джарлак, изумлённый и потрясённый своим откровением. Поскольку он знал, что это значит. Она была голой потому, что совсем недавно представляла собой скользкую лужу чёрной слизи.

«Она», заключил это слово Джарлак в кавычки, поскольку что мог значить пол для подобного создания? Наёмник знал одно: «она» была прислужницей Ллос, йоклол, как скорее всего, и вторая жрица не из Ханцринов, которая встретила с глубинным гномом, чтобы подчинить бедолагу себе.

Наёмник бежал по относительно прямому и ровному коридору, и развернулся, когда миновал нишу, убеждаясь, что там не прячутся враги. Он резко остановился, заметив не врага, а друга.

Киммуриэль взмахом пригласил его в нишу, хотя Джарлак понятия не имел, как странный дроу вообще сумел попасть сюда быстрее него. Он понятия не имел о многом, касавшемся Киммуриэля.

- Они недалеко, - прошептал он.

- Достаточно, - ответил Киммуриэль. - Ты уже всё понял, конечно же.

- Прислужницы.

- Точно, йоклол. И по меньшей мере две. Что за дела? Зачем Ллос вмешивается на стороне дома Ханцрин?

- Мы не знаем, что это Ллос, - ответил Джарлак.

- Две прислужницы, - сухо повторил Киммуриэль — так близко к сарказму, как только умел обычно безэмоциональный дроу.

- Две прислужницы создают неприятности. Они занимаются этим потому что любят, - предположил Джарлак, хотя звучал при этом так, что Киммуриэлю даже в мысли его лезть не пришлось, чтобы почувствовать неуверенность.

Неужели дом Ханцрин заручился милостью Паучьей Королевы? Неужели сама Ллос устроила этот храбрый ход Ханцринов, а если так — что это означает для Бреган Д'эрт?

Джарлаксу не нравились эти возможности. Он веками трудился, чтобы заслужить толику уважения и власти в матриархальном обществе — для себя и для многих дроу, работавших на Бреган Д'эрт. Но они были по большей части всего лишь мужчинами — Джарлак по пальцам одной руки мог пересчитать женщин в отряде наёмников.

Неужели Ллос устала терпеть возвышение их мужского отряда?

Он обдумал реакцию верховной матери Бэнр, и здешние возможности тоже ему не понравились. Она не обрадуется, если Бреган Д'эрт — являющийся, в конце концов,

добровольным продолжением её воли — значительно ослабевает из-за манёвра Ханцринов.

Джарлакс выглянул из ниши, чувствуя крайнюю неуверенность.

- *Мы не можем позволить им добиться успеха*, - просигналил он товарищу.

- *Ты рискнёшь помешать прислужницам Ллос?* - ответил Киммуриэль, довольно неловко двигая пальцами.

Несмотря на сложное положение. Джарлакс едва не рассмеялся вслух над детскими движениями — если бы пальцы могли заикаться, то с Киммуриэлем бы так и случилось! Псионик редко пользовался беззвучным языком жестом. Обычно он просто общался при помощи телепатических посланий.

Только не с Джарлаксом с его повязкой. И наёмник не собирался снимать её ради удобства разговора, поскольку они оба знали, что поблизости — больше одного псионика, которые вряд ли были для них союзниками.

Какое-то время Джарлакс обдумывал вопрос.

- Да, - прошептал он. - Если они здесь от имени Ллос, пускай будет так. Ханцрины не получают этот рынок.

Он снова выглянул за угол и быстро отдёрнулся.

- *Они идут*, - сообщили его пальцы Киммуриэлю.

Киммуриэль протянул руку Джарлаксу. Тот смотрел на неё какое-то время, прежде чем принять. Он знал, что будет дальше, и терпеть этого не мог.

Просто не мог терпеть.

Он слышал голоса приближающихся врагов — всё ближе и ближе — но вдруг они резко удалились, а мир вокруг превратился в мутную дымку. Далёкие линии светящихся червей, ползающих о коридору, создавали расплывчатое бело-синее мерцание.

Киммуриэль шагнул мимо него и вошёл в камень, потащив за собой Джарлакса.

Тесные пространства не беспокоили Джарлакса. Много раз ему приходилось целыми днями скрываться внутри своей переносной дыры — в невесомой надразмерной ёмкости. Но здесь было не просто тесное пространство. Они с Киммуриэлем двигались через твёрдый камень, бесплотно скользили насквозь.

Это не просто тесное пространство.

Это вообще не пространство.

И никакого направления. Он даже не знал, движутся ли они на самом деле. Оказавшись целиком в каменной стене, он лишился точки отсчёта, визуальных ориентиров, подсказывающих, что они не замерли неподвижно, сопротивления, движения воздуха, тактильных чувств под ногами или где-то ещё. Джарлаксу оставалось лишь надеяться, что его друг ориентируется здесь лучше.

Они вышли из камня в том же коридоре, что только что пересёк Джарлакс, но теперь — позади преследователей-дроу. Они стали вещественными так резко, что Джарлакс едва не споткнулся.

- Не думал, что ты хочешь сражаться, - заметил Киммуриэль.

- В таком случае мне пришлось бы сражаться самому, - ответил Джарлакс, и псионик не стал возражать.

- Я не стану драться с прислужницей иначе, как защищая себя, - подтвердил псионик. - Я из дома Облодра и не стану навлекать немилость Ллос на свою семью.

- Я бы не стал тебя просить.

- Неужели?

Джарлак посмотрел на него, пытаясь придумать их следующий ход. Он сделал очевидный вывод, до которого Киммуриэль уже додумался.

- Освободи предателя-гнома из хватки йоклол, - попросил его Джарлак.

Киммуриэль смотрел на него.

- Ты можешь?

Псионик какое-то время смотрел на него, потом кивнул.

Джарлак повёл их обратно за угол.

Жрица Ханцрин по-прежнему была там в окружении солдат, стоя лицом к гному, казавшемуся в полном ужасе.

Однако жрицы Йоклол, что раньше была рядом с Ду'Келв, нигде не было видно.

Двое приблизились, слушая, как Ду'Келв ругает гнома.

- Это не твоя забота. Банда воров, которые получают по заслугам. Мне нужно знать расположение каждой печати, каждого глифа, каждого стражника.

- Мы... так... не договаривались, - ответил несчастный гном дрожащим голосом. У него подкосились ноги.

- *Сделай это!* - энергично просигналил Джарлак Киммуриэлю.

- *Если будут последствия...* - предупредил Киммуриэль.

- Я приму на себя ответственность перед самой верховной матерью Бэнр. Я приказываю тебе её именем сделать это.

Джарлак едва мог поверить, что только что это сказал! Если эти йоклол были подарком Ллос дому Ханцрин, он мог обречь себя и Бреган Д'эрт.

Он отбросил эту мысль и сдержал желание сплунуть. Какая разница? Если он будет бездействовать, Бреган Д'эрт и так ослабееет, может быть, навсегда, обречённый этим смелым ходом Ханцринов. Разрешённые активности Джарлакса ограничатся пещерой Мензоберранзана, местом, которое Джарлак стал воспринимать таким же душным, как камень, через который они только что прошли с Киммуриэлем, а любые недозволенные действия за пределами пещеры наверняка его погубят.

- *Сделай это!* - снова сказал он своими пальцами.

Наёмник посмотрел на свирфнеблина, который внезапно замолк, оборвав свой ответ, и снова стал мишенью для ругани Ду'Келв Ханцрин.

Гном переминался с ноги на ногу, как и прежде, но его лицо дёргалось, выражение менялось, глаза распахнулись.

- *Хорошо сработано*, - беззвучно поздравил Киммуриэля наёмник. - *Встретимся в Клорифте под твоим домом.*

Джарлак коснулся поляй своей шляпы в вежливом жесте, обращённом к псионику, затем снял шляпу и достал небольшой кусок чёрной ткани.

Киммуриэль кивнул, улыбнулся и снова исчез в камне.

Теперь Джарлаксу нужно было предвидеть грядущие события — и перспективы ему не нравились. Следовало хотя бы попытаться, но он боялся, что гнома уже не спасти.

Он прокрался по коридору, бесшумный словно тень, затем поспешил в боковой проход — знал, что тот идёт параллельно тоннелю, из которого пришёл гном. Где-то по пути он бросил чёрный платок, переносную дыру, на стену, и перебрался сквозь

неё в другой коридор, затем забрал дыру с собой, превратив её снова в обычный на первый взгляд кусок ткани.

Что за чудесная вещица!

Джарлакс шагал по тоннелю, приближаясь к месту конфронтации. Он достал волшебный жезл.

Слишком близко, чтобы воспользоваться кнутом, Закнафейн был вынужден встречать три меча и кинжал его двух противниц-дроу лишь единственным мечом. Менее сильный воитель, обычный воин-дроу, потерпел бы поражение — или его, по крайней мере, вынудили бы отступить в комнату со жрицей Ду'Келв.

Но только не Закнафейн До'Урден. В Мили-Магтир учили, что нужно уйти в глухую оборону — опустить кнут, достать второй меч и сражаться в технике быстрых разворотов и отступлений, чтобы отвоевать себе немного места.

Вместо этого он блокировал ведущий меч дроу слева, затем укол дроу справа быстрым рубящим движением и обратным ударом. Он уклонился от второго меча слева, принял жалящий укол в левое бедро, затем пригнулся под брошенный кинжал, поднимая руку с мечом, чтобы отразить вращающийся клинок прежде, чем тот успел повернуться остриём — и снова принял жалящий укол, на сей раз в запястье.

Однако эти два удара позволили ему сделать шаг назад, и когда враги двинулись следом, их встретил не меч Зака, а кнут. В этом небольшом пространстве он умело привёл кнут в движение, быстро щёлкнув им слева и справа в воздухе перед дроу. Одних лишь щелчков хватило, чтобы противницы промедлили, и более того — кнут оставил крохотные прорехи между материальным и огненным планами бытия, и с неба посыпались огненные капли.

Он не задел дроу кнутом — цель была другая.

Зак привлёк их внимание к кнуту, а не к своим ногам.

Лёгкий поворот и толчок бросили Закнафейна вперёд, последний удар кнутом на сей раз был направлен вперёд, рассёк воздух перед двумя дроу и с силой хлестнул по полу.

Дроу слева взглянула на этот последний щелчок кнута и отреагировала, шагнув в сторону. Она поняла свою ошибку и качнулась назад, подняв мечи в защитную позицию.

Слишком поздно.

Меч Зака ударил над ними, лязгнув по её изящным доспехам и поднявшись, чтобы впиться в её ключицу и шею сбоку. Она упала на спину, споткнувшись, а Закнафейн рванулся вперёд.

Он не окончил рывок, быстро укоротив шаг, рубанув наотмашь, широко и сильно, чтобы отразить единственный меч второй женщины, ударив её в грудь как раз тогда, когда она тянулась за другим кинжалом. Она сделала неверный шаг влево, потом упала на колено и прижала свободную руку к рассечённому туловищу.

Она посмотрела на Зака и рухнула ничком.

Зак едва обратил внимание, уже помчавшись по лабиринту коридоров, пытаясь как можно быстрее увеличить расстояние между собой и Ханцринами.

Однако вскоре оружейник оказался на развилке, и все его мысли кричали поворачивать направо.

Слишком сильно, понял он, а ещё осознал, что источник этого побуждения был не инстинктивным и даже не внутренним.

Кто-то пытался им манипулировать, повести по этому правому коридору, чтобы проскользнуть мимо него в другую сторону. А справа, скорее всего, ожидали стражники.

Зак зарычал и шагнул направо, но резко остановился, не сделав второй шаг.

Нарушитель разгневал его, взбесил.

Нарушитель был слева.

Закнафейн, слишком злой и слишком сильный, чтобы поддаться на принуждение, пошёл налево.

Он увидел спину глубинного гнома, стоящего с поднятыми руками и умоляющего жрицу Ду'Келв Ханцрин. Гном пытался отвлечь её от желания заставить его полностью предать его народ и отправить других гномов на бойню, на каждое требование отвечая вопросом о том, что только что случилось.

- Что это за мужчина-дроу, который только что пробежал здесь?

Ду'Келв сказала гному, что это не его дело.

- Как я могу выполнить такое требование, если город вас не поддерживает? - попытался возразить гном.

Ду'Келв дала знак двум воинам рядом взять его.

- Ты скажешь нам всё, что мы хотим знать, - предупредила она гнома. - Так или иначе.

Бедняга завопил и попытался сбежать, но перегнать ловких и грациозных дроу не мог.

В потрясённого гнома полетел шар. Тот пригнулся, но прицел был безупречен и аморфный зелёный пузырь всё равно прошёл бы у него над головой. Над головой, но не над головами его двух преследователей, которые были слишком заняты попыткой поймать маленького гнома, чтобы увидеть летящий в них густой шар.

С приглушёнными стеной липкой слизи возгласами оба замерли на месте и попятись, а слизь, сочившаяся между и вокруг них, прилипла к каменному полу — а также к их лицам, удерживая обоих на месте.

Гном оглянулся, и любое испытанное им облегчение испарилось, сменившись ещё одним пронзительным воплем, ведь позади него Ду'Келв подняла руки, качая головой и шевеля губами в волшебном речитативе, а вокруг её пальцев зажглась огненная энергия.

Гном повернулся и изумлённо охнул, поскольку пол перед ним пропал, и он полетел вверх тормашками в почти непроницаемую тьму. Он тяжело приземлился и перевернулся, выглянув из неожиданной пропасти наверх, чтобы увидеть ползающих высоко на своде мерцающих червей.

Но вокруг сомкнулся мрак, когда края дыры сошлись, и осталась только тьма, полная и абсолютная.

Долго это не продлилось — синеватый свет открыл его нового пленителя, мужчину-дроу в смехотворно широкой шляпе.

- Расслабься, Симвин, - сказал Джарлакс на языке свирфнеблинов вместо грубого и менее точного подземного всеобщего, которым пользовались разумные народы Подземья, общаясь с представителями других рас. Наёмник говорил на нём с таким безупречным произношением, что не смотри Симвин прямо на дроу, он бы подумал, что к нему обращается хранитель тоннелей.

- Теперь ты в безопасности и свободен от волшебного принуждения, которое привело тебя сюда.

- Ты понимаешь, что дом Облодра живёт лишь благодаря попустительству госпожи Ллос? - спросила Киммуриэля йоклол. - Вы еретики, все до единого, и всё же К'йорл Одран сидит на почётном месте среди правящего совета города Ллос.

- Не еретики, - телепатически ответил Киммуриэль. - Мы не поклоняемся другим богиням.

- Атеизм — это ересь, как и агностицизм.

- Мы верим в Ллос, разумеется. Разве ты — не доказательство её существования? Разве магические плетения старших жриц — не доказательство её существования? - заметил Киммуриэль.

- Ты играешь в опасную игру, Одран.

- Облодра, - поправил Киммуриэль. - Это почему же? Я здесь с Бреган Д'эрт, отрядом, который тайно — и даже публично — работает на верховную мать Ивоннель Бэнр, как тебе прекрасно известно, прислужница Болифена.

- А я служу самой Ллос, - заявила йоклол, пребывающая в облике жрицы дроу — и на сей раз обнажённой, поскольку она только что вернулась из формы скользкого чёрного желе. - Как и моя сестра, Йиккарда...

- Это не моя забота, - сказал Киммуриэль, прерывая её. - У меня нет полномочий игнорировать приказы Джарлакса, который говорит от имени верховной матери Бэнр в том, что касается Бреган Д'эрт.

- И они превосходят приказы прислужницы? - спросила Болифена. Её телепатия передавала явное чувство бешенства.

- Вы не объявили нам о своём присутствии, как не объявили и верховной матери Бэнр о своих намерениях по поводу младшего дома Ханцрин. А если и объявили, она сочла это недостаточно важным, чтобы запрещать нам наши действия, - парировал Киммуриэль, не собираясь уступать. - Я не знал, что имею дело с прислужницами, а даже если бы и знал, мать К'йорл приказала мне служить Бреган Д'эрт, как самому дому Облодра, и я связан этим обязательством. Зачем вы это делаете?

- Это не твоя забота, - отрезала прислужница Болифена, и Киммуриэль почувствовал перемену в её тоне. Он застал её врасплох и вынудил обороняться.

- Только Ллос будет судить это дерзкое вмешательство, так что не будь так уверен по поводу своей правоты. В остальном — предупреждаю, если для моей сестры это закончится плохо, я буду считать Киммуриэля в ответе.

Киммуриэль не стал отвечать на угрозу, как и скрывать своё изумление. Он понимал прислужниц достаточно хорошо, чтобы заметить, что она ему не ровня. Их

величайшие силы заключались в ментальном обмане и подчинении, а в этом отношении Киммуриэль намного их превзошёл.

- *Найди Джарлакса и воина и отзови их*, - приказала Болифена.

- *Возвращайся домой*, - парировал Киммуриэль. - *Предатель-свирфнеблин свободен от твоего влияния. Ты потерпела неудачу. Дом Ханцрин проиграл.*

Болифена злобно уставилась на него своими дровскими глазами — может быть, хотела сказать что-то ещё, но Киммуриэль прекратил разговор, полностью закрыв свой разум. Так что она просто смотрела на него. Затем она снова приняла истинную форму йоклол — вид полурасплавленной огромной свечи из грязи, бешено размахивающей отростками. После этого она исчезла.

Киммуриэль обдумал её последний приказ — оставить Джарлакса и Закнафейна. Нет, решил он.

Он направился в Мензоберранзан.

Закнафейн бежал по изгибающемуся тоннелю, не сбавляя шаг. Она была здесь, другая жрица из первой комнаты — глаза закрыты, правая рука поднята, пальцы согнуты, — продолжала свои попытки подчинить его телепатически, и судя по виду, считала, что у неё всё получается.

Как и мужчина, солдат Ханцрин рядом с ней. Он заметил Закнафейна лишь в самый последний момент. Он крикнул и поднял свой ручной арбалет на оружейника.

Щёлкнувший кнут выбил у него оружие и захлестнул руку достаточно сильно, чтобы Зак сумел дёрнуть его на себя, прежде чем убрать кнут.

Это был не особенно сильный рывок — но его хватило, чтобы мужчина немного подался вперёд, и угол его обороны слегка изменился. Для большинства это ничего не означало, но для Закнафейна брешь была огромна, и он ею воспользовался.

Его меч пронзил живот противника. Тот распростёрся в стороне, хватаясь за рану. В ближайшее время в бой он не вернётся.

- Как ты смеешь! - воскликнула жрица. - Ты знаешь, кто я такая?

- Мёртвая жрица, - ответил Зак. - Не имеет значения, кем ты была до этого.

- Ты обрёк себя! - зарычала на него жрица. - Узри же перед собой прислужницу Богини Хаоса!

Она продолжала читать грозные речи, пока Зак не оборвал её, воспользовавшись кнутом как восклицательным знаком в ответ, вытянув оружие в его полную восьмифутовую длину, чтобы хлестнуть жрицу по лицу. Он воспользовался силой кнута, прочертив полосу экстрапланарного пламени прямо по её щеке ко рту.

Она завопила и отшатнулась, струйка крови ударила с левой стороны её разорванного лица.

Или не крови?

Изумление Зака по поводу густой субстанции, вытекающей из щеки женщины, не заставило его остановиться — как раз наоборот. За годы битв он понял, что мгновение нерешительности может стать фатальным, поэтому рефлексy ответили на его спутавшиеся мысли, бросив оружейника вперёд.

Но он резко остановился, ведь дроу перед ним уже не была дроу. Йоклол показала себя во всём своём ужасном великолепии. Её жреческая мантия разорвалась на части, когда носительница раздулась и приняла свою демоническую форму.

- Обречён, глупый мужчина, - булькающим возгласом, похожим на лопающиеся пузыри в горячей луже грязи, сказала создание. - Я...

Зак прыгнул на чудовище, нырнув между качающимися отростками, и глубоко вонзил свой меч в мерзкое туловище. Он увернулся от рвоты из жидкой грязи, вырвал свой меч и воткнул его снова.

Йоклол задрожала и закачалась, махая своими восемью щупальцами, промахиваясь почти каждым ударом, но всё-таки тяжело задев несколько раз оружейника.

Закнафейн игнорировал эти попадания, принимал их. Он бил снова и снова, полный решимости одолеть демоническую тварь за счёт голой свирепости.

Внезапно она снова стала дроу, обнажённой, по-прежнему с разорванной щекой. Прислужница отпрыгнула назад, выпрямилась и ткнула пальцем в Закнафейна, швырнув в него мощную псионическую атаку и приказ: «Стой!»

И он остановился, как будто получив удар огромным булыжником.

Йоклол сощурила свои красные глаза.

- Я заберу тебя с собой, - пообещала она. - Госпожа Ллос...

Зак прекратил свой обман — он почувствовал телепатический натиск, но его это не остановило! — и снова хлестнул её кнутом, по лицу, затем подскочил, чтобы добить.

Но она пропала, оставив облако бурлящего зелёного дыма и вони. Зак задохнулся, ему обожгло глаза. Он знал, что надо убираться, знал, что нужно найти этого демона, пока тот не сыграл ещё какую-нибудь штуку.

Он споткнулся и сглотнул поднявшуюся к горлу рвоту.

Нужно выбраться. Нужно выбраться.

Облако сопровождало его, окружало его, душило, и только тогда Зак понял правду — облако вони не было заклинанием. Облако было самой прислужницей.

Закнафейн бешено замахал мечом, но газ просто клубился вокруг.

Он не мог сбежать!

Он не мог её ударить!

Оружейник попытался крикнуть, и его вырвало.

Он попытался бежать, споткнулся и уронил меч. Он потянулся за ним, но внезапно передумал, выпрямился и взял обеими руками кнут, яростно размахивая им вперёд и назад, с каждым щелчком разрывая материальный план. Повсюду вокруг горели огненные полосы, части облака трещали и сверкали искрами. Газ протестующе шипел.

Чувства подводили его, глаза горели. Зак знал, что вдохнуть — значит лишиться сознания, и вместо этого испустил долгий и громкий вой протеста и злости. Всё это время его кнут продолжал хлестать, и воздух вокруг сочился пламенем.

Затем к его крику присоединился агонизирующий голос йоклол, снова облёкшейся в тело дроу. Зак лишь на миг взглянул на неё — достаточно, чтобы заметить, что она усеяна резкими пылающими разрывами; жестокие удары кнута иссекли её материальные тела.

Она повернулась к нему, словно для удара, но Зак, который так и не остановился, теперь взмахнул своим кнутом не вперёд или назад, а наискосок. На этот раз он не стал щёлкать, а обернул кнут вокруг её шеи.

Закнафейн повернулся, дёрнул и отпрыгнул от неё, потянув изо всей силы. Оплёвший шею кнут развернул её, потащил, вывел из равновесия, сбил с ног. В падении она продолжила разворачиваться и тяжело приземлилась на спину.

Зак отпустил свой кнут, выхватил оставшийся второй меч и набросился на неё сверху, вонзив клинок обеими руками в её грудь.

Йоклол взметнулась и завопила. Она на короткое время вернулась в своё настоящее обличье, прежде чем растечься чёрной слизью — от которой Закнафейн отскочил, опасаясь за свой меч, испугавшись за свой кнут, который оказался под слизью.

Но нет, эта слизь не была живой и не сражалась. Демоническая тварь просто расплавилась, дымом утекая с материального плана в свою родную Бездну.

Оружейник задышался, горели глаза, горело горло. Он тяжело опустился на камни и едва не рухнул полностью.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что он не один. Он повернулся и увидел мужчину Ханцрина, которому пронзил живот, в нескольких шагах от себя.

Мужчина стоял ровно — или пытался, но не мог, по-прежнему прижимая руку к животу. Он бросил меч и поднял вторую руку, умоляя о пощаде.

Зак просто смотрел на него. Ему не хватало воздуха, чтобы ответить, не хватало сил, чтобы встать и встретить противника.

Ханцрин захромал прочь, взгляд Зака сопровождал его на каждом шагу.

Пока он не пропал из виду.

В этот момент Зак соскользнул на землю и лишился сознания.

ГЛАВА 18

Вино из гнилых ягод

- Он очнулся, - услышал Закнафейн, силясь поднять веки. Зрение медленно возвращалось, открывая небольшую фигуру перед ним...

Свирфнеблин.

Руки Зака рефлекторно устремились к мечам, но он расслабился, когда обнаружил, что оружие по-прежнему при нём, и когда появилась более знакомая фигура, нависшая над гномом.

Закнафейн сел, схватился за гудящую голову, и на миг зажмурился, чтобы прогнать боль. Открыв глаза, он обнаружил руку Джарлакса, протянутую, чтобы помочь ему встать.

- Ядовитый газ, - пробормотал Зак.

- И, судя по всему, хороший удар по голове, учитывая шишку над твоим левым глазом, - ответил Джарлакс на всеобщем подземном вместо языка дроу.

Зак принял руку и поднялся на ноги, чуть покачнувшись. Он оглядел пол, по-прежнему дымившийся от растворившейся демонической слизи.

- Думаю, мы можем согласиться, что это была не жрица дроу, - заметил Джарлакс.

Зак огляделся вокруг, повторяя мысленно бой. Ответив, он посмотрел на Джарлакса, желая оценить реакцию наёмника:

- Йоклол.

От внимания Зака не укрылась тень, пробежавшая по лицу Джарлакса. Зак понял, что тот ожидал такого ответа, но подтверждение серьёзно его огорчило.

- Ханцрины с йоклол? Что это значит?

- Я не знаю, - признался Джарлакс, который просто терпеть не мог эту фразу.

Закнафейн взглянул мимо него и заметил мужчину, сидящего у стены — оружейник проткнул ему живот ранее.

- Это ты о нём позаботился?

- Конечно. Представляю тебе Интарна Велля.

- Интарна Велля Ханцрина, - сказал Зак.

- Не обязательно, - отозвался Джарлакс с хитрой усмешкой, которую Зак так часто видел. - Могу ли я надеяться, что ты не убьёшь его, пока я отведу этого гнома обратно к хранителю тоннелей?

- Хороший вопрос.

- Он не прикончил тебя, пока ты здесь валялся, - заметил Джарлакс. - А мог бы.

Зак посмотрел на Джарлакса, потом на раненого Ханцрина.

- Хорошо, - сказал Джарлакс, как будто это был ответ. - Я скоро вернусь, а если нет... ну, беги.

Зак кивнул, по-прежнему размышляя о своём поединке с йоклол и о том, что осталось от демонического существа.

Он уничтожил прислужницу Ллос — по крайней мере, нанёс ей весь вред, который вообще можно было нанести существу нижних планов на этом плане бытия.

Он пытался не думать о последствиях.

- Он говорит правду, - настаивал Симвин, обращаясь к хранителю тоннелей Белвару. - Он спас меня, а проклятые дроу сражались с другими проклятыми дроу.

- Скажу тебе, я удивлён, что кто-то из этих проклятых дроу ещё жив, - ответил Белвар Диссенгальп. - На их клинках больше крови, чем на губах — слюны.

- Но этот спас меня, и он был не один, - продолжал Симвин.

- Спас тебя от собственной глупости, ты хочешь сказать.

Симвин нервно поёрзал.

- Да, - признался он.

- Ладно, пойдём, - пригласил его Белвар и повёл в парадный зал пещеры из нескольких помещений, которую использовал как дом и как рабочее место одновременно. Внутри опёрся о камень странный дроу в широкополой шляпе и с раздражающе самоуверенными манерами, заложив руки за голову, скрестив лодыжки и демонстрируя примечательную пару высоких, потёртых чёрных сапог — ещё более примечательную для Белвара из-за доклада, что дроу вошёл в Дун Арандур абсолютно бесшумно.

- Не будьте слишком суровы к мастеру Симвину, - сказал дроу, оттолкнувшись от камня, чтобы встать прямо. - Он предал вас не по собственной воле. У него даже выбора такого не было. Враги подчинили его магией, а не обещаниями личного обогащения. Нельзя считать бедного мастера Симвина виноватым.

- Ты просишь меня поверить тебе на слово, - ответил Белвар. - Я достаточно стар и знаю, что верить дроу — рискованная затея.

- Мой подручный освободил его от волшебного подчинения, - сказал Джарлакс.

- Ты вмешался как раз тогда, когда мы узнали, что это Симвин продан дроу, стал красть нашу руду и продавать её.

- Он сделал куда больше, - ответил Джарлакс и посмотрел на качавшего головой Симвина. - Скажи ему, иначе скажу я.

- Это пустяк, - буркнул заметно разнервничавшийся гном.

- Это очень важно для... - Джарлакс посмотрел на Белвара. - Как вы его называли? Дун Арандур?

- В чём дело? - спросил низким и ровным голосом Белвар, а потом обратился к Симвину: - О чём он говорит?

Симвин сделал долгий глубокий вдох.

- Я не знаю, сколько им рассказал, - признался он. - Немного — я бы не стал. Они хотели меня убить.

- И?

- Я бы не стал этого делать!

- Мастер Симвин молчал, и они бы заставили его дорого заплатить, - вмешался Джарлакс. - Они хотели, чтобы его предательство зашло дальше простой продажи руды.

- Разве этого недостаточно? - спросил Белвар.

- У него не было выбора, - повторил Джарлакс. - Его подчинили магией, но когда они попросили о большем...

- Они хотели знать все наши сторожевые посты и магические печати, - признался Симвин. - Когда я не смог принести им достаточно руды, они решили прийти и забрать её, и убить всех вас. Но я отказался.

- Так и есть, - подтвердил Джарлакс.

- Они бы меня убили! - взмолился Симвин.

- Нет, вряд ли, - удивил его и Белвара Джарлакс. - Они бы пытали тебя, пока ты бы всё не рассказал.

- А потом убили, - предположил Белвар, кивнув. Он утешающим жестом положил руку на плечо Симвина, заметно смягчившись.

- Вероятно, нет, - снова удивил их обоих Джарлакс.

- Симвин знает тайну обработки арандура, верно? - спросил Джарлакс, а потом рассмеялся, когда на лице хранителя тоннелей Белвара появилось ужасно подозрительное выражение.

- Мне всё равно, - воскликнул Джарлакс, подняв руки. - Но для вас это важно. Я подозреваю, они выбрали Симвина именно из-за этого навыка. Вот что я скажу, хранитель тоннелей Белвар: тебе следует лучше всего защищать тех подопечных, которым известна тайна, потому что она стоит дороже руды.

Белвар продолжал мерить странного дроу скептическим взглядом.

- Мой долг здесь исполнен, - объявил Джарлак. - Я не мог позволить такому произойти — ради Симвина, ради вас, ради всего Дун Арандура и да, ради себя. Мои интересы в установлении прочных отношений с вами и Блингденстоуном действительно отчасти эгоистичны. С готовностью это признаю.

- Не в моих полномочиях устанавливать торговые отношения с дроу, - спокойно ответил Белвар.

- Разумеется! - сказал Джарлак. Он улыбнулся и низко поклонился, взмахнув своей огромной шляпой. Он не стал надевать её обратно и указал на свою лысую голову, добавив:

- В подходящее время я поговорю с королём Шкниктиком. Благодарю вас, великодушный хранитель тоннелей, и с вашего позволения — откланяюсь.

У Белвара отвисла челюсть. Он уставился на Джарлакса, и искра узнавания нарушила его спокойный облик.

- Почему мне кажется, что ты откланяешься и без моего позволения?

- Я предпочитаю его получить, - ответил Джарлак.

- Ладно, - уступил Белвар.

Закнафейн осторожно приближался к зданиям До'Урден. Не раз он косился на северо-запад, в сторону ближайшего крупного выхода из пещеры Мензоберранзана. Не раз он подумывал просто вскинуть руки, признавая поражение, и сбежать далеко-далеко, не оглядываясь.

О позволил взгляду скользнуть дальше на запад, в сторону Браэрина и «Сочащегося миконида», размышляя, увидит ли ещё когда-нибудь таверну.

Джарлак выгнал его из Бреган Д'эрт.

Командир наёмников сказал Заку возвращаться к матери Мэлис и даже забрал его волшебный кнут.

Зак хотел что-то возразить, но не смог. Он с нетерпением ждал Джарлакса в «Сочащемся микониде», пока тот занимался своими делами. Зак знал, где находится наёмник, поскольку нужные ответы можно было найти лишь в одном месте. Джарлак посетил верховную мать Бэнр, и та наверняка предупредила его о недопустимости дальнейших действий, способных огорчить Паучью Королеву.

Закнафейн До'Урден убил прислужницу, и его время в Бреган Д'эрт подошло к концу.

Может быть, его время жизни тоже подошло к концу.

Он посмотрел на северо-запад, к выходу. Врата были для него закрыты — по эмоциональным, если не рациональным причинам, осознал он к своему отчаянию. Было слишком поздно. Его единственным спасением от будней был Бреган Д'эрт, а теперь Закнафейн знал, что пройдут годы, прежде чем у него появится хотя бы шанс поговорить с Джарлаксом. Если он проживёт так долго.

Он в последний раз посмотрел на северо-запад, на выход, и плечи оружейника опустились под грузом неизбежности.

Потом Закнафейн выпрямился и подумал о сыне, которого ещё не успели до конца испортить.

Бегство — не вариант.

Он направился в дом До'Урден, полный решимости защищать сына от печальной судьбы последователей Ллос.

- Он слишком ненавидит тех, кто носит мантию Паучьей Королевы, - сказала Даб'ней Тр'арах Джарлаксу, когда обнаружила его за столиком таверны в одиночестве. - Он не может себя контролировать. Он поддается чистой ярости.

- Тебя он пока не убил.

- Я не угрожала ему и не пыталась вторгнуться в его разум, - ответила она.

- Ты предпочла другие пороки, я знаю, - уколол её Джарлакс.

Даб'ней рассмеялась.

- Закнафейн — хороший мужчина. Слишком хороший для жизни, которую мы создали в Мензоберранзане.

Джарлакс поднял на неё неожиданно равнодушный взгляд.

- Кто?

- За... - хотела ответить она, прежде чем уловила, в чём дело.

Закнафейна больше не было. Он уже не принадлежал к Бреган Д'эрт, а значит, это была не забота Джарлакса. Даб'ней долго присматривалась к непроницаемому наёмнику, пытаясь найти хоть какой-то намёк на известную ей правду: Джарлаксу было больно. Из всех дроу Закнафейн был ближе всего к тому, кого наёмник мог бы назвать другом.

- Несмотря на всё твоё щегольство, мой милый, - осмелилась она прошептать, наклонившись к нему. - Несмотря на все твои достижения, коварство и изумительные способности, ты остаёшься здесь пленником, как и все мы. Я остро чувствую твою боль.

Даб'ней поцеловала его в щёку и ушла, пару раз оглянувшись на каменного наёмника.

Разумеется, он ничем не выдал своего согласия, ничем не выдал своей личной боли. Ведь в обществе последователей Ллос эмоциональная привязанность была слабостью, а слабость вела к бедам и гибели.

Но Даб'ней уже долго служила в отряде наёмников, хотя сейчас она отдалилась сильнее, чем раньше, и проводила больше времени в «Сочащемся микониде» с другим выжившем из её дома, Харбондейром, даже помогала ему управлять заведением, и использовала свои божественные силы, чтобы очищать яд — по крайней мере, предназначенный тем, кому Джарлакс не желал смерти. Она годами не участвовала в обычных ежедневных активностях и интригах Бреган Д'эрт, много месяцев даже не слышала имя Закнафейна, пока он не появился снова, чтобы отправиться вместе с Джарлаксом в приключения.

Она вздрогнула, вспомнив об этом. Когда Даб'ней услышала о его возвращении, в глубине души она надеялась, что оружейник больше времени станет проводить в таверне, рядом с ней. Она скучала по нему, скучала по его прикосновениям.

Она сосредоточилась на бесстрастном лице Джарлакса и понимающе улыбнулась.

Он скучал по Заку сильнее. Она соскучилась по оружейнику — ощутила дрожь предвкушения, когда тот после стольких месяцев вернулся под крыло Бреган Д'эрт. Но это было ничто по сравнению с тем, что чувствовал Джарлакс. Во всех отношениях,

кроме физического, его отношения с Закнафейном были куда более близкими. Он сделал, как ему недвусмысленно приказали.

И это причиняло ему огромную боль.

ГЛАВА 19

Бродячий вирм

Год Бродячего Вирма, 1317 по Летосчислению Долин, для Джарлакса и его отряда прошёл неплохо, а первые месяцы 1318 обещали быть ещё лучше. Теперь Бреган Д'эрт стал полноценным участником замыслов не только дома Бэнр, но и многих других верховных матерей правящего совета. Хотя торговые отношения со свирфнеблинами сложились не так, как надеялся Джарлакс — король Шкниктик отказывался продавать арандур за любую разумную цену — дом Ханцрин так и не восстановился после произошедших событий, и этот удар более чем стоил потерянной руды. Жрицу Ду'Келв так и не назначили старшей жрицей — и скорее всего не назначат никогда, чему Джарлакс был рад, поскольку та обладала авантюрной жилкой и по-прежнему могла обратить взор за границы Мензоберранзана.

Даже если никакого анклава Арах не существует, и это был всего лишь обман двух проказливых йоклол.

Ду'Келв заявила — и наверняка заявляет до сих пор — что она действовала по приказу пары прислужниц. Лишь это спасло её от абсолютного краха. Однако было очевидно, что она ничего не знала. А если и знала, то не понимала их цель, учитывая, что подобная авантюра могла закончиться только катастрофой.

В любом случае, Ду'Келв приструнили, и Джарлакс сомневался, что она сумеет вернуть себе прежний статус. И, что более важно, дом Ханцрин тоже поставили на место.

Да, дела Бреган Д'эрт шли хорошо, и теперь Джарлакс хотел на какое-то время притихнуть, занявшись построением шпионской сети за границами города, которую мог бы использовать, злоупотребляя расположением (относительным), которым пользовался он сам и его отряд.

Помогало и то, что сам город тоже успокоился, по крайней мере, если судить по слухам. Ничего удивительного: самым беспокойным домом дроу, обладавшим какими-то заметными силами, сейчас был только дом До'Урден, и даже нетерпеливая Мэлис не горела желанием мутить воду, пока её драгоценный сын находится в академии.

Конечно, с этой ненасытной жрицей возможно было всё.

Эта мысль вызвала улыбку на лице Джарлакса, когда он вошёл вечером в «Сочащийся миконид». Таверна была переполнена, так что Джарлакс подошёл прямо к бару и встретился взглядом с Даб'ней и Харбондейром. Выглядели они как-то странно.

Оба одновременно указали ему подбородком в сторону, и когда наёмник проследил за их знаком, улыбка покинула его лицо, сменившись изумлением — исключительный для этого дроу случай.

Поскольку там, в другом конце таверны, сидел Закнафейн.

Джарлакс взял себя в руки и взглянул на Даб'ней, подняв два пальца. Когда та кивнула, бродяга снова повернулся к старому другу, ещё раз собрался с духом и подошёл к нему.

- Так-так, оружейник возвращается, - поприветствовал его Джарлакс.

Зак не поднял взгляда, глядя в другую сторону.

- Надеюсь, один из двух заказанных тобой стаканов — для меня.

- Это если ты позволишь мне присоединиться.

- Как иронично, - отозвался мужчина, которого выгнали из Бреган Д'эрт.

Джарлакс присел.

- Сколько лет, - сказал он. - Сколько времени прошло, друг мой? Лет пять?

- Больше. Я был занят.

- Несомненно, обучал своего наследника. В академии уже ходят слухи о его талантах.

- Он мог бы победить тамошних мастеров, - констатировал факт Закнафейн.

- Я видел, как ты сражаешься. Я не сомневаюсь.

Подошла Даб'ней и поставила перед ними кружки. Она потрепала Зака по плечу и молча отошла, и Джарлаксу было очевидно, что они с Заком уже успели переговорить.

- Что привело тебя сюда?

- Мне не рады? - спросил Зак.

- Ещё как рады, разумеется. Выпивка за счёт заведения — до тех пор, пока оно принадлежит мне.

Наконец, Зак повернулся и посмотрел на Джарлакса прямо.

- Значит, мне можно сидеть за твоим столом, но нельзя служить в твоём отряде.

- Это было давно.

- Неужели я искупил свою вину? - был ответ, и как же Джарлакс скучал за этим сарказмом! Немногие из последователей Ллос смели прибегать к сарказму, поскольку сатиру легко можно было выдать за еретические высказывания. После целых поколений, живущих в подобном обществе, немногие дроу вообще задумывались об игре слов. Ещё меньше было тех, кто умел играть словами хорошо, и лишь Закнафейн когда-либо бросал вызов искусству Джарлакса по части истинной иронии.

- Я сижу здесь с тобой, в таверне, которой, как всем известно — хотя никто этого не признаёт — владею я сам, - ответил Джарлакс. - Это начало, не правда ли?

Зак поднял тост за эту мысль.

- Мне не помешало бы отвлечься, - признал оружейник.

- Тебе хватит простой информации?

- Значит, ответ нет.

- Ты уничтожил прислужницу, - откровенно сказал Джарлакс. - Ты знал, кто это, когда добивал её.

- Иначе она убила бы меня.

- Если таково было её суждение... - Джарлакс позволил своему голосу затихнуть.

- Пожимаешь плечами, - фыркнул Зак. - Неужели Джарлакс покоришься бы прихотям демона-йоклол? Будь в том коридоре ты, а не я, жрица была бы уничтожена.

Так в чём дело, Джарлак? Ты оставил бы руководство Бреган Д'эрт и принял бы свою судьбу?

- Вижу, ты плохо помнишь, насколько очаровательным я могу быть, - сказал бродяга и хитро улыбнулся. - Я переубедил бы прислужницу.

- Прекрати! - потребовал Зак.

Джарлак поднял руки, молча извиняясь за то, что шутит над такой тяжёлой ситуацией. В конце концов, это Зак, а не Джарлак расплачивался за случай в тоннелях.

- Посмотрим, что я смогу узнать, - пообещал Джарлак. - Я был бы безумно рад отменить события того дня, по крайней мере в том, что касается тебя. Так что я загляну в Бездну. Может быть, время исцелило эту рану — или приглушило пламя гнева, по крайней мере.

- А может быть, твоё любопытство раздует это пламя заново, - ответил Зак.

- Я буду хитёр.

Зак поднял ещё один тост — беспомощным и обречённым жестом.

- За хитрость.

- И другие сведения, - сказал Джарлак, подавшись вперёд. - У меня есть агенты в Мили-Магтир. Твой сын хорошо справляется. Его умения не остались незамеченными.

- Он хорошо справляется, - ответил Зак, - а это значит, что он внимает их проповедям. Так они работают. Они вырывают нору и толкают тебя внутрь, пока весь свет не останется далеко позади. Ты сам себе копаешь бездушную могилу — ложь за ложью, поступок за поступком.

- Ты избежал этой участи.

- Разве? Я сижу здесь, хоть и невольная — но всё-таки пешка.

- Я нашёл бы тебе жрицу для убийства, будь это в моих силах, - сказал Джарлак.

Зак резко поднял на него взгляд, затем рассмеялся. Он снова поднял кружку, на сей раз с определённым энтузиазмом и немалой благодарностью. В нужный момент хитрый Джарлак подобрал подходящую шутку, чтобы пробиться сквозь тёмные тучи на душе у Закнафейна.

- Мы снова отправимся на приключения вместе, - пообещал Джарлак как можно более убедительно. Но сам он в это не верил, и видел, что Зак не верит тоже.

Но оба должны были по крайней мере притвориться.

Без этого они оставались ни с чем.

- И это всё ради утоления твоей страсти? - спросила Закнафейна Даб'ней, лёжа в его объятиях однажды ночью несколько месяцев спустя. После визита Зака в «Сочащийся миконид» они возобновили свою связь — даже несмотря на то, что с тех пор Зак встречал Джарлакса всего пару раз и лишь мимоходом.

- Моя верховная мать — Мэлис До'Урден, - ответил он, провозглашая очевидное.

- Может быть, тебе наскучила единственная партнёрша.

- Несмотря на все её многочисленные недостатки, в делах плоти мать Мэлис едва ли можно назвать скучной, - ответил Зак. - Почему ты думаешь, что в наших с ней свиданиях участвует лишь одна партнёрша?

Даб'ней беспомощно рассмеялась.

- Репутация действительно её опережает.
- Её репутация не знает и половины.
- Но всё равно, - сказала Даб'ней уже серьёзно. - Зачем ты здесь? Что мы здесь делаем?

- Может быть, я пытаюсь вернуть расположение Ллос, чтобы снова присоединиться к Бреган Д'эрт, - ответил Зак. - А может быть, Даб'ней просто не может передо мной устоять.

Женщина закрыла глаза ещё прежде, чем Зак закончил шутку вторым предложением.

- Нет, правда, - сказала она. - Мы здесь, и да, я хочу быть здесь и вовсе не жалею! Но почему? Почему я здесь? Для меня риск...

Она замолчала, качая головой.

- Какой? Ты боишься потерять милость Паучьей Королевы, переспав с мужчиной, который победил прислужницу?

- Не признавай этого, - упрекнула его Даб'ней, отстраняясь. - Никогда не говори об этом — со мной или кем-то другим.

Зак убрал с неё руку и перекатился на спину, глядя вверх на нескольких светящихся червей, которых держала у себя в спальне Даб'ней. Они извивались и ползали по потолку, как будто пытались сложиться в буквы — а может быть, в слова или ответы. Одна лишь мысль об этом заставила Зака рассмеяться. Как будто ответ на великую дилемму Ллос можно было найти в простейших формах жизни!

Возможно, простота действительно служила противовесом от запутанных сетей главной ведьмы.

- Я не воспринимаю это, как риск, - тихо и спокойно сказала Даб'ней. Она тоже улеглась на спину и тяжело вздохнула. - Мне нечем рисковать, хотя я по-прежнему не понимаю, почему получаю божественные заклинания, оставаясь в немилости у Ллос.

- Может быть, потому что ты служишь её.

Даб'ней быстро перекатилась на бок, нахмурившись.

- Ты можешь даже не знать, - сказал Зак. - Да и знает ли кто-то из нас? Она Госпожа Хаоса — а кто среди детей Ллос создаёт хаос лучше Джарлакса?

Гримаса Даб'ней растворилась.

- Почему-то эта возможность кажется мне ещё хуже.

- Потому что это безвыходная западня.

Женщина снова вздохнула.

- Ты по-прежнему не ответил на мой первый вопрос. Зачем ты здесь?

- Зачем ты вообще спрашиваешь?

- Ты не любишь меня, Закнафейн. Ты не можешь. На самом деле, я знаю, что где-то в глубине своего сердца ты испытываешь отвращение.

- Война между нашими семьями закончилась целую вечность назад, - ответил Зак.

- И никто из нас всё равно не был тому причиной. Мы делали, что могли, чтобы выжить — как практически все в этом проклятом месте.

- Не из-за войны! - сказала Даб'ней. - Как ты можешь меня любить, раз я жрица той, кого ты отвергаешь и презираешь? *Жрица!* Несмотря на все мои промахи, я поклялась в верности Ллос.

Зак пожал плечами, прокручивая её слова у себя в голове. Он не мог отрицать правду, но эти факты ничего не значили. Он представил сражение между Бреган Д'эрт и домом До'Урден, которое привело бы его в помещение, где Даб'ней творила свои заклинания — он помнил, как штурмовал дом Де'Вир!

Но нет, оружейник не смог бы её убить. Даб'ней была жрицей Ллос, но только не в своём сердце — и не в сердце Зака.

- Мы здесь, потому что здесь мы в безопасности, потому что мы понимаем друг друга — наверное, даже лучше, чем самих себя, - сказал Зак.

- В дверь может ворваться толпа драуков и убить двух еретиков сразу, - ответила Даб'ней. Разве это безопасность?

- Эмоционально, - сказал Зак. Он перекатился на бок, чтобы посмотреть на неё, и нежно погладил её по мягкой щеке. - Мы здесь, потому что здесь нам не приходится лгать.

- О чём?

- Обо всем. Наверное, когда мы здесь, или когда работаем в команде Джарлакса, мы находим убежище от собственных жизней, целиком построенных на лжи.

Зак был рад тому, как жадно Даб'ней его слушала. Она внимала каждому слову оружейника. Для неё это было не менее важно, чем для него.

- Так они это и делают, да? - спросил он.

- Делают что?

- Впутывают нас в свои сети. Сделали тебя жрицей богини, которую ты не любишь.

Даб'ней пошевелила губами, пытаясь сформулировать ответ, но просто покачала головой, предлагая ему продолжать. Сейчас Знафейн импровизировал, рассуждал на ходу — это была уже не продуманная теория. Конечно, он часто размышлял на эту тему, но внезапно ему всё стало ясно.

- Они рассказывают ложь, и хотя мы не верим, они говорят о ненависти — к эльфам на поверхности, глубинным гномам или другому дому дроу — и хотя мы не соглашаемся, мы не смеем возражать, - сказал Зак. Он вспомнил свои собственные дни в Мили-Магтир и подумал о сыне, своём несчастном сыне, который сейчас там застрял. - Интересно, сколько дроу в толпе слушателей согласились бы с нами — но нет, мы не узнаем никогда. Потому что мы избрали единственный доступный путь, дорогу, которая ведёт прочь от изгнания и худшей судьбы.

- Дорогу к жизни драуком, - согласилась Даб'ней.

- Путь самосохранения. И поэтому мы киваем, иногда смеемся над их чудовищными жестокими шутками над теми, кого должны ненавидеть, и хотя мы не верим их лжи или даже считаем, что осознаём жестокость их шуток, угроз и яда, мы киваем, а в лучшем случае — молчим. Мы их соучастники. Мы последовали в вырытую ими крупица за крупичей яму и огрубели. Ложь и яд стали просто словами, которые ничего для нас не значат. Они копают глубже, лгут громче, ненавидят сильнее, и мы соглашаемся, и теперь меньшая ложь и яд в сравнении кажутся нам приемлемыми.

Даб'ней растеряно нахмурилась и покачала головой, и Заку показалось, что он её теряет.

Неважно. Сейчас он уже говорил с сам собой, а не с нею, наконец распутав самую страшную паутину.

- И мы тоже начинаем лгать и становимся соучастниками, - осознал он. - И дыра вокруг становится глубже, превращается в стены, из которых нам не спастись. А потом поступки — мы убиваем для них. Какого-нибудь гоблина, кобольда или другое мелкое существо. Что-то *меньшее*. Не личность. Неважно. Всё, что важно — мы нанесли удар в поддержку их обмана и продолжили соучастие.

Они лгут громче и ненавидят сильнее. Их ложь и ненависть и поступки становятся только хуже — это путь в одну сторону. Глубже. Мы зарываемся вместе с ними. Мы потерялись в их бездне.

Дыхание Даб'ней стало отрывистым. Закнафейну показалось, что женщина жалеет, что вообще задала ему этот простой вопрос.

- Теперь я всё понял, - закончил Зак. - Не могу поверить, что не понимал этого раньше. А может быть, просто не хотел признавать своего участия в этих злодеяниях.

От него не укрылось, как отстранилась Даб'ней. Зак посмотрел в её глаза, слегка покачал головой, пытаясь показать ей, что теперь всё стало ясно, и когда он высказался вслух, то почувствовал себя свободным. Таким свободным!

- Ты сказал, что хочешь вернуться в Бреган Д'эрт, - наконец произнесла Даб'ней.

Зак с любопытством взглянул на неё.

- С такими словами Джарлакс никогда не примет тебя обратно, - объяснила она. - Ему есть, что терять. Он слишком близок к силам, которые полностью уничтожат любого, посмевшего изречь такую ересь.

- Дело не в Джарлаксе, - ответил Зак. - Дело в нас. Нас двоих. Поэтому мы здесь, в этом месте, в объятиях друг друга. Такова правда, и здесь, в этом месте, мы свободны. Разве ты не видишь?

Даб'ней долго размышляла, потом слабо кивнула, и Зак не знал, верит ли ей.

Но промолчал, только перекатился обратно на спину и поднёс руку к глазам, не желая снова созерцать светящихся червей. Через какое-то время Даб'ней прижалась к нему и оба задремали.

В последующие годы они будут часто встречаться, но Закнафейн больше никогда не заговорит с ней об этом. В конце концов он поймёт, что его изречение правды лишило Даб'ней покоя, и они начнут встречаться всё реже и реже.

- Не делай этого, - сказала Даб'ней Джарлаксу, застав наёмника врасплох.

- Полтора десятка лет, - возразил тот, ведь именно столько прошло после боя Закнафейна с йоклол. - Это было давно.

- Давно для гоблина, но не так давно для нас, а для прислужницы — всего лишь мгновение, - ответила Даб'ней. - Я знаю, что ты скучаешь. Я тоже, но он того не стоит.

- Я думал, тебя обрадуют новости о том, что я обдумываю его возвращение.

- Я рада. Но я прекрасно понимаю, почему он может быть в Бреган Д'эрт. А ты, как будто, нет. Почему сейчас?

- Потому что его сын заканчивает своё обучение в Мили-Магтир, и по свидетельствам очевидцев юный Дзирт обзавёлся грозной репутацией.

- Ты думаешь, что мать Мэлис готова расстаться со своим любовником, - поняла Даб'ней.

- В нём уже не будет такой нужды. Она захочет как можно раньше сделать оружейником сына.

- Она захочет обоих, рассчитывая захватить место в правящем совете, - напрямик заявила Даб'ней.

Джарлакс пожал плечами.

- Его не выгонят из дома До'Урден, но Закнафейн будет уже не так занят.

- Не делай этого, - повторила Даб'ней. - Ты не понимаешь. Он неисправим. В глазах Ллос Закнафейну нет искупления, и неважно, забыла ли её прислужница про тот инцидент. Ме нелегко об этом говорить, и я бы хотела, чтобы всё было иначе — всей душой! Но Закнафейн навлечёт на нас гнев высочайшего порядка. Ты не сумеешь его контролировать, а он никогда не примет Ллос и её эдикты.

- Киммуриэль такой же, но он стал важной частью нашей работы, - возразил Джарлакс.

- Мы чего-то не знаем про дом Облодра, учитывая их отношения с Паучьей Королевой, - возразила Даб'ней. - Кто знает, что у них на уме на самом деле? Мы лишь видим, что мать К'йорл Одран занимает третье место в совете. И можем смело предположить, что Ллос дала ей своё благословение. Но не Заку. Закнафейн никогда его не получит, и даже хуже — не примет.

Джарлакс откинулся на спинку стула и с головы до ног смерил жрицу взглядом.

- В чём дело? Размолвка любовников?

Даб'ней рассмеялась над абсурдным предположением.

- Дело в том, что я наслаждаюсь покоем своего убежища в Бреган Д'эрт и хочу сохранить отряд, - искренне отозвалась она. - Закнафейн раскрыл мне душу, и эта душа никогда не примет Ллос...

- То же самое можно сказать про многих моих подчинённых, - вмешался Джарлакс, но Даб'ней продолжала.

- Он никогда не примет Ллос, - повторила она, - и не простит тех, кто принимает. Если моих наблюдений для тебя недостаточно, проверь сам, Джарлакс. Ты выживаешь благодаря информации, и то, о чём я говорю, любая жрица может подтвердить с помощью магии. Наверняка ты знаешь многих, кто готов оказать тебе такую услугу.

С этими словами Даб'ней ушла, высказав всё, что хотела. И уходя, жрица уже обдумывала, куда будет бежать, если Джарлакс действительно примет Закнафейна обратно в отряд. Предаст ли она любовника? Предаст ли она Джарлакса, благодаря которому её пощадили после поражения дома Тр'арах?

- Да, - ответила себе женщина, не успев даже покинуть Клорифту.

Она ненавидела себя за этот ответ, за одну лишь мысль, но Даб'ней в первую очередь была той, кто выживает.

Должна была быть.

Жрица знала, что ждёт её после смерти, и не готова была повстречаться с Демонической Королевой и её двором.

Пока не готова.

ГЛАВА 20

Ход лет

- Вытащи его, - умоляла Джарлакса Даб'ней. - Забери его оттуда. Дзирт вернулся к матери Мэлис — она расстанется с Заком за достаточную сумму.

- Каких-то два десятка дней тому назад ты сказала мне, что Закнафейн счастливее, чем когда-либо прежде, - возразил Джарлакс, которого застала врасплох подобная просьба. - Его сын, его протеже, с почестями вернулся из академии. Ходят слухи, что он превзойдёт умением даже отца.

- А теперь он в ступоре, - сказала Даб'ней. - Он узнал, что Дзирт дроу, настоящий дроу, омытый в крови *дартиир*.

Джарлакс тяжело вздохнул, качая головой. *Дартиир*. Эльф. Подробности похода на поверхность уже стали известны публике.

Год только начался — 1329 по Летосчислению Долин, год Потерянного Шлема, но уже был насыщеннее, чем всё последнее десятилетие.

Как это часто бывало со сплетнями и слухами в Мензоберранзане за последние годы, центром этого вихря был Д'армон Н'а'шезбернон, дом До'Урден, девятый дом Мензоберранзана. Дзирт, драгоценный сын матери Мэлис, вернулся домой, завершив обучение в Мили-Магтир. Никто, а тем более Джарлакс, не удивился, что Дзирт, сын Закнафейна, был лучшим в своём классе и уже сравнивался с отцом, считавшимся одним из трёх лучших оружейников Мензоберранзана — если не лучшим.

Слышал Джарлакс и множество других слухов. Поэтому он попросил Даб'ней участить её свидания с Закнафейном, которые в последнее время пошли на спад.

- Набег, - объяснила Даб'ней, и Джарлакс изобразил удивление — всегда стоит выслушать разные рассказы об одних и тех же событиях, и лучше, если источник считает, что для слушателя это новости.

- Дайнин До'Урден повёл боевой отряд на поверхность, и там они застали эльфов за их фривольными играми, в точности как предсказывала мать Бэнр, - объяснила Даб'ней.

- Уверен, Дайнин хорошо справился, - сказал Джарлакс, изображая незнание, притворяясь, что не слышал про экспедицию и её успешное завершение, принесшее славу обоим сыновьям До'Урденов. В глазах правящего совета и в глазах Паучьей Королевы успех был абсолютным.

Для Джарлакса это было ещё одно зверство за тысячелетие зверств, ещё одна напрасная трата жизней и энергии ради эфемерных целей, которых он никогда не понимал. Зачем убивать кого-то, если ты можешь что-то ему продать? Или узнать у него что-нибудь?

- Дом До'Урден купается в милости Паучьей Королевы, - сказала Даб'ней. - А Закнафейна никогда не радовала такая милость.

- Справедливо, - признал Джарлакс, ведь с подобной оценкой нельзя было поспорить. Оружейник, в конце концов, всегда наслаждался убийством жриц Ллос.

- А теперь божественным расположением пользуется его сын, - продолжала Даб'ней. - Судя по всему, в этом отношении Дзирт не пошёл в отца. Скорее, в свою фанатичку-мать. Его клинки обагрились кровью, и я не слышала слов раскаяния.

- Зак не обрадуется, - сказал Джарлакс, обращаясь скорее к себе, чем к собеседнице. Даб'ней кивнула. - И ты считаешь, что мать Мэлис захочет повысить Дзирта до звания оружейника и избавиться от Закнафейна?

- Если нет, то для Зака или для Дзирта это добром не кончится. Я уверена.

Какое-то время Джарлакс размышлял над её словами, снова не в силах что-либо возразить. Когда Даб'ней заявила, что Зак впал в ступор, Джарлакс решил, что она преувеличивает — он веками наблюдал за оружейником в лучшие и худшие моменты его жизни, и в последнее время тот стал более уравновешенным, полным решимости отыскать хотя бы то небольшое умиротворение, что было ему доступно, в своём учении и тренировках.

И надеждах на сына.

Разумеется, Джарлакс знал о набеге на поверхность больше, чем Даб'ней, и скорее всего — больше, чем Закнафейн. Без ведома Зака, но не только из праздного интереса, Джарлакс поместил в ту экспедицию разведчика из своего отряда: Нава Райана Дирра.

Джарлакс знал всё о подвигах Дайнина.

Джарлакс знал, что Дзирт убил беспомощного эльфийского ребёнка.

Судя по всему, Зак знал тоже.

- Возвращайся к нему этой ночью, - приказал Джарлакс. - Встречайся с ним чаще — столько ночей, сколько сможешь. Утешь его. Отвлеки.

- Я не хочу следить за Закнафейном.

- Любая слежка, любые сведения, которые ты приносишь мне — ради его пользы, а не моей, - сказал ей Джарлакс. - Однажды, давным-давно, Закнафейн Симфрей пощадил тебя. Теперь ты можешь вернуть этот долг и утешить мужчину, которого ты только что описала как «в ступоре».

Дабней какое-то время размышляла, потом кивнула.

- Так скоро? - спросил у Беньяго Джарлакс, когда Бэнр сообщил ему, что Дайнин и Дзирт снова вошли в состав боевого отряда, всего через несколько месяцев после того набеге. На сей раз они охотились за группой осмелевших свирфнеблинов, которые подошли к Мензоберранзану слишком близко для спокойствия правящего совета.

Джарлакс покачал головой и тяжело вздохнул. Наёмник предпочитал не озвучивать свои многочисленные мысли. Цель этого нового набеге вернула его в тот день более пятнадцати лет назад, к его последнему великому приключению с Заком.

Джарлакс фыркнул — наполовину храп, наполовину смех. Беспомощный смех. Теперь сын Зака может убить того самого глубинного гнома, ради спасения которого так сильно рисковали Джарлакс, Закнафейн и Киммуриэль.

Иногда Джарлаксу казалось, что в жизни ничего не имеет значения. По большей части он был оптимистом — достаточно было лишь взглянуть на всё им пережитое! Но в такие моменты, когда он мог лишь вздохнуть, причина всегда была в одном и том же: Ллос, огромный меч, нависший над головой каждого дроу в Мензоберранзане и соседнем Чед Насаде. Джарлакс часто представлял себе, каким может быть город дроу без влияния богини.

Он надеялся, что проживёт достаточно долго, чтобы узнать — разумеется, надеялся молча.

Он вернулся к насущному вопросу. Эта новая миссия не улучшит настроения Зака, и если верить Даб'ней, настроение Зака вообще почти не улучшилось с того дня, когда он пришёл к ней, узнав об убийстве Дзиртом эльфа с поверхности. Однако, хотя настрой оружейника и не улучшился, он изменился — если верить Даб'ней. Она больше не говорила про ступор.

Теперь она говорила о кипении, ведущем ко взрыву.

Джарлакс выругал себя за то, что не принял совет Даб'ней и не попытался выкупить Закнафейна у дома До'Урден.

- Удивлён, что мать Мэлис так разбрасывается своими сыновьями, - сказал Джарлакс. - Глубинные гномы — серьёзный противник. Победа, скорее всего, дорого обойдётся.

- Она может потерять Дайнина, но судя по всему, считает, что младший сын под защитой самой Паучьей Королевы, - ответил Беньяго. - Конечно, молодой Дзирт — лучший воин, которого выпустила Мили-Магтир, но это ничего не значит, если не подтвердить подобное звание в битвах. Мой кузен Дантраг был в классе не первым. Ему потребовались десятки лет, проведённых в поединках — множестве поединков — прежде чем его истинное умение смогло раскрыться. Утегенталь Армго был огромным зверем, конечно, и побеждал других студентов, но многие считали, что ему не пережить первые годы после Мили-Магтир. Были и другие воители, которые казались многообещающими — а затем погибли.

- В том-то все и дело, - сказал Джарлакс. - Эти первые месяцы и годы после академии чаще всего самые опасные. Да, они могут построить великолепную репутацию, но оружейник умирает в битве обычно тогда, когда он очень молод, или тогда, когда становится медленным и старым. Так или иначе, это всегда происходит в его последний год, правда?

Беньяго хмыкнул.

- Мать Мэлис слишком многое поставила на Дзирта, - объяснил Джарлакс. - Он её второй оружейник — они с отцом стали огромным преимуществом в её стремлении занять место в правящем совете. Скорее всего, она и так пользуется расположением Ллос после успешного набега на поверхность, а потому меня удивляет, что она снова рискует ими, особенно Дзиртом, причём так скоро.

- Удивляет? - ехидно переспросил Беньяго.

- Интригует, - поправился Джарлакс.

- Ты подозреваешь, что она замышляет следующий ход? - спросил Беньяго. - Может быть, она жаждет довести до крещендо благосклонность Ллос, чтобы получить необходимую поддержку своих амбиций.

Джарлакс ухмыльнулся и наклонил голову, оценивая своего солдата Брегана Д'эрт.

- Значит, ты решил заняться слежкой для дома Бэнр? - ехидно спросил он.

Беньяго пожал плечами, ничего не отрицая.

- Верховная мать Бэнр позволяет мне работать на тебя за определённую цену, - напомнил он. - И платим её мы оба.

- Я ничего не слышал, но меня это не удивляет.

- Ты когда-нибудь видел, чтобы мать Мэлис так затихала перед тем, как что-либо предпринять?

- Я никогда не видел, чтобы мать Мэлис нападала на правящий дом, - ответил Джарлак. - Ни один из домов ниже До'Урденов не представляет для них угрозы, тем более сейчас, когда дом Ханцрин по-прежнему не может собраться с силами. Если мать Мэлис замышляет войну, то эта война приведёт её в совет. Не думаю, что она выдаст подобные планы, нет. Те восемь верховных матерей, которые превосходят её, часто собираются вместе. Кто знает, какие между ними связи? Кто знает, какие союзы? Не сомневаюсь, что мать Мэлис планирует следующий ход, но не уверен, что она знает, против кого будет воевать. Думаю, что она объявит об этом во время следующего разговора с верховной матерью Бэнр, надеясь получить совет, какой из восьми домов обойдётся ей меньшей кровью.

Беньяго не был маленьким ребёнком и уж точно не был изнежен роскошью своего дома. Конечно же, он понимал подобную аргументацию.

- Ты сам сказал, - продолжил Джарлак. - Она наращивает музыку, расположение Ллос. Год будет полон событий.

- Наверняка, - ответил Беньяго с ухмылкой, которую Джарлак не сумел расшифровать.

- Рассказывай, - приказал он.

- Может быть, дом До'Урден пользуется не таким большим расположением Ллос, как считает мать Мэлис, - сказал он. - И может быть, первый ход в событиях грядущих месяцев сделает другой дом.

- Что тебе известно? - потребовал Джарлак, пытаясь не выдать, как удивили его эти новости.

- Меньше, чем ты думаешь, но больше, чем я могу рассказать, - ответил Беньяго.

На это Джарлаку было нечего ответить — и больше нечего спрашивать. Беньяго был солдатом в его отряде, но в конце концов, он также был Бэнром.

В скором времени Джарлак получил ещё один кусочек странной головоломки, когда к нему снова пришла Даб'ней — на сей раз чтобы сообщить про очередную перемену в настроении Зака.

- Счастлив? - недоверчиво спросил Джарлак после того, как жрица доложила о резких изменениях в оружейнике.

- Я никогда не видела его таким счастливым.

Джарлак попытался найти какую-то причину такого неожиданного поворота. Когда к нему пришла Даб'ней, он почти ожидал услышать, что Зак убил сына. Или что оружейник сбежал из дома До'Урден и из самого города.

Но нет, оружейник по-прежнему был здесь, а Дзирт по-прежнему был жив, сражаясь с вызванными свирфнеблинами элементами в коридорах Подземья — или участвовал в любом другом приключении, на которое Мэлис отправила своих сыновей.

Неужели новости об этическом падении Дзирта полностью сломали его друга? Неужели Закнафейн просто сошёл с ума?

- Он хотя бы намекнул тебе на причину? - спросил Джарлак.

- Только сказал, что он больше не один, - ответила жрица. - Он нашёл союзника и друга.

- Кого?

Даб'ней пожала плечами и беспомощно подняла руки.

Джарлакс вернулся мыслями к разговору с Беньяго. Кусочки почти сложились, но Джарлакс знал, что что-то упускает. Что-то важное.

Что-то, что скорее всего приведёт к смерти нескольких дроу.

Джарлакс опустил лицо в ладони, качая головой. С одной стороны он жалел, что любопытство привело его в покои Триль Бэнр. Джарлакс терпеть не мог приходить сюда — Триль входила в число самых опасных и хитрых жриц дроу, с которыми он вёл дела. Она была очень низкорослой, меньше пяти футов, ниже большинства мужчин, и может быть по этой причине всегда вела себя так, будто хотела доминировать над любым собеседником. С мощью дома Бэнр за её спиной и её собственной огромной божественной силой жрица обычно добивалась в этом успеха.

- Ты, конечно, знаешь, что сделает мать Мэлис, - сказала Триль просто ради того, чтобы повернуть кинжал в ране и причинить новую боль. Триль только что сообщила Джарлаксу о предательстве Дзирта, о его трусости во время набега на клан *дартиир*.

- Мать Мэлис знает?

- Знает. У неё была неприятная встреча с прислужницей, и там она узнала, что Д'армон Н'а'шезбернон потерял расположение Ллос. Мать Мэлис не дура, должна отдать ей должное. Она искала и искала усердно, и нашла правду. Её драгоценный сын не стал убивать эльфийского ребёнка. Как раз напротив. Он покрыл ребёнка кровью матери и спас его от клинков своих товарищей. Невероятное коварство!

- Трусость, как ты и сказала, - быстро добавил Джарлакс, пытаясь повлиять на мнение этой весьма влиятельной жрицы. Если Дзирт потерпел неудачу из-за трусости, его накажут, но трусость можно исправить.

А вот богохульство нет.

- Оружейник, твой друг и временный подчинённый, тоже знает правду, - сказала ему Триль.

Джарлакса это не удивило — кусочки стали складываться, прекрасно объясняя драматические перемены, которые по рассказам Даб'ней происходили с настроением Закнафейна.

- Дзирт сказал ему, - продолжала Триль. - А у матери Мэлис есть незримые уши.

Незримые уши — фраза, которую жрицы частенько приберегали для Ллос и её прислужниц. «Будешь плохо себя вести», с младых лет учили каждого дроу, «и госпожа Ллос всё узнает. Её уши повсюду вокруг тебя, незримые, прислушиваются к твоим поступкам».

Мэлис магически следила за Дзиртом и Заком.

- Доказательства слабы, - сказал Джарлакс, зная, что хватается за соломинку. Но он должен был что-то предпринять. Должен был попытаться. - Может быть, Дзирт просто сказал оружейнику то, что Закнафейн хотел услышать.

- Недовольство Ллос коснулось девятого дома ещё до того, как второй сын рассказал оружейнику, - напонила ему Триль, и Джарлакс не успел отыскать пространство для манёвра в виде какой-нибудь безумной теории, которую мог бы придумать, чтобы направить её мысли по другому пути.

- Недовольство было вызвано не словами Дзирта, а его поступками во время набега.

Нескрываемое злорадство Триль заставило Джарлакса скрежетать зубами.

- Ты, конечно, знаешь, что сделает мать Мэлис, - повторила она, открыто усмехаясь — больше из-за волнения Джарлакса, чем из-за чувств, которые могла испытывать по поводу Дзирта, Закнафейна или дома До'Урден. Для неё, для всех них, это было просто игрой, и теперь она играла, чтобы сделать Джарлаксу больно.

И нескрываемо наслаждалась.

Джарлакс знал, что сделает Мэлис, что она должна сделать. Она принесёт Дзирта в жертву Ллос. Как бы она ни ценила многообещающего второго сына, каким бы ценным он ни был, от этого не будет никакой пользы — как раз напротив — до тех пор, пока Мэлис и её семья остаются в немилости.

Один из домов ниже дома До'Урден мог воспользоваться этим для восхождения, а более вероятно — и более разрушительно для До'Урден — любой из восьми правящих домов, считающий девятый дом угрозой, мог окончательно от этой угрозы избавиться.

Джарлакс мысленно разыграл возможное развитие событий. На Дзирте ничего не закончится, понял он. Мэлис избавится от мальчика, хотя не хочет этого, а потом Мэлис придётся разобраться с дроу, которому Дзирт рассказал о своём преступлении, с дроу, который не пришёл к ней с новостями о признании Дзирта.

Перепады настроения Закнафейна заставили всё встать на место.

Зак тоже был обречён. Не сразу, разумеется. Злобная Мэлис сначала заставит его испытать боль от потери Дзирта — может быть, даже даст Закнафейну какой-нибудь шанс на искупление, ведь его клинки пригодятся ей в будущих войнах.

Но Джарлакс знал, что Зак своим шансом не воспользуется.

Он задумался, не сумеет ли как-то вытащить Закнафейна, а может быть, даже вырвать Дзирта из хватки Мэлис.

Но немедленно отказался от этой идеи, в особенности с учётом того, с какой женщиной он сейчас находился. Бэнры знали правду. Сама верховная мать знала правду.

Сейчас Джарлакс и Бреган Д'эрт не смогут даже близко подобраться к Заку или Дзирту, и сейчас — единственное время, которое у них, по крайней мере у Дзирта, осталось.

- Тебе не очень-то нравятся брошенные кости, - заметила Триль, вырвав его из задумчивости.

- Всё происшествие кажется мне печальным и достойным сожаления, - признался он. - Ужасная растрата огромного таланта и потенциала.

- Ну разумеется, - согласилась первая жрица. - А что делает Джарлакс, когда ему не нравится бросок, но он не может изменить числа? Как Джарлакс уменьшает свои потери?

- Мои потери?

Триль рассмеялась.

Джарлакс никогда не чувствовал себя таким обнажённым.

- Что делает Джарлакс? - повторила она.

Наёмник просто посмотрел на неё.

- Ты не заешь, - сказала Триль. - Моё сердце радуется при виде растерянного Джарлакса. Вот, я расскажу тебе ещё кое-что: я думаю, что сегодня — та самая ночь.

На этом она замолчала, и Джарлаксу пришлось специально сдерживаться, чтобы не податься вперёд.

- Почему?

- У меня много дел и много молитв, - был ответ, сказанный со злобной усмешкой.

- Я здесь надолго. Ты знаешь дорогу, так что, прошу, приди и скажи мне, что ты собираешься делать. На самом деле, я даже настаиваю.

Затем Джарлакс покинул дом Бэнр, направляясь в Клорифту и к дому Облодра, решив, что в это отчаянное время Киммуриэль способен помочь ему лучше во всём разобраться. Однако он передумал и вместо этого пошёл в «Сочащийся миконид», и вскоре оказался в комнате на втором этаже таверны, за столом напротив Даб'ней Тр'арах.

Женщина терпеливо ждала, пока Джарлакс не расскажет, зачем призвал её. Джарлакс ясно видел это, но не знал, сколько нужно ей рассказать.

- Дзирт До'Урден не убивал эльфийского ребёнка, - наконец сказал наёмник. - Он защитил девочку.

Даб'ней громко охнула.

- Мэли... мать Мэлис знает, - продолжал Джарлакс. - И знает, что Закнафейн знает.

- Закнафейн знает?

- А почему он повеселел, как ты думаешь?

Но Джарлакс даже не успел задать этот вопрос, как Даб'ней уже вздохнула из-за наивности собственного вопроса, который казался просто нелепым перед лицом этих доказательств.

Джарлакс встал и начал расхаживать из стороны в сторону.

- Что сделает мать Мэлис? - спросил он не только у Даб'ней, но и у самого себя.

- Отдаст Дзирта Паучьей Королеве на кончике своего жертвенного ножа, - немедленно отозвалась Даб'ней. - Какая верховная мать поступила бы иначе?

- Но что делает Зак?

Даб'ней подняла руки.

- А что всегда делает Зак? Он будет сражаться и получать удовольствие от убийства каждой жрицы в доме До'Ур...

- Нет, - прервал её Джарлакс. - Нет. Мэлис знает его лучше, чем любой из нас.

- Мать Мэлис, - поправила Даб'ней, но Джарлакс лишь отмахнулся.

- Она лучше любого из нас знает, насколько Зак опасен. Ему не дадут шанса. Его загонят в угол и поймают.

- Она убьёт и его, - в ужасе прошептала Даб'ней.

- В конце концов. Сначала она заставит его пережить потерю Дзирта. Она обвинит в этом самого Зака, повесив на него груз вины. Таковы её злые привычки — как у любой из них.

Он посмотрел на Даб'ней, ожидая упрёка, но той было нечего сказать.

- Она обвинит Закнафейна в немилости Ллос, чтобы сделать хуже! - с жаром сказал Джарлакс, и собственные слова заставили его застыть на месте.

- Немилость Ллос, - снова прошептал он.

- Куда ты? - спросила Даб'ней, когда Джарлакс устремился к двери.

- Разыграть брошенные кости.

В его ответе, как и в его сердце, не было никакой бравады. Ничего хорошего из этого не выйдет, но может быть, только может быть, он нашёл наименее худший вариант.

Он снова посетил первую жрицу Триль Бэнр.

- Ты прерываешь мои молитвы, - недовольно поприветствовала его крохотная женщина.

- Не притворяйся, что это не приносит тебе больше удовольствия, чем любая молитва, - ответил Джарлак.

Триль рассмеялась, и её смех был полон радости, злобной и коварной радости.

- Дом До'Урден заслужил немилость Ллос не из-за поступка Дзирта, - сказал Джарлак, вызвав любопытный взгляд жрицы.

- Закнафейн тоже оступился — несколько лет назад, в тоннелях за городом.

Выражение Триль не изменилось.

- Подробности не имеют значения, - добавил Джарлак. - Скажи мне только вот что: утихнет ли гнев Ллос, если мать Мэлис принесёт только одну жертву?

- Если она принесёт в жертву оружейника вместо второго сына?

- Можешь узнать ответ?

- Ты просишь меня убедить мать Мэлис принести в жертву твоего друга, Джарлак?

- Нет! - рефлекторно отозвался он, борясь с отвращением. - Я спрашиваю, хватит ли этого.

- Чтобы второй сын был спасён и мог искупить свой проступок?

Я бы так не сказал, подумал Джарлак, но не произнёс вслух. Всё равно это было неважно, поскольку Триль наверняка понимала, что её собственная версия и «искупление» никогда не совпадут с тем, как видит мир Джарлак.

В следующую секунду Триль снова рассмеялась.

- Понятно, - ответила она. - Ты боишься, что мать Мэлис убьёт их обоих.

- Это неважно, - признался Джарлак. - Я хорошо знаю Закнафейна До'Урдена. Когда мать Мэлис отдаст второго сына Ллос, его это уничтожит, и он станет с ней сражаться.

- Разве ты не понимаешь, что я могу наслаждаться таким спектаклем?

- Я прошу тебя оказать мне услугу, - объяснил Джарлак. - Я буду у тебя в долгу и отплачу тебе многократно.

- Для тебя это важно, - заметила Триль.

- А для тебя — выгодно.

- Назови свою услугу, но если я найду твою просьбу богохульной — тогда берегись.

- Передай матери Мэлис, что достаточно будет принести в жертву только Закнафейна, чтобы развеять нависшие над домом До'Урден тучи. Если это правда, разумеется. Если этой жертвы хватит для прощения.

- Я могу легко узнать у прислужницы, - ответила Триль.

- Ты знаешь о проступке Закнафейна?

- Я постоянно разговариваю с прислужницами, глупец, - сказала Триль. - Конечно, знаю. Конечно же, мы все знаем.

- Тогда мы были в тоннелях на службе верховной матери Бэнр, - почувствовал необходимость напомнить ей Джарлакс.

- И это единственная причина, по которой Закнафейн пережил последствия своих действий.

Джарлакс заткнулся, стиснул зубы. Они всё знали. Они всегда всё знали. Они видели падение, они ожидали падение, они наслаждались падением.

Он хотел проткнуть Триль глаз — прямо здесь и сейчас. Он понял, что чувствует себя как Закнафейн, и впервые смог по-настоящему оценить беспощадную ярость своего друга.

- Иди домой, Джарлакс, - сказала ему Триль. - Иди в свою таверну или в Клорифту, и больше ничего не предпринимай сегодня ночью или в грядущие дни. Вообще не предпринимай ничего по этому поводу. Это не совет — это моё предупреждение, и в нём нет никакого подвоха.

Прогулка по городу была ужасной и долгой. Он выбрал Клорифту, а не «Сочащийся миконид». Он не хотел разговаривать с Даб'ней или Киммуриэлем. Не вообще не хотел разговаривать. Кости бросили за него, и он сделал свой ход.

Он попытался представить сцену, развернувшуюся во дворце До'Урден в Западной стене города. Мэлис скажет Закнафейну, что Дзирт обречён, и Зак ничего не сможет сделать — оружейник будет абсолютно беспомощен.

Заку останется только один выход, и Джарлакс был уверен, что оружейник им воспользуется.

Он предложит себя вместо сына.

Всё должно было случиться так и только так.

Множество раз за свою долгую прогулку Джарлакс обдумывал альтернативные пути, которые мог избрать. Он мог напасть на дом До'Урден с Бреган Д'эрт и вытащить Зака вместе с сыном!

Но нет, разумеется не мог.

Если его не раздавит Мэлис — значит, раздавят Бэнры. Они уничтожат его, Зака, Дзирта, всё чего добился Джарлакс со своим наёмным отрядом. Вмешиваться в это дело — значило открыто пойти против Ллос.

Он больше ничего не мог сделать.

Он чувствовал себя поистине беспомощным, но знал, что его дорогой Зак вскоре познает беспомощность и отчаяние, подобных которым Джарлакс никогда не испытывал.

Это случилось той же ночью, как и предсказывала Триль, и произошло так, как и думал Джарлакс, не считая того, что наёмник не знал про отсутствие Дзирта До'Урдена в доме До'Урден. Дзирт сводил счёты в городе.

Триль выполнила своё обещание, и Мэлис приняла предложение Закнафейна.

Друг Джарлакс был мёртв, его отдали Ллос, которую оружейник ненавидел больше всех прочих.

Джарлакс мог лишь надеяться, что Закнафейн отправился в могилу с надеждой на то, что его поступок спасёт сына.

Однако Закнафейн не знал, а Джарлакс лишь на следующий день обнаружил, что Дзирт ушёл — из дома До'Урден и из самого Мензоберранзана.

Судя по докладам, которые получил Джарлакс, юный глупец, разъярённый гибелью Закнафейна, проклял свою верховную мать и сбежал в дебри Подземья.

Это оставило наёмника в смятении размышлять, не следует ли ему отправиться на помощь Дзирту.

Но вскоре Дзирта публично объявили отступником, снова оставляя Джарлакса беспомощным.

Однажды ночью он сидел на крыше «Сочащегося миконида», глядя в сторону северного выхода из Мензоберранзана, размышляя о сыне Зака, истинном мастере клинка, о юноше, так сильно похожем на отца.

Джарлакса утешало, что Зак сумел воспитать сына по собственному образу и подобию, какая бы судьба не ждала Дзирта снаружи (а Джарлакс считал, что его ждёт ранняя смерть).

Ведь Дзирт сделал то, что всегда хотел сделать Зак. Дзирт увидел испорченность, злобу, омерзительную тяжесть эдиктов Ллос, и Дзирт отвергнул их более полно, чем хватило храбрости Закнафейну, более полно, чем когда-либо хватало храбрости у Джарлакса.

- Будь свободен, Дзирт До'Урден, - прошептал Джарлакс в мензоберранзанскую ночь. - Найди с чистым сердцем свой путь и умри с благородством, не изменяя себе. Сделай то, чего никогда не мог твой отец.

Удовлетворённый, Джарлакс встал и повернулся к двери, беззвучно добавив признание, отягчавшее каждый его шаг:

- То, на что я сам так и не осмелился.

ЧАСТЬ 4

Без середины

Я пуст.

Я считаю, что мне вручили великий дар — снова вернуться к жизни, в мир, полный обнадёживающих и зловещих перемен — и я чувствую, что могу что-то изменить в отношении последних.

На первый взгляд, это всё, чего я желал. Это открытый поединок с Ллос и её злыми слугами, шанс дать сдачи за все страдания, пережитые в руках Ллос мной и моим народом, и даже целым миром.

Но я пуст.

В последние мгновения прошлой жизни я отдал себя, чтобы мой сын мог жить. Такова была сделка, и другая сторона сдержала своё слово, пускай даже лишь потому, что Мэлис не сумела убить Дзирта. Из-за этой сделки Дзирт прожил хорошую жизнь, в которой нашёл лучший путь, нашёл спасение.

Он нашёл любовь.

Всё это должно облегчить мою душу, но как? Я отдал жизнь за Дзирта, а теперь моя сделка отменилась — в обе стороны, хотя для меня прошло всего несколько месяцев, а не долгие века. Я жив, а Дзирта больше нет — и теперь я не знаю, хочу ли вообще жить!

Знаю, что нельзя так думать, особенно теперь. Я напитаю свою скорбь гневом и решимостью — гневом из-за потери и решимостью выполнить для отпрыска Дзирта то, что я не смог пообещать сыну... или моей потерянной дочери.

Ребёнок Дзирта будет расти в объятиях и заботе любящей матери, в окружении множества достойных, чудесных друзей.

Если он или она сумеет пережить эту битву в месте под названием Гонтлгрим.

Ребёнок уцелеет.

Даже если мне придётся убить каждого демона, каждого дроу, каждого врага во всём мире, этот ребёнок уцелеет.

Я обещаю тебе, мой потерянный сын Дзирт.

И тебе, моя потерянная дочь Вирна.

Жаль, что я не смог быть для вас лучшим отцом.

— Закнафейн До'Урден

ГЛАВА 21

Опасность и радость

*Год Возрождения Дварфийского Рода
1488 по Летосчислению Долин*

- Захватчики неуязвимы? - спросил у Ивоннель брат Афафренфер. Он застал её в одиночестве, когда пытался лучше узнать о том, как закончил свои дни Дзирт.

- Практически, - ответила женщина-дроу. - Дварфы сбросили одного в разлом с огненным предтечей. Я не знаю, уничтожен ли он, но с тех пор уже прошло какое-то время, и захватчика они больше не видели. Мы уверены, что этот был нацелен на Закнафейна, а Зак остаётся внутри комплекса. Будь захватчик жив, он попытался бы вылезти.

- Значит, его уничтожили?

- Я так думаю.

- А тот, что гнался за Дзиртом? Мог ли Дзирт его уничтожить?

Женщина покачала головой, но ответила:

- Всё может быть. Но где тогда Дзирт?

- Ты считаешь, что он погиб или оказался в Бездне вместе с големом.

- Это кажется наиболее вероятным, - Ивоннель чуть наклонила голову, изучая монаха. - К чему ты ведёшь, монах?

Настала очередь Афафренфера качать головой.

- Не знаю. Но я должен отыскать то место.

- Терновый Оплот?

- Предполагаемое место последней битвы Дзирта, да.

- Путь туда долгий, - ответила Ивоннель. - Несколько сотен миль, наверное, и самая первая сотня будет самой сложной.

- Проведи меня мимо демонов и дроу на поверхности, молю тебя.

- Расскажи, зачем.

- Не знаю, поймёшь ли ты.

- Брат, моя память тянется на тысячелетия, к самому основанию Мензоберранзана, - объяснила дроу. - Я бывала в Бездне и Девяти Адах. Я ходила по Тартару и сражалась с целестиялами. Я — перевоплощение всех знаний и опыта верховной матери Ивоннель Вечной, воспоминания которой даровал мне иллитид, когда я была ещё в утробе матери. И совсем недавно я сама нанесла поражение и уничтожила телесную форму Демогоргона.

Я многого не понимаю в мультивселенной — в конце концов, это место практически бесконечно — но заверяю тебя, что могу рассказать больше непонятного для *тебя*, чем тот вопрос, который мы сейчас обсуждаем. Ты просишь у меня о помощи, и будучи другом этих дварфов и мужчины, которого ты ищешь, я помогу тебе — как только ты убедишь меня, что заслуживаешь того, и что мои усилия принесут какие-то плоды.

Брат Афафренфер на время задумался, потом кивнул.

- Позволь рассказать тебе о магистре цветов Кейне, - сказал он. - Позволь рассказать тебе о сражении с белым драконом над горами Серебряных Кордонов, которое я пережил вместе с магистром, и о том, как он разделил со мной владение этим физическим телом.

- Это недопустимо, - сказала матери Жиндии Йиккардария. Две прислужницы и командиры дроу собрались в Кровотокающих Лозах в помещении, где устроила свой командный пост мать Жиндия, для оценки ситуации и планирования следующих действий.

К изумлению смертных дроу, снова явились Йиккардария и Эскавидне, напомнив о ситуации с захватчиками: предположительном успехе, которого добился один из них, и удручающем поражении второго.

- Эти драгоценные орудия вручили тебе с ожиданиями заботы, верховная мать, - сказала Йиккардария, и в её тоне звучала угроза, адресованная всем собравшимся.

- Их вручили мне, как неуязвимое оружие, обладающее единственной целью, - ответила Жиндия, по очевидным для всех причинам пытаясь звучать так же угрожающе.

- Под твоим командованием! - заткнула её Йиккардария.

- Всегда предполагалось, что мать Жиндия проявит терпение и мудрость в использовании конструкторов, - добавила Эскавидне.

Какое-то время не ожидавшая возобновления этого разговора Жиндия пыталась подобрать слова. В конце концов, в последний раз после рассказа о результатах захватчиков Эскавидне и Йиккардария открыли магические ворота и привели погибших драуков из Бездны, передав их под начало Жиндии.

Так что же произошло? Почему эти двое, в особенности Йиккардария, захотели повторить разговор о захватчиках и на сей раз отыскать виноватого?

Мать Жиндия не знала ответ, но понимала, какими могут быть последствия, если обвинение падёт на неё.

Она сделала глубокий вздох и спокойно заявила:

- Как и было приказано, я взяла захватчиков в свой марш на поверхность — и отпустила их исполнять назначенную кем-то другим судьбу. Вами двумя? Самой госпожой Ллос? Могла ли я остановить их, даже если бы попыталась? Разве это не превратило бы меня в помеху для выполнения единственной цели захватчиков? А мы все знаем, что делают захватчики с теми, кто мешает их миссии!

- Но *помогла* ли ты их миссии? - надавила Йиккардария.

- А что я должна была сделать? Отправить войска глубоко в Гонтлгрим или рассредоточить их по всему побережью Меча, чтобы гоняться за конструктором, преследующим еретика Дзирта? У них была единственная цель. А мне нужно было выиграть войну.

- По крайней мере она признаёт свою тактику, а значит и свою неудачу, - сказала сестре Эскавидне, и Йиккардария кивнула.

Мать Жиндия едва сдержала ворчание.

- Твоя промашка не столь ужасна, мать Жиндия, и ты наверняка сможешь всё исправить, - сообщила женщине Эскавидне.

Жиндия сощурилась и стиснула зубы. Чтобы сдержать проклятия и не приказать дроу отправить эту парочку обратно в клубящиеся туманы Бездны, потребовалась вся её сила воли и постоянные мысленные напоминания о том, что йоклол представляют здесь Паучью Королеву, милость которой — всё, что на самом деле имеет для Жиндии значение.

- В любом случае захватчик разрушается после завершения миссии, - продолжала Эскавидне. - Их потеря не имеет значения. Имеет значение потеря конструкта без захвата цели. Дзирт До'Урден устранён, но Закнафейн До'Урден остаётся. Исправь это, и наш разговор, разумеется, будет забыт.

- Разумеется, - эхом повторила Йиккардария, - будет лучше, если ты возьмёшь Закнафейна в плен и призовёшь нас, чтобы мы могли по-настоящему благословить ритуал принесения его в жертву Ллос.

Жиндия знала, что у неё не получилось скрыть своё любопытство. Ну и пусть. Конечно, не было ничего удивительного в том, что прислужницы хотели стать свидетелями такого великолепного подарка Ллос, но в том, как Йиккардария произнесла свою просьбу, звучало что-то странное — может быть, немного лишнего энтузиазма, который заставил внимательную и подозрительную верховную мать задуматься, а нет ли здесь чего-то кроме простой экзекуции еретика.

Насколько знала мать Жиндия, по-прежнему оставалось тайной, как именно Закнафейн вернулся к жизни, какая божественная сущность по некой причине решила, что стоит вернуть его из заслуженной могилы.

Что она упустила? Какая мотивация кроме кампании матери Жиндии по уничтожению еретиков принесла ей двух прислужниц и их щедрые дары — сначала захватчиков, а потом драуков? Среди дроу всегда плелись сети интриг, среди окружающих Ллос демонов — тем более, а больше всего — вокруг самой Ллос. Таков был их способ существования, а следовательно, Жиндия по-прежнему могла считать, что её победа остаётся желанной и будет достигнута с полного одобрения Ллос.

Но было что-то ещё — наверное, много посторонних факторов и один конкретный, касавшийся Закнафейна До'Урдена. Вероятно, для неё это не имело значения — или не имело значения ранее, пока прислужницы не обвинили Жиндию в потере захватчика, чтобы заставить её заняться Закнафейном — но даже так, любому дроу всегда стоило как можно глубже зарываться в недра паутины.

- Больше всего на свете мне хочется вонзить жертвенный нож в грудь Закнафейна До'Урдена, прислужница, - ответила она — и не солгала. - И когда это случится, рядом с Йиккардарией и Эскавидне, разделивших молитву к госпоже Ллос, это будет поистине славный миг.

- Тебе нужно надавить на них, верховная мать, - сказала Йиккардария. - Сильнее. Захвати залы и удерживай залы. Найди и убей их предводителей. Очисти это место и в процессе убей еретика Закнафейна, чтобы искупить свою неудачу с захватчиком.

Мать Жиндия прикусила язык, но и соглашаться с подобным советом вслух, в присутствии свидетелей, не стала.

- Вы хотите, чтобы я отправила драуков?

- Нет, - выпалила Эскавидне прежде, чем успела ответить Йиккардария. - Нет! Драуки нужны для сохранения уже завоёванного. У тебя есть демоны. Используй их.

Даже старших извергов. Великий и блистательный удар, призванный очистить это место от дварфийской чумы. Иди и возьми первую часть твоего королевства.

Раздались одобрительные возгласы других присутствующих дроу, и Жиндия к ним присоединилась. Однако на самом деле приказ не вызвал у неё восторга. Придерживать старших извергов было разумным решением, которое гарантировало победу, пускай даже не такую быструю. Сильные демоны расходовали свою энергию и волшебные способности для открытия врат в Бездну, чтобы привести подкрепления, которые должны были изматывать истощённых дварфов. У демонов понемногу лопалось терпение — и многие бросались в битву вопреки приказам. Но план работал.

- Время наш главный союзник, - напомнила она.

- Не совсем, - отозвалась Эскавидне. - В какой-то степени — до тех пор, пока не пришла пора вступить в полномасштабное сражение. Но мы находимся в царстве людей. Они могут осознать, что здесь происходит, и обрушиться на тебя огромным числом. И я не хочу сбрасывать со счетов находчивость короля Бренора и его товарищей. Они способны найти возможность открыть свои магические врата, как собирались — и в этом случае против тебя встанут дварфийские армии. Тысячи щитовых дварфов, вооружившихся на востоке и готовых к битве.

Жиндия кивнула. А что ей оставалось? Она не хотела вести этот спор — тем более, зная, что проиграть его означает потерять расположение Ллос.

По крайней мере, не хотела вести его вслух.

Потому что Жиндия знала, что здесь что-то скрывается. Верховная мать хотела узнать, что. Жиндии нужно было увидеть нижние нити этой ещё прядущейся паутины, чтобы понять, как придать сетям нужную *ей* форму.

Брат Афафренфер начал свой бег, как только действие заклинания Ивоннель завершилось, и он попрощался с необычайной дроу. Первые несколько часов ему пришлось попетлять, пробираясь за периметр войск захватчиков-дроу, маневрируя между лагерями и патрулями огромных чудовищ — наполовину пауков, наполовину эльфов.

Заметили его только раз — драук поднял тревогу и швырнул своё копье. Афафренфер единым текучим движением перехватил снаряд и бросил обратно, и даже попал в самого владельца, но этого не хватило, чтобы прикончить огромную тварь.

Драук бросился в погоню, к нему присоединились товарищи, и монах, не желая вступать здесь в сражение, сбежал.

Драуки были быстрыми и неутомимыми созданиями. Обычному человеку их было не перегнать.

Однако в этом отношении Афафренфер не был обычным. Он был монахом ордена святых Солларов, эстетом, посвятившим всю свою жизнь единству тела и разума, человеком, который путём бесконечных тренировок научился направлять энергию своей души в мышцы и суставы физической оболочки. Афафренфер был магистром Восточного Ветра — очень высокий титул, очень высокое знание, свидетельство его убеждённости, его навыков, его дисциплины.

Немногие сумели бы обогнать монаха, и ещё меньше было тех, кто мог бы обогнать брата Афафренфера.

Он умчался от драуков, быстро покинув пределы их досягаемости, и такой спринт не выматывал его, как обычного человека.

Брат Афафренфер удалился на многие мили от Гонтлгрима перед тем, как остановиться для короткого отдыха. Признаков погони не было.

После краткой передышки он снова продолжил свой путь, углубляясь в ночь. Монах поднялся на ближайший высокий утёс поблизости, чтобы, как он надеялся, осмотреть преодолённый и предстоящий маршрут. На восточном склоне этого холма он обнаружил резкий спуск в каменистую расщелину.

Афафренфер кивнул своему везению.

Он прыгнул с утёса.

Чудотворно работая руками и ногами, монах за короткий отрезок времени преодолел сотни футов, приземлившись перекатом, который поглотил большую часть силы удара, оставив ему лишь несколько синяков после спуска, в котором не смогло бы выжить ни одно живое существо по мнению тех, кто не понимал учение монаха.

Уверенный в том, что избавился от любой возможной погони, Афафренфер впервые устроил привал.

Он проснулся с рассветом и снова пустился бегом, напрямик на восходящее солнце.

Он не знал точно, насколько далеко зашёл, но прикинул, что от ворот Гонтлгрима до Тернового Оплота было больше двух сотен миль, как и предупреждала Ивонель.

Брат Афафренфер приблизился к руинам лишь на пятый день своего путешествия.

Он прошёл в ворота и легко обнаружил оставшийся от захватчика шрам. Он быстро огляделся вокруг, а затем опустился на землю, скрестил ноги, положил руки на колени ладонями вверх и погрузился в глубокую, глубокую медитацию, объединившись с окружающим миром сильнее, чем позволяли физические чувства.

Он искал призрака.

Несколько раз ему казалось, что он что-то чувствует — шальную мысль, мгновенное вдохновение или наблюдение, которые казались исходящими извне.

Быть может, останки Дзирта?

Ему отчаянно хотелось, чтобы наблюдения о трансценденции, высказанные магистром Кейном, оказались правдой, хотелось доказать работу своего друга-друза. И несмотря на это, Афафренфер знал, что событие, отголоски которого ощутил магистр Кейн, случилось довольно давно.

Почти наверняка — слишком давно.

Он всё равно должен был узнать правду, хотя бы для того, чтобы принести умиротворение Кэтти-бри и другим Компаньонам Халла.

Полный решимости, он уселся и открыл свой разум, своё сердце, свой дух — стал чистым восприятием, впитывая каждый звук, запах, шёпот, ощущение в регионе вокруг Тернового Оплота. В подобном состоянии трудно было отличить физическое от духовного, и поэтому Афафренфера застали врасплох. Когда он открыл глаза, то

обнаружил себя окружённым группой вооружённых, облачённых в доспехи и заметно разгневанных дварфов.

- Бейте его, - было первым, что ясно услышал Афафренфер от одного из них.
И последним.

- Это была опасная игра, сестрица, - сказала Йиккардарии Эскавидне, когда они остались наедине, хотя по-прежнему находились на материальном плане. Они были в своём естественном, похожем на оплывшую свечу состоянии, их голоса булькали и пузырились, как горячая грязь, их язык принадлежал йоклол, так что если бы прислужниц кто-то подслушивал, он ничего бы не понял.

- Жиндия слишком долго медлит, - возразила Йиккардария. - Я боюсь, что выгоды будут краткими.

- Выгоды? Сестра, какое дело нам или госпоже Ллос до выгод?

Йиккардария развернулась на месте, протестуя взмахнув отростками.

- Для тебя здесь есть лишь одна выгода, и она либо исполнится, либо нет. Пока что она не исполнилась, - сказала Эскавидне.

Рёв Йиккардарии шипел и булькал, как кипящая вода.

- Опасная игра, - настаивала Эскавидне, не собираясь отступить. - Скорее всего, Жиндия скоро обратится к Ллос, а Ллос будет недовольна, узнав о наших поступках.

- Всё, что мы сделали, было ради хаоса, а хаос служит Ллос, - возразила Йиккардария. Это была правда — по большей части. И разве в сердце хаоса не всегда так?

- Дело не только в том, «что», но и в том, «почему», - ответила другая прислужница. - Будет ли Ллос довольна, узнав, что мы получили двух захватчиков от Малкантет, Королевы Суккубов и любовницы Демогоргона?

- Она будет довольна, что эти конструкторы были созданы за счёт Демогоргона, - заявила Йиккардария, - и использовались в поддержку Ллос, а не Демогоргона.

- Поддержало ли это Ллос? Откуда ты знаешь?

- Сестра!

- Мы не знаем, как Ллос относится к Дзирту До'Урдону, - сказала Эскавидне. - Она всегда питала слабость к этому незначительному игроку в своей великой игре.

- Она уступила его богине Миликки.

- Нет, она уступила Дзирта самому Дзирту. Это не то же самое. Её борьба с Миликки разрешилась в пещере с предтечей, посредством поединка двух женщин, Кэтти-бри и Далии. Что до Дзирта, она сделала свой ход в восточных тоннелях и получила отказ.

- И поэтому он заслужил смерть.

- Ты не знаешь. Может быть, госпожа Ллос увидела в нём будущую слабость, которой Дзирт поддастся со временем.

- Теперь, когда вернулся его отец Закнафейн? - сарказм Йиккардарии окончился рокотанием лопающихся пузырей грязи глубоко в её глотке. Её физическая форма насмеялась над заявлением Эскавидне.

- Кто его вернул? - быстро остановила её сестра. - Мы не знаем.

Двое долгое время смотрели друг на друга.

- Паучья Королева не может злиться, - наконец произнесла Йиккардария. - Они оба еретики!

- Ты действительно хочешь проверить?

- У меня долгая память, сестра, - настаивала осмелевшая Йиккардария. - Я не забыла оскорбление.

- Он считал тебя соперницей-дроу.

- Нет, он знал! Когда он продолжил атаку, он знал. Еретик Закнафейн убил прислужницу Ллос, а она — я — плохо забываем и никогда не прощаем. Я получу его в Бездну и там буду пытаться целую вечность.

- Пришли оставшиеся войска Мензоберранзана, - напомнила Эскавидне. - Как ты думаешь, Квентл примет сторону Жиндии или станет с ней сражаться?

- Мы решили этот вопрос, вручив Жиндии драуков. По ним Квентл поймёт, что любое её сопротивление будет напрасным.

- Только если решит, что драуков даровала Ллос.

- А кто ещё мог такое сделать?

- Разозлённая прислужница, у которой есть ключи от клеток Бездны, разумеется.

Йоклол Йиккардария улыбнулась, кончики её пасти поднялись вверх, затем опустились вниз на её оплывшем теле.

- Даже Квентл Бэнр не догадается о подобной возможности, - убеждённо заявила она.

Эскавидне промолчала, но сестре не удалось её убедить. Они знатно развлекались в самом начале, подстрекая Жиндию Меларн и поддразнивая Бэнров, даже поддерживали угрозы Жиндии, адресованные архимагу Громфу. Это всё был хаос, игра.

Кроме захватчиков — предложения, за которое Йиккардария ухватилась, не проконсультировавшись с сообщницей. Малкантет была хитра, обладала долгой памятью и точно знала, на какую наживку клюнет затаившая обиду Йиккардария.

Но почему? Йиккардария была уверена, что Малкантет считала, будто навредит Ллос, если убьёт двух еретиков, но может быть, её мотивация была полностью противоположной. Может быть, это было предложением перемирия после того, как слуги-дроу Паучьей Королевы настолько убедительно победили Демогоргона у врат Мензоберранзана.

Предложение перемирия или неудачная попытка отмщения?

А есть ли разница?

Эскавидне боялась, что разница есть, и теперь, увидев, насколько личной стала эта игра для обычно рассчётливой и хитрой Йиккардарии, стала переживать. Да, одной из причин для начала этого обмана стало желание Йиккардарии отплатить Закнафейну за давнее оскорбление — это всегда было так. Но теперь игра зашла слишком далеко, паук-захватчик потерпел неудачу, и Эскавидне казалось, что ставки поднялись, а Йиккардария воспринимает потерю захватчика как ещё одно личное оскорбление, нанесённое ей Закнафейном До'Урденем.

Такова радость хаоса, успокоила себя Эскавидне. Оказавшись на свободе, хаос ведёт к непредвиденным последствиям — иногда незначительным, а иногда, как могло случиться и сейчас — просто огромным.

Такова была радость.

Такова была опасность.

Эскавидне посмотрела на сестру и улыбнулась, позволяя радости одолеть свои страхи.

ГЛАВА 22

Отсутствие компромисса

Артемис Энтрери стоял на границе пропасти, которая удерживала огненного предтечу. На его раскрытой ладони свободно лежал кинжал с самоцветами. Он с ненавистью смотрел на оружие, но лишь потому, что кинжал был его отражением. Теперь он это понял. Теперь, после своего заточения в коконе совести, он понял, что худшие свои преступления совершал тогда, когда использовал это злое оружие.

Энтрери убил множество врагов — в битве и тайно. Он жил, как наёмный убийца. Он всегда оправдывал свою работу, повторяя, что никогда не убивает тех, кто этого не заслуживает — в конце концов, мир — жестокое место. Он по-прежнему верил в это до определённой степени... если дело не касалось работы, выполненной этим кинжалом. Энтрери не просто убивал этим оружием людей: он уничтожал их души и крал ту загробную жизнь, которая могла их ожидать.

Кто из его жертв заслуживал подобного?

Даже самые жуткие? Самые злые?

Он не мог себя оправдать — никогда.

Энтрери стоял здесь, размышляя, и главным вопросом в его мыслях в этот мрачный миг было — должен ли он просто бросить оружие вниз или самому тоже следует прыгнуть следом.

Падение, вспышка сильной боли, и всё будет кончено.

Мужчина вздрогнул. Нет, не страх смерти удержал его на обрыве, а страх того, что ожидало его после пересечения этой последней реки.

Может быть, в этом и заключается настоящая пытка Шерон, подумал он. Она показала убийце то, что его ожидало, и заставила бояться смерти сильнее, чем он ненавидел жизнь.

- Будь оно всё проклято, - прошептал сломанный мужчина, но его слова растворились в постоянном шипении воды, капающей в пламя внизу. - Будь проклято моё появление на свет.

- Когда-то я могла бы с тобой согласиться, - раздался неожиданный ответ, и убийца обернулся, чтобы увидеть подошедших Кэтти-бри с Ивоннель.

- Когда-то я считала Артемиса Энтрери никчемным, - продолжала Кэтти-бри. - Но сейчас передо мной стоит другой человек.

- У нас уже был этот разговор, - напомнила ему Ивоннель. - Тебе вручили великий дар.

- Дар, - фыркнув, отозвался Энтрери.

- Или послание — притом очень важное, - снова заявила дроу, глядя на его раскрытую ладонь с кинжалом. - Ты хочешь уничтожить это оружие?

- Может быть, я брошу его вниз, и оно сожрёт предтечу, - предположил Энтрери.

- Может быть, - согласилась Ивоннель.

- Если хочешь, я брошу его за тебя, - предложила Кэтти-бри. Она замолчала и улыбнулась. - Разве ты не пытался сделать то же самое со своим мечом?

Конечно, вопрос был риторическим, поскольку Энтрери действительно бросил в разлом Коготь Харона — лишь затем, чтобы Кэтти-бри его вернула.

В ответ на это напоминание Энтрери рассмеялся.

- Похоже, что я давно проклят на ношение злого оружия.

- Оружие — всего лишь инструменты, - сказала Ивоннель. - Намерение — в сердце владельца, а не в самом клинке.

- Кто-то может сказать, кто кинжал Реджиса такой же злой, - напомнила Кэтти-бри. - Или меч, которым я однажды владела.

- Если я правильно помню, тот меч едва не свёл тебя с ума, - сухо сказал Энтрери.

- Потому что я была недостаточно умелой и опытной, чтобы контролировать примитивные инстинкты, которыми он манипулировал, - сказала Кэтти-бри. - Сейчас всё иначе — как с тобой и твоим мечом.

- Разве смерть от простого железа — меньшая смерть, чем от твоего кинжала? - спросила Ивоннель.

- Да, - ответил Энтрери. - В том-то всё и дело.

Она с сомнением посмотрела на мужчину.

- Магия этого кинжала уничтожает душу, - сказал Энтрери. - И передаёт мне физическое здоровье жертвы.

- Да-да, - отозвалась Ивоннель. - Потому Жиндия Меларн так разозлилась после потери своей дочери. Теперь я вспомнила. Девушку нельзя было воскресить из-за того, как она погибла.

- Именно, - буркнул он.

- Но это невозможно, - помолчав, произнесла Ивоннель. Энтрери с любопытством посмотрел на неё.

- Нельзя «уничтожить» душу, - объяснила дроу. - Подобная энергия — вечна, она превосходит богов и уж точно превосходит силу обыкновенного кинжала.

- Ты только что сказала, что Жиндия разозлилась из-за...

- Потому что её дочь нельзя было вернуть из загробного мира, - сказала Ивоннель.

- Потому что она не попала в загробный мир, - заметил Энтрери.

Кэтти-бри посмотрела на Ивоннель. Та качала головой.

- Если души не уничтожаются, значит кинжал может их поглощать и держать внутри? - спросила Кэтти-бри. - Может быть, это своего рода филактерия?

- Такое возможно, - сказала Ивоннель, переводя взгляд с Кэтти-бри на Энтрери. - А может быть, они обитают в другой личности.

- Во мне?

- Ты только что сказал, что кинжал дарует тебе физическое здоровье своих жертв. Может быть, не только.

Энтрери побледнел и снова подумал, что ему следует выбросить кинжал в огненное жерло предтечи!

- В любом случае, если это правда, их можно изгнать, - вмешалась Кэтти-бри. - Освободить.

- Тогда я должен бросить проклятую штуку в яму, - горько сказал Энтрери, но Кэтти-бри качала головой.

- Я знаю лучший способ, - она улыбнулась и кивнула, когда первые намёки на план появились в её голове.

- Поделишься? - через какое-то время спросил Энтрери.

- Терпение, - сказала Кэтти-бри. - Умоляю тебя, не принимай окончательных решений, пока я не обдумаю наш образ действий. Но сейчас я должна кое-что проверить.

Она шагнула мимо Энтрери, оттащив его от края и встав на его место.

- Я по-прежнему против, - сказала ей Ивоннель. - Должен быть более безопасный вариант.

- Наверное, но разве у нас есть время? - ответила Кэтти-бри.

- Тогда отдай мне кольцо и позволь сделать это самой.

Кэтти-бри покачала головой.

- Ты сказала, что сможешь. Я с радостью приму твои чары.

- Что вы делаете? - спросил Энтрери, но женщины не слушали.

- Ты рискуешь ребёнком, - сказала Ивоннель.

- А чем мы рискуем, если я этого не сделаю?

- Ты даже не знаешь, услышит ли тебя предтеча. И не можешь предсказать его ответ, если услышит! Это создание давно минувших тысячелетий. Его восприятие мира не такое, как у нас, оно нам неизвестно и более чуждо, чем даже восприятие существ, которых мы считаем богами. Прошу, дитя, я обладаю обширным опытом в таких вопросах. Дай мне кольцо, чтобы я могла обратиться к предтече вместо тебя.

Кэтти-бри, похоже, обдумала это, даже взялась за кольцо большим и указательным пальцем, как будто чтобы снять.

- Оно знает меня, - наконец сказала женщина, обращаясь к себе самой, а не только к своей спутнице, собираясь с духом для предстоящей задачи.

- Его не волнуешь ты или кто-то из нас, - возразила Ивоннель. - Мы даже не знаем, что приносит ему удовольствие, какие мечты или желания...

- Оно знает меня, а я знаю его, - окончательно сказала Кэтти-бри, подняв руку, чтобы остановить подавшуюся к ней женщину. - Я уже спускалась туда, чтобы поговорить с предтечей.

Ивоннель задумалась, и наконец сдалась, кивнув. Она подняла палец, чтобы Кэтти-бри подождала, потом наложила на неё могущественный двеомер, который беременной женщине пришлось принять и позволить магии подействовать на неё. Затем Ивоннель начала читать более обыкновенные заклинания, накладывая на Кэтти-бри защиту от жара и пламени, чтобы укрепить её против чудовища, ожидающего на дне ямы.

- Пообещай мне, что когда это закончится, когда мы победим, ты одолжишь мне это кольцо, чтобы я тоже могла испытать слияние с этим величественным созданием.

- Это просто растреклятый вулкан! - вслух сказал Энтрери, но две женщины ответили ему улыбками.

В ответ на внезапную мысль Кэтти-бри достала ониксовую фигурку Гвенвивар и протянула её Ивоннель. Но убрала руку, и не сдержавшись, покачала головой в ответ на свой инстинкт. Она хотела защитить пантеру, но в то же время собиралась спустить в разлом с ребёнком в чреве.

Кэтти-бри вслух рассмеялась над кажущейся абсурдностью, покачала головой, и на мгновение полностью утратила уверенность.

Разве это не безумие? Почему она просто не заставит друзей телепортироваться прочь, или, по крайней мере, забрать своё нерождённое дитя в безопасное место вместо того, чтобы пытаться вести переговоры с богоподобным созданием, которое на самом деле, как сказал Энтрери, было скорее вулканом, чем разумным существом?

Но в следующий момент ей всё стало ясно. Кэтти-бри делала это потому, что именно это всегда делали они с друзьями, особенно с её мужем. Она не бежала от опасности, даже от опасности, угрожавшей её ребёнку. Нет, поскольку цена осторожности была слишком высока. Они должны были одержать победу ради всех добрых людей региона, включая её ребёнка.

Они должны были победить.

И требовалось её участие.

Кэтти-бри снова хотела протянуть руку, но передумала и просто вызвала Гвенвивар. Серый туман превратился в большую пантеру, Кэтти-бри наклонилась и прошептала на ухо пантеры свои инструкции.

Гвен прыгнула, умчавшись из комнаты.

Вместо Ивоннель Кэтти-бри протянула фигурку Артемису Энтрери.

- Если я не вернусь, передай её Закнафейну, - попросила она.

Мужчина изумлённо уставился на неё.

- Да, - сказала она. - Я верю тебе. Не предавай это доверие, и не оскорбляй нас всех в это мгновение нужды, заботясь лишь о себе, а не о других.

Это вызвало хмурую гримасу Энтрери, но она продержалась всего только миг. Он кивнул и беспомощно рассмеялся.

- Дзирт верил в тебя, - сказала ему Кэтти-бри.

Затем она прочитала собственное защитное заклинание и шагнула с утёса.

- Они привели больших парней, - просигналил Джарлак, вернувшись за угол коридора и прижавшись спиной к стене. - Глабрезу, какой-то большой демон, похожий на медведя, и группа манов.

- Хорошо, - беззвучно ответил Зак. Он начал затягивать на запястьях ускоряющие наручи, которые его сын носил на лодыжках. Когда-нибудь Зак тоже собирался попробовать, но не сейчас, когда рядом такие были могущественные враги.

- Мы можем взять патруль dwarфов. Четырёх-пяти будет достаточно.

- Иди за ними сам, - ответили пальцы Зака.

Джарлак с любопытством взглянул на него.

- А ты подождёшь здесь?

Закнафейн кивнул, но усмешка выдавала его намерения.

- Слишком близко. Пойдём со мной, - ответил Джарлак.

Зак покачал головой.

- Поспеши.

- Зак...

- Иди! - поторопил оружейник своего друга.

Пару мгновений Джарлак пристально смотрел на него, потом бросился вниз по коридору. Он едва успел преодолеть первый поворот на пути к дварфийским позициям, а Закнафейн уже свернул в сторону демонов.

Оружейник придерживался известного трюизма касательно сражений с группой противников: сначала избавляйся от самых слабых. Даже неумелый боец может быть опасен, когда защищаешься от нескольких нападавших.

Он бросился прямо на четырёхрукого глабрезу, клешни которого жадно щёлкали. В последний момент к глабрезу подошёл медвежий демон, Зак метнулся вбок, перекатился и вскочил посреди трёх похожих на зомби манов.

Его мечи всегда казались вспышкой, но сейчас, с наручами на запястьях, Зак избавился от третьего мана — Ледяная Смерть снесла голову с плеч — ещё прежде, чем заметил удар первого или второго мана. Он отскочил в сторону от трёх демонических тел, с которых начал подниматься дым, повторяя про себя, что нужно верить мышечной памяти, движениям, отточенным веками тренировок.

- Не думай, - приказал он себе вслух, поскольку ускоренные волшебными наручами движения в миг боя были быстрее, чем любые мысли. Он знал свой первый и второй ход — а после этого, испытав скорость этих чудесных наручей, должен был полагаться на чистую реакцию.

Он прыгнул в сторону, ощущая нацеленное на спину давление, и развернулся в воздухе, чтобы приземлиться лицом к противнику-глабрезу.

Влево, вправо, влево и снова влево устремились его сабли, удерживая две клешни и жадную когтистую лапу огромного изверга — и он даже успел провести пятое движение, не блок, а укол, оставивший небольшую рану высокому демону.

В этот миг Закнафейн понял, что обладает ещё одним неожиданным преимуществом, когда почувствовал, как сабля по имени Ледяная Смерть впилась в изверга сильнее, чем должна была. Он знал, что это чары холода, и в теории понимал свойства подобного зачарованного клинка, но впервые на собственном опыте ощутил, как Ледяная Смерть питается огненным ядром существа с нижних планов.

Было ясно, что глабрезу тоже об этом знает. Он не стал продолжать свою свирепую атаку, а только попятился.

Сбоку на Закнафейна с гортанным рёвом бросился похожий на медведя демон, сопровождаемый парой трясущихся манов по бокам.

Зак тоже бросился ему навстречу, низко пригнувшись. И когда медведь наклонился, чтобы схватить его, оружейник прыгнул и перекатился прямо по его спине. Прервав вращение и выпрямив ноги, он с силой выбросил сабли в стороны. Маны рухнули, он приземлился и пробежал ещё несколько шагов, прежде чем снова развернуться.

Неожиданно на поле боя остался только он и два демона.

Полный уверенности, Зак встретил второй натиск медвежьего демона стеной режущей стали, нанося удары один из другим, рассекая его огромные медвежьи лапы, ударив демона Видринат по носу, когда тот попытался укусить оружейника.

Подошёл глабрезу, но Закнафейна это не обеспокоило. Он был быстрее обоих демонов — до такой степени, что мог постоянно защищаться и контратаковать. И теперь знал, что причиняет боль извергам, даже когда парирует Ледяной Смертью..

Сейчас он стоял лицом в ту сторону, откуда пришёл, и звуки за спиной вызывали определённое беспокойство. Он чуть развернулся, чтобы бросить взгляд коридор позади, ожидая увидеть там орду манов, но вместо этого заметил группу вроков, могучих, похожих на птиц чудовищ. Даже с наручами, даже с ледяной саблей, Зак знал, что не справится, поэтому решил вернуться к союзникам.

Но оказалось, что глабрезу и медвежий демон тоже это знали.

Он всё равно бросился на них в диком манёвре, и лишь нанесённый в самый последний миг удар вниз Ледяной Смертью заставил глабрезу убрать клешню, едва не обхватившую грудь Зака.

Оружейник знал о демонах достаточно, чтобы понимать — эта клешня скорее всего просто перекусила бы его напополам, а он не испытывал желания умереть такой неблагородной смертью.

Вроки нарушили тишину, они выли и каркали, приближаясь к Закнафейну сзади.

До самого последнего мгновения оружейник продолжал рубить и колоть двух извергов перед собой, затем развернулся и встретил атаку вроков, бросившись им навстречу. Он получил несколько ударов — тычки тяжёлых, похожих на крылья лап с каждой стороны, даже укол клювом в плечо, от которого рука онемела, — когда миновал пару демонов, чтобы врезаться в третьего.

Этот тоже яростно набросился на него, но Зак продолжал движение, выставив перед собой Ледяную Смерть, которая яростно впиалась в жизненную силу демона. У твари не было выбора, кроме как отступить.

Тварь упала, Зак покатился за ней и через неё, вонзив в туловище Ледяную Смерть. Он ожидал, что вырвет оружие, когда снова поднимется на ноги, но получил сильный пинок четвёртого врока, и сабля вырвалась из его рук.

Зак покачнулся, резко остановился, одна нога скользнула вбок, и он чуть не упал. Он услышал, как сбоку лязгнула по камню сабля, и понял, что должен её схватить.

Заставляя себя подняться из неудобной позиции вопреки боли, Закнафейн бросился по туннелю, перескочив через рухнувшего врока, когда тот начал испаряться, отразив руку того демона, что пнул его. Но из-за силы его удара Закнафейн снова неудачно приземлился.

Он не стал бороться с этим и ушёл в перекат, безусловно нацеленный и исполненный.

А когда снова оказался на ногах, то сжимал в руке Ледяную Смерть.

Но его спина была прижата к широкой стене тоннеля, и хуже того — он сражался уже не с манами. Прежде чем Зак успел поздравить себя с великолепным исполнением кувырка и возвратом оружия, он увидел, что его успех частично был обязан тому, что три оставшихся врока промчались мимо, теперь перегородив заднюю часть тоннеля, а глабрезу и медвежий демон выступили вперёд, чтобы напасть на него с другой стороны.

Они работали вместе.

Зак понял, что у него нет шансов.

- Ну ладно, - сплюнул он, полный решимости воздать должное легенде своего сына.

Несмотря на волшебные печати, которые она наложила на себя, и дополнительную защиту Ивоннель, Кэтти-бри испытала заметный дискомфорт, спускаясь в палату предтечи. Преодолев слой пара, она сразу заметила, что здесь внизу почва была не такой твёрдой. Вокруг бурлила светящаяся оранжевым лава — не *текла*, поскольку участок был ровным, но определённо двигалась, как поверхность пруда может двигаться вместе с течением питающего пруд ручья.

Нет, подумала Кэтти-бри, не так. Скорее это напоминало воды пруда, двигавшиеся из-за какого-то крупного животного под водой.

Она чувствовала силу, нетерпеливую, жадную.

Она потянулась через своё кольцо, наделённое чарами, позволяющими ей ощущать элементарный план огня и в определённой степени общаться и контролировать созданий этого плана. Она поприветствовала предтечу — не словами и даже не мыслями, а скорее одним своим присутствием, тем, как они могли ощущать друг друга на сознательном уровне... и удивилась.

Зверь был счастлив.

Нет, это не совсем точное слово, подумала она. Зверь был в предвкушении. Предтеча ощущал деградацию магии, слабость элементарей, которые удерживали его в этой бездне.

Чудовище хотело вырваться, ждало этого.

На Кэтти-бри нахлынули воспоминания о последнем подобном взрыве. Слившись с предтечей, она наконец поняла его страсть.

Она поняла, насколько глупа её миссия.

Ведь ожидаемое, желанное освобождение не имело ничего общего с сознательными мыслями — по крайней мере, с тем типом сознания, которое может понять или испытать человек. Это было скорее требованием физического освобождения, последними секундами занятия любовью, неконтролируемой страстью.

Освобождение для предтечи было размножением. Предтеча считал извержение вулкана распространением первобытного огня, засеиванием первичного материального плана.

Инстинктивным, не запланированным. Неостановимым, необсуждаемым.

Эта очевидная аналогия потрясла женщину и заставила её подумать о Дзирте. Она пыталась выкинуть его из головы. Сейчас у неё не было времени на беспокойство, или, что более важно, пускай она и пыталась это отрицать — не было времени на горе.

Кэтти-бри попыталась найти способ поторговаться. Может быть, предтеча будет рад открыть ворота, привести больше смертных, чтобы обезопасить это место, его дом?

Нет.

Тогда откроет ли предтеча ворота, чтобы те, что внутри, могли уйти?

Отрицание было менее сильным.

Убери проклятую воду, почувствовала в своих мыслях Кэтти-бри.

А если ты откроешь врата, и заберём с собой существ с враждебного тебе плана?

- нацелила она свои мысли в вопросе.

Да. Да. Забери их. Сейчас же!

То, что сначала казалось сделкой, немедленно превратилось в требование, наполненное таким уровнем силы и злобы, какого Кэтти-бри не встречала до сих пор. Каждая клеточка в её мозгу и теле как будто завибрировала от этого приказа, и она почувствовала себя маленькой, крохотной и незначительной, песчинкой на бесконечном пляже, который был этим существом, этим живым, богоподобным созданием.

Она пыталась сосредоточиться, отыскать способ превратить их обмен обратно в сделку. Может быть, это единственный способ — открыть ворота и сбежать, сбежать всем, и позволить вулкану извергнуться.

Это казалось лучшим вариантом в отсутствие других.

Но как же Невервинтер? В последний раз, когда вулкан извергался, город погребло под огромным потоком золы и лавы, быстрым и сильным, как приливная волна.

Стена безразличия оградила её при этой мысли и быстро превратилась в обиду. Подобное незначительное беспокойство отдалило её от предтечи, неожиданно поняла Кэтти-бри.

Зверю было всё равно.

Все они ничего не значили, были пустым местом, существами-однодневками.

Такими мелкими.

И к своему ужасу она поняла. Всё это было за гранью её понимания и чувств, и она поняла, что предтеча никогда не будет беспокоиться, не может беспокоиться о смертных созданиях.

Включая её. Инстинктивно, откуда-то из таких глубин души, что она даже не осознала, что делает, Кэтти-бри отменила магическую связь кольца.

Только тогда она поняла, где находится. Она ощутила жар, пот, сочащийся из каждой поры на коже.

И сквозь туман увидела оранжевую стену, волну лавы, несущуюся на неё.

Никакая магия на свете не смогла бы отразить чистую тепловую энергию предтечи огня.

Её защита была бесполезна. Бесполезна!

Её дитя...

Он бросил себя на ряд вроков, озверело орудуя клинками, позволяя телу вести себя, поскольку плана не было и быть не могло. Он чувствовал каждый нанесённый удар, вдвойне — когда Ледяная Смерть пила демонические силы, но чувствовал он и рвущие когти, и получил ещё один сильный клевок в плечо, который отбросил его к стене и на мгновение оглушил.

Подожли более опасные противники, глабрезу и медвежий демон. Похожая на медведя тварь встала на дыбы и рухнула вперёд, пытаясь просто задавить его своей тушей.

Зак попытался подставить Ледяную Смерть, чтобы чудовище просто нанизалось на сталь. Он понял, что уже погиб, но был полон решимости забрать с собой по крайней мере этого врага.

Демонический медведь неожиданно припал к земле, и Зак растерялся — он не сразу заметил массивную чёрную пантеру верхом на изверге. Гвенвивар впилась в шею демона своими могучими челюстями, глубоко вонзив в плоть свои клыки.

Сзади и сбоку неожиданно затрясся глабрезу — на его содрогающихся конечностях плясала молния.

Медвежий демон рухнул, чудом не задев Зака. Раздался громкий треск, когда шея демона сломалась.

Демон перестал бороться, и Гвен отскочила в сторону, пролетев мимо Зака. Пантера врезалась в ближайшего врока и погнала его вниз по коридору.

Приблизились другие два, Зак приготовился встретить атаку — и ему показалось, что с другой стороны к демонам присоединился третий, промчавшись мимо глабрезу. Но нет, понял он, это был не врок. Это была диатрима, огромная не летающая птица, которую Закнафейн уже видел раньше — она появлялась из огромного пера с возмутительной шляпы Джарлакса!

Несмотря на своё затруднительное положение, несмотря на кровь, текущую из ран, на онемевшее плечо, на тяжесть ушиба, который нанёс ему клюв врока, пробившийся через его тонкую мифриловую кольчугу на груди, оружейник едва не рассеялся, когда диатрима и второй врок столкнулись. Они оба подпрыгнули и забили когтистыми лапами, яростно замахали крохотными крыльями, набирая высоту. Он видел такие драки среди цыплят, которых разводили дроу, но сейчас, в таком масштабе, когда каждый из участников был почти вдвое больше него по весу и росту, это сходство показалось ему невероятно абсурдным.

Однако замирать и удивляться своему везению оружейник не собирался — совсем рядом был врок, а в нескольких шагах глабрезу. Он орудовал Ледяной Смертью из стороны в сторону, оставляя Видринат в резерве. Он хотел, чтобы ледяные чары остановили взмахи крыльев его противника, ведь каждый миг защиты был также частицей нападения.

С каждым парированием он чувствовал удовлетворение сабли, а может быть, это были незатаивающие визги врока, которые показали ему разумность подобной техники. Но существо никак не открывалось, чтобы он мог его добить. Нужно было избавиться от чудовища, пока к драке не присоединился более могучий глабрезу.

Быстрый взгляд в сторону принёс облегчение, потому что крупный демон отвернулся, бросился вниз по коридору — на Джарлакса, предположил оружейник.

Демон покачнулся и отодвинулся вбок достаточно, чтобы Зак разглядел пузырь зеленоватой слизи у него на морде и туловище. Потом его ударила ещё одна молния.

Зак полностью сосредоточился на собственном поединке и стал наступать с неожиданной свирепостью, опасаясь, что Джарлаксу понадобится его помощь. Ледяная Смерть хлестнула туда-сюда, уводя лапы врока вниз, а затем Закнафейн прыгнул, опустил свой ведущий меч и рубанул наискосок Видринатом.

Но слишком медленно — это было специально, поскольку врок предсказуемо пригнулся, поднимая лапы, чтобы защитить голову, и Зак приземлился в таком положении, чтобы быстро бросить себя вперёд и нанести мощный укол Ледяной Смертью. Ледяной клинок с лёгкостью скользнул сквозь демоническую плоть, пожирая жизнь. Врок продолжал бить, но с каждым ударом становился всё слабее.

Демон упал.

Зак увидел перед собой Гвен, добивающую врата дальше по коридору. Впереди и сбоку диатрима продолжала бороться с оставшимся птичьим демоном.

Зак развернулся и увидел несущегося по коридору неловкими шагами глабрезу — одна рука была тесна прижата к его собачьей голове. Демона ударила очередная молния, но даже не смогла его замедлить, и по точке выстрела Зак понял, что огромного монстра отделяет от Джарлакса всего несколько шагов.

Он бросился следом, жалея, что не надел наручи на лодыжки!

Но демон внезапно исчез, как будто рухнул с утёса, а за ним стоял Джарлак, спокойно сжимающий в одной руке два жезла. Командир наёмников пожал плечами в ответ на взгляд друга.

Зак всё понял, когда подошёл ближе.

Джарлак бросил под ноги глабрезу свою переносную дыру. Демон находился в яме между Заком и Джарлаком. На всякий случай Джарлак воспользовался врождёнными способностями дроу, чтобы заполнить эту яму волшебным мраком, дезориентировав раненного и истощённого исполина.

Зак оглянулся, заметив, что Гвен присоединилась к диатриме, чтобы одолеть оставшегося врата числом.

Он снова посмотрел на Джарлака и ответил на его пожатие плечами собственным.

- Секундочку, - сказал Знафейн и прыгнул в яму.

Звуки, которые прозвучали оттуда — вой, вопли, рёв — пускай и приглушённые слизью, эхом разнеслись по коридору.

Может быть, призывая других демонов прийти глабрезу на помощь.

Но это было неважно.

Поскольку крики быстро оборвались.

Знафейн выскочил обратно:

- Пошли.

Она пригнулась.

Она закричала.

Она попыталась закрыться, вопреки здравому смыслу надеясь, что слабые печати и защиты от пламени сохраняют её — но даже если бы они могли, один лишь вес волны раздавит её и смахнёт в пузырящуюся огненную пасть чудовища.

Однако инстинктивно Кэтти-бри приготовилась к удару, и её крик прозвучал странным возгласом изумления, когда она покачнулась, а волна не ударила.

Когда рука схватила её за запястье, помогая опустить на камень.

Мокрый камень.

Прохладный камень.

Кэтти-бри подняла взгляд на Ивоннель, низко склонившуюся над ней.

- Я не... - пробормотала Кэтти-бри, пытаясь собраться с мыслями, пытаясь вспомнить телепатический разговор с предтечей. Однако сейчас она слишком отупела, слишком растерялась. Её слишком потрясло то, что она осталась в живых.

- Как?

- Я всё слышала, - сказала Ивоннель.

- Слышала? Но мы ведь не разговаривали.

- Телепатия — это текущие свободно слова, и можно их услышать, если знать, как,

- объяснила Ивоннель. - Мегера не овладел твоим разумом.

- Мегера?

- Предтеча.

Кэтти-бри замолчала и вспомнила о предтече. Мегера. Да, так его звали.

- Ваш разговор был свободным, - сказала Ивоннель. - Я слышала.

- Тогда ты слышала, какую сделку предложил пред... Мегера? Мы можем уйти отсюда, во всяком случае некоторые, - сказала Кэтти-бри, принимая руку Ивоннель, чтобы встать на дрожащие ноги.

- Да.

- Но цена слишком высока. Я не могу обречь целый город на гибель.

- Ты думаешь, что сможешь это остановить? - спросила Ивоннель.

Кэтти-бри нахмурилась. Конечно, не могла. Никто не мог сравниться в силе с предтечей.

- В любом случае, существо солгало, - сказала Ивоннель.

- Солгало? Не думаю, что в сознании или в существовании предтечи такое возможно.

- Резонный аргумент, - поздравила Ивоннель. - Его мысли — не наши. Нам неизвестны его нужды и желания. То, что мы считаем обещанием, для него может ничего не стоить. Мы знаем только то, что чудовище жаждет освобождения.

- И рано или поздно его получит.

Словно по сигналу, помещение неожиданно и сильно задрожало, едва не сбив Ивоннель с ног и не сбросив споткнувшуюся Кэтти-бри обратно в разлом!

Но Артемис Энтрери мгновенно оказался рядом и подхватил обеих, затащив обратно — как раз вовремя, поскольку высоко в туман водных элементарей взметнулся принадлежащий Мегере язык лавы. Большая его часть быстро затвердела в хватке элементарей и упала обратно, но часть брызг вылетела из ямы и расплескалась на полу.

Поток тёплого пара окутал троицу.

Тогда Ивоннель шагнула вперёд и запела, сильным и твёрдым голосом. Кэтти-бри и Энтрери смотрели. Шли мгновения.

Женщина-дроу прекратила свой напев и подняла руки, сложив ладони перед собой. Последний громкий выкрик — и она развела руки в стороны. В воздухе возник огромный фонтан воды, ринувшийся наружу и за край разлома — не как река, а скорее как одна огромная капля.

Огромный элементарь, поняла Кэтти-бри.

Он перекатился через кромку и пропал из виду, и помещение снова протестующе содрогнулось.

Из открытых Ивоннель ворот вышло следующее существо плана воды, затем третье и четвёртое.

Пещера зарокотала и опять содрогнулась, но уже слабее. В сочетании с оставшимися силами бурлящих элементарей Главной башни этого хватило, чтобы снова заточить предтечу Мегеру — навсегда.

- С ним бесполезно разговаривать, - сказала Ивоннель.

- Он не злой, - произнесла Кэтти-бри, обращаясь не только к дроу, но и к себе самой.

- Определённо нет. Оно даже не понимает концепции добра и зла, - ответила Ивоннель, и Кэтти-бри знала, что это правда. - Это неважно. Мегера делает то, что должен, то, что вынужден. Как утративший разум любовник.

- Разрушать и создавать, - прошептала Кэтти-бри. - Вот всё, что он делает. Вот что он сделает, если мы не удержим его. Мы для него ничего не значим.

- Даже ты и твоё кольцо. Даже город. Даже твой ребёнок. Ему всё равно.

- Нет симпатии, эмпатии, нет эмоций.

Она посмотрела на Энтрери и заметила, как тот вздрогнул от её слов, как будто они касались не только существа в разломе.

- Ты спасла меня, - обратилась она к Ивоннель.

- Такой был план.

- Ты спасла моего ребёнка. Я этого не забуду. Никогда не забуду.

Она тяжело задышала, затем почувствовала тепло. Лицу стало неприятно жарко. Посчитав, что её просто ошеломило это сильное переживание, Кэтти-бри отмахнулась — не было времени на слабость.

Ивоннель кивнула и положила руку ей на плечо. Она хотела сказать, что не сомневается, что Кэтти-бри вернёт долг, но замолчала и бросила на женщину любопытный взгляд.

- Что?

- Оно нуждается в освобождении ещё больше, потому что его силы не используются как следует, - сказала Кэтти-бри во внезапной вспышке озарения. Она посмотрела на Ивоннель, потом на свою руку и кольцо, стащила его с пальца.

- Это кольцо обладает огромной силой, но не даёт мне власти над предтечей.

- Разумеется, - отозвалась Ивоннель.

Кэтти-бри посмотрела на неё, её губы сложились в коварную усмешку, а синие глаза вспыхнули оранжевым.

- А над его семенем?

- О чём ты думаешь?

Кэтти-бри сощурилась, её лицо, обычно такое невинное и доброе, приобрело совсем иное выражение.

- Ни о чём хорошем для наших врагов, - прошептал Артемис Энтрери.

- Я пока не уверена, - сказала Кэтти-бри Ивоннель. - Давай обсудим это, когда я всё спокойно обдумаю.

ГЛАВА 23

Назойливое чувство дискомфорта

Следующие несколько дней Киммуриэля не покидала одна-единственная мысль, единственный тревожный вывод, сделанный после общения с разумом улья. Сделанный не благодаря тому, что он узнал, а благодаря тому, чего он *не* узнал.

Увунивиск? Воспоминания этого конкретного иллитида тогда показались ему странными — а может, не столько странными, сколько неуместными.

Киммуриэль знал, что должен сделать с Бревиндоном Маргастером. Он должен был встретиться с Маргастером в бою и заставить Азбиила выйти на поверхность, затем каким-то образом уничтожить филактерию и вмешаться в битву за физическое тело мужчины.

Однако оставалась проблема, которая могла оставить Киммуриэля наедине с могущественным демоном, если он не сумеет разрешить её и найти ответ на самый главный вопрос:

Почему промахнулся Вульфгар?

Вывод был неизбежен, тем более для опытного псионика: мысли варвара прочитали, ведь Вульфгар был слишком умелым воином, чтобы выдать противнику свой будущий удар. Но как такое могло произойти в то время, когда Киммуриэль был связан с Вульфгаром, поддерживая его кинетический барьер? Псионик должен был почувствовать любое вторжение. В разуме улья он многое узнал об Азбииле. Азбиил был не совсем демоном, по крайней мере не воплощением демона, а скорее эльфом — когда-то был эльфом. Упоминания о псионических способностях отсутствовали, и в любом случае — как мог Киммуриэль не почувствовать подобную магию на Вульфгаре?

Был ответ, единственный ответ, и хотя он был ослепительно очевидным, Киммуриэль никак не мог его принять.

Однако пришлось. Он снова обдумал последние воспоминания, которыми поделился с ним Увунивиск, образы, сопровождавшиеся настроением и словами, хорошо знакомыми Киммуриэлю Облодре из Мензоберранзана Ллос.

Знакомые мысли, даже шокирующие мысли в неожиданном месте. Киммуриэль никогда — никогда не чувствовал ничего, подобного вкладу Увунивиска в разум улья, даже когда всеобщее объединение иллитидов было сосредоточено на Мензоберранзане, доме Облодра или госпоже Ллос. Манера мышления Увунивиска, намёк на наслаждение не просто хаосом, но разрушительным хаосом, был не тем, чего Киммуриэль мог ожидать от дисциплинированных пожирателей разума, всегда сохранявших контроль над ситуацией.

Это напомнило ему о другом опыте, опыте Торила. Слова, настроение воспоминаний Увунивиска пришли прямоком из Роши Богини, самого священного алтаря госпожи Ллос в Мензоберранзане.

Одного лишь этого было мало, чтобы так сильно насторожить Киммуриэля — но дело в том, что эти конкретные воспоминания не имели отношения к Азбиилу, как выяснил псионик после долгих размышлений. Нет, это была посторонняя, предложенная память.

Хотя нет, так тоже неверно. Не *память*.

Наконец-то во всём разобравшись, Киммуриэль получил ответ. Он оценил это с точки зрения собственных воспоминаний, которыми почти не делился с разумом улья. Ужасных воспоминаний о падении дома Облодра.

Которое тоже предстало перед ним в новом свете.

Он отправился к Вульфгару в его покои с Милашкой Чарли и Даб'ней.

- Сейчас? - с нетерпением спросил варвар. Он поднялся со стула и шагнул к Клыкку Защитника, стоявшему у стены.

- Пока нет, - сказал ему Киммуриэль. - Но скоро. Сегодня, если я вернусь.

- Куда ты? - спросила Даб'ней.

- Тебя это не касается, жрица, - ответил он с немалой враждебностью, тем более после того, как заново пережил воспоминания о падении дома Облодра. Но почти немедленно смягчился и задумался над возможностью того, что действительно не вернётся после своего опасного предприятия. В таком случае Даб'ней может оказаться для него лучшим вариантом.

- Если я не вернусь, доставь это сообщение, - телепатически проинструктировал её Киммуриэль. Он задумался, кому конкретно стоит сообщить о своих открытиях. Джарлаксу, решил псионик, потом понял, что сейчас не время для осторожности, и передумал. Верховной матери Квентл, Ивоннель Бэнр — да, им и только им. Но тайно, и ничего не рассказывая матери Жиндии Меларн или старшей жрице Сос'Ампу.

Даб'ней растерянно смотрела на него, и недоумённое выражение лишь усиливалось по мере того, как Киммуриэль передавал ей своё послание. Он подошёл к жрице и нежно положил ладонь ей на лоб, передавая определённые воспоминания, своё объяснение и увязывая всё это воедино.

Он нашёл женщину готовым сосудом для подобной ереси, и лишь во время этого обмена понял истинную глубину отступничества Даб'ней.

- Хорошо. Очень хорошо, - подумал он.

- Ты просишь меня рассказать всё это верховной матери Мензоберранзана? - недоверчиво поинтересовалась Даб'ней. - Это верный путь к смерти! Она сделает из меня драука, не успею я прошептать намёк, который отзовется...

- Ты знаешь, что я прав в своих убеждениях, - сказал Киммуриэль.

- Это не имеет значения!

- Действительно, больше ничего не имеет значения, - отозвался Киммуриэль.

- О чём вы оба толкуете? - спросила Милашка Чарли.

- Ты ни за что не поймёшь, - буркнул Киммуриэль, даже не взглянув на неё.

- Может быть, именно ты сможешь убедить их — если покажешь всё так, как показал мне, - сказала Даб'ней.

- Это предпочтительно, - признал Киммуриэль. - Но сначала я должен подтвердить свои подозрения.

- Я думал, что сегодня мы идём за Бревиндоном, - сказал Вульфгар, но Киммуриэль не обратил на него внимания.

- Ты даже не проверил свои подозрения, но просишь меня рассказать о них верховной матери? - спросила Даб'ней, качая головой.

- Если я не вернусь, считай, что они подтвердились, - сказал ей псионик.

- Я не понимаю! - воскликнула жрица. - Что? Где?

- Это не твоя забота. Если я не вернусь, сделай так, как я приказал. Передай это только верховной матери Квентл и Ивоннель. Больше никому.

- Только для того, чтобы их найти, мне потребуется помощь кого-то из здешних.

- Они тебе помогут, - ответил Киммуриэль.

- Но если меня спросят...

- Не спросят.

Он сурово глянул на Вульфгара и Милашку Чарли.

- Бреган Д'эрт будет знать, что эти приказы исходят от меня, и беспрекословно будут тебе помогать.

- А Джарлакс?

- Он узнает, когда должен будет знать, - ответил Киммуриэль. - Только верховной матери Бэнр и Ивоннель. Ты поняла?

Даб'ней кивнула, и Киммуриэль ушёл.

Обмен между Пескатававом и Киммуриэлем был быстрым и полным. Псионик-дроу пошёл на огромный риск, допустив излюбленного иллитида улья к самым сокровенным своим мыслям и размышлениям. Киммуриэль понимал: если он ошибся, если упустил какой-то очевидный изъян в своих размышлениях, его незамедлительно уничтожат, поскольку подобное обвинение против другого иллитида было делом крайне серьёзным. Другие расы говорили о ценности семьи, но в разуме улья подобные отношения заходили куда глубже. Илликиды были не просто братьями или сестрами — неважно, каким полом они обладали в любой конкретный момент времени; пожиратели определяли такие вещи совсем иначе, чем все остальные расы. В их обществе желания разума всегда преодолевали ограничения тела.

Однако в конечном итоге их сообщество было единым. Единым. И значит, выдвинуть обвинение против иллитида, в данном случае — Увунивиска, означало указать на изъян в целом улье. Можно сказать, что Киммуриэль только что назвал Пескатавава предателем в частной беседе.

- *Я предлагаю лишь свои наблюдения и воспоминания о падении моего дома,* - указал он, когда почувствовал, как отстраняется Пескатавав.

- *Я знаю, что ты предлагаешь.*

- Это не Увунивиск, а она, Ллос, - вслух сказал он, решив, что вероятность, что кто-то подслушает разговор здесь намного ниже, чем вероятность, что кто-то подслушает мысли.

- Твои размышления не доказаны, но весомы, - ответил иллитид своим скрипучим голосом, уловив намёк. - Но почему?

Киммуриэль почувствовал добавление дома Облодра к вопросу.

- В период Смутного времени Мать К'йорл зашла слишком далеко, - сказал Киммуриэль. - Она угрожала самому порядку, заведённому среди поклоняющихся Ллос дроу. Вечно голодная инфекция, которую представляет собой госпожа Ллос, желала власти над иллитидами, но основанием её силы в самом желанном ею месте, материальном плане бытия, были дроу, - ответил он вслух, хотя Пескатавав уже почувствовал те же аргументы в его сознании.

Киммуриэль чувствовал его сомнения — это был критический момент.

- *Дроу важнее иллитидов. Как такое возможно?*

- В то время она не могла получить и тех, и других. Зато сейчас — может, - ответил Киммуриэль. В этот миг ответ стал откровением и для него самого, и для Пескатавава.

- *Сейчас же выдвини свои обвинения Увунивиску,* - было сказано Киммуриэлю.

Киммуриэль сделал глубокий вздох и прошёл за излюбленным иллитидом с тихой стороны помещения в главную область замка иллитидов, где покоился великий мозг улья. Там собрались рабы всех рас, осторожно массируя нежный и такой важный мозг, а вокруг прогуливалось множество пожирателей разума. Некоторые подходили к мозгу, чтобы проверить, какие воспоминания оставили для них недавно, другие — чтобы оставить свои. Остальные собирались в стороне, обычно по двое или по трое, рядом и лицом друг к другу, переплетая щупальца. Согласно познаниям Киммуриэля этот ритуал был либо занятием любовью, либо псионическим поединком — а может быть, и тем и другим сразу.

Пескатавав выпустил гудящую волну энергии, которая заставила рабов разбежаться, а пожирателей разума — слиться с центральным мозгом: иллитидский аналог приказа кормчего «Свистать всех наверх!». На мгновение, пока все устраивались, излюбленный иллитид придержал Киммуриэля.

- Ты уверен, что хочешь продолжить? - тихо спросил Пескатавав, поскольку любая телепатия сейчас была подобна крику.

- Промедление не поможет, - ответил дроу. - Ни мне, ни вам.

Его фраза заставила напрячься излюбленного иллитида, напомнив ему, что разум улья находится в огромной опасности, если дроу прав.

Пескатавав и Киммуриэль заняли свои места, бок о бок — а Киммуриэль ещё и рядом с Увунивиском. Излюбленный иллитид немедленно проник в разум Киммуриэля, заглушив дроу для всех остальных силой центрального мозга. Затем, снова через большой мозг, излюбленный иллитид заглушил всех, кроме Киммуриэля и Увунивиска.

Дроу изложил свои мысли, как раньше изложил их Пескатававу, и со скоростью телепатической передачи получил шквал отрицания и гнева от Увунивиска.

- Ты действуешь заодно с агентами Ллос, - обвинил тот. - Ты был с нападавшими в Лускане, в мыслях демона Азбила, помогая ему. Ты несёшь в себе желания Ллос, и ты принёс их в сообщество иллитидов.

Возражения Увунивиска продолжались, но без убеждённости. Здесь нельзя было солгать или спрятаться.

Всё произошло за считанные мгновения, и тогда Пескатавав снова открыл связь для всех.

Киммуриэль неоднократно участвовал в единых собраниях разума улья, но никогда не испытывал ничего подобного.

Даже близко.

Вихри гнева и отрицания обрушились на него, смешанные с ужасом при мысли, что его обвинения могут оказаться правдой. Он ощущал себя в сердце торнадо — не материального, разумеется, а в вихре многочисленных точек зрения, от которых ему стало так дурно и страшно, что захотелось убрать руку и навсегда сбежать из этого места.

Однако он не стал этого делать. Киммуриэль Облодра всю свою жизнь тренировал силу воли, и теперь она потребовалась ему вся без остатка. Он сосредоточился на единственной мысли, на далёком прошлом, и показал иллитидам заикленную петлю — падение дома Облодра и женщину-дроу, стоящую перед великим домом, когда тот падал в Клорифту, с маской экстаза на лице.

Верховная мать Ивоннель Бэнр. Ивоннель Вечная. Практически — аватара госпожи Ллос.

Вокруг Киммуриэля продолжали бурлить мысли всей колонии, растерянные, противоречивые, сражающиеся.

Дроу не терял сосредоточенности. Он сосредоточился и на иллитиде по соседству, Увунивиске, у которого не было защиты от этих воспоминаний. На самом деле воспоминания как будто ужаснули его.

Постепенно мысленный вихрь стал сглаживаться; одна из сторон стала громче.

Киммуриэль знал правду, и иллитиды её подтверждали: госпожа Ллос была не богиней, не королевой демонов. Нет, в этом отношении, с точки зрения существ, стремящихся к истине чистой мысли, госпожа Ллос была заразной болезнью. Увунивиск был заражён, болён. Иллитид стал проводником для очередной попытки Ллос заразить разум улья — и практически наверняка сам об этом не знал. Раньше в роли проводника, пытавшегося занести в улей инфекцию хаоса, выступал дом Облодра, а может быть, даже сама мать К'йорл.

Эта попытка провалилась, потому что когда наступило Смутное время, когда дроу, служившие Ллос, её возлюбленные жрицы и даже маги Мензоберранзана утратили свои волшебные силы — волшебные и жреческие сразу — амбициозные Облодра стали угрожать самой структуре, на создание которой Ллос потратила тысячелетия.

Поэтому Ллос потерпела неудачу.

Но Паучья Королева не сдалась. Как раз напротив. Коварная богиня, обладающая бесконечным терпением бессмертной, нашла даже более подходящий организм, чтобы прийти сюда и заразить центральный мозг, а следовательно — и весь разум улья.

Все мысли объединились, торнадо превратилось в ревущий ураган, отрицая попытку Увунивиска, отрицая само физическое существование Увунивиска.

Киммуриэль чувствовал протесты обречённого иллитида — не отрицание, а просто мольбу о милосердии. Теперь он всё понял. Может быть, Ллос была богиней — но в то же время и демоном, *и при этом* — существом, наделённым физической формой. Но она представляла собой нечто намного большее. Частица Ллос присутствовала в каждом разумном существе, обычно спящая, но могла пробудиться подобно заразе или инфекции. В разуме дисциплинированного иллитида такого не должно было произойти. Это казалось абсолютно невозможным.

Но только казалось.

Судя по всему.

Протесты Увунивиска были не особенно убедительными, поскольку даже сам иллитид в конце концов понял правду.

В одно мгновение Увунивиск был здесь, а в другое его уже не было — ради всего разума улья. Он сошёл с ума, каждая синаптическая связь в его мозгу смялась и погибла. Безумие стало пустотой, прекращением работы иллитидского сознания.

Иллитид испустил один последний мысленный крик ужаса, безмолвный вопль, который потряс Киммуриэля до глубины души.

Центральный разум так сильно зарыдал от скорби, что Киммуриэль отпрянул, его руку с силой отбросило от мясистой мембраны. Связь разорвалась. Он увидел, что

не один такой, что все илликиды тоже оглушены, онемели, пытаются найти некий баланс между тем потрясением, которое принёс им Киммуриэль, ужасом, который вынужден был открыть им Увунивиск, и ошеломительными эмоциями центрального мозга, который так внезапно стал уязвимым, что должен был уничтожить частицу себя — подобно дроу, вынужденному откусить собственный палец.

Рядом с Киммуриэлем на изгибающейся поверхности центрального мозга лежало безжизненное тело Увунивиска.

- *Да будет так*, - передал всем Пескатавав.

На том всё и кончилось. Для уничтожения тела невольного предателя привели рабов.

Киммуриэль сделал своё дело. Он предложил эту мысль Пескатававу, и излюбленный иллидид разрешил ему идти, чтобы позаботиться о более насущных проблемах, с которыми дроу столкнулся на своём родном плане бытия, среди собственного, менее совершенного народа.

Не было чувства благодарности, не было пожеланий успеха.

Всё просто было.

В жизни Киммуриэля Облодры случалось несколько похожих мгновений, когда он абсолютно иначе смотрел на своё жизненное путешествие, когда он отчётливо понимал разницу между эмоциями улья иллидидов и эмоциями Джарлакса.

Его единственного друга.

- Мы немедленно выступаем, - сказал Киммуриэль Вульфгару. - Пора встретиться с Бревиндоном Маргастером и покончить с этим.

- Сейчас? - спросил изумлённый варвар.

- Сейчас, - отрезал Киммуриэль. - Наш враг уязвим, но пока что не знает, что лишился одного из главных своих преимуществ.

- Я не понимаю.

- Да, я тоже, - присоединилась Милашка Чарли.

Киммуриэль вздохнул.

- Конечно, не понимаете. Это неважно. Вы оба только пили бы и блудили до конца своих дней, если бы занимались только тем, что понимаете.

Милашка Чарли нахмурилась, но Вульфгар рассмеялся.

- Киммуриэль пошутил. Не думал, что проживу достаточно долго, чтобы стать свидетелем такого события.

- Если не поторопишься, то скорее всего не проживёшь достаточно долго, чтобы об этом рассказать, - отозвался дроу. - Идём же, скорее.

Он протянул Вульфгару руку, и когда оба человека приблизились, неохотно протянул Милашке вторую. Киммуриэль знал, что ей с ними не место, но может быть Азбиил потратит на неё свой удар.

Двое приняли его руки.

- Он в Корабле Курт. Я хорошо знаю это место, и неподалёку от тронного зала там есть комната, с которой я неплохо знаком — приготовил её как раз для таких случаев.

- Как волшебный глиф для телепортации, - сказала Милашка Чарли.

- Грубо говоря, да, - ответил Киммуриэль. - Я не знаю, что нас ждёт, поэтому приготовьте оружие. Не хочу тратить свои навыки на простых прислужников.

Вульфгар хмыкнул.

- Ты понимаешь свою роль? - спросил его Киммуриэль.

Варвар кивнул.

- Одну из них.

- Это всё, что от тебя требуется.

- Посмотрим.

Киммуриэлю не понравилась уклончивость варвара. Он рассказал Вульфгару о своих планах, конкретно о том, что потребуется ему от варвара, чтобы обезглавить новый порядок в Городе Парусов. Он знал, что Вульфгар хотел большего — Киммуриэль ясно прочёл эту мысль, пока объяснял, как должен пройти бой.

Он телепатически передал спутникам образ комнаты, в которой они должны были появиться, и ещё одно предупреждение о том, что помещение скорее всего занято, а может быть даже охраняется.

Вульфгар едва успел кивнуть в ответ, как Киммуриэль подобно клинку сосредоточил свой разум на этой комнате и мысленно нарисовал в ней себя и двоих людей.

Они оказались там.

Как и предсказывал псионик — не одни.

Она блефовала. Она знала, что верховная мать не должна показывать сомнений — в конце концов, она является голосом Ллос. Но сейчас Квентл сомневалась. Больше всего она хотела остаться наедине для долгого отдыха, во время которого сможет обратиться к воспоминаниям мёртвой матери. Её прошлая медитация привела к неизбежному выводу, что победу Жиндии нельзя предотвратить, а значит, нужно найти способ разделить с ней триумф.

Но как?

Что ещё сложнее и хуже, хочет ли этого сама Квентл?

Она знала, что её союз распадается на части. Она силой заставила остальных присоединиться к этой кампании, чтобы расстроить планы матери Жиндии. Жиндия не должна была получить достаточных преимуществ, чтобы угрожать существующему порядку в Мензоберранзане, и Квентл воспользовалась этим в качестве стимула. Верховным матерям не хотелось попасть под фанатичное и жестокое правление Жиндии Меларн.

Но теперь Жиндия получила армию дружков, которых вернула к жизни госпожа Ллос. Квентл было достаточно тяжело справиться с тем знаменем, которое представляли собой конструкторы-захватчики — в конце концов, каким образом Жиндия могла получить их, если не в качестве услуги от Ллос? — но дружки заставили всех остальных, даже двух её ближайших союзниц в правящем совете, матерей Биртин Фей и Зирит Ксорларрин, нервно оглядываться по сторонам.

Судя по всему, лучшее, на что могла надеяться Квентл — заполучить для всех частицу славы этого великолепного завоевания. А оно было поистине великолепным. Квентл не могла этого отрицать, хотя ей очень хотелось.

Она знала, что в Мензоберранзане произойдёт передел власти, когда всё кончится. Если ей повезёт, мать Жиндия и дом Меларн станут третьим домом города. Конечно, это взбесит мать Зирит и потрясёт остальных союзников, преданных (или, по крайней мере, достаточно запуганных) дому Бэнр. Мать Мез'Баррис наверняка быстренько сговорится с Жиндией, создав новый грозный союз с целью раз и навсегда свергнуть дом Бэнр. Потому что если Жиндия Меларн станет любимицей госпожи Ллос, как сможет Квентл продолжать претендовать на мантию верховной матери Мензоберранзана?

А ведь это — самый оптимистичный сценарий.

А если нет, значит в тот самый миг, когда дроу вернутся в Мензоберранзан, она станет матерью второго дома — просто потому, что семь остальных матерей в правящем совете единогласно решат, что успехи матери Жиндии, получившие такое прекрасное благословение госпожи Ллос, должны быть вознаграждены местом во главе стола.

Сможет ли дом Бэнр выдержать это требование?

И как долго сумеет оставаться вторым домом?

Всё это входило в число причин, по которым Квентл вела армию — около пятнадцати тысяч солдат, жриц, волшебников дроу, и втрое больше рабов-гоблиноидов — к самым высоким ярусам Подземья, в пещеру, которая выходила в просторный мир на поверхности.

Прежде чем выступить из-под укрытия камня, они дождались, пока адский огненный шар не зашёл за край горизонта.

- Как далеко? - спросила Квентл, обращаясь к Сарибель Ксорларрин До'Урден. Она держала рядом двух благородных детей матери Зирит — на самом деле, расположила весь дом Зирит среди войск дома Бэнр. В конце концов, у Зирит было несколько дюжин могущественных волшебников, включая текущего архимага Мензоберранзана, и Квентл считала, что они могут понадобиться — хотя бы ради организации быстрого отступления двух домов обратно в город с помощью заклинаний телепортации.

Сразу за этим первым отрядом шёл дом Баррисон Дель'Армго. Мать Мез'Баррис постоянно хмурилась. Поскольку позади неё шли другие союзники Бэнров. Квентл понимала, что она знает правду: Квентл поместила Баррисон Дель'Армго в тиски, чтобы создать опустошение в её рядах, если ситуация превратится в междоусобную войну.

Но мать Мез'Баррис не могла воспротивиться, и это означало, что Квентл по-прежнему обладает властью.

Пока что.

Однако этот сценарий был последней отчаянной мерой Квентл, и она собиралась прибегнуть к нему только в случае крайней необходимости. Она не знала даже, присоединятся ли к такой западне верховные матери позади Армго — не была уверена даже по поводу Зирит.

Если быть до конца откровенной, Квентл не знала, сколько её собственных войск, в особенности тех, которыми командовала её сестра Сос'Ампу, подчинятся такому приказу! Сос'Ампу в первую очередь была предана Паучьей Королеве, её верность принадлежала Ллос, а не дому Бэнр.

Она была фанатично верующей.

Прямо как Жиндия Меларн.

Сарибель посоветовалась со своим братом Равелем, прежде чем указать на юго-запад.

- До разрушенной деревни меньше одного дня пути, - ответила она. - Успеем до рассвета, если поторопимся.

Квентл кивнула, но приказ отдавать не стала. Ей нужно было выиграть время, чтобы всё обдумать, чтобы оценить настроение других верховных матерей — женщин, которые всю свою жизнь оттачивали искусство обмана и двуличия.

- Отправляйтесь к матери Зирит, - сказала она двум дроу. - И к матери Мез'Баррис. Скажите им, что мы установим на поверхности широкий периметр. Они могут назначить в своих войсках не больше пятидесяти солдат, двух жриц и одного мага. Остальные часовые будут набраны у других правящих домов.

Они поклонились и поспешили прочь. Почти сразу же на их месте возникли Сос'Ампту, Минолин Фей и Миринейл.

- Мать Мез'Баррис отправит своего оружейника, - сказала Сос'Ампту.

- Нет, - возразила Квентл. - Не здесь. Она не опасается за Малагдорла в битве, но он слишком глуп, чтобы представлять её, если мать Жиндия узнает о нашей позиции и явится для переговоров.

- Возможно, - признала старшая жрица Сос'Ампту. - Дом Бэнр на линии фронта буду представлять я?

- Нет, - ответила Квентл, и Сос'Ампту онемела, как от пощёчины.

Квентл быстро продолжила, сказав правду о своём отказе в оказании подобной чести.

- Нет, сейчас ты нужна мне. Ты слышишь Ллос лучше всех, кроме меня самой, и твой совет будет крайне полезен в нашей прогулке по сплетённой здесь паутине.

- Может быть, лучше всех госпожу Ллос слышит мать Жиндия, - отозвалась Сос'Ампту, и настала очередь Квентл вздрагивать.

Это был первый признак осуществления её страхов.

Квентл превратила своё лицо в решительную гримасу и уставилась на неё, пытаясь заставить жрицу отступить, но Сос'Ампту была здесь не последним игроком — даже перед лицом верховной матери дома Бэнр и всего Мензоберранзана. Сос'Ампту была главой Арах-Тинилит, старшей жрицей Роши Богини, и занимала место в правящем совете. Квентл добавила девятое место за столом и отдала его Сос'Ампту, чтобы укрепить власть дома Бэнр.

Но теперь?

Мать Жиндия получила в дар двух захватчиков и сотни могучих чудовищ-драуков.

Посмеет ли Квентл заставить фанатичную Сос'Ампту выбирать между семьёй и Паучьей Королевой, между секулярным и божественным?

Окажется ли кровь важнее души?

Комната, в которой они возникли, показала Вульфгару, насколько Киммуриэль был уверен во власти Бреган Д'эрт над Лусканом. Как правило, волшебники

устанавливали свои приготовленные волшебные телепорты, комнаты, усыпанные двомерами, обеспечивающими безопасность путешествия, где-то в стороне. И Вульфгар думал, что это касается и Киммуриэля. Небольшие помещения, где можно в безопасности и уединении оправиться от дезориентирующих эффектов мгновенной транспортировки.

Но не здесь. Вульфгар знал эту комнату, несмотря на недавнюю перепланировку — большое помещение сбоку от бального зала огромного Корабля Курта. Теперь это была спальня, казармы, и трое нарушителей по прибытии оказались совсем не одни.

Стол перевернулся, и троица гноллов вскочила со стульев, потянувшись к оружию. На койках по периметру помещения зашевелились другие собакомордые злодеи.

Вульфгар без промедления ринулся к столу. Мимо свистнул небольшой кинжал, вонзившийся в руку гнолла, когда существо попыталось защититься. Гнолл взвыл и бросился к двери.

За первым кинжалом последовал второй снаряд, намного более крупный, и даже если бы гнолл увидел, он не сумел защититься от вращающегося Клыка Защитника. Молот ударил чудовище прямо в спину, оторвал от пола и швырнул его вперёд и вниз, где тот распростёрся и застонал.

Двое у стола подняли своё оружие — короткий меч и дубину — и свирепо оскалились, когда на них бросился вдруг оставшийся безоружным мужчина. Перед лицом жертвы, казавшейся такой простой добычей, в них пропало любое сочувствие к их другу.

Вульфгар не сбавлял скорости.

Он оскалился им в ответ, напугав гноллов.

Он набросился на того, что с мечом, призвав в руку Клык Защитника как раз перед тем, как достиг цели.

Гнолл сделал выпад, даже не осознавая, что у нападающего появился ещё один молот.

Вульфгар тоже ударил вперёд вершухой молота. Тяжёлое оружие легко перехватило меч и сбilo его в сторону. Варвар сделал длинный шаг вперёд, правая нога — ведущая, правое плечо повернуто вперёд, и продолжил удар, отшвырнув гнолла прочь.

Он вовремя пригнул голову и поднял правое плечо, чтобы отразить дубину гнолла справа. Рука онемела от удара, но он стерпел и опустил левую, разворачиваясь. При этом онемевшей правой рукой он взмахнул над вытянутыми руками гнолла, очертив дугу Клыком Защитника. Вульфгар развернулся по кругу, сменив ступни и бёдра коротким прыжком, затем нырнул вперёд, прежде чем гнолл успел убрать руки из клинча.

Он ударил создание по морде сбоку жестоким хуком слева и отпустил его, когда гнолл отшатнулся. Освободилось достаточно места, чтобы Вульфгар продолжил разворот правой рукой, подняв её перед собой и выпустив молот коротким броском, ударившим мечника прямо в грудь, когда тот наконец смог возвратиться в бой.

Вульфгар не следил за броском и надеялся, что выиграл себе достаточно времени. Он прыгнул на гнолла, которого оглушил кулаком, снова захватив его правой рукой, на этот раз — полнее.

Его левая рука принялась за работу, нанося удары, раскалывая челюсти собакомордого чудовища.

Гнолл снова попытался отстраниться, и Вульфгар позволил ему, но лишь чуть-чуть, схватив его за левое запястье, за руку с дубиной. Вульфгар рванул чудовище на себя — и оно не смогло сопротивляться этому рывку, несмотря на всю свою силу — затем варвар развернулся направо, ударив гнолла в грудь левым плечом. Он знал, что уязвим для укуса, если челюсть противника всё ещё работает, но был уверен, что окажется быстрее. Он продолжал тянуть за запястье, выпрямляя руку, и захватил левой рукой плечо противника в замок.

С неожиданностью, свирепостью и голой силой, которой гнолл просто не ожидал от человека, Вульфгар повернулся дальше направо и рванул руку, которой держал запястье гнолла, выгибая её так, как просто не должны гнуться конечности.

Локоть гнолла лопнул. Гнолл завыл от боли. Дубина полетела в другой конец комнаты.

Не успела она приземлиться, а Вульфгар уже отпустил левую руку, высоко подпрыгнул, разворачиваясь, и обрушился с высоты, выставив для удара правую руку, обрушив её под левый глаз гнолла с такой силой, что чудовище как будто внезапно смялось, как будто всё его тело просто сложилось, и когда Вульфгар приземлился и отскочил на шаг, эта энергия странным образом отскочила, словно поднимаясь от лодыжек гнолла.

Тот подскочил с пола и отлетел назад, непроизвольно, бессознательно выйдя за пределы контрольного левого хука Вульфгара.

Это было неважно. Встать обратно он всё равно не смог.

Но его товарищ оказался упрямым противником, и снова напал на будто бы безоружного человека. Похоже, он был слишком глуп, чтобы ожидать повторения одного трюка дважды, и бросился напрямик в атаку. Если гнолл и заметил, что здоровяк снова сжимает свой волшебный молот, то слишком поздно, чтобы что-то предпринять.

Обеими руками взявшись за большой молот, Вульфгар обрушил его вниз по диагонали, разбив гнолла плечо и пробившись дальше, отшвырнув противника в странном кувырке. Гнолл едва успел коснуться пола, прежде чем Вульфгар опустил ладонь на воротник его рубахи, и гнолл опять взлетел в воздух — правда, неподвижно, поскольку был уже мёртв.

Вульфгар бросил Клык Защитника на пол, схватил гнолла за промежность, поднял над головой и развернулся в поисках цели.

Он увидел, как новое создание поднимается с койки — Вульфгар разделался с первой парой так быстро и яростно, что этот едва успел заметить неожиданных нарушителей!

Сделав три шага к нему, Вульфгар воспользовался его товарищем как снарядом, с силой швырнув его. Снаряд и цель оба рухнули обратно на койку.

Вульфгар увидел, что к нему направляется ещё один гнолл. Он хотел призвать молот обратно в руку, но замешкался, заметив, что на спине противника повисла Милашка Чарли, одной рукой схватив его за шею, другой — втыкая в шею кинжал, покрыв шерсть красной жидкостью, заполнив воздух кровью.

С другой стороны шёл ещё один бой — гнолл против гнолла. На мгновение Вульфгар растерялся, пока не заметил Киммуриэля, спокойно наблюдающего за происходящим, управляя своей марионеткой.

Мимо него проковыляли Милашка Чарли и её импровизированный скакун, потом рухнули на пол. Вульфгар повернулся и одобрительно кивнул, когда подруга оторвалась от умирающего зверя. Он понял, что сама удача отвлекла его от гипнотизирующего танца зачарованного Киммуриэлем бойца, поскольку остался ещё один незамеченный варваром гнолл. Он выскочил из-за крупного шкафа, ближе к Милашке, чем к Вульфгару, и бросился на женщину, подхватив по пути Клык Защитника.

Вульфгар предупреждающе крикнул и прыгнул наперехват, зная, что не сумеет оказаться там вовремя.

Зная, что ему это не нужно.

Он выждал до последнего. Агрессивный гнолл обрушился на Милашку, занеся молот над головой, а затем варвар призвал Клык Защитника к себе.

Гнолл ударил неожиданно опустевшими руками и споткнулся. К его чести, он достаточно быстро выпрямился, чтобы уйти от ножа Милашки Чарли.

Вульфгар заревел, когда гнолл снова двинулся на женщину. Зверь покосился на него и вскинул руки от паники.

Как будто это могло помочь.

Клык Защитника ударил чудовище прямо в морду, подбросив далеко и высоко. На самом молоте от головы гнолла осталось больше, чем на теле.

Визг за спиной сказал Вульфгару и Милашке, что битва, которой управлял Киммуриэль, завершилась. Они поняли, что марионетка псионика одержала победу, скорее всего — благодаря изумлению, которое испытал его товарищ. Гнолл-победитель ковылял к Киммуриэлю, опустив руки по бокам.

Вульфгар хотел метнуть в него молот, сразу потому, что это был гнолл, и потому, что находил псионическое рабство глубоко оскорбительным.

Но не сделал бросок, поскольку дверь в комнату распахнулась, и за ней стоял Бревиндон.

Или, точнее, искажённое Азбиилом тело Маргастера — бугры мышц, тёмно-красная кожа, крылья летучей мыши на спине.

Бразлин просигналил спутнику в боковом тоннеле, подтверждая, что увидел доклад «всё чисто». Всё так и продолжалось с тех пор, как они покинули Иллуск по тем же тоннелям, где тянулись к Гонтолгриму ростки Главной башни. Им не встретилось ни единого врага, вообще никого так что они продвинулись на юг достаточно далеко — тем более с помощью Би'анзы Доссуина, волшебника из давно погибшего младшего дома Мензоберранзана и единственного заклинателя в их квартете. Обычно путешествие занимало от пяти до семи дней быстрым шагом, но благодаря отсутствию встреч и магической помощи, до наступления второго дня отряд Бразлина преодолел больше двух третей пути.

Он должен был радоваться этому, но пустота этих тоннелей беспокоила опытного разведчика. Должна быть какая-то причина.

И причина была, как узнал Браэлин, когда на перекрёстке его нагнал Би'анза Доссуин.

- Тоннели впереди забиты дроу, - сообщил ему волшебник. - Я отправил своё зрение вперёд.

- До самого Гонтлгрима?

Волшебник пожал плечами.

- Я не знаю, где заканчивается Подземье и начинается Гонтлгрим.

- Неважно, - сказал Браэлин. - Это мать Жиндия, а её мы должны избегать. Найди для нас путь на поверхность...

Он замолчал, поскольку Би'анза махал руками и качал головой, пытаясь его прервать.

- Это не дом Меларн, - сказал он. - И не дом Ханцрин, их союзники. Я видел знамёна.

- Так какой это дом?

- Будет куда проще назвать главные дома, знамён которых там *нет*.

- Назови, - приказал удивлённый Браэлин.

- Меларн и Ханцрин, - ответил Би'анза. - Остальные все там, с полными силами.

- Бэнры?

- Самые многочисленные.

- Неужели верховная мать покинула город? - спросил Браэлин, чуть не задыхаясь от шока.

- Ты считаешь, что я настолько глуп, чтобы задержаться там или приблизиться в любой форме, пытаясь это выяснить?

- Конечно нет, - сказал Браэлин, взяв себя в руки. - Нет, ты хорошо справился. Собери остальных, теперь будем держаться рядом.

- Отправимся на поверхность?

Браэлин замолчал, не зная, что ответить.

- Посмотрим, - вот и всё, что он смог сказать.

Рука Браэлина рефлекторно потянулась к волшебному свистку, который дал ему Киммуриэль. Однако он почти сразу же отпустил свисток, поскольку Киммуриэль заставлял его нервничать, и разведчик понимал, что должен сначала лучше разобраться в ситуации, и только потом призывать устрашающего псионика.

- Подготовь дополнительные заклинания ясновидения и яснослышанья, - проинструктировал он. - И любые другие, которые помогут нам узнать, зачем пришли эти дроу.

- Разве это не очевидно?

Браэлин готов был согласиться, но обдумав вопрос получше, решил, что ничего очевидного здесь нет. Завоевание Джарлаксом Лускана и положение короля Бренора в Гонтлгриме не вызвало недовольство дома Бэнр. На самом деле в результате этих событий верховная мать Квентл даже извлекла для себя выгоду.

Так что он понятия не имел, что здесь происходит, и почему в тоннелях полно войск, которые должны были оставаться в Мензоберранзане. Это его беспокоило.

Браэлин был учеником Джарлакса. Ему не нравилось незнание.

В это критически важное первое мгновение Киммуриэль призвал всё, чему научился у разума улья, вместе с тем бросившись под укрытие койки, чтобы защититься и не позволить Азбиилу и Бревиндону ясно разглядеть себя и понять, с кем имеют дело. В особенности он сосредоточился на глубочайших мыслях Увунивиска заражённого.

Да, он понимал этого пожирателя разума и его падение, поскольку Увунивиска заманили тем же узором лжи и нисходящей лестницей маленьких грехов и личных выгод в бездну без возврата и искупления.

Киммуриэль воспользовался этим — как выросший в Мензоберранзане дроу он хорошо подходил для подобной задачи.

Но перед ним был демон, воплощение зла. Азбиилу не требовалось искупление, он не испытывал сомнений, так что Киммуриэль понимал, что должен быть безупречен.

Он мысленно потянулся к Вульфгару. Тот уже набросился на демоническое создание.

- *Впусти меня!* - потребовал псионик.

Промедли варвар хоть на мгновение — и он оказался бы в отчаянном положении, но к чести Вульфгара в этот важный миг он полностью доверился Киммуриэлю.

Псионик немедленно почувствовал его планы, его движения, и тогда потянулся ещё и к демону, занявшему тело Бревиндона Маргастера, и сделал это под мысленной личиной Увунивиска.

Там, на корабле, Вульфгар не промахнулся; Азбиил уклонился потому, что заражённый иллитид делал то же самое, что сейчас делал Киммуриэль, передавал ему движения противника, чтобы демон мог их предупредить.

Киммуриэль поступил точно так же, предлагая Азбиилу преимущество. Он чувствовал удовлетворение чудовища.

- *Тебя не хватало,* - ощутил он ответ, подтверждающий правоту псионика.

Киммуриэль передал серию ложных, но агрессивных движений от Вульфгара, которые должны были держать Азбиила в обороне и не дать ему возможности обрушить этот здоровый волнистый меч на череп варвара.

Следующий взмах Вульфгара промахнулся — демон отступил и двинулся дальше в комнату.

- *Дверь!* - сказал Вульфгар Милашке. Он бросился на Азбиила, заставляя того отойти дальше от входа, а Милашка пробежала мимо чудовища, чтобы закрыть дверь.

Варвар продолжал натиск, и Азбиил сам ответил на мгновенную растерянность, переданную существу, которого считал Увунивиском, молча поздравив человека со сменой тактики, предотвратившей подход подкреплений.

- *Кто этот дроу?* - спросил Азбиил.

- *Свидетель от властей Мензоберранзана, который будет судить битву за Лускан,* - быстро нашёлся Киммуриэль.

Но демон ему не поверил.

Демон видел его насквозь.

Демон помнил его на корабле.

Демон, наверняка благодаря действиям предателя Увунивиска, знал о кинетическом барьере, который в том предыдущем столкновении обеспечил Вульфгару Киммуриэль.

Киммуриэль планировал обмануть Азбиила полуправдой о движениях Вульфгара, достаточной, чтобы вызвать у него уверенность, прежде чем пойти ва-банк и заставить демона повернуться налево, когда он должен будет повернуться направо.

Но сейчас он почувствовал шквал отрицания, отрезавший его влияние на тело раба Азбиила, а сам Азбиил был серьёзным противником.

Вульфгар и демон сошлись в битве на равных условиях.

И впервые за целую вечность Киммуриэль почувствовал сомнение.

- Не подходи! - приказал Вульфгар Милашке. Он восхищался храбростью женщины, но от её небольшого ножа не будет никакого толку против демона с этим огромным мечом.

Милашка отступила, и как раз вовремя — Азбиил прыгнул через всю комнату, и взмахнув крыльями, легко преодолел это расстояние.

Вульфгар бросился наперерез, Клык Защитника и меч демона громко зазвенели, столкнувшись вместе. Лёгкий поворот запястья демона завёл клинок под боёк молота, и могучее создание резко рвануло оружие на себя, пытаясь обезоружить противника.

Вульфгар потянул назад, его огромная сила вполне могла сравниться с силой противника. Он молча выругался, даже одержав в этом соревновании победу, когда понял, что мог воспользоваться положением и притвориться безоружным — трюк, который часто работал на него.

Он оставил эти мысли, погрузившись в текущее мгновение, и снова с силой потянул молот на себя, чтобы вырвать его, затем немедленно обрушил его на врага серией коротких ударов перед собой, продолжая наступать.

Азбиил попятился от первого, парировал второй (и едва не потерял меч) и, как ни странно, налетел прямо на третий, приняв жестокий удар вбок, чтобы подобраться к варвару.

Вульфгар был быстрее, чем можно было ожидать от человека таких размеров, и это спасло его, когда варвар убрал левую руку с Клыка Защитника и поднял её вперёд и вверх, чтобы подцепить поднятую руку Азбиила и не позволить демону воспользоваться мечом.

Они сцепились в клинче и принялись бороться, Азбиил кусал Вульфгара, Вульфгар тряс Азбиила как волк, перекусывающий хребет кролику.

Варвар почувствовал, как острые зубы изверга впились в щёку и завыл, вырывая голову, затем с невероятной силой ударил Азбиила лбом в лицо.

Демон отшатнулся, поднял меч обеими руками и начал его опускать, но Вульфгар ткнул Клыком Защитника вперёд, и верхушка молота врезалась Азбиилу в лицо и оттолкнула его слишком далеко, чтобы его удар попал в цель.

Вульфгар бросился следом, прыгнул, развернулся, продолжая удар, так что молот описал круг над его головой и обратно наискосок — один, два, три раза и больше.

Азбиил продолжал неуверенно отступать, каждый взмах Вульфгара промахивался всего на волосок.

Вульфгар следил за ногами демона — это был самый важный урок поединка, которому научил его Дзирт До'Урден. Следи за ногами противника.

Благодаря этому уроку варвар увидел и среагировал на контрудар ещё до того, как противник начал его — Азбиил сменил позицию, чтобы ткнуть мечом поверху после следующего взмаха молотом.

Клык Защитника полетел наискось, Вульфгар упал на колени с разворотом, который снова отправил молот наискосок, пока удар Азбиила прошёл прямо над ним. Он задел демона по ногам, отбросив Азбиила вбок. Вульфгар поднялся и теперь был вынужден убрать с молота правую руку, чтобы оттолкнуть Азбиила и не позволить ему перенаправить меч.

Он знал, что серьёзно ранил демона, но теперь Азбиил удивил его, бросив меч и вместо этого ударив варвара в голову кулаком.

В этом ударе была магия, которая поразила здоровяка тараном, превосходящим любой кулак.

Вульфгар полетел вбок и хрустнул собственными пальцами на рукояти молота в отчаянной попытке не позволить себе упасть, что стало бы для него концом. Он немедленно упёрся своей второй ногой и отскочил прочь — и услышал позади свист клинка Азбиила.

Спотыкаясь, пытаясь восстановить равновесие, он заставил себя выпрямиться и повернуться к Азбиилу, ожидая, что тот вот-вот обрушится на него.

Но нет, Азбиил почти не шевельнулся и теперь стоял очень прямо.

С Милашкой Чарли на спине.

Женщина орудовала кинжалом, но не на шее Азбиила.

Вообще не на Азбииле.

С восхищением и беспокойством Вульфгар смотрел, как она сломала цепочку, на которой висела подвеска, и бросила её Вульфгару, спрыгнув со спины демона, ослабив удар развернувшегося Азбиила — который всё равно швырнул её к стене, где женщина неподвижно обмякла.

Вульфгар выпрямился, взглянул на рухнувшую подвеску и обратно на демона, пытаясь выбрать свой следующий ход.

- А? - сорвалось с его губ, когда красная кожа и рога демона исчезли. Азбиил сделал шаг вперёд, но затем снова отступил назад.

Вульфгар узнал внутреннюю битву — человек и демон стали сражаться за власть, когда у них отняли филактерию. Он знал, что может подскочить и нанести смертельный удар, но хорошо помнил инструкции Киммуриэля и ту важную роль, которую должен был сыграть.

В тот миг, когда Милашка Чарли сорвала филактерию, Киммуриэль понял, что весь исход поединка зависит только от него.

Подобно копьё он швырнул свою ментальную энергию в тело Бревиндона Маргастера, пронзив мужчину и демона внутри него не менее надёжно, чем могло

любое физическое оружие. Эта первоначальная атака преследовала единственную цель: разделить двух враждующих духов в одном теле.

Как только он этого добился, как только он почувствовал борьбу между Бревиндоном Маргастером и Азбиилом, Киммуриэль обратил своё внимание на Вульфгара — и облегчённо вздохнул, когда свирепый варвар вместо своих жестоких и грубых человеческих инстинктов последовал указаниям псионика. В этом невесомом царстве духа Киммуриэль остро ощутил разрушение филактерии. Он знал, что Азбиил тоже это почувствует.

Так что псионик бросился в бой, который вели две сущности, занимавшие одно тело.

И ярко нарисовал Бревиндону Маргастеру будущее, которое ждало его в случае поражения.

Человеку некуда было бежать, не было филактерии, способной удержать душу для будущего сражения.

Для Азбиила поражение станет изгнанием. Для Бревиндона — смертью.

Азбиил знал это и атаковал человека всей своей силой воли, колотил его, сбивал с толку, обрушил на него всё, что мог. Демон желал изгнания не больше, чем человек желал смерти. И из-за этого у Бревиндона не было шансов на победу... не считая единственного шанса по имени Киммуриэль Облодра.

Киммуриэль поддержал Бревиндона. Киммуриэль возглавил контратаку на Азбиила. Она продолжалась несколько мгновений — целую вечность в царстве чистой мысли. Киммуриэль знал, что сейчас и здесь преимущество не на его стороне, поскольку Азбиил уже занимал телесную оболочку, а Киммуриэль вторгся со стороны.

Затем он перешёл в оборону, скорее поддерживая Бревиндона, чем пытаясь ослабить Азбиила, но оставил одну возможность, надеясь, что демон ею воспользуется.

Духовная битва означала духовную связь, и Азбиил мог воспользоваться ею, чтобы оказаться позади Киммуриэля, в теле самого Киммуриэля. Киммуриэль мог присоединиться к Бревиндону в теле человека, но Бревиндон не мог присоединиться к Киммуриэлю в теле дроу!

Не добившись преимущества, ожидая, что варвар всё равно скоро уничтожит это тело, Азбиил сделал свой ход.

И обнаружил, что Киммуриэль опередил его, ждал его, что дроу специально позволил перенести бой в своё тело.

Азбиил понял свою ошибку, как только полностью оборвал связь с телом Бревиндона. Киммуриэль усмехнулся.

Теперь преимущество было за ним.

Азбиил оставался грозным противником, но Киммуриэль всю свою жизнь изучал разум улья. Для него было естественным находиться в окружении других сознаний. Поддаться этим сознаниям означало безумие, или, скорее, смерть.

Он выжил среди этих сознаний. Процветал среди них.

А теперь с ним соревновалось лишь одно сознание.

Дух Азбиила был духом без пристанища, у которого осталось только два варианта: завладеть телом Киммуриэля или быть изгнанным.

Так что, на самом деле, у Азбиила был только один вариант.

Существование изверга на материальном плане подошло к резкому и продолжительному концу.

Вульфгар подошёл, собираясь уничтожить борющуюся оболочку, но замер — существо продолжало менять черты и цвет по мере развития внутреннего поединка.

Затем внезапно снова стало человеком.

Бревиндон Маргастер завыл от боли, хватаясь за сломанные рёбра, и рухнул, когда покалеченные ноги отказались его держать. На полу он стал корчиться, кричать и биться.

Вульфгар посмотрел на Киммуриэля в ожидании совета, и с надеждой посмотрел на Милашку Чарли.

В обоих случаях его ожидания не оправдались.

Он снова повернулся к Бревиндону, увидел, что мужчина успокоился. Он лежал на боку, правая рука поднялась в воздух ладонью вперёд, пытаясь остановить Вульфгара.

- Прошу, прошу, - умолял он.

Милашка Чарли шевельнулась и села. Только это остановило варвара.

Затем сверкнула вспышка, и последний, первобытный крик, сопровождающий призрачный облик краснокожего демонического эльфа, а затем всё это пропало.

- Бери его, - сказал за спиной Вульфгара Киммуриэль. - Он нам понадобится, но отсюда пора уходить

ГЛАВА 24

Эхо памяти

Стремительно, как атакующая гадюка, выбросив правую руку, Афафренфер перехватил топор за рукоять сразу под лезвием, всего в пальце от своего лица, и его захват был настолько сильным, что он мгновенно остановил удар. Правая нога Афафренфера взметнулась вверх и наискосок влево, затем хлестнула обратно направо прямо над поднятыми руками дварфа и вниз.

Упрямый дварф был достаточно силён, чтобы не позволить монаху вырвать топор у него из рук, но ему следовало просто отпустить оружие, поскольку нажим ноги монаха повёл его вперёд и вниз, руки неловко выгнулись, и Афафренфер ударил правой, вонзив заострённый обух топора в лоб дварфа.

Дварф завыл от боли и упал, оставляя оружие в руках монаха.

Почувствовав приближающееся давление, монах швырнул оружие за спину, закручивая его, и быстро развернулся, чтобы увидеть, как топор чиркнул по плечу второго противника, не нанеся реального урона — дварф повернулся налево, чтобы пропустить топор.

Но этого было достаточно, поскольку атакующий дварф так и не развернулся до конца обратно, и когда он приблизился, нога Афафренфера ударила его прямым

лицо, заставив запрокинуть голову. Он пошатнулся, и Афафренфер яростно налетел на него, колотя по голове, бросив его на землю.

Афафренфер снова развернулся в последний момент, выхватив брошенное копьё прямо из воздуха, перехватил его и бросил обратно в хозяйку.

Дварфийка тоже упала, схватившись за торчащее из плеча древко.

Монах почувствовал удар в бок и повернулся, но там никого не было.

Только тогда он понял, что это не удар, а арбалетный болт — монах увидел ещё двух дварфов. Один выстрелил и сейчас перезаряжал арбалет, другая нацеливала свой.

Афафренфер приготовился, ощущая боль в боку от глубоко засевшего болта.

Дварфийка выстрелила.

Рука Афафренфера метнулась вверх и наружу, отбивая болт, но движение вызвало сильный приступ боли, когда засевший в теле болт начал рвать внутренности. Монах инстинктивно потянулся к снаряду, затем вскинул левую руку, когда дварф, задетый брошенным топором, снова набросился на него, размахивая молотом.

Монах принял удар, его рука онемела, и контратаковал оглушающей открытой ладонью в лицо дварфа.

Но теперь на него нацелились два арбалета.

Он начал готовиться, затем неожиданно выгнулся, когда в его спину с силой вонзилось копьё.

Дварфийка надавила на него изо всех сил.

Афафренфер посмотрел вниз и увидел остриё копья, вышедшее из живота. Он почувствовал вкус крови во рту. Он поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть два арбалетных болта, летящих в грудь.

Руки не подчинялись приказам. Он не мог поймать эти снаряды, как не мог отразить их или заблокировать.

Он только смутно почувствовал, что копьё выдернули из спины, лишь отдалённо осознавал, что смотрит в небо, лёжа на спине, силясь вдохнуть.

Он знал, что должен немедленно встать.

Но...

Бревиндон Маргастер провёл немало распутных ночей в Глубоководье, окружённый множеством женщин и большим количеством выпивки. Став старше, на следующее утро он всегда качал головой, очнувшись от полубессознательности, обхватывая ладонями лицо, которое казалось слишком большим для его тела, и клялся, что больше никогда не станет поглощать столько алкоголя.

Сейчас он чувствовал себя также, только в несколько раз хуже — как будто выпил содержимое каждой бутылки на шумной вечеринке, потом долго его били по голове, а потом без перерыва тыкали в глаза пальцами.

- Просто убей его и покончим с этим, - услышал он женский голос.

Бревиндон открыл глаза — ему потребовалось несколько попыток — и оглядел незнакомую комнату. Он чувствовал затхлость, старую пыль. Где он оказался? Он ничего не понимал, хотя узнал трёх из пяти людей, находящихся в помещении вместе

с ним. Женщину, здоровяка, мелкого дроу... все они были на корабле во время сражения в гавани. Молот этого здоровяка сломал мачту невероятным ударом.

- Вульфгар, сын Бьорнегара, - проямлил Бревиндон, поскольку здоровяк не мог быть никем иным.

- Видишь, он тебя знает, и будь уверен — найдёт способ поквитаться, - сказала женщина. - Просто прикончи его.

- Скажешь ещё хоть слово, и здесь кто-то умрёт, - произнёс дроу. - Но это будет не он.

Бревиндон почувствовал руку на плече, повернул голову и увидел женщину-дроу с закрытыми глазами, читавшую заклинание. Он напрягся, ожидая смерти, но потом расслабился, когда по телу прокатились волны лечебной магии.

- Садись, - сказал мелкий дроу, и когда Бревиндон не отозвался сразу же, женщина схватила его за плечо и поставила на ноги.

- Ты знаешь, что с тобой произошло? - спросил мужчина-дроу, подходя совсем близко. - Ожерелье с филактерией...

- Азбиил, - сказал Бревиндон, и имя потрясло его — как и тот факт, что он неожиданно почувствовал такую свободу, какой не чувствовал уже несколько месяцев.

- Азбиил уничтожен, - объяснил дроу. - Больше он тебя не побеспокоит.

- Зато мы побеспокоим, - сказал другой мужчина-дроу, повыше, и Бревиндон моргнул и даже подумал, что может быть и правда перебрал накануне, поскольку мужчина прямо на его глазах преобразился, стал высоким и долговязым рыжеволосым человеком.

- Я — старший капитан Курт, - сказал он.

- Был, пока ты не решил напасть на наш город, - сказал другой дроу.

Бревиндон какое-то время пытался это переварить, потом прошептал — в первую очередь самому себе:

- Почему я ещё жив?

- Потому что ты поможешь нам очистить Лускан от твоих грязных гноллов и других наёмников, которых ты сюда притащил, - ответил дроу, назвавшийся Куртом.

- Ты поможешь нам навести в Лускане порядок.

- Гноллы, - повторил Бревиндон. Он покачал головой, не в знак отрицания сказанному, а отрицая сразу всё произошедшее. Как он мог быть таким глупым? Таким злобным? Он заключил союз с гноллами — с демоном! — как и другие вельможи из его дома.

Его дом... Дом Маргастер, некогда столь славный...

Что с ним стало?

Что он натворил?

- Тебя подчинил демон, - сказал мелкий дроу, и Бревиндон какое-то время сомневался, не произнёс ли он свои ужасные мысли вслух.

Потом вспомнил больше и понял, что этого не требовалось — не для этого дроу.

- Киммуриэль? - беззвучно прошептал он. Он думал, что это имя, имя дроу, этого дроу, который присутствовал в его мыслях, когда Азбиил набросился на саму его душу.

- Демон изгнан, - сухо произнёс Киммуриэль. - Азбиил тебя больше не побеспокоит.

- Его заменишь ты в моей голове? - горько сказал Бревиндон.

Дроу хмыкнул.

- Только когда мне захочется. Но мы можем обойтись без этого, если ты примешь предложенную сделку.

- Какую сделку?

- Ты выполнишь нашу просьбу и останешься занимать определённое положение в городе, - сказал ему старший капитан Курт. - Это щедрое предложение.

- Которое позволит Бревиндону Маргастеру хоть как-то восстановить свою репутацию, если он будет принимать разумные решения, - сказал здоровяк, в котором Бревиндон узнал Вульфгара.

- Надо было просто его прикончить, - сказала женщина.

- Значит, мне нужно выбрать? - снова спросил Бревиндон, просто чтобы прояснить всю эту сбивающую с толку информацию у себя в голове.

- Ты уже сделал выбор, - сказал ему Киммуриэль. - А теперь будешь делать то, что тебе скажут.

- Потому что иначе вы меня убьёте.

Ещё один смешок от Киммуриэля.

- У тебя слабое воображение, если ты так думаешь.

Бревиндон Маргастер ощутил волну жутких мыслей, хлынувшую в его разум, превращая каждое наблюдение и реакцию в образ чистого ужаса. Он закрыл глаза, прижал к ним кулаки. Он закричал во всё горло, пытаясь отразить это предложения, образы, эмоции.

Наконец они угасли, но только из-за Киммуриэля — мысленная реакция и отрицание Бревиндона не имели к этому никакого отношения. Дроу оставил его с полным пониманием, что он ещё долго будет умолять о смерти, прежде чем псионик окажет ему такую милость.

- Ты, верно, не понимаешь, каково это быть эльфом?

Брат Афафренфер слышал женский голос, но это был не голос дварфа, более мелодичный... далёкий.

Он почувствовал, как стучит кровь.

- Нет, я бы не хотел жить в мире без драконов.

На этот раз голос был мужским, эльфийским... нет, дроу. Знакомый ему голос.

Дзирт!

- Ты находишься в плену того, как мир видит тебя или того, как тебе кажется, тебя видят?

Безумие... женщина... внешность Кэтти-бри, но отличается, может быть, моложе — Афафренфер никогда не видел такой причёски. Но эти тёмно-синие глаза. Да, это Кэтти-бри.

Неожиданно Афафренфер увидел девочку, эльфийку, под разорванным телом эльфийской женщины — ей ли принадлежал первый услышанный им голос? Кровь, всюду кровь.

Его кровь?

Он снова увидел её, но уже не ребёнком, и он её узнал — ещё как! Он знал, что это та самая окровавленная девочка.

Он просто знал.

Но кто она? Откуда он её знает?

Глубокая печаль захлестнула монаха. Слова приходили эмоциями, образами, опытом.

- Смерть обычно является им спереди.

Снова голос Дзирта.

У Афафренфера закружилась голова. Он нашёл образ Парбида, такой ясный и близкий, что казалось — протяни руку и коснётся его снова. Видения собственной жизни мелькали вокруг него, любовники, страхи, отец, что отрёкся от него и вышвырнул из дома, последний взгляд на лицо матери.

Но с ними смешивались другие образы, как будто его память перемешивалась с чужой.

С памятью Дзирта, конечно.

Только смех dwarфов вернул его в настоящее, в материальный мир. Он открыл глаза и ощутил боль.

Вокруг него четверо dwarфов хвастались друг другу полученными в бою ранениями.

- Он прикончил его насмерть! - редела одна женщина. - Я с ним поквитаюсь за гибель моего мужа!.

Он увидел, как dwarфийка с копьём в руках подходит к нему.

Однако теперь всё обрело смысл. Афафренфер всё понял. Здесь Дзирт превзошёл оковы смертной оболочки, и фрагменты его воспоминаний остались вокруг — эхо призрака. Афафренфер был почти мёртв, почти что отправился в загробный мир, и поэтому услышал эти воспоминания, отчётливо воспринял их.

И в первую очередь ощутил радость Дзирта.

Ох, как же ему хотелось рассказать Кэтти-бри и остальным! Дзирта не стало, но захватчик не убил и не забрал его, нет! Дзирт спасся благодаря трансценденции. Он закончил это существование по собственной воле.

Чтобы обмануть захватчика и спасти их.

Дзирт не достался демонам. Теперь он был навечно им недоступен, попал в обитель красоты, мира и единства.

Место, где к нему вскоре надеялся присоединиться Афафренфер.

Он чувствовал умиротворение. Другьям Дзирта не стоило по нему плакать, ведь сейчас дроу слился в гармонии со вселенной, в обители чистой радости. Афафренфер отчаянно хотел сказать им об этом, но знал, что не уйдёт отсюда. Он был сломан, и даже если dwarфийка не проткнёт его копьём, его раны всё равно были смертельными.

Dварфийка склонилась над ним, уставилась полным ненависти взглядом и занесла копье, чтобы вонзить ему в грудь.

Брат Афафренфер улыбнулся, заставив её замереть.

Он знал, что время пришло.

Магистр Кейн был прав. И сейчас монах был готов.

Монах почувствовал, как распадается физическое тело, рассыпается на вспышки света, на рассеянные воспоминания, на рваные страницы книги, которая была братом Афафренфером.

Он сохранял материальное присутствие достаточно долго, чтобы увидеть испуганное выражение на лице дварфийки. Он хотел сказать, что прощает её, но не обладал голосом.

Её выражение сменилось с любопытства на страх, а потом — на чистую ярость. Неожиданно она подняла копьё и обрушила его вниз.

Но не попала в брата Афафренфера, поскольку его уже не стало. Она никуда не попала — разве что проделала дыру в пустых одеждах монаха.

- Быстро же он передумал, - сказала Милашка Чарли Вульфгару вскоре после разговора с Бревиндоном. - От лорда Глубоководья я ожидала большего гонора.

Вульфгар вздохнул.

- Киммуриэль, - объяснил он. - Не стоит недооценивать того, насколько он силен — и опасен. Я уверен, что псионик дал Бревиндону понять, что его ожидает в случае неповиновения.

- Ха! - фыркнула Милашка так похоже на Бренора, что Вульфгар чуть не рассмеялся.

- Поверь мне, - сказал он. - Киммуриэль — самое опасное существо, которое ты когда-либо встречала. *Самое.*

Его тон не оставлял места для споров и стёр усмешку с лица Милашки Чарли.

- Если ты забудешь об этом, я никак не сумею тебя спасти, - добавил Вульфгар.

- Проклятые дроу, - сказала она. - Почему тогда ты водишь с ними дружбу?

- С одним из них, - поправил Вульфгар. - Может быть, однажды я смогу рассказать тебе про Дзирта До'Урдена. Может быть, познакомлю с ним, и тогда ты поймёшь.

Женщина казалась неубеждённой.

- А может быть, я могу назвать друзьями двух дроу, - продолжал Вульфгар. - Джарлакс...

Он замолчал, когда в комнату вернулся Киммуриэль. Варвар заметил, что Милашка попятилась от приближающегося дроу. Да, она услышала его предупреждение.

- Вы оба будете подчиняться Беньяго, - сказал им псионик. - Я отправляюсь на юг.

- Гонтлгрим? - с нетерпением спросил Вульфгар.

- В конце концов — возможно, но пока нет.

- Возьми меня с собой.

- Глупец, я могу взять тебя только на смерть.

- Ты только что заставил меня сражаться с демоном. Я готов рискнуть. Возьми меня с собой, умоляю тебя, Киммуриэль. Разве я этого не заслужил?

Киммуриэль хотел что-то ответить, но промолчал и какое-то время разглядывал Вульфгара.

- Ты так отчаянно хочешь найти друзей, что готов рисковать своей...

- Да! - воскликнул варвар. - Конечно.

Киммуриэль обдумал его ответ.

- Ладно. Ты можешь оказаться полезным.

Он повернулся к Милашке.

- Подчиняйся Беньяго.

- Нет. Если он пойдёт, пойду и я, - сказала она.

- Нет, не пойдёшь, - просто ответил Киммуриэль.

Женщина стала спорить, но посмотрела на Вульфгара, а тот отрицательно покачал головой.

- Подчиняйся Беньяго, - сказал ей варвар. - Пожалуйста. Я вернусь за тобой. Даю слово.

- Я не такая дура, чтобы верить слову каждого мужика! - буркнула недовольная Милашка.

- Тогда ты приятно удивишься, - заверил её Вульфгар. Он подошёл, поцеловал её в лоб и прошептал на ухо:

- Я приду за тобой. Береги себя и подчиняйся...

- Да-да, я слышала, - проворчала она.

ГЛАВА 25

Огненный шторм

Ивоннель в тот же день отправилась навестить для разговора Кэтти-бри и случайно повстречала Пенелопу Гарпелл и Доннолу Тополино.

- Она так сильно рисковала с ребёнком в животе, - заметила Доннола после приветствия. - Значит, ты идёшь к ней?

- Жаль, что она не поговорила со мной, прежде чем спускаться в эту адскую бездну, - добавила Пенелопа.

От Ивоннель не укрылось их беспокойство и то, что они адресуют ей свои страхи.

- Она посоветовалась со мной и я умоляла её не идти, - ответила Ивоннель. - Я даже предложила пойти вместо неё. Но она слишком решительная.

- Упорная, - поправила Пенелопа.

- Упрямая, как настоящий дварф, - подтвердила Доннола. - А я-то в дварфах разбираюсь.

- Я вытащила её оттуда, как только потребовалось, - заверила их Ивоннель.

- Мы слышали, что она... ещё не отошла от этих переживаний, - сказала Доннола. - Думаешь, оно того стоило?

Ивоннель задумалась над ответом. Они были уже у дверей Кэтти-бри.

- Думаю, да, - решила она. - Нам нужно было знать, и мы многое поняли. Рискуют не только Кэтти-бри и её ребёнок. Если Мегера найдёт способ освободиться, от Гонтлгрима и всех здешних обитателей ничего не останется.

- И ты думаешь, что Кэтти сможет это предотвратить, спустившись в эту дыру? - спросила Пенелопа.

Ивоннель помолчала, потом кивнула.

- У неё было озарение. Она говорит, что кое-что придумала. Поэтому я здесь.

Дроу перевела взгляд с одной женщины на другую.

- А вы?

- Просто проверяем, как у неё дела, - отозвалась Доннола, подходя к двери.

- Но мы слышали, что она придумывает какой-то трюк, - признала Пенелопа, и они с Ивоннель догнали замершую на месте Доннолу.

Не успела Ивоннель поинтересоваться, в чём дело, как поняла, что из комнаты доносятся всхлипы.

- Каждую ночь, - тихонько пояснила Пенелопа. - Наверное, нам стоит уйти.

И она отвернулась.

- Нет, - удивила её Доннола. - Ради всех нас она пытается быть сильной и терпит горе в одиночестве.

Полурослица решительно покачала головой.

- Я этого не допущу.

Доннола решительно вошла в дверь, и Пенелопа с Ивоннель последовали за ней после быстрого обмена взглядами.

Кэтти-бри действительно плакала, но заметив гостей, сразу же втянула в себя воздух. Доннола направилась к ней, распахнув объятия, но Кэтти-бри подняла руку и выдавила:

- Не надо.

- Но подруга...

Кэтти-бри покачала головой, стиснув зубы, как будто сдерживая рыдания.

- Знаю, ты растаешь, если я тебя коснусь, - сказала Доннола. - Но я не в силах смотреть, как ты...

Она замолчала, когда мимо шагнула Пенелопа, отвела руку Кэтти-бри и схватила женщину в крепкие объятия. Как и предсказывала Доннола, Кэтти-бри растаяла и громко зарыдала — плечи дрожат, по лицу текут слёзы.

Доннола присоединилась к объятиям, и даже Ивоннель, чувствовавшая себя не в своей тарелке, подошла ближе и положила руку на плечо Кэтти-бри в утешающем жесте.

- Ты будешь сильной, - прошептала женщине Пенелопа. - Ты сильная. Но сейчас выпусти всё наружу. Тебе сдали плохой расклад, милая. Это совсем нечестно.

В своей юной жизни Ивоннель редко приходилось чувствовать себя настолько не в своей тарелке. Она хотела быть частью этого — Ивоннель испытывала сочувствие, которым делились с женщиной Доннола и Пенелопа и каждой клеточкой кожи ощущала боль Кэтти-бри. Кэтти-бри потеряла возлюбленного, а Ивоннель в какой-то степени так сблизилась с этой человеческой женщиной потому, что тоже чувствовала любовь между нею и Дзиртом.

Поначалу Ивоннель находила Дзирта весьма интересным и привлекательным, и даже думала, что может однажды стать его спутницей, но как только увидела Дзирта с Кэтти-бри, то сразу поняла, что её собственным желаниям придётся подождать. Между ними было нечто неуловимое, нечто прекрасное и нежное, и Ивоннель пришлось поступить нетипично для дроу, не пытаясь им помешать, и даже наоборот — находя в этом радость

Чувства между ними были так чужды ей! Но не полностью, знала дроу, хотя ей пришлось заглянуть очень, очень глубоко в память своей тезки, чтобы лучше понять их.

Точно так же было и с этой встречей. С этими общими объятиями.

Какой дроу повёл бы себя так?

Никакой, знала Ивоннель. Никто не стал бы плакать о потерянном любовнике, заменив слёзы усмешками и обещаниями мести.

И это, поняла сейчас Ивоннель, было слабостью.

Не этих людей, нет. Дроу.

Вскоре Кэтти-бри успокоилась, и Доннола с Пенелопой отпустили её. Ивоннель убрала руку с плеча женщины, но Кэтти-бри поймала её в свою ладонь. Встретив взгляд Ивоннель, Кэтти-бри благодарно кивнула.

Вернув себе самообладание, Кэтти-бри сделала глубокий, успокаивающий вдох.

- Мы здесь, если тебе что-то понадобится, - сказала Пенелопа.

- Я просто не в себе, - сказала Кэтти-бри, и для всех это прозвучало нелепо, даже для самой Кэтти-бри. - Как Реджис? - быстро спросила она у Доннолы.

- Я никогда не думала, что он может быть таким расстроенным, - ответила она. - Он говорит, что после собственного путешествия по загробной жизни всё знает, и это сдерживает его.

Кэтти-бри кивнула и выдавила улыбку, но на взгляд Ивоннель сама женщина казалась не слишком убеждённой.

- Я плачу о своей потере, а не о Дзирте, - сказала Кэтти-бри. - Если...

Она замолчала.

- Я знаю, что существует божественное правосудие, и мой любимый заслуживает рая больше всех на свете.

Разговор продолжился, и несмотря на срочность их миссии касательно Мегеры, что бы там ни придумала Кэтти-бри, Ивоннель не стала вмешиваться. Она просто слушала болтовню, делилась воспоминаниями о Дзирте, надеждами по поводу ребёнка. Доннола и Пенелопа обещали, что будут помогать с младенцем на каждом шагу.

Да, Ивоннель ждала и слушала, и дело было не в терпении. Она не хотела, чтобы это прекращалось. Этот простой момент разделённой боли, любви и надежды вдруг показался ей намного более важным.

Она наконец-то поняла с абсолютной ясностью, что за это они и сражаются. Ради этого Дзирт принёс себя в жертву.

Оно того стоит, решила дроу.

- Вы же не можете думать, что это сработает, - сказал Бренор, уперев руки в бока, пока Ивоннель и Кэтти-бри рассказывали о своём окончательном плане. Король дварфов покачал головой. Подготовка шла уже несколько дней, но Бренор до сих пор не мог поверить в их замысел.

- Но мы так думаем, - сказала ему Ивоннель. - Дроу — грозные противники даже без здешнего натиска. Мы не можем просто окопаться и удерживать позиции.

- Удерживать позиции? - спросил Бренор. - Мы уступаем позиции, как вы и просили.

- Мы отбросим их обратно, - заверила его Кэтти-бри.

- Да, мы, - вмешался Атрогейт и вскинул кулак. Дварф, полный гнева и жаждущий мести за свою драгоценную утраченную Амбергрис не прекращал возражать против этого плана. - Мы! Дварфы и полурослики, - он посмотрел на Реджиса с Доннолой. - И даже несколько вонючих дроу. Чего это вы думаете, будто нам понадобится...

- Если ты замолчишь, то услышишь вой собакомордых демонов, - оборвала его Ивоннель. - Они близко. Слишком близко. Даже не считая этих сражений, выступил уже весь Мензоберранзан, и когда войска дроу превратятся в единый кулак, они будут достаточно близко, чтобы верховные матери могли нанести удар своей магией.

Плечи Атрогейта поникли.

- Мы собираемся отбросить их до самого конца, - сказала ему, им, Кэтти-бри. - Но сначала мы должны сделать это.

- Я хочу входную пещеру, - сказал Бренор с той же убежденностью, что и его дочь. - Пускай попробуют пробиться через неё, когда мы будем готовы.

- Значит, договорились?

Бренор посмотрел на Доннолу и Реджиса, потом на своих королев, Кулак и Ярость. Все они согласно кивнули.

- У вас всё равно нет выбора, - сказала Кэтти-бри, вызвав недовольную гримасу отца. - Слышали дрожь? Земля трясётся под ногами, потому что зверь теряет терпение, а магия быстро слабеет. Водные элементали испаряются и скучают по дому. Мы должны сделать это, иначе скоро нам придётся прокатиться на вулкане.

- Тогда всё прекратится? - спросил Бренор.

Кэтти-бри посмотрела на Ивоннель, и обе женщины смогли лишь пожать плечами.

- Это лучшая идея, что у нас есть, - сказала Кэтти-бри. - Мы сможем нанести удар врагам и разобраться со срочным вопросом предтечи.

- Значит это должно сработать, - провозгласил Бренор, как будто король мог заявить подобное и заставить свои слова сбыться. Он покинул их группу и начал выкрикивать приказы своим командирам, включая своих закалённых в боях королев. Быстро разошлись вести о последних приготовлениях в назначенных тоннелях и о закрытии неиспользуемых проходов. Кузнецы заняли свои позиции в кузнях, в первую очередь — в самой великой кузне. Другие кузнецы и инженеры собрали многочисленные лишние меха и поспешили занять свои позиции.

Третья группа, целиком состоящая из воинов, в том числе Кишкодёров, обрушилась на кухни, чтобы набрать целые корзины опилок, затем поспешила навстречу дварфам с мехами.

- Меха? Ты уверена? - спросил Бренор Кэтти-бри, пока отряды продолжали свою работу, двигаясь с такой точностью и дисциплиной, что все защитники воспряли духом. Сила Гонтлгрима, клана Боевой Молот, всех делзунских дварфов заключалась в их преданности общему делу. Каждый из них принимал свою роль и довольствовался ею, веря, что другие дварфы поступят так же и выполнят свою работу.

- Мы уверены, - ответила Ивоннель. Она постучала пальцем по выбранным местам на разложенной перед ними карте Гонтлгрима. - Поставь дюжину дварфов в круглый бассейн с водой и пускай обходят его по краю, а потом прикажи им резко изменить направление — и течение окажется слишком сильным. Закройте эти двери,

откройте эти, как мы и планировали. Направим на наших врагов горячие ветра, направим наших неожиданных союзников в тыл нашим врагам, оставим перед ними топливо.

- Вжух! - добавила Кэтти-бри с маленькой злой улыбкой, которая была слишком хорошо знакома Бренору.

- Это ты всё придумала, да? - спросил король у Ивоннель.

Дроу указала на Кэтти-бри.

- Нет, всё она.

- Вжух! - повторила Кэтти-бри.

- Ага, вжух, - повторил король дварфов, качая волосатой головой.

Вскоре после этого с подготовленных позиций пришло подтверждение, и Кэтти-бри направилась к Великой Кузне. Женщина чувствовала кольцо на пальце, соединявшее её с планом огня. Когда двери горнила открылись, она испытала приток жара — на сей раз нужного жара.

Кэтти-бри вгляделась в бело-оранжевое пламя внутри, отросток Мегеры, похожий на один из тех огненных пальцев, которыми предтеча тыкал в неё. Она отвела взгляд и кивнула дварфам за горном, потом ощутила силу кольца, когда они открыли вентили.

Женщина позвала предтечу, чтобы тот вышел.

Кэтти-бри отчётливо услышала песнь огня, голос живого, разумного создания, формирующийся в этом жару.

Язык пламени ударил из горна, с рёвом прокатившись по воздуху.

Кивок Кэтти-бри, жест Ивоннель — и дварф закрыл дверь горна, отрезав источник огненной энергии. Однако покинувший горнило клубящийся шар пламени не угас, а продолжал гореть, приобретая форму, вырастив две ноги — живое существо, похожее на огромного, окутанного пламенем медведя. Это была часть Мегеры — по крайней мере, в прошлом, поскольку сейчас она стала отдельным существом, как будто они приняли роды, отрезав этот росток от энергии предтечи, и теперь потомство стало независимым.

Кэтти-бри услышала имя нового элементаля — она не могла его произнести, но могла подумать, и это всё, что требовалось, чтобы получить власть над огненным чудовищем. Она дождалась сигнала из открытого прохода, затем отправила монстра по его пути к разрушению.

Двери горнила открылись, и Мегера снова ударил наружу своей огненной силой, и ещё один отросток был отсечён, и родился ещё один элементаль. На сей раз для его подчинения своей магией воспользовалась Ивоннель. Она показала элементалю ожидающих врагов и послала его за ними.

Так всё и продолжалось. Две женщины сменяли друг друга. Огненные элементали, пламенные саламандры, живые шары пламени — небольшие, но раскалённые добела от невероятной энергии. Все эти существа из огня, частицы Мегеры, направлялись по выбранному пути — единственным открытым для них тоннелям. Они были голодны, жаждали топлива.

Кэтти-бри обнаружила, что ей тяжело дышать, но знала, что нельзя поддаваться слабости. Она одного за другим с лёгкостью отправляла этих существ по нужному

пути, давая им то, чего они хотели: вещи, которые можно было сожрать и сжечь, чтобы распахнуть свои пламенные крылья.

Когда дверь горна закрылась в последний раз — Ивоннель достигла своего предела, и Кэтти-бри, подняв руку, согласилась, что тоже устала — женщина стала читать другие заклинания вместе с дроу, дварфийскими жрицами и троицей волшебников-полуросликов. Ивоннель возглавила ритуал своим следующим заклинанием, создав сильный ветер, объединив волшебную силу собравшихся, чтобы нацелить поток воздуха в спину созданиям пламени, увеличивая их мощь, ускоряя запланированную катастрофу.

Воюющие ветра ринулись по коридорам, подгоняя, питая и подталкивая живое пламя.

- Твою атаку даже безрассудной нельзя назвать, - упрекнул Джарлакс сидящего на каменном столе Закнафейна, ранами которого занимались пара дварфийских жрецов.

- Пять старших извергов отправились домой в Бездну, - ответил Закнафейн. - Думаешь, риск того не стоит?

- Думаю, наши друзья — в особенности твоя невестка — уже перенесли одну большую потерю. Не хочу добавлять к ней другую.

- По-твоему, я стану для них потерей? - ответил Зак. - Они... она едва меня знает, и не думаю, что я пришёлся ей по нраву.

- Наверное, нет, - невозмутимо согласился Джарлакс. - Но давай не будем рисковать.

- Никакого риска, - отозвался оружейник. - Просто парочка здоровых птиц и шестиногий пёс.

Джарлакс хмыкнул в ответ.

Дверь распахнулась, и молодая дварфийка сунула голову в помещение.

- Оно идёт, - сказала дварфийка. - Как волна.

Джарлакс кивнул — он почувствовал жар, как только открылась дверь.

- Хочешь понаблюдать? - спросил он Зака.

- Понаблюдать? Да я сам побегу за огненными тварями. Они не смогут убить всех, - ответил Зак. Он отмахнулся от лекарей и соскочил со стола, натянул мифриловую рубаху, подаренную Кэтти-бри, затем подхватил свой пояс с ножнами.

- По крайней мере, я на это надеюсь. А этот клинок жаждет сражения ещё больше моего! - закончил он, доставая Ледяную Смерть из ножен.

По короткому коридору, через пару комнат, затем по более длинному коридору, они пришли к косой двери в конце прохода — правая стена была длиннее. На этом участке Гонтлгрима было много угловых перекрёстков, боковые коридоры росли из главного прохода подобно низким ветвям дерева. Здесь двое дроу остановились, поскольку почувствовали сильный жар по ту сторону и заметили мерцание живого пламени.

Обитая железом дверь из тяжёлого окаменевшего дерева дымилась.

- Открывай её и сразу прячься мне за спину, - приказал Джарлакс, доставая огромное перо из-под ленты на шляпе.

- Хочешь поджарить цыплёнка? - удивлённо спросил Зак. - Шторм ещё не прошёл.
- Ты думаешь, что у этого пера только одно применение? - отозвался бродяга. -
Доверься мне, - добавил Джарлак, когда Зак молча уставился на него.

- Эти слова стали последним, что слышали некоторые твои друзья, - сказал Зак.

- Дверь, пожалуйста, - повторил Джарлак.

Ещё какое-то время Зак сверлил его взглядом, затем обернул руку в свой тяжёлый пивафви и осторожно потянулся к засову, удерживающему дверь. Он отодвинул засов, затем схватился за кольцо на двери и распахнул её.

По крайней мере, попытался, поскольку ветер с той стороны был таким сильным, что живое пламя съело весь воздух, и проход оказался запечатан.

- Ха! Что это ты задумал, лысый негодяй? - раздался позади них голос, и они обернулись. Навстречу им спешил Атрогейт в компании нескольких дварфов.

- Открыть эту дверь, - сказал им Джарлак.

- Плохая идея, - заявил черноволосый дварф.

- Доверься мне, - сказал Джарлак, и Атрогейт громко хмыкнул.

- Неплохую репутацию ты заслужил, - заметил Зак.

- Повсюду угли, жар и пламя, - провыл Атрогейт. - Откроешь дверь — сгоришь с концами!

- Просто... - вздохнул Джарлак и прикрыл ладонью лицо.

Атрогейт заревел, празднуя свою удачную рифму, затем протолкнулся мимо наёмника.

- Отойди, - сказал он Заку и схватился за дверное кольцо рукой в тяжёлой перчатке.

- Значит, ты всё-таки ему доверяешь? - спросил оружейник дварфа.

- Он вспыхивает, как свеча — сам виноват, - ответил дварф.

Закнафейн отступил к остальным дварфам, заметив, что один из них тащит большую корзину, полную опилок.

Атрогейт посмотрел на Джарлакса и кивнул, затем потянул за кольцо.

Дверь даже не шелохнулась.

Дварф озадаченно повернулся к ней.

- Воздух с другой стороны, - начал объяснять Джарлак, потом просто покачал головой и позвал дварфа обратно. Хорошенький шторм должны были нагнать Кэттибри с Ивоннель, раз даже Атрогейт с его поясом силы великана не смог открыть дверь!

Атрогейт схватил кольцо обеими руками и потянул, но дверь не поддавалась. Он отпустил кольцо и пнул тяжёлое дерево и проворчал:

- Ну ладно, пойдём. Я знаю другой путь.

Он поспешил мимо Джарлакса, который снял шляпу и качал головой. Когда Атрогейт отошёл на безопасное расстояние, Джарлак достал из шляпы свою переносную дыру и бросил её вперёд. Она легла прямо на дверь, немедленно открыв в ней широкое отверстие и обнажив бушующую за дверью бурю.

Оранжевый свет пламени освещал тоннель. За дверью свирепствовали пожары и вихри, мчавшиеся слева направо перед глазами испуганных наблюдателей. Они видели отдельных элементарей, огненных саламандр и несущиеся волны пылающих углей.

Джарлакс вырвал себя из оцепенения, прошептал что-то своему перу и принялся махать им перед собой.

- Он что, пытается взлететь? - спросил у Зака Атрогейт.

- Может, это веер? - произнёс сам Зак, ни к кому конкретно не обращаясь. - Это что-то новенькое.

- У него всегда есть трюк в запасе, - сказал, или, скорее, проревел Атрогейт — потому что теперь Джарлакс тоже создавал собственный громкий ветер, дующий перед дроу и странным образом раздувающий пламя в сторону, как будто присоединившись к буре в тоннеле.

Атрогейт и его товарищи-дварфы подхватили свою корзину и бросились следом за дроу, высыпав стружку в вихрь Джарлакса. Опилки полетели вперёд, в коридор, в огонь, где немедленно загорелись и были подхвачены потоками воздуха.

- Ничего нового, - ответил на замечание Зака Джарлакс. - Это только для тебя в новинку.

Зак лишь покачал головой. Он не удивлялся ничему, связанному с Джарлаксом.

У начала длинного прохода, в нескольких шагах по боковому коридору, через который туда входили огненные создания, у мехов разных размеров трудились команды dwarфов, направляя потоки воздуха в главный тоннель, в устроенную Кэтти-бри и Ивоннель бурю, раздувая пламя огненных монстров, несущихся по основному проходу, придавая им ускорение могучими ветрами.

Далеко впереди в том же проходе наступали демоны, большие и малые, хотя в основном малые — пушечное мясо сил вторжения. Старшие изверги тоже приняли участие в атаке, которая углубилась в dwarфийский комплекс намного сильнее, чем раньше.

Изверги в передних рядах — в основном, маны — ощутили растущий жар, но для тупого мяса это ничего не значило. Их передние группы преодолели долгий изгиб направо, и навстречу демонам ринулись порождения, изрыгнутые Великой Кузней.

Скорее как поток воды, несущийся через лес, чем как камни, ударившие в прочный барьер, огненные элементы захлестнули манов, заполнили пространство между ними, поджигая их и превращая в живые факелы. В волне пламени младшие изверги растворялись и падали, обгоревшая кожа пылала и слезала клочьями. Коридор наполнился протестующими воплями, которые вскоре затихли, когда маны превратились в груды обгоревших костей и праха, в дым, подхваченный ветром бури.

Элементы насытились, разрослись и помчались дальше.

Оно знало.

Мегера раскусил хитрость Кэтти-бри. Она услышала это в мозгу предтечи, когда потянулась в его разум — и великое богоподобное создание молча потянулось к ней в ответ.

Теперь, пока другие заклинатели продолжали ритуал ветра, Кэтти-бри дрогнула, погрузившись в какофонию мыслей и протестов чудовища. Она осознала истинную силу Мегеры, величественную и пугающую. И гнев. Проведённое в пропасти время

показало ей физическую силу предтечи, а это новое событие открыло женщине нечто ещё более ужасающее. Это был не какой-то цирковой медведь.

Нет, Кэтти-бри поняла, что по сравнению с такими, как Мегера — это она дрессированное животное.

Вокруг неё кружились приказы — полностью открыть горн, закрыть вентили в прилегающей комнате и убрать водяных элементарей, принять сторону Мегеры, одного лишь Мегеры, и разделить с Предтечей красоту огненного разрушения — а значит, и огненного созидания. В один миг Кэтти-бри увидела мультивселенную глазами Мегеры, через призму его желаний, и именно в это мгновение её колени подкосились, а заклинание рассыпалось.

В конце концов, она была всего лишь человеком, смертным существом, которое не могло постичь всю суть Мегеры до конца.

В своей неудаче она продемонстрировала собственные ограничения, и эти ограничения вызвали у Мегеры новые ощущения.

Предтеча разочаровался в ней.

Она была бесполезна для него.

Он был зол на то, что она выманивала его отростки для собственного использования.

Теперь Мегера пообещал отомстить.

Кэтти-бри забрала его часть, и поэтому он тоже заберёт часть от неё.

Кэтти-бри украла детей Мегеры, рождённых элементарей, и значит Мегера...

Женщине стало жарко, она задрожала. Она знала, что лицо краснеет... от внутреннего жара.

Кэтти-бри ощутила укол в мозгу, в сердце, в чреве. Она услышала под ногами всплеск, и посмотрев туда — голова кружилась — увидела кровь между ног.

Странно, но Кэтти-бри так и не оторвала взгляда от этой крови, ударившись о каменный пол, когда все силы — а вместе с ними и надежда — покинули её.

По коридорам промчался бушующий огонь, испепеляя младших извергов, обжигая старших демонов, а следом за вихрем пришёл второй — на этот раз из мифрила и мускул, из смертной плоти и поющих голосов.

Подгоняемые ветром позади и королём Бренором впереди, истекающие потом дварфы бросились в атаку по тоннелям, ещё светящимся от остаточного жара. На их тяжёлых сапогах плавилась подошвы, но дварфы всё равно продолжали бег. Они сражались за свой дом, за свою родню, за своего короля.

Редкий изверг мог уцелеть после шторма, и дварфы втоптали в дым тех немногих, кто ещё цеплялся за своё пребывание на материальном плане.

Но по мере их продвижения коридоры становились всё прохладнее. Число сгоревших демонов уменьшилось, а живых и готовых сражаться — увеличилось.

Бренор, а точнее, выдавший виды топор Бренора, с готовностью возглавлял путь, раскалывая череп глабрезу, разбивая клюв в рока.

Оказываясь на развилках или перекрёстках, воинство дварфов разделялось, назначенные заранее ударные группы отправлялись по своим маршрутам в коридорах, служивших домом клану Боевого Молота.

Они сражались за каждый шаг, но поднимались всё выше, прорываясь через демонов, уже наполовину перебитых отрыжкой предтечи.

- Крючники! - крикнул Бренор, когда его главный отряд вышел на середину большого, высокого зала, лестницы которого были подняты или отсутствовали вовсе. Команды dwarфов с крюками-кошками забросили их на круглую лестницу примерно в двадцати футах от пола.

Бренор первым полез на верёвку, мощными рывками поднимая себя вверх — одна рука за другой. Когда он добрался до лестницы и платформы вверху, он удивился — хотя каким-то образом ожидал этого — когда увидел, что Джарлакс и Закнафейн уже смотрят сверху, подгоняя его и товарищей.

Бренора встретили мёртвые демоны, в том числе несколько старших извергов, когда он прибыл в коридор на следующем уровне. Стены и пол здесь были холодными. Если огненные элементы и добрались досюда, у них уже не осталось сил — на трупах демонов не было ожогов.

Были колотые и резанные раны, но не ожоги.

- Давно ждёте? - спросил Джарлакса король dwarфов.

- Отличный план, - отозвался дроу. - Живой огонь забрал пушечное мясо врага.

- Ты не ответил на мой вопрос.

- Недавно, - сказал Джарлакс.

- Этот сражается, как сын, - пояснил Атрогейт, выходя из комнаты. Позади него на полу лежал огромный искалеченный кусок испаряющегося демона.

Бренор оглядел просторное помещение и заглянул в коридор. Пол всюду был усеян тушам демонов, воздух заполнен дымом от их испаряющихся тел. Вокруг исчезающих трупов расхаживала здоровенная диатрима Джарлакса, поклёвывая их.

В дальнем конце он заметил чёрную фигуру Гвенвивар. Пантера потягивалась, выгнув спину.

Дварф покачал головой и хмыкнул.

- В тронный зал? - спросил Джарлакс.

- Не могу представить более подходящего для меня места, - ответил Бренор. Он двинулись дальше во главе с Гвен, искореняя группы демонов. Вскоре им стали встречаться всё новые и новые ударные группы dwarфов, возникающие из боковых коридоров. Почти у всех были признаки недавних сражений.

Однако успех дался им непросто. В этот день многие герои клана Боевого Молота нашли свою гибель, и ещё больше было раненных, но цель была уже близка, и воинство dwarфов несло вперёд как каток, принимая потери и зная, что всё это — ради высшего блага.

Здесь наверху было меньше боковых помещений, меньше альтернативных маршрутов, и продвижение превратилось в сосредоточенный, ревущий натиск под стук по щитам.

Дварфы колотили мечами, топорами, булавами, молотами, топали сапогами — у многих отваливались подошвы после жара нижних коридоров.

Они пели, они стучали, они кричали, они сражались, они погибали.

Но продолжали мчаться вперёд.

Они ворвались в тронный зал, прямо в объятия демонической орды.

Но не поколебались и не дрогнули.

Когда на поверхности, не так уж и высоко над ними, настал рассвет, король Бренор Боевой Молот снова сидел на троне Дварфийских Богов.

- Дай мне свою силу, Клангеддин Сребробородый, - обратился он к богу войны.

- Дай мне шёпот скрытой правды, - попросил он Думатойна, Хранителя Тайн Под Горой.

- Дай мне свою стойкость, и пускай парни знают, что ты со мной, - молился он Всеотцу Морадину.

Большой входной зал зиял снаружи.

Его удерживали дроу, демоны и чудовищные драуки.

Бренор хотел получить его обратно.

Он почувствовал ответ своих богов, всех троих, в виде устремившейся в его конечности силы. Дварфийский король, который соскочил с трона Дварфийских Богов, был намного крупнее, чем тот, что на него сел.

- Вперёд! - проревел Бренор голосом, который благословили его боги.

Другие знали об этом и испустили боевой клич, и бросились в атаку, заполонив каждую пещеру Гонтлгрима, отвоевав пляж на ближней стороне пруда, а вскоре — отбив и мост, и продолжали гнать демонов назад и назад.

Назад.

Он должен был рассказать Бренору о событиях снаружи. Тибблдорф Пвент сосредоточился на этой мысли, на этом долге. Он возвращался по тем коридорам, что удерживали дварфы, в виде облака прятался в трещинах и струился по потолку, притворяясь дымом из кузниц или паром из разлома с предтечей.

Множество раз вампиру приходилось останавливаться, отступать или просачиваться в другое помещение через трещину, поскольку почти каждый встреченный дварф, в особенности те, кого Пвент узнавал, зывали к нему, к его одиночеству, к его голоду. Создать себе товарищей было так просто.

Он должен был рассказать Бренору о событиях снаружи, о собирающихся дроу!

Наконец оказавшись в кузне, Пвент обрадовался, когда увидел Кэтти-бри — решил, что и Бренор где-то неподалёку. Он огляделся, заметил дварфийских жрецов и жриц, заметил женщину-дроу, Ивоннель.

Его внимание привлекла одна из жриц, привлекательная женщина по имени Копетта.

Медноголовая, подумал вампир — это была кличка, которую он дал ей несколько лет назад из-за её длинных, золотисто-рыжих волос, а ещё потому, что она могла ударить быстро, как змея, всякий раз когда берсерк переступал черту. Другие дварфы звали её Пенни, обычным делзунским названием мелких медных монет. Но для Пвента она всегда была Медноголовой. Эта девушка давно нравилась Пвенту. Он почти не выдержал, увидев её сейчас... нет, не выдержал и начал строить замыслы. Выйди она из комнаты, даже из поля зрения основной группы, он мог бы превратиться и вонзить клыки в её шею.

Он взял бы её за руку и улетел прочь.

Ей бы понравилось быть такой же, как он.

Они будут вместе навечно.

Медноголовая.

Пвент чувствовал её мягкое касание, снова слышал её острый язычок, чуял кровь — в основном он ощущал запах крови. Её крови, думал вампир, ожидая поцелуя.

Он понял, что спускается с потолка, отделяясь от дыма кузниц. Запах крови стал гуще, взывал к нему, говорил ему, что пора наконец сдаться, принять свою судьбу, взять себе спутницу.

Или множество спутников.

Кровь... такая сладкая...

Потом он увидел. Это была вовсе не кровь Медноголовой. Это была кровь под ногами Кэтти-бри, стекавшая по её бёдрам!

Кэтти-бри рухнула на пол. Кровь пропитала её платье в промежности.

Дроу бросилась к ней. Дварфы бросились к ней.

Ивоннель начала выкрикивать приказы, но Пвент не слышал. Сейчас — нет. Глядя на то, как упала его дорогая принцесса Мифрил-Халла — нет.

Он не чувствовал запах крови.

Кровь.

Они унесли Кэтти-бри.

Пвент парил над красной лужей, не зная, что делать, не в силах отличить добро от зла. Может быть, ему нужно было догнать Кэтти-бри и сделать её вампиром, чтобы спасти. Да, чтобы спасти!

Но это же будет неправильно, настаивал растерянный дварф. Неужели он больше не мог отличить плохое от хорошего? Где заканчивался Пвент и начинался вампир? Где заканчивались долг и честь, и начиналось желание?

Дварфа устыдила одна лишь мысль о том, что он действительно готов был передать своё проклятие драгоценной Кэтти-бри. Он улетел из кузни по небольшому боковому коридору в просторный, заполненный паром зал, где находился разлом с предтечей. Однажды он бросился в этот разлом вместе с огромным пауком-конструктом, желая сразу спасти своего возлюбленного короля Бренора и прекратить собственные мучения. Но вылетел обратно и снова потерпел поражение.

Проклятие вампира не позволяло ему уничтожить себя.

С каждым днём оно становилось сильнее.

Он хотел укусить Кэтти-бри! Дочь короля Бренора!

Он вылетел из зала через кузницу и полетел дальше. Он знал, куда они направляются, знал покои Кэтти-бри, и там обнаружил женщину в её кровати, окружённую жрецами, среди которых была Медноголовая и дроу по имени Ивоннель.

Он смотрел, как они лихорадочно трудятся, накладывая заклинания на женщину, которая казалась так близка к смерти. Ивоннель тоже читала заклинания — но не исцеляющие, а скорее прорицательные. Вампир Пвент почувствовал силу её магии и отпрянул, испугавшись, что она ищет его.

Но нет, дроу бросилась к Кэтти-бри, взяла женщину за руку и настойчиво, даже резко потянула. Она отступила на шаг, подняв кольцо, кольцо Кэтти-бри, и надела его себе на палец.

Ивоннель закрыла глаза и стала настойчиво что-то говорить на языке, который был незнаком вампиру — и дварфийским жрецам тоже, судя по их виду.

Закончив, дроу прошла мимо них обратно к Кэтти-бри и снова стала читать заклинания, проводя ладонями над лицом женщины, создавая стекающую на Кэтти-бри воду, а затем наклонилась и подула холодным дыханием на этот волшебный дождь, как будто физически пытаюсь остудить Кэтти-бри.

Пвент не понимал, что происходит — как, очевидно, и другие дварфы, но вскоре принцессе Мифрил-Халла как будто бы стало легче, дварфы облегчённо вздохнули и закивали друг другу.

Пвент просто парил, сражаясь со своими желаниями, пытаюсь не обращать внимания на запах крови, пытаюсь не глядеть на Медноголовую, прекрасную Медноголовую.

Она могла быть такой же, как он.

Вечной.

Вампир выскользнул из комнаты.

Он должен был рассказать Бренору о событиях снаружи Гонтлгрима.

Но где был Бренор?

Пвент не улетел. Он не мог.

Кэтти-бри... Медноголовая... сладкая, сладкая кровь.

Злоба, которую она почувствовала через кольцо, удивила Ивоннель — не из-за своей силы, а из-за своего оттенка. Это был не гнев, а просто раздражение человека, который прихлопнул укусившее его насекомое. Не было ни чувства сожаления, ни намёка на угрызания совести или жалость.

Мегера прихлопнул Кэтти-бри за её фокус. Каким-то образом зверь перенёс часть своей эссенции в женщину и с её помощью создал эту сильнейшую лихорадку. Достаточно сильную, чтобы навредить её ребёнку — или нанести неизлечимый вред самой Кэтти-бри. Может быть, даже достаточно сильную, чтобы убить их обоих.

Мегера питал эту лихорадку через кольцо, и теперь Ивоннель чувствовала, что ей тоже становится жарко.

Однако она не сняла кольцо, поскольку в отличие от Кэтти-бри, знала об угрозе заранее. Она дала отпор и охладила жар предтечи.

- Она выживет? - спросил Ивоннель один из дварфов.

- Да, и что будет с ребёнком? - спросила другая, дварфийка с яркими красновато-коричневыми волосами.

- Продолжайте заботиться о ней, - всё, что смогла ответить Ивоннель, поскольку сама не знала ответ.

- Кажется, ребёнок ещё шевелится! - воскликнула жрица Копетта. Ивоннель с надеждой улыбнулась и положила свою руку рядом с рукой Копетты на живот Кэтти-бри. И действительно, она почувствовала удар — и могла лишь надеяться, что это хороший знак.

- Мне нужно изучить целебные заклинания посильнее, - сказала дварфийке Ивоннель. - Я не ожидала сегодня ничего подобного.

- Точно. Нужно было всего лишь отправить кучу пылающих шаров по тоннелям.

- Точно, - отозвалась Ивоннель.

- Мы будем постоянно её исцелять, - сказала ей Копетта. - Хорошая идея с водой и прохладой. Похоже, её лихорадка смягчилась.

- Смягчилась, но не прошла, - добавила Ивоннель, поднимая ладонь к покрытому потом лбу женщины.

- Может быть, придётся доставать ребёнка, - сказала Копетта.

Ивоннель обладала подобным опытом лишь в воспоминаниях верховной матери Ивоннель Вечной, но ей придавали уверенности очевидное спокойствие и навыки этих опытных dwarфов. Она оглядела комнату в поисках места для отдыха, для восстановления своей волшебной энергии и подготовки сильных заклинаний. Она хотела принять участие в бою, который начали они с Кэтти-бри, помочь отбросить демонов как можно дальше, но это не могло оторвать её от постели подруги.

Она вышла в переднюю и удивилась, когда ей навстречу из другой двери вышли Артемис Энтрери и Далия.

- Кровь, - произнёс Энтрери, торопливо шагнув к древу. - Говорят, это кровь Кэтти-бри.

Ивоннель кивнула.

- Она отдыхает.

Она шагнула назад и пристально оглядела человека и его полуэльфийскую спутницу. Оба были побиты, покрыты демонической слизью и кровью, возможно — собственной.

- Судя по вашему виду, вам тоже не помешало бы, - сказала Ивоннель.

- Для этого мы и покинули верхние коридоры, - ответила Далия. - Демоны отступают, dwarфы пробиваются к тронному залу. Может быть, они уже там.

- Мы сражались целый день, ещё до начала огненного шторма, - объяснил Энтрери. - Враги бесконечны.

- Мы сами едва не угодили в этот шторм, - добавила Далия. - Мы возвращались по другим тоннелям, и никто нас не предупредил.

- Жар был достаточным предупреждением, - быстро добавил Энтрери. - Я прошу тебя об исцелении. И о магии, способной укрепить мои уставшие руки. Я хочу быть с ними, когда извергов выбьют из Гонтлгрима.

- С ними? - спросила Ивоннель.

- С Джарлаксом и Закнафейном, - ответил Энтрери. - С Бренором и Реджисом. Я думал, что и с Кэтти-бри тоже.

- С твоими друзьями, - сказала Ивоннель.

Энтрери с любопытством взглянул на неё.

- Ты боишься признаться? - поддразнила его Ивоннель. - Или не знаешь, что значит это слово?

Это вызвало смехок Энтрери, но хмурый взгляд его спутницы.

- Это хорошее слово, Артемис Энтрери, - сказала Ивоннель. - Чем лучше ты становишься с ним знаком, тем больше шансов избежать обещанной тебе судьбы. Более того, знакомство с этим словом улучшит твою жизнь — чего ты заслуживаешь больше, чем готов признать.

На его лице отразилась боль, но в то же время — и ожидание чуда, как будто подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Ласково улыбнувшись, Ивоннель сказала:

- С вашего позволения, мне нужно отдохнуть и приготовить заклинания для помощи Кэтти-бри. Она больна. Предтеча напал на неё и вызвал лихорадку.

- Насколько всё плохо? - спросил заметно обеспокоенный Энтрери.

- Сейчас она успокоилась. Я не знаю, какой был нанесён ущерб, но жрецы работают без отдыха. Я буду тоже.

Энтрери кивнул. Ивоннель ответила на жест, затем подошла к койке в дальнем конце комнаты, но застыла, заметив странное, похожее на пар облачко в верхнем углу помещения, струящееся сквозь трещину в комнату Кэтти-бри. Большинство приняло бы его за простой дым или туман — в этих частях Гонтлгрима такого было полно, особенно после их стараний в кузне.

Но быстрый маленький двомер подтвердил подозрения Ивоннель. Она бросилась в комнату к Кэтти-бри, за ней следом — Энтрери с Далией.

- Что такое? Кэтти-бри? - спросил Энтрери, внутри чуть не врезавшись в Ивоннель.

- Прими телесную форму, вампир Пвент, - сказала Ивоннель облаку.

Облачко заколыхалось, затем потекло обратно в трещину, из которой появилось.

Ивоннель бросила в него заклинание, снимавшее магию изменения формы, и действительно — облако сгустилось, и в воздухе возник Тибблдорф Пвент. Он камнем рухнул вниз, но на полпути подхватил себя волшебством и замедлился, продолжая вращаться, пока не коснулся пола, встав лицом к женщине-дроу.

Другие присутствующие охнули, кто-то окликнул старого друга, одна дварфийка даже сделала шаг вперёд, пока другая не одёрнула её криком «Пенни, нет!»

- Вам не нужно, чтобы я был здесь, леди, - предупредил Пвент, с каждым словом скрипя зубами и демонстрируя свои клыки. - Не сейчас, уж поверьте.

- Ты явился сюда без приглашения, - напомнила Ивоннель.

- Хотел увидеть моего короля, - сказал ей Пвент, но она заметила, что смотрит он вовсе не на дроу. Нет, он смотрел на дварфийку по имени Копетта.

- Нужно ему рассказать, - продолжал Пвент, его голос то слабел, то переходил в низкий рык, отчасти звериный, а отчасти — страстный.

- Тибблдорф Пвент! - сказала Ивоннель, пытаясь заставить его сосредоточиться.

И он сосредоточился, но вовсе не на ней. Одним большим прыжком вампир швырнул себя через всю комнату, налетел на бедняжку Копетту и повалил её на пол.

Другие дварфы выхватили священные символы, чтобы помешать вампиру, отогнать его прочь своей божественной мощью. Но ярче всего была простая сила Ивоннель. К её собственному изумлению Ивоннель не подняла паучий символ Ллос, а просто ткнула пальцем в проклятое существо-нежить.

Пвент оглянулся на неё через плечо, зашипел и показал клыки, затем повернулся обратно и широко раскрыл пасть, устремившись к шее беспомощной жертвы.

Нет, не жертвы! Любовницы!

Вампир заметил, как Энтрери достал свой красный меч и этот кинжал с самоцветам и бросился на него. Он подскочил, чтобы встретить угрозу, но прежде чем Энтрери оказался рядом, жрица-дроу нанесла свой удар.

- Я прогоняю тебя! - сказала Ивоннель. - Ты не был приглашён!

Даже запусти она Пвента из боковой катапульты, он не смог бы улететь быстрее. Его скинуло с жертвы и с силой ударило о боковую стену над полом.

Там он и повис, как будто застрял, как будто указывающий на него палец Ивоннель был каким-то энергетическим лучом, удерживающем его на месте.

Ивоннель узнала магию, к которой прибегла здесь — то же самое делали дварфы. Она использовала божественную силу, чтобы изгнать нежить.

Но в то же время — нет.

Потому что она не произносила имя Ллос и не использовала её символ. Она чуть не засомневалась в этом, учитывая произведённый на вампира эффект — тот был парализован и удерживался потоком священной энергии у стены.

- Покорись! - потребовала она.

Пвент зарычал.

- Покорись! - Ивоннель ответила на непрекращающийся рык, напоминая ему: - У тебя были новости для твоего короля. Твоего короля, Тибблдорф Пвент!

Рык дварфа утих. Он повернул голову и позволил силе Ивоннель прижать её к стене.

- Да, - выдохнул он, вернув какую-то толику власти над собой.

Ивоннель отпустила его, и он рухнул на пол. Вампир мгновенно припал к земле и зарычал на неё с нескрываемой ненавистью. Но все в комнате поняли, что она смешана с искренним чувством стыда.

- Тибблдорф Пвент, - сказала ему жрица, - не забывай, где ты находишься. Помни, кто ты такой!

Выражение дварфа смягчилось ещё больше.

- Ты должен увидеть короля Бренора, - напомнила Ивоннель.

Пвент зарычал и охнул.

- Мой... король, - сумел выдавить он вопреки своим свирепым желаниям и гневу.

- Зачем? - потребовала Ивоннель. - Зачем тебе его видеть? Ты должен мне сказать.

- Мой... король.

- Тёмные эльфы? - спросила Ивоннель. - Дело в тёмных эльфах?

Даже Ивоннель удивилась эффекту своей догадки. Напоминание как будто угодило точно в цель. Пвент сел, опираясь на стену, опустил свои руки и взгляд.

- Они снаружи, все сразу, - сказал окончательно побеждённый Пвент. - Они собираются объединиться.

Ивоннель глубоко вздохнула. Сбывались её худшие опасения. У измотанных дварфов не будет ни шанса против объединённой мощи Мензоберранзана — после того, сколько сил и крови они уже потратили на битву с демонами.

Однако Ивоннель понятия не имела, почему эта новость стала для неё неожиданностью. Конечно же, Квентл и остальные пришли разделить славу матери Жиндии Меларн. Что же ещё это могло быть?

- Покажи мне, - сказала она вампиру. - Ты отведёшь меня туда и всё покажешь.

- Вот, значит, о чём ты думаешь? - скептически спросил Пвент.

- Ради твоего короля Бренора, Тибблдорф Пвент, - сухо ответила Ивоннель. - Может быть, я не сумею это остановить — и тогда горе Гонтлгриму и горе королю.

Она посмотрела на кровать.

- Горе Кэтти-бри и ребёнку Дзирта До'Урдена, - добавила она. - Потому что одних только сил Гонтлгрима не хватит, чтобы одержать победу. Ты сам знаешь. Ты их видел. Сколько там солдат-дроу? Сколько рабского мяса?

Пвент зарычал.

- Покажи мне! - потребовала Ивоннель.

Копетта подошла к дроу, заставив вампира поникнуть.

- Тибблдорф Пвент, - сказала она. - Мой старый Тиббл, это я, Пенни.

- Медноголовая, - одними губами произнёс Пвент, и дварфийка улыбнулась.

- Да, да, твоя Медноголовая, - отозвалась она. - Ты должен сделать, как просит дроу. Ради всей своей родни.

Лицо вампира смягчилось ещё сильнее, пока он смотрел на женщину. Наконец, он повернулся к Ивоннель и слабо кивнул в знак согласия.

- Я иду с тобой, - заявил Артемис Энтрери, обращаясь к Ивоннель.

- Нет! - изумлённо воскликнула Далия.

- Я не могу гарантировать твою — да и свою — безопасность, - сказала ему Ивоннель.

- Никто не может, - ответил Энтрери. - Но я иду с тобой.

Ивоннель задумалась на мгновение, потом кивнула.

И тогда комната затряслась — с такой силой, что многие из присутствующих потеряли равновесие, а некоторые даже упали.

- У нас мало времени, - предупредила Ивоннель. - Мы сняли взрывное напряжение Мегеры, но оно быстро восстанавливается. Мегера знает, что скоро сможет сбежать.

Её слова, которые должны были подстегнуть остальных, в особенности Пвента, самой дроу показались пустыми. Конечно, это была правда. Она отчётливо чувствовала это через кольцо. Уловка Кэтти-бри выиграла для них время — но и только.

Мегера сможет сбежать.

А Ивоннель Бэнр ничего не могла сделать, чтобы остановить предтечу.

ГЛАВА 26

Между живыми и теми, кто перешёл границу

Брату Афафренферу потребовалось долгое время, чтобы понять, что с ним произошло. В физическом мире он растаял, стал существом чистого духа — и сделал это прямо перед тем, как в него вонзилось копьё.

Или это было *после* того, как в него вонзилось копьё, задумался монах.

Неважно. Если это смерть, да будет так. Сейчас он видел своё путешествие через жизнь. Он сидел в небольшом домике с матерью и отцом — который обратился против него несколько лет спустя, когда узнал правду об Афафренфере. Он вспомнил — нет, «вспомнил» неверное слово! Он опять пережил свой путь к монашеской жизни, своё вступление в орден.

Он снова увидел первую встречу с Парбидом. Он снова прошёл по королевству теней.

Столько воспоминаний. Разделённых. Рассыпавшихся. Становящихся живой частью мультивселенной вокруг, свободной и всеобщей.

Это было прекрасно.

Теперь юноша понимал предупреждение магистра Кейна о том, что он не готов к трансценденции, что у него не хватает дисциплины или поводов повернуть назад и возвратиться, чтобы прожить остаток смертной жизни.

Однако сейчас это предупреждение казалось пустым.

Конечно же, он не хотел возвращаться!

Он существовал в едином мгновении, его чувства расширились, потеряли фокус, стали всей вселенной сразу.

Это было прекрасно, но красота была укрыта вуалью. Монах чувствовал, что плывёт в густом облаке, его чувства растворяются в окружающем. Или он находился в состоянии фуги, в податливой реальности, стал податливой личностью, теряя чувство себя.

Лишь тогда Афафренфер столкнулся с ещё одним свободным воспоминанием, ради которого и пришёл в Терновый Оплот — поскольку он знал, что это остаточная жизненная сила и личность Дзирта До'Урдена.

Он присмотрелся к ней поближе, обретая сосредоточенность через чувство долга. Теперь он отчётливо видел путешествие дроу, находил отдельные воспоминания и складывал их воедино. Всё путешествие Дзирта целиком, а не только последнее — которое забрало его из мира живых.

Чувство интимности ошеломило его, настолько сильная близость, подобную которой он знал с Парбидом — и такая же радостная.

Но здесь было иначе. Афафренфер чувствовал, как будто подглядывает, подсматривает глубочайшие мысли и тайны того, кто не знал о его присутствии.

Последние останки благопристойности — которая теперь казалась таким пустяком — заставили его потянуться к Дзирту в ответ, сообщить дроу, что монах тоже оказался здесь.

И да, теперь он видел Дзирта намного яснее, когда тоже оказался в этом тонком пространстве-времени между живыми и теми, кто перешёл границу между физическим и духовным.

Между жизнью и смертью?

Афафренфер уже не был уверен в применимости этих терминов.

Он потянулся к Дзирту. Он позвал дроу. Он сказал Дзирту возвращаться, восстановить себя в физическом мире.

Ты нужен.

Твоей жене.

Твоему ребёнку.

Дзирт не слышал его — по крайней мере, не ответил. Призывы Афафренфера как будто вовсе на него не действовали. Монах отправился глубже, пытаясь вернуть дроу, но чем глубже он погружался, тем дальше сам Афафренфер отдалялся от физического мира и любых воспоминаний о своём теле. Он терял себя в той же степени, если не больше, в которой спасал Дзирта.

Пускай.

Ведь существо, которое было братом Афафренфером, не могло считать своё ускоряющееся путешествие утратой, когда вокруг него была лишь красота и истина.

Он потянулся за Дзиртом ещё дальше.

Но Дзирт До'Урден, ушедший так давно, не слышал.

- *Это безумие*, - просигналили пальцы Даб'ней Браэлину Джанквею.

Лес вокруг них кишел драуками, которые рыскали вокруг стаями, рубили деревья, бросали огромные копыя в белок и птиц — любыми способами давали выход своей бесконечной ярости.

Браэлин был согласен с ней. Он дал женщине знак идти за собой и повёл её в глубокую лощину под раскидистым дубом, место, в котором они прятались прошлой ночью.

- Мы знали, что мать Жиндия привела с собой драуков, - напомнил ей Браэлин, когда они оказались вдали от чужих ушей.

- Но не столько же! - настаивала Даб'ней. - Ты их видел. Они другие — я даже не знаю, как это объяснить. Крупнее, свирепее чем те чудовища, которых мы видели. Это... я не знаю...

- Может быть, ты права, но нам всё равно нужно найти Ивоннель или верховную мать Квентл, - сказал Браэлин, хотя Даб'ней качала головой в ответ на каждое его слово.

- Ты не можешь ждать от меня такого, - запротестовала она. - Это превосходит мои силы, превосходит приказ Киммуриэля, превосходит даже сам Бреган Д'эрт.

- Мы выживаем, потому что каждый делает свою работу.

- Моя работа заставляет меня встречаться с верховной матерью Бэнр и с этим хаосом вокруг, - возразила Даб'ней. - Это не путь к выживанию. Нет.

Она решительно замотала головой.

- Мне нужны ответы, прежде чем я отправлюсь дальше в лес, а тем более — передам послание Киммуриэля верховной матери. Эти драуки меня беспокоят. Назревает что-то плохое, и мне кажется, что я стану отступницей, стоит лишь прошептать вслух послание Киммуриэля. Я не хочу стать одной из драуков.

- Если это войска матери Жиндии, значит они враждебны верховной матери Квентл.

- Может быть, раньше. Сейчас мы не знаем.

Браэлин вздохнул и опустил взгляд, пытаясь найти ответ.

- Тогда поищем с помощью магии, - решил он, взглянув на Даб'ней. Он указал в дальний конец лощины, где собралось немного воды после прошедшего дождя.

- Ты просишь меня отыскать верховную мать Бэнр с помощью магии? Или любых Бэнров, раз уж на то пошло? - недоверчиво переспросила Даб'ней.

- Нет, мы осмотрим лес и Кровоточащие Лозы. Найдём мать Жиндию. Она не отличается склонностью к прорицанию и обычно слишком увлечена своей злобой, чтобы заметить любое волшебное подслушивание.

Даб'ней этот аргумент не убедил.

- Или так, или пытаемся пробраться через лес, избегая драуков, - сказал Браэлин.

- Нет.

- Тебе не понравится иметь дело с разозлённым Киммуриэлем, - предупредил Браэлин. Даб'ней растерялась, он повернулся и рукой указал на лужу.

Она подчинилась.

- Ты отведёшь меня к матери Жиндии, - сказала жрица огромной женщине-драуку.

- Да неужели? - едко отозвалась Малфуш. Женщина находилась в лесу с горсткой помощников. Сейчас их полностью окружали драуки, возникающие из сумрака и сливающиеся с ним заново.

- Я Таайрул Армго, первая жрица второго дома Мензоберранзана, - заявила женщина.

- Второго дома? - спросила Малфуш. - А где же тогда Бэнры?

Таайрул хмыкнула.

- Бэнрам не понравится сообщение, которое я должна передать матери Жиндии. Очевидно, что ей улыбается Ллос. Об этом все знают, но верховная мать Бэнр сомневается, что сможет заставить себя это признать. Матери Жиндии следует узнать обо всём, прежде чем она совершит необдуманный поступок. Время на её стороне, но не на стороне верховной матери Бэнр.

Малфуш огляделась вокруг и кивнула своим слугам.

- Ты можешь пройти, - сказала она Таайрул. - Только ты.

- Это недопусти...

- Большого ты не добьёшься, - оборвала её Малфуш. - Только ты.

Драук подошёл к Таайрул и протянул к ней руки.

- Ты поедешь верхом, - сообщила Малфуш.

Таайрул окинула взглядом своих стражников, потом кивнула.

- Ждите здесь, - приказала она, глядя на Малфуш. Женщина-драук согласилась, что стража останется здесь. Жрица приняла руку драука. Драук поднял её и закинул на свою неудобную спину.

Малфуш подошла к ней и накинула на голову плотный мешок. Таайрул не успела этому помешать. Не успела жрица запротестовать, драуки тронулись — с огромной скоростью понеслись сквозь лес и в конце концов оказались в руинах Кровоточащих Лоз, при дворе матери Жиндии Меларн.

- Становится всё интереснее, - сказал Браэлин. Они наблюдали за путешествием дровской жрицы верхом на драуке.

- Это Таайрул, первая жрица дома Баррисон Дель'Армго, - сообщила ему Даб'ней.

- И её отправили с посланием к матери Жиндии? Верховная мать Квентл никогда не согласилась бы на такое.

Даб'ней ухмыльнулась в ответ на его очевидное замечание.

- Давай, - приказал он.

Даб'ней глубоко вздохнула. До сих пор она отказывалась прибегать к яснослышанью в дополнение к двеомеру ясновидения, так как подслушивание было легче заметить. Но теперь стало ясно — они должны узнать, что происходит. Когда Таайрул Армго вышла вперёд, чтобы заговорить с матерью Жиндией, Даб'ней прочла заклинание.

Её не засекли во время этого разговора, но жрицу это не успокоило — равно как и её спутника, с определённым удовлетворением заметила Даб'ней.

Как она и утверждала ранее — и в ходе подслушанного разговора это стало очевидным — здесь всё было намного сложнее. Таайрул, голос влиятельной матери Мез'Баррис Армго, фактически предлагала матери Жиндии второе место в правящем совете. Войны между домами дроу нередко обсуждали шёпотом, но здесь всё было намного серьёзнее. Две женщины, верховная мать и первая жрица другого дома, в открытую говорили о междоусобной войне в Мензоберранзане, войне против дома Бэнр. И делали это не скрываясь, совсем без опаски.

- Путь чист, - сказала Таайрул. - Путь — это Ллос, разумеется, и Ллос показала нам грядущую славу.

- Показала *нам*? - отозвалась мать Жиндия скептическим, почти насмешливым тоном — первый намёк на трещины в предложенном союзе.

- Мы все видели дары, предложенные Паучьей Королевой.

- Предложенные кому? - спросила Жиндия.

- Да, мать Жиндия, мать Мез'Баррис не отрицает, что вы стали сосудом для желаний Ллос.

- Я *избранница* Ллос, - поправила Жиндия. - Разве это не очевидно?

Её вопрос показался Даб'ней и Браэлину угрожающим — как, очевидно, и первой жрице Таайрул, которая стала нервно переминаться с ноги на ногу.

- И вас вознаградят, как её избранницу, - наконец выдавила она.

- Что ж, мне кажется очевидным, что избранница Ллос должна занимать первое место за столом, а не второе, - провозгласила Жиндия.

- С этим сложно спорить, - быстро ответила Таайрул, и скорость её ответа сказала наблюдателям, что Мез'Баррис послала сюда дочь, зная, что мать Жиндия на меньшее не согласится. - Я доставлю ваш ответ матери Мез'Баррис.

- Мать Мез'Баррис сама желает занять первое место, - сказала Жиндия, заставив Таайрул замереть.

- Разве настоящая жрица Ллос могла бы желать меньшего? - ответила Таайрул.

- Справедливо, - признала Жиндия с сухим смешком.

Даже в её смехе скрывалась угроза.

- Ты осознаёшь всю силу войска — *моего* войска? - спросила Жиндия. - Войска, подаренного мне Паучьей Королевой?

- Да, я видела его. Мать Мез'Баррис тоже всё понимает.

- Тогда пойми ещё вот что: я одержу победу. Мензоберранзан должен присоединиться ко мне, чтобы наконец очистить землю от наших врагов и вернуть великую кузницу и комплекс в руки последователей Ллос. В первую очередь, победа принадлежит мне, и это не будет забыто. Как и этот бой, очевидно, не станет последним, если дом Бэнр не согласится на очевидные требования Ллос. И если они не согласятся — а я не ожидаю, что упрямая и глупая мать Квентл поставит Ллос выше своей гордости — тогда я буду рада поддержке матери Мез'Баррис, и разумеется, она сохранит своё текущее место. Но пойми мою речь правильно. Я одержу победу. Со мной Ллос. Её прислужницы стоят рядом со мной. По воле Ллос Мензоберранзан ждут перемены. Отступничество глупых дочерей верховной матери Бэнр будет исправлено с необычайной эффективностью.

Таайрул кивнула, и Даб'ней показалось, что она не в силах что-то сказать в ответ.
- Действия матери Мез'Баррис оценят по справедливости. Таково моё обещание,
- закончила Жиндия.

Она взмахнула рукой, подавая знак Малфуш и другим друкам.

- Оставь меня, - приказала она Таайрул. - Мне нужно завершить войну.

Браэлин Джанквей хлопнул ладонью по поверхности лужи, разрывая связь.

- Это безумие, - сказал он Даб'ней.

- Это хаос. Как и все остальные недавние события, - ответила жрица. - Атака демонов на Мензоберранзан, бой с Демогоргоном. Верховная мать Бэнр использует Дзирта До'Урдена, как меч, чтобы сразить величайшего соперника-демона Ллос — всё это безумие. Неужели нас и правда удивляет, что само устройство и суть Мензоберранзана рвутся на части?

- Мы должны попасть к верховной матери Бэнр или хотя бы к Ивоннель.

Даб'ней покачала головой.

- Можешь попытаться.

- Киммуриэль отдал тебе приказ, - напомнил ей Браэлин, но жрица снова покачала головой.

- Наши жизни — нет, больше чем просто жизни, само наше существование — зависят от выбора, который мы сейчас сделаем, - объяснила Даб'ней. - Ты слышал мать Жиндию, и даже мать Мез'Баррис не противится восхождению дома Меларн под покровительством Ллос. Как ты собираешься сопротивляться?

- А ты хочешь объединиться с врагами Бэнров? - скептически отозвался Браэлин.

- Нет, я предпочла бы вообще в этом не участвовать. Здесь от меня ничего настоящего не зависит. Для них я — всего лишь пылинка, а мой голос — неразличимый шёпот. Если я отправлюсь к верховной матери Бэнр, она может назвать меня еретичкой и превратить в мерзкого драку. И разве она ошибётся, если моё послание обличает саму Ллос?

- Верховной матери Бэнр следует знать правду, которую раскрыл Киммуриэль, чтобы принять решение...

- И что будет со мной, если она решит не сражаться с матерью Жиндией, число союзников которой то и дело растёт, и одним из этих союзников вполне может быть сама Ллос?

Браэлин посмотрел на неё, но ничего не ответил.

- Я стану драком, - ответила Даб'ней на собственный вопрос. - Как и ты.

- Джарлакс этого не допустит, - сказал Браэлин.

Ответом ему стал смех Даб'ней, отражающий абсурдность возражения Браэлина. Но она всё равно почувствовала необходимость сказать:

- Джарлакс? Джарлакс тоже всего лишь пылинка по сравнению с теми силами, что сражаются здесь.

- Может, ты и права, - признал Браэлин. - Это больше, чем голос Даб'ней или голос Браэлина.

Он сунул руку под рубаху и достал свисток.

- Может быть, в свете новой информации Киммуриэль тоже передумает.

- Если он пережил своё путешествие к разуму улья, - сказала Даб'ней. - А что, если нет?

- Что тогда предлагает Даб'ней?

Пришла очередь женщины молча смотреть на спутника.

Так что Браэлин с силой подул в свисток. Не раздалось ни звука, но разведчик этого и не ждал — он уже видел, как Джарлакс использует это средство связи со странным псиоником.

Всего несколько мгновений спустя Браэлин по-настоящему удивился, когда обнаружил Киммуриэля сразу за деревом, вместе с варваром по имени Вульфгар.

- Я был уже на пути сюда, - ответил на его изумление псионик. - Но твой вызов как раз вовремя, учитывая стоящую перед нами задачу. Ты нашёл верховную мать Бэнр?

- Найти её несложно, - ответил Браэлин, указывая на юго-восток. - Её окружает весь Мензоберранзан.

- Тогда продолжай, - приказал Киммуриэль.

- Мы нашли ещё и мать Жиндию, - сказала Даб'ней, заставив его замереть. - И первую жрицу Таайрул Армго.

Киммуриэль с любопытством взглянул на неё.

- Открой мне свой разум, дитя, и рассказывай.

Несмотря на снисходительное обращение, Даб'ней впустила псионика в свои мысли, вспоминая подслушанную ими сцену. Она хотела, чтобы Киммуриэль увидел всё целиком. К её изумлению, с помощью силы Киммуриэля к телепатической дискуссии присоединились Вульфгар и Браэлин.

- Так что мы будем делать? - спросил Вульфгар, когда она закончила.

Киммуриэль искоса посмотрел на него.

- Я отправлюсь на поиски короля Бренора, - решил Вульфгар. - Если дроу хотят воевать друг с другом, то это не моя забота.

- Прежде чем взяться друг за друга, они перебьют всех, кто тебе дорог, - заверил его Киммуриэль. - *Это* тебя не беспокоит?

Вульфгар не отпрянул от жуткого невысокого дроу.

- Пойдёмте. Верховная мать Бэнр ждёт, - сказал Киммуриэль, едва ли напуганный увиденным. Он зашагал прочь, но Даб'ней переглянулась с Браэлином, и они остались стоять.

Киммуриэль обернулся.

- Да, я понимаю, - сказал он, затем добавил, обращаясь специально к Даб'ней:

- Я видел твои планы, пока ты вела рассказ. Ты хочешь спрятаться и посмотреть, чем всё закончится.

- Не стану отрицать, - сказала Даб'ней.

- Устное отрицание не перечеркнёт сильных мыслей.

- Не знаю, чего ты от меня ожидаешь, но я не поднесу себя на блюде к верховной матери Бэнр или матери Жиндии Меларн, - решительно заявила Даб'ней.

- И вы не стали бы выполнять мои приказы, если бы я задержался или был убит, - заметил Киммуриэль.

- Нет, - ответил Браэлин вместо Даб'ней.

Киммуриэль обдумал это, потом кивнул.

- Признаю, в свете той информации, которую вы узнали, для тебя это вероятно лучший выбор. Ну так иди. Спрячься в глубокой норе. Думаю, что всё решится быстро — а если нет, по крайней мере ты будешь знать новые границы.

- Если победит мать Бэнр, значит победит и Бреган Д'эрт, - сказала Даб'ней. - Что будет с нами в этом случае?

- Джарлакс ценит вас обоих.

- Но расскажешь ли ты ему о нашей трусости? - спросил Браэлин.

- Я расскажу, что вы вели себя именно так, как поступил бы сам Джарлакс на вашем месте, - ответил Киммуриэль.

Даб'ней и Браэлин переглянулись — удивлённо и с облегчением.

- О, он уже поступал так прежде, не сомневайтесь, - сказал им Киммуриэль. - Много раз. Так он выживает. Мы все так и выживаем.

Он фыркнул и тихонько добавил:

- Может быть, это наше вечное проклятие.

Пожав плечами, Киммуриэль развернулся, дал Вульфгару знак следовать за собой и пошёл прочь.

- Киммуриэль, - после нескольких шагов окликнул псионика Браэлин, вынуждая его снова обернуться.

- Желаю тебе удачи в этом путешествии — и не только ради моего собственного благополучия.

- *Значит, ради всех нас,* - телепатически сказал Киммуриэль Браэлину и Даб'ней.

ГЛАВА 27

Зловредная инфекция

- Что мы здесь делаем? - прошептала Далия на ухо Энтрери. Вместе с Ивоннель и Пвентом они лежали на краю поросшего лесом уступа, глядя вниз на большое собрание дроу. Ближе всего к ним находилась самая большая группа со знамёнами дома Бэнр — хорошо знакомыми Энтрери, который однажды оказался в подземельях именно этого могущественного дома.

- Слишком многое стоит на кону, - прошептал в ответ он. - Может быть, мы найдём способ помочь.

- Против этого? - недоверчиво спросила Далия. Она протянула руку и обвела огромное войско смертельно опасных дроу.

- Чего ты от меня хочешь?

- Глубоководье, - ответила она. - Давай вернёмся и расскажем о здешних событиях. Поднимем лордов. Может быть, это единственная надежда Гонтлгрима.

Энтрери поднял ладонь, чтобы заставить её замолчать, покачал головой и посмотрел на двух их спутников.

Пвент был совсем рядом с Ивоннель. Дроу как будто совсем не тревожило присутствие вампира.

- Значит, убей меня, - умолял дварф. - Но излечи от этого проклятия, умоляю. Мне говорили, что ты сильнее всех. Аватар самой Ллос. Уж наверняка...

- Я уже сказала тебе, Тибблдорф Пвент, - оборвала его Ивоннель. - Никому не известно лекарство от твоей болезни. Если бы оно было, я бы нашла его, клянусь. Но увы — его нет.

- Тогда убей меня насмерть.

- Ты сказал мне, что смог сесть на трон Дварфийских Богов, - ответила Ивоннель.

- Разве это не даёт тебе надежду?

- Я думал, что найду способ контролировать его, - признал дварф. - Может быть. Но это проклятие, госпожа, это проклятие... оно не оставляет меня, и голод возвращается. Я могу сдерживать его сотню раз, но сто первый заставит меня вонзить зубы в шею Медноголовой.

- Твоему королю Бренору предстоит великое сражение, - напомнила ему Ивоннель. - Ты утолишь свой голод на его врагах.

- На время, - мрачно ответил дварф.

- А когда всё закончится, если не передумаешь, я прекращу твою... болезнь.

- Что же тогда будет с бедным Пвентом? - спросил Пвент.

- Тебя не будут винить, - вмешался Артемис Энтрери. - Я видел. Сдаться своему проклятию — не порок. В конце ты поймёшь, что ранят лишь те вещи, в которых ты по-настоящему виноват.

- Да что с тобой стало? - прошептала Далия на ухо Энтрери, и в её голосе слышалось не беспокойство, а скорее неприязнь.

Энтрери посмотрел на неё и беспомощно пожал плечами.

- Оставайся здесь и найди своё место, Тибблдорф Пвент, - сказала ему Ивоннель. - А сейчас уходи. Если ты не можешь найти свой путь, если ты думаешь, что я неправа, напомнив тебе о долге, тогда напади на врагов короля Бренора. Перед нами несколько сотен дроу, способных умертвить тебя. Но я повторяю — сейчас не время. Боюсь, нам предстоит сражаться в войне.

После того, как Пвент покинул их, превратившись в летучую мышь. Ивоннель повела двух других вниз по склону к знамёнам дома Бэнр. С каждым шагом Далия беспокоилась всё сильнее и продолжала дёргать Энтрери за рукав, и когда он оглядывался, движением головы показывала, что им давно следовало отсюда уйти.

Наконец, оказавшись совсем рядом с лагерем дроу, Энтрери замедлил шаг.

- Ты хочешь, чтобы мы предстали перед верховной матерью? - прошептал он Ивоннель.

- Я хочу, чтобы вы были свидетелями, - пояснила она. - Я не знаю, что найду там, не знаю, позволит ли тётя мне уйти. Если нет — вы должны рассказать всё королю Бренору.

Она замолчала, потом сняла кольцо и протянула его убийце.

- И прошу, верни это Кэтти-бри.

- Если они не позволят тебе уйти, почему ты думаешь, что мы сможем выбраться?

- буркнула Далия.

Ивоннель улыбнулась в ответ на этот выпад, ведь, конечно же, это был именно выпад: явный намёк на то, что Ивоннель предст Далию и Артемиса, чтобы спастись самой. Ивоннель выпрямилась и огляделась вокруг.

- Думаю, мы уже достаточно близко, - объяснила она, не отвечая Далии, затем достала пару круглых каменных дисков. Она подняла один из дисков к губам и что-то прошептала. Звук раздался из другого диска.

- Они похожи на посыльные камни, или, точнее, камни яснослышания, - объяснила она. - Расстояние намного более ограниченное, но действуют они куда

лучше, пока держится магия. Долго она не продлится, но вы услышите достаточно, чтобы понять всё, что нужно знать Бренору.

- И мы будем сидеть здесь и ждать, пока они нас не поймают? - раздался следующий саркастичный вопрос Далии.

Ивоннель беспомощно покачала головой и вынула кусок верёвки. Она прошептала волшебную формулу, оживляя заклинание, и бросила конец верёвки вверх. Тот застыл в воздухе, как будто прикрепившись к какому-то незримому крюку. Ивоннель шагнула назад и дала им знак подниматься.

Энтрери был знаком с заклинанием, так что он запрыгнул на верёвку и пополз вверх. Достигнув вершины, он затянул себя в созданное Ивоннель надразмерное пространство.

Снизу он выглядел очень странно — как будто вошёл в пустоту, исчезая дюйм за дюймом, пока его тело переходило с материального плана в это отдельное измерение.

Далия большую часть жизни провела среди Красных волшебников Тэя. Она не удивилась и не слишком успокоилась, но тоже поднялась вверх и вошла в карманное измерение, втянув следом за собой верёвку, чтобы спрятать её от чужих глаз.

Ивоннель не стала дожидаться, пока она залезет, прежде чем броситься бежать. Время действия двомера на её посыльном камне было ограничено.

Более того, женщина-дроу испытывала настоящий страх. Она знала, что наступил критический момент — в том числе, и для её собственной безопасности. Всё зависело от этих мгновений.

Но в первую очередь Ивоннель просто хотела с этим покончить, потому что знала — промедлив, она уже не сможет заставить себя.

Для неё было бы намного проще и выгоднее просто не мешать всему, что делает Квентл.

- Мы всё ещё можем сбежать, - сказала Далия Энтрери, пока они сидели в пустом надразмерном пространстве. - Ивоннель нас не остановит. Наверное, даже обвинять нас не станет. А вампиру-дварфу будет всё равно, если он не собирается нас укусить.

- Мы уже это обсуждали, - мрачно ответил Энтрери.

- Нет, не *обсуждали*. Ты просто продолжал тащиться дальше, как будто находиться здесь — не полное безумие. Посмотри на них! - сказала Далия. Она заметила, что Энтрери крепко сжимает каменный диск, врученный ему Ивоннель, как будто пытаясь заглушить их разговор.

- Ты тоже ей не доверяешь, - сказала Далия, кивнув на его руку. - Она сказала тебе, что это яснослышание, но ты боишься, что она солгала и теперь шпионит за нами.

- Доверие даётся мне нелегко, - ответил убийца.

- О чём я и говорю. Посмотри на них. Огромное войско, любых трёх воинов которого скорее всего хватит, чтобы победить нас. Мы сидим здесь меньше чем в лиге не от одной, а сразу от двух чудовищных сил, обе из которых могут уничтожить нас, если найдут — и скорее всего так и сделают. Это безумие, целиком и полностью, и с нашей стороны — безумно принимать в этом участие. Ты же не думаешь, что мы действительно можем на что-то здесь повлиять.

- Скорее всего, ты права.

- Так давай уйдём!
- Нет.
- Почему?
- Потому что я не могу. Я их не оставляю.
- Их? Твоих *друзей*?

Тон, которым она произнесла это последнее слово, едва можно было назвать одобрителем.

Энтрери разочарованно взглянул на неё.

- Что насчёт меня? - настаивала Далия. - Я была рядом с тобой. Я отправилась на край света, чтобы спасти тебя! Прямоком в дом Маргастер. Я сражалась с демонами и этими жуткими осами. Всё ради тебя. Разве это ничего не значит?

- Как и Реджис, - ответил Энтрери, охладив её пыл. Он добавил: - Не сомневайся в моей благодарности...

- Может быть, я сомневаюсь не в этом.

- В моей любви?

- А разве ты знаешь, что значит это слово? Я хочу выйти из этой безнадёжной ситуации. Если бы ты любил меня...

- Значит, в моей верности?

- Да!

- А как же моя верность к ним? К Реджису, который помогал тебе на каждом шагу. К Кэтти-бри...

- К Дзирту, ты хочешь сказать.

- И к нему тоже, даже если он мёртв.

Далия неожиданно замолчала, и Энтрери не смог прочесть выражение на её лице. Но оно испугало его.

И тогда они слышали голоса из связующего камня. Ивоннель прибыла к границам лагеря дроу и потребовала предстать перед двором верховной матери Квентл.

Энтрери шевельнул рукой и сделал глубокий вдох.

Далия отвернулась и выглянула в небольшое окошко на материальный план, которое оставляли заклинания, подобные этому фокусу с верёвкой. Она почти немедленно вздрогнула, заметив движение среди деревьев.

Она потянулась за спину и коснулась ноги Энтрери, и он быстро встал, тоже заметив движение.

Затем — две фигуры, двух мужчин, человека и дроу, идущих среди деревьев.

Он знал обоих, причём достаточно хорошо. Он подошёл к окну. Далия схватила его за руку.

- Не надо, - сказала она.

- Это Вульфгар.

- И Киммуриэль, - сказала Далия. Дроу. Самый опасный дроу перед целым войском тёмных эльфов.

Это заставило Энтрери замереть, но только на мгновение. Потом он покачал головой и отстранился от неё, выкинул верёвку из окна и соскользнул на землю, буквально возникнув из воздуха перед Киммуриэлем и Вульфгаром.

Довольно скоро Энтрери взобрался по верёвке обратно, следом за ним — Вульфгар, а Киммуриэль, которому Энтрери сообщил о действиях Ивоннель, отправился дальше на встречу с верховной матерью.

Энтрери и Вульфгар обнаружили ожидавшую их недовольную Далию.

- Прекрасно, теперь Киммуриэль знает, что мы здесь, - сказала она. - Пожалуй, настало время уйти.

Энтрери скептически взглянул на неё.

- Послушай, - сказала она, протягивая подслушивающий диск. - Ивоннель только прибыла, и теперь они обсуждают союз с матерью Жиндией.

У Энтрери отвисла челюсть — на это ему было нечего сказать.

Как и Вульфгару.

- Нам нужно убираться, и быстро, - сказала Далия. - Далеко, далеко отсюда.

- Похоже, это единственный выбор, - сказала Ивоннель верховная мать Квентл, когда та неожиданно присоединилась к рядам жриц Бэнров, До'Урденов и Фей-Бранч в неглубокой пещере, укрывшей их от адского шара в небе.

- Вы считаете, что мать Жиндия сумеет победить объединённые силы Мензоберранзана — даже с её драуками? - спросила Ивоннель. - Или хотя бы один только дом Бэнр?

- А ты считаешь, что у нас *будут* объединённые силы Мензоберранзана? - парировала Сос'Ампу, и её взгляд на Ивоннель сказал младшей дроу, что сейчас Сос'Ампу не в восторге от неё, и что она почти наверняка оказала сильное влияние на Квентл в этом деле. - Или что дом Бэнр выйдет из этого конфликта с достаточными силами, чтобы отразить нападение матери Мез'Баррис, которое за этим последует?

Ответа у Ивоннель не было. Возможно, они были правы. Возможно, мать Жиндия пользовалась высочайшей милостью Ллос и единственным шансом дома Бэнр уцелеть в такое опасное время было признать это и присоединиться к славе завоеваний Жиндии.

Но Ивоннель казалось, что многое этому противоречит — из-за прошлых действий Ллос, которые привели к уничтожению Демогоргона, и из-за того, как Паучья Королева вела себя лицом к лицу с Дзиртом. В этом не было смысла. В этот критически важный момент ей казалось, что смысла вообще нет. Она чувствовала себя потерянной, как будто что-то было не так.

Но кроме этой логики и чувств оставалось сердце Ивоннель, изо всех сил сопротивляющееся подобному поступку. Она хорошо узнала Дзирта и его друзей. Они такого не заслуживали. Однако дроу в ней смеялась над подобным проявлением совести, осуждая её слабость, и Ивоннель серьёзно раздумывала над тем, чтобы сдаться и предать своих новых друзей.

Разве у неё был иной путь?

Что она упускает?

- По приказу Ллос мы заполнили Мензоберранзан демонами, - после некоторой паузы напомнила она своей тёте. - Мы оказали Ллос огромную услугу, уничтожив физическую форму великого Демогоргона. То сражение возглавил дом Бэнр — вопреки желаниям и поступкам матери Жиндии и дома Меларн.

Она оглянулась на мать Зирит Ксорларрин До'Урден в поисках поддержки, поскольку они выступили против Меларнов, когда Жиндия осмелилась атаковать ослабевший дом До'Урден. - Зачем Ллос покидать нас сейчас, после всех последних событий?

- Может быть, потому, что мы не справились с её испытанием, - ответила Сос'Ампту. - Она показала нам Закнафейна, похищенного из её хватки, и показала нам Дзирта, не покорившегося её воле. Нашим испытанием, очевидно, было пленить их и уничтожить. Мы так глупо это проигнорировали, а мать Жиндия всё поняла.

- Ты этого не знаешь, - сказала Ивоннель.

- А ты не знаешь, что это неправда, - рявкнула Сос'Ампту. - Что я знаю точно, так это что матери Жиндии, а не верховной матери Бэнр, подарили двух захватчиков для выполнения этой задачи, а теперь — целое войско драуков, чтобы закончить дело, а скорее всего — покончить и с нами.

И снова с этим было трудно спорить.

И снова Ивоннель не видела в этом никакого смысла.

Кроме того, она боялась, что её это сердце заставляет считать, будто смысла нет, и не позволяет взглянуть на вещи иначе.

Какая-то суматоха снаружи прервала их разговор, и затем глаза присутствующих вдруг расширились, когда несколько стражников Бэнров втащили в пещеру тёмного эльфа, хорошо известного своими необычными талантами и знакомствами.

- Здравствуй, - поприветствовал их Киммуриэль, когда стражники его отпустили. Он вывернулся, чтобы расправить рубаху, и добавил: - Ещё раз, - заметив Ивоннель.

- Что ты здесь делаешь? - властно спросила Сос'Ампту одновременно с Квентл, которая произнесла: - Где Джарлак?

- Подозреваю, что в Гонтлгриме, - ответил верховной матери Киммуриэль. - Я уже давно его не видел.

- В таком случае, - спросила Квентл, - зачем ты здесь?

- У меня есть сведения, которые могут быть для вас ценными, - ответил Киммуриэль. - О текущей ситуации, с которой вы столкнулись, и о чём-то ещё более важном. Вы правы, когда опасаетесь матери Жиндии и даже окружающих. Первая жрица матери Мез'Баррис Таайрул прямо сейчас возвращается со встречи с матерью Жиндией, где она предложила союз — и, похоже, даже клятву верности — верховной матери дома Меларн.

Это вызвало злые усмешки и проклятия, но никто не казался удивлённым. Дом Бэнр всегда мог рассчитывать на предательство матери Мез'Баррис Армго.

- Кажется, у нас скудный выбор, - сказала Квентл.

- Не просто скудный, - ответила Сос'Ампту. - Никакой. Объединившись со вторым домом — и наверняка со многими другими — вооружённая демонами и армией одарённых драуков, возвращённых к жизни для службы ей, мать Жиндия наверняка добьётся своего. Мы должны принять волю Ллос.

- Ты просишь нас отдать положение, которое дом Бэнр занимал тысячу лет? Отдать всё, что веками строила наша верховная мать Ивоннель Вечная?

- Отдать — иначе у нас всё это заберут, без шанса отыграться в будущем, - спокойно ответила Сос'Ампту.

Мать Зирит громко втянула в воздух, её старые губы звучно хлопнули. На кону стояла и её собственная судьба, поскольку Жиндия Меларн нескрываяемо её ненавидела и давно обвиняла в ереси из-за привычки её семьи возвышать мужчин.

- Ты просишь нас поступить неправильно, - осмелилась сказать Ивоннель, хотя оспаривать моральную сторону эдиктов Ллос всегда было дерзостью — и зачастую заканчивалось фатально! - Интересно, когда это перестало иметь для нас значение?

Сос'Ампту и многие другие потрясённо уставились на неё.

- Наш долг перед самой Ллос, - сказала Сос'Ампту, когда к ней вернулся дар речи.
- Это — единственно правильно.

- Разве? - спросил Киммуриэль Облодра.

Сос'Ампту бросила на него угрожающий взгляд.

- Ты будешь говорить, когда тебе скажут говорить, или не будешь говорить вовсе!

- Я прошу тебя говорить, - сказала Ивоннель, встретив взгляд Сос'Ампту, и не отводя глаз. - Твой простой вопрос многих здесь шокирует. Расскажи нам — расскажи им — что ты имеешь в виду.

Ивоннель знала, что невероятно рискует, позволяя этому мужчине говорить. Но что им было терять?

- Я прошу вас, Ивоннель, и вас, верховная мать, открыть мне ваши разумы, поскольку там я могу передать вам обоим куда больше, чем способны простые слова, - сказал Киммуриэль. - Я поделюсь с вами всем, что знаю.

- Но не с остальными, - резко заметила мать Зирит. Когда все повернулись к ней, старая мать, восседающая на её призванном волшебном диске, добавила:

- Ты расскажешь Ивоннель, которая не является верховной матерью, не восседает в правящем совете, не... что?

- Она обладает воспоминаниями верховной матери Ивоннель Вечной, - напомнил Киммуриэль. - Жрица Ивоннель сможет понять последствия того, что мне удалось узнать, как и верховная мать Квентл. Они лучше меня информированы и подготовлены, чтобы рассказать всем остальным об этих последствиях, про эту истину.

- Как самоуверенно, - сказала Зирит.

- Я не притворяюсь, что понимаю тебя или твою проклятую семью, Облодра, - добавила мать Биртин. - И я тебе не доверяю.

- Ни капли, - согласилась Зирит. - Берегитесь, верховная мать. Этот мужчина не забыл, что это мать и правительница дома Бэнр, ваша мать, бабка Ивоннель, обрушила еретиков-Облодра в Клорифту.

- Потому что мы были еретиками, - со вздохом повторил Киммуриэль. Он посмотрел на двух женщин-Бэнров, к которым обращался. - Может быть, в том, что я хочу вам показать, вы увидите кое-что и на этот счёт.

- Скажи вслух! - потребовала Сос'Ампту.

Киммуриэль и Ивоннель оба подумали, что именно личность заговорившей и её настойчивость заставили верховную мать Квентл поднять руку и приказать Сос'Ампту замолчать.

- Мы можем не доверять ему, но станет ли кто-то отрицать, что именно Киммуриэль привлёк на нашу сторону силу разума улья в битве с Демогоргоном? - напомнила Квентл. - Неужели мы так быстро обо всём забыли?

- Может быть, теперь разум улья сможет предложить вам свою мудрость, - сказал Киммуриэль, и Квентл кивнула.

- Мы получаем мудрость из молитв Ллос, - напомнила Сос'Ампу. - Разве этот иллидский разум улья — твой бог, Облодра?

Киммуриэль замолчал, обдумывая вопрос.

- Он не всеведущ, но знает больше большинства, поскольку то, что можно спрятать в устной речи, не спрячешь внутри. Бог? Нет. Но он и его конечности-иллитиды составляют библиотеку истины, где не может существовать ложь, о лживости которой не будет известно.

Пока все другие пытались расшифровать неожиданный ответ, Квентл кивнула, отвела Киммуриэля и Ивоннель немного в сторону и дала ему знак начинать.

Псионик закрыл глаза и установил сначала связь с Квентл, затем с Ивоннель, и тогда телепатически рассказал им правду. Обе сопротивлялись, в особенности Квентл — и даже отпрянули, едва не нарушив связь, когда Киммуриэль сообщил им, что для иллидидов Ллос вовсе не была богиней. Она была воплощением вреда, инфекцией. Ллос была горькими аргументами, проповедующими гордость и зависть, жадность и власть — но ничего больше. Она была вечной ложью, увлекающей говорящего и слушателя в глубокий мрак.

Он убедил их, что это лишь вера иллидидов — которую он не разделяет — и Квентл перестала бороться.

Он рассказал им обо всём, что произошло с Увунивиском и разумом улья, и эмпатически подтолкнул двух женщин вспомнить падение дома Облодра, чтобы получить необходимую перспективу. У них были эти воспоминания — у Квентл сразу как у участницы и свидетеля, поскольку они обладали всей памятью Ивоннель Вечной, а это именно она направила силу Ллос, чтобы повергнуть дом.

Затем он начал передавать остальное — очевидные выводы, совпадающие с его объяснением верований иллидидов, и более конкретно — то, что он узнал о внезапном восхождении Жиндии. Но Квентл снова остановила его, мысленно закричав на псионика.

Киммуриэль открыл глаза и обнаружил глядящую на него верховную мать.

- Ты не можешь делать подобных заявлений, - вслух сказала она.

- Я лишь передаю то, что узнал в разуме улья. Я решил, что будет лучше вам рассказать.

- Верховная мать может быть не согласна, - заметила Ивоннель. - Иногда незнание означает невинность.

- Ты ведь не веришь ему! - закричала на неё Квентл.

- Бывают времена — такие, как сейчас — когда я больше не знаю, во что верить, - ответила Ивоннель.

- Неужели мы должны оставаться в неведении? - спросила Зирит с другой стороны пещеры.

- Да, верховная мать, я тоже требую, чтобы этот мужчина говорил открыто, - сказала Сос'Ампу.

Ивоннель посмотрела на неё, потом на Киммуриэля, и кивнула.

- Вам это не понравится, - сказала верховная мать.

- Я в этом уверена, - сказала Сос'Ампу, и другие согласно кивнули.

- Хорошо. Начни с заявления этого иллитида, - приказала Квентл, когда к ним присоединились другие.

- Увунивиск, - сказал Киммуриэль. - Разум улья раскрыл в нём агента Ллос, разносчика заразы среди иллитидов.

- Заразы? - спросила Сос'Ампу.

- Они так видят, не я, - ответил Киммуриэль и солгал, потому что начал считать Паучью Королеву именно инфекцией. Ллос была внутри каждого разумного существа — тёмная и эгоистичная часть разума. Болезнь, инфекция, чаще всего — хорошо подавленная. Но только не тогда, когда Ллос брала этих существ к себе в рабство. Тогда зловерность росла, и возникали тёмные мысли. Даже сейчас, обдумывая это, Киммуриэль стал лучше понимать, почему Ллос несколько раз пыталась захватить разум улья — и, скорее всего, продолжает пытаться прямо сейчас. Как велика может стать её сила, если инфекцию начнут разносить иллитиды с их способностью проникать в мысли разумных существ?

- С помощью воспоминаний вашей матери и тётки я показал вам, что Ллос не впервые пытается подчинить иллитидов, - продолжал Киммуриэль. - В той давно минувшей эре скрыта тайна дома Облодра, которую даже я узнал лишь сейчас.

Он посмотрел на мать Зирит.

- Вспомните Смутное время, сто тридцать лет тому назад. Ваш дом считался в городе пятым, но вы знали, что превосходите Фен Тлаббар, который был на ступеньку выше, и более достойны, чем дом Облодра, уступавший только дому Бэнр и Баррисон Дель'Армго.

- Я согласилась с решением правящего совета, - запротестовала Зирит.

- Разумеется. Однако на самом деле вы готовы были принять превосходство Фен Тлаббар, но только не дома Облодра, - осмелился предположить Киммуриэль. - Мы были не самыми истовыми верующими, но мать К'йорл занимала более высокое место, чем вы. Вы думали, что причина тому — страх пред странной магией разума.

Мать Зирит не выразила несогласия.

- Но дело было не только в этом, - сказал Киммуриэль. - Мать К'йорл действительно пользовалась расположением Ллос в то время, поскольку по её поручению пыталась заразить разум улья. Но занималась она не только этим. Матери К'йорл было недостаточно того, что пообещала ей Ллос. Как вы помните, когда жрицы и волшебники ослабели в ходе Смутного времени, мать К'йорл стала ставить себя над самым порядком Мензоберранзан — даже над самой верховной матерью. И в своём высокомерии К'йорл пыталась сговориться с разумом улья, чтобы попытаться завоевать Мензоберранзан.

- Она хотела завоевать Мензоберранзан? - спросила Зирит.

- Она хотела завоевать Ллос, - ответил Киммуриэль. Он получил их полное внимание.

- Думаю, это правда, - сказала Ивоннель. - Когда я обращаюсь к подаренным мне воспоминаниям, я чувствую, что этот вывод справедлив.

Квентл согласилась.

- Разумеется, завоевать Ллос не вышло, - продолжал Киммуриэль. - Как и помешать ей. Ллос пыталась снова... и потерпела поражение.

Использование имени Паучьей Королевы и слова «поражение» в одном предложении вызвало недовольную гримасу на лице Сос'Ампу. Киммуриэль знал, что вступает на опасную почву, но зашёл слишком далеко, чтобы сменить курс.

Да и когда мужчина-дроу *не* вступал на опасную почву в окружении женщин своего народа?

- На сей раз она использовала заражённого ею иллитида в качестве агента, - сказал он.

- Ты продолжаешь использовать этот термин, «заражённый», - сказала Зирит. - Тебе следует лучше выбирать слова, касающиеся благословения нашей госпожи Ллос.

- Я использую терминологию иллитидов, - ответил он. - Я рассказываю вам об их убеждениях, подчиняясь приказу.

- И тот факт, что мы до сих пор не убили тебя за эту ересь, прекрасно объясняет, почему Ллос выбрала мать Жиндию, - сказала Зирит.

- Лучше превратить его в друка, - стала угрожать Сос'Ампу.

- Если Ллос действительно выбрала мать Жиндию, - вмешалась Ивоннель, застав их врасплох.

- Как мы можем в этом усомниться? - ответила Сос'Ампу. - Два захватчика!

- Киммуриэль утверждает, что вовсе не Ллос подарила великолепные конструкторы матери Жиндии, - сказала Квентл.

- Это была её прислужница, Йиккардария, - сказал Киммуриэль.

- С благословения Ллос, разумеется, - сказала Сос'Ампу.

- Я думаю, что Ллос даже не знает об этом, - сказал Киммуриэль. - Точнее, я сомневаюсь, что ей есть хоть какое-то дело. Йиккардария затаила обиду на воина-дроу, который однажды изгнал её на столетие после того, как она показала ему свою истинную форму. Она была с домом Ханцрин, когда те соревновались с Бреган Д'эрт за торговые привилегии за границами Мензоберранзана. Она выдавала себя за жрицу Иккару, создавая хаос вместе с жрицей Больфей.

- Прислужницей Болифеной, - прояснила для других Квентл.

- Благодаря напоминанию Киммуриэля, я припоминаю этот инцидент, по крайней мере, доклад о нём, - сказала Ивоннель, и Квентл кивнула. - Ивоннель Вечная призвала Болифену, чтобы подтвердить доклад Джарлакса. Йиккардарию изгнали клинки Закнафейна До'Урдена.

Верховные матери заохали, а Сос'Ампу озвучила свои подозрения:

- Ты помнишь его благодаря напоминанию, или он просто вложил эту память в твои мысли?

- Это правда, - настаивала Квентл. - Закнафейн изгнал Йиккардарию на сто лет.

- А теперь она дала матери Жиндии средство расквитаться с Закнафейном.

- Могущества прислужницы не хватит, чтобы создать захватчика или управлять им, - с сомнением заметила Зирит.

- Йиккардарии дала их Малкантет, королева суккубов, любовница Демогоргона, - заявил Киммуриэль.

- Это безумие и глупость! - провозгласила Сос'Ампу. - Зачем Ллос допускать такое? Она получила огромную выгоду от уничтожения Демогоргона, но она...

- Затем, что Ллос не интересуют подробности, - оборвал жрицу Киммуриэль, вызвав у неё очередную гримасу ненависти. Киммуриэль знал, что скорее всего

погибнет (и то, если ему повезёт), но продолжал. - Термины, которыми пользуются илликиды, имеют под собой почву. Ллос обладает стремлениями инфекции, болезни, а не богини. Она не направляет. Скорее, она заражает. Она пытается найти хаос внутри каждого из нас и выпустить его на волю, и выбирает самый очевидный путь, чтобы устроить одну из своих величественных катастроф.

- Казнить этого глупца! - потребовала Сос'Ампу от верховной матери Квентл. - Мы должны немедленно превратить его в драука, чтобы он вечно страдал от боли! Может быть, тогда удастся предотвратить гнев Паучьей Королевы!

- Не могу отрицать, что Ллос это понравится, - тихо согласился Киммуриэль, но другие были сосредоточены на Квентл, которая с сомнением качала головой.

- Тогда это станет крахом дома Бэнр, - Квентл ответила Сос'Ампу, - какой бы курс мы ни избрали.

- Если того потребует Ллос, - настаивала Сос'Ампу. - Не могу сказать, что это незаслуженно.

Помещение взорвалось криками, женщины смотрели друг на друга в поисках руководства.

- Ллос ничего не требует, - вмешался Киммуриэль, перекрикивая Сос'Ампу, которая требовала от него замолчать.

- В этом вся её суть, - добавил Киммуриэль, когда Квентл утихомирила свою разъярённую и фанатичную сестру. - Ей всё равно. Ей всегда было абсолютно всё равно. Дело не в Бэнрах. Дело не в ком-то из нас. Дело в той инфекции, которую представляет собой Ллос, в заразе злобы, хаоса и борьбы.

- Ты умрёшь страшной смертью — или целые эпохи будешь умолять о ней, - пообещала Сос'Ампу.

Киммуриэль пожал плечами.

- Вспомните прошлое, - обратился он к Ивоннель с Квентл. - Далёкое прошлое. Самое начало. У вас есть эти воспоминания. Подумайте о том, как всё это началось, об основании города. Подумайте о маленькой лжи, принятой в замен на что-то, на какую-то небольшую выгоду, даже небольшое благословение. Так густеет тьма, шаг за шагом: принятая ложь, побуждающая к действиям — поначалу не таким уж плохим, хотя неправильным и несправедливым. Тьма сгущается в сердце.

- Почему ты терпишь речи этого глупца? Мать Жиндия обладает благословением Ллос, - вмешалась Сос'Ампу. - Все это видят — нашу гибель!

- Ллос всё равно, - осмелился ответить Киммуриэль, повторяя припев к песне его собственной гибели. - Какую власть она получила из-за действий Мензоберранзана, действий Ивоннель и верховной матери Квентл против её соперника, Демогоргона! Теперь она пытается получить разум улья иллидидов — пыталась, поскольку потерпела неудачу, её опять обнаружили и победили. Ведь пожиратели знают истину о ней, истину, которую я предложил вам. Она скорее болезнь, чем сущность, скорее инфекция, чем богиня. И несмотря на всё это, ей *всё равно*. Ей наплевать на Закнафейна До'Урдена — не она вернула его к жизни.

- Это была я, - призналась Ивоннель, вызвав потрясённые возгласы. Молодая женщина с фиолетовыми глазами беспомощно пожалала плечами. - Я даже не знаю, как это сделала.

- Зато знаешь, что справилась без вмешательства Ллос, - предположил Киммуриэль. - Как ты сумела прочесть величайшее из заклинаний, само воскрешение, вопреки воле своей предполагаемой богини?

- Предполагаемой? - предупредила Сос'Ампу.

- Мы уже закрыли этот вопрос, - сказал ей Киммуриэль, заставив старшую жрицу зарычать. - Ивоннель смогла прочесть заклинание, потому что Ллос было всё равно. Её не беспокоит Закнафейн и уж точно не беспокоит Дзирт До'Урден. Возможно, он — самая большая шутка, которую Ллос сыграла со своими детьми за последние несколько веков. Мы считали его главным еретиком, но Ллос встретила его в тоннеле и *снова* попыталась обратить в свою веру. Она могла его уничтожить, но не стала. Она не стала!

Киммуриэль замолчал... и рассмеялся.

- Ты считаешь это смешным, Облодра?

- Конечно. Вы сами только что сказали — неважно, кто победит в великом замысле Ллос, потому что невзирая на последствия — на последствия для северной части Фаэруна или грядущую бурю, в которой решится иерархия Мензоберранзана — Госпожа Хаоса перейдёт к своей следующей игре. Вот что я узнал в разуме улья иллитидов, и с огромным риском сообщаю вам. Судить вам, не мне.

- Судить тебя скорее всего будет госпожа Ллос, - сказала Квентл, заставляя его замолчать. Он погиб, если не сумел до неё достучаться, но Киммуриэль не собирался лишний испытывать удачу. - Сейчас, пожалуй, самым простым и разумным образом действий будет объединиться с матерью Жиндией, закончить эти дела на поверхности, а затем сразиться в битве, которая может ждать нас в Мензоберранзане.

- Благодарю, верховная мать, - с поклоном сказала Сос'Ампу. - Мне не следовало сомневаться в ваших суждениях.

- Самый простой образ действий, - согласилось Ивоннель, и Киммуриэль тяжело сглотнул, ожидая удара. - Но правильный ли? Или мы настолько утратили чувство направления и совести, что такое дело, простой вопрос правильного и неправильного, совсем не имеет значения?

- Тьма глубока, - прошептал Киммуриэль, и эти слова — как и многое сказанное им здесь — были плохо приняты Сос'Ампу и некоторыми другими.

- Она сгустилась за века, - сказала Квентл.

- Это безумие! Ерьсь! - крикнула Сос'Ампу, у которой лопнуло терпение. - Никто не пойдёт за нами — не пойдёт за *тобой* — если ты будешь настаивать на этих фантазиях отчаявшегося и мстительного еретика и глупца!

- Мы обдумаем это — все мы, - сказала Ивоннель.

- Мы будем молиться, - поправила её Квентл.

- Следует поспешить с размышлениями, - предупредила мать Зирит. - Мать Жиндия идёт.

- Здесь что-то не так, - сказала Ивоннель. - Я не могу проигнорировать тот факт, что если бы Ллос желала смерти Закнафейну или Дзирту, добиться этого было бы куда проще. Каким образом мы могли провалить такое испытание? Мы уничтожили её соперника — и Дзирт был остриём этого уничтожения. Она сама встретила его в тоннелях далеко отсюда и не убила, даже когда он отрёкся от неё. Все вы, даже вы, госпожа Сос'Ампу, считали, что сама госпожа Ллос вернула Дзирту Закнафейна.

- А ты знала, что это не так, но была слишком труслива, чтобы сказать нам, - ответила Сос'Ампту.

- Правда, - признала Ивоннель. - Но всё равно, почему госпожа повернулась против нас?

- Может быть, из-за твоих действий, дура, - сказала Сос'Ампту.

- Я бы не смогла совершить воскрешение, истинное воскрешение, без неё — если правда всё то, во что мы верим про неё, про богов, - возразила Ивоннель. Она не убеждала Сос'Ампту — очевидно — но также очевидно, что её целевой аудиторией была Квентл.

- Тогда почему? - спросила Квентл, обдумывая её теорию.

- Возможно, госпожа Ллос так же устала от Бэнров, как многие другие верховные матери, - открыто заявила Зирит. В былые годы подобная ремарка стала бы поводом для войны.

- Я этого не потерплю, - решила Сос'Ампту. - Это ересь. Я не отступница. Ты станешь сражаться со мной, сестра? - спросила она Квентл.

Квентл покачала головой.

- Я прошу тебя только дать нам время, чтобы во всём разобраться.

- Пока не прибудет мать Жиндия. Не дольше.

Квентл кивнула.

- Я должна помолиться.

- Вы должны вспомнить, - сказал Киммуриэль, и все устремили на него грозные гримасы, кроме, как он заметил, Ивоннель.

- С самого начала, - сказала Ивоннель.

- Тьма густела постепенно, - сказал Киммуриэль. - Может быть, оглянувшись на... скажем, более светлые и невинные времена? — вы увидите мрак того, где мы сейчас, по сравнению с тем, где мы были когда-то.

- Прежде чем утратили чувство совести, и такие простые вещи, как правильно и неправильно, перестали иметь для нас значение? - полным сарказма и угрозы голосом спросила Сос'Ампту, обращаясь к Ивоннель.

- Я умоляю вас вспоминать постепенно, - попросил Киммуриэль. - Поступок за поступком, с учётом минувшего времени.

- Мы знаем очередность воспоминаний, подаренных нам иллитидом, Метиллом Эль Видденвельпом, - заверила его явно раздражённая и злая верховная мать Квентл.

- Значит, накопительный эффект, - прояснил Киммуриэль. - Вспомните, как чувствовала себя Ивоннель Вечная после своего первого убийства. Вспомните, как она чувствовала себя после сотого.

- По мере разрастания инфекции? - спросила Ивоннель.

Киммуриэль не мог понять, искренне ли она спрашивает, или Ивоннель тоже отступила от пропасти, к которой он их подвёл. Он был удивлён распространившимся внутри странному чувству спокойствия. У псионика не осталось жажды мщения дому Бэнр — он чувствовал, что достойно отплатил, не Бэнрам, а заразе Ллос, просто рассказав правду об этой зловредной твари.

Правда — лучшее противоядие, особенно для тех, кто так долго жил во тьме.

Судьба Киммуриэля была в его руках. Он знал, что сбежать отсюда будет непросто, и что не сможет спастись от собравшейся здесь силы — разве что разум улья предложит ему убежище..

Да, это была его единственная надежда, потому что даже Джарлаксу было не совладать с таким масштабом событий!

Однако, как ни странно, Киммуриэль не хотел убегать — как бы ни сложились обстоятельства.

Он чувствовал свободу, чувствовал себя так, будто наконец-то уже сбежал.

- Всё решится в следующие мгновения, - прошептал Энтрери двум своим спутникам внутри их надразмерного кармана.

- А если решится не в нашу пользу? - предупредила Далия. - Если Ивоннель примет сторону тех, кто желают поддержать войска Меларн, тогда твоя вера в неё обрекла нас. Нам некуда бежать и негде спрятаться.

- Она не предаст, каким бы ни был её выбор, - сказал Энтрери.

Далия возразила:

- Предаст! Потому что знает, что она, что её богиня будет знать! Никогда не думала, что ты такой дурак.

- Верь в неё, - предложил Вульфгар, вызвав острый взгляд Далии.

- И поставить на это свою жизнь? - отозвалась она. - Зачем?

Вульфгар посмотрел на Энтрери, но у того тоже не нашлось ответа.

- Нам нужно уходить, - настаивала Далия. - Немедленно! - она шагнула к окну в материальный мир.

- Нет, - ответил Энтрери, вынудив её замереть.

- Мы умрём страшной смертью.

- Я готов рискнуть.

- А если я не готова?

Он промолчал.

- Почему? - спросила Далия. Она с отвращением взглянула на Вульфгара, затем снова на Энтрери. - Ради них? Ради твоих друзей?

Энтрери пожевал губу, но кивнул.

- Я знала, что в конце концов ты выберешь их, - сказала Далия.

- Выберу? Почему я вообще должен выбирать?

- Лучше бы Дзирт умер на холме в тот день, когда мы разошлись, - сказала Далия, и её голос звучал как труба чистого недовольства.

Энтрери заметил, как нахмурился Вульфгар.

- Ты сказал, что это была случайность, - сказал он Далии. - Несчастный случай.

- Так и было, но что с того? - ответила она. - Если бы Дзирт погиб, я бы просто пожала плечами. Он заслужил.

Энтрери продолжал молчать, глядя на женщину.

- Я пришла за тобой, когда ты в этом нуждался, - сказала Далия. - Я отправилась за тобой в дом Маргастер.

Он кивнул.

- А теперь ты выбираешь их?

- Теперь я прошу, чтобы мы оба выбрали наших союзников, - ответил Энтрери.
- Твоих друзей?
- И друзей Далии тоже.
- Я не собираюсь ради них умирать, - ответила она и подошла к окну. - Ты со мной?
Энтрери долго смотрел на неё, потом покачал головой. Он хотел объясниться, но прикусил язык, поскольку Далия не стала ждать, выбросила наружу верёвку и вылезла следом.
Вульфгар глубоко вздохнул, затем повернулся к Энтрери и одобрительно кивнул. Энтрери никак не отреагировал.

- Накопительный эффект, - тихо сказала Ивоннель, обращаясь к Квентл, после того как они обе удалились для размышлений и в первую очередь — для погружения в свои воспоминания, в самые древние воспоминания, подаренные им опытом верховной матери Ивоннель Вечной.

Квентл не могла поверить в то, что узнала. Вместо того, чтобы прожить события — и что более важно, постепенно мрачневшие чувства, которые привели их к текущему моменту — она обратилась к самым ранним воспоминаниям и сопровождающим их эмоциям — надежде, радости, свободе — и сравнила их с глубоким мраком более свежей памяти.

Контраст был слишком велик, чтобы его игнорировать. Взгляд на эмоции, поступки, жизненные ценности верховной матери Ивоннель Вечной в последние годы её жизни показал Квентл и Ивоннель совершенно иной способ смотреть на окружающий мир.

- Как это произошло? - спросила Квентл. - Как мы стали такими?
- По одной лжи, по одному плохому поступку за раз, - ответила Ивоннель, повторяя недавние замечания Киммуриэля.
- Мы должны рассказать нашему народу, - сказала Квентл.
- И они нам не поверят.
- Мы должны... - начала спорить Квентл, но не могла не согласиться с логикой собеседницы.
- Накопительный эффект, как он и сказал, - заметила Ивоннель.
- Теперь я понимаю. Моя мать — и теперь я знаю, что могла бы назвать её так в ранние дни — из тех ранних дней не похожа на верховную мать Бэнр, которую я знала. Это чувствуется даже через её воспоминания, даже через эмоции в этих воспоминаниях. Тьма Ллос густеет так незаметно — по волоску за раз.
- И народ, который мы должны убедить, уже полон этого мрака, - напомнила Ивоннель. - Они предпочитают находиться в темноте.
- Что нам делать?
- Я не знаю, зато знаю, что не стану сражаться против дварфов Гонтлгрима. И не стану ловить Закнафейна ради удовольствия Ллос.

Верховная мать Мензоберранзана какое-то время смотрела на неё, потом ответила:

- Я тоже. И дом Бэнр.

Когда они оставили заднее помещение пещеры, оказалось, что их ожидают — и ближе всего стоят Сос'Ампу и Киммуриэль.

- Познавательнo, - сказала Ивоннель, в первую очередь — для Киммуриэля.

- Я тоже молилась, - сказала Сос'Ампу.

- Но я даже не надеюсь, что ты пришла к таким же выводам, - сказала Ивоннель.

Это вызвало у фанатичной Сос'Ампу мрачную гримасу.

- Значит, этот фокусник тебя обманул, - произнесла она.

- Нет, - сказала Ивоннель, но одновременно с нею Квентл обратилась к Сос'Ампу:

- Возможно. Так или иначе, скоро мы узнаем правду. И я понимаю, что ты не в силах убрать то, что в твоём сердце, чтобы изучить прошлое, как способны мы. Всё что я прошу — чтобы ты стала свидетельницей того, как мы все узнаем, что правильно, а что — нет.

- Ты ожидаешь бездействия перед лицом ереси? - возразила Сос'Ампу. - Я — госпожа Арах-Тинилит, старшая жрица Ллос, первая жрица дома Бэнр, госпожа Роци Куарвелшаресс. Я...

- А я — верховная мать, - сказала Квентл. - Дома Бэнр и Мензоберранзана. Я возглавляю правящий совет и служу голосом Ллос в Городе Пауков.

- Тогда веди себя подобающе, - ответила Сос'Ампу, расправляя плечи.

- Ты хотя бы знаешь, что это значит?

- Я знаю, что матери Жиндии Меларн предложили великие дары, чтобы она вела свою войну, - сказала Сос'Ампу. - Ты просишь меня поставить ложь этого фокусника-мозгоправа выше того, что я отчётливо вижу сама?

- Тогда вызови прислужницу, чтобы мы могли поговорить с ней, - сказала Квентл.

- Вызови Болифену, - предложил Киммуриэль.

- Заткнись, - зарычала на него Сос'Ампу. - Тебе повезло, что верховная мать Квентл здесь и что ты сумел на время её обмануть, Облодра, иначе твои ноги прямо сейчас разделились бы на четыре лапы каждая.

Киммуриэль замолчал.

Двум женщинам Сос'Ампу прорычала:

- Я не нуждаюсь в указаниях. Госпожа Ллос дала матери Жиндии драуков.

- Значит, Сос'Ампу будет служить дому Меларн? - спросила Ивоннель.

- Конечно нет!

- Что же до драуков, откуда нам знать, что это была Ллос? - спросила Квентл. - Разве нет других демонических владык, которые сейчас разгневаны на Мензоберранзан? В особенности — на дом Бэнр?

- Демонические владыки известны своим умением создавать захватчиков, - сказала Ивоннель.

- Захватчиков, которые носят облик Ллос! - напомнила Сос'Ампу.

- Тем лучше обман.

- Верховная мать, это легко поверить, - сказала Ивоннель. - Что, если мы отменим, как нам кажется, то, что не совершала Ллос?

- Сразимся с драуками? - спросила встревоженная Сос'Ампу.

- Нет, кое-что получше.

Улыбка Ивоннель выдавала её, и Сос'Ампу не требовалось быть псиоником, чтобы понять, на что она намекает — на действие, которое до сегодняшнего момента считалось самым страшным богохульством.

- Ты не можешь, - прорычала она.

- Нет, они не могут, - согласился Киммуриэль. - То, о чём ты думаешь, не может быть исполнено без милости Ллос, если только исполнитель не будет сильнее самой Паучьей Королевы.

Это вызвало возгласы всех троих, и терпение Сос'Ампу лопнуло. Она достала свою плеть, замахнулась ею, и живые змеи поднялись, чтобы укусить псионика. Они ударили, как одна... но не Киммуриэля.

Живые змеи, которых псионик подчинил своей воле, впились в Сос'Ампу, разрывая ей лицо и шею, заполняя тело смертельным ядом.

С испуганным воплем жрица отшвырнула своё оружие, хотя ей потребовалось несколько раз дёрнуть, чтобы окончательно извлечь змей из кожи. Она потрясённо отшатнулась и попыталась прочесть заклинание.

Квентл и Ивоннель вместе сделали это за неё, направляя магию, чтобы исцелить её раны и обезвредить яд. Сос'Ампу продолжала покачиваться.

- Это сделала я, - объявила Квентл, изумив всех, и сильнее всего — Киммуриэля.

Тогда Сос'Ампу издала звук, которого никто раньше не слышал — странный, придушенный, протестующий писк, и бросилась бежать. Другие жрицы и верховные матери наоборот, придвинулись ближе, чтобы посоветоваться матерью Квентл.

Ивоннель уставилась на Киммуриэля, и верховная мать как будто была готова сразить его, несмотря на ложь, что это она, а не он, обратил змей.

- Лишнее доказательство того, что я показал вам правду, - объяснил Киммуриэль, прежде чем прибыли остальные.

Выражение лица Квентл не смягчилось.

- Обманщик? - спросила она. - Если да, ты ты пожалеешь, что я не позволила первой жрице Сос'Ампу обратить тебя в драку, обещаю.

- Разве я не сделал только что именно то, что вы собираетесь попробовать, только в намного меньшем масштабе? - спросил её Киммуриэль. Он кивнул на извивающуюся плеть. - Создание Ллос оказалось не таким, как мы считали. Как это вообще возможно?

У двоих женщин — и тех, кто к ним присоединился — не было ответа.

- Дело в том, что я знаю правду, - объяснил Киммуриэль. - И когда богиня — вовсе не богиня, правда становится свободой и силой. Она — инфекция.

Бэнры переглянулись.

- Можем ли мы? - тихо спросила Квентл, обращаясь к Ивоннель.

- Думаю, да.

Квентл опустила взгляд, вздохнув, беспомощно пожав плечами. Они должны были попытаться, но задача казалась невыполнимой.

- Собери дом Бэнр, - приказала она Минолин Фей Бэнр.

- Значит, это война — дроу против дроу, - сказала мать Зирит.

- Может быть, а может быть и нет, - заметила Ивоннель. - Но если всё так, на чьей вы стороне?

Зирит секунду размышляла, потом согласилась.

- Собери дом Ксор... До'Урден, - приказала она жрице Сарибель.

- И дом Фей-Бранч, - согласилась мать Биртин Фей.
- Это будет конец всего, во что мы верили, - предупредила племянницу Квентл.
- Но верила ли Ивоннель Вечная только в это? - спросила Ивоннель. - Или сейчас наступает всего лишь конец того, с чем она смирилась?

Квентл, которая обладала теми же воспоминаниями и теперь, с помощью Киммуриэля, могла легко обращаться к ним, наконец-то смиренно кивнула.

Когда все трою трёх домов собрались в широкой роще перед пещерой, верховная мать Квентл приказала жрицам и волшебникам следовать за ней и Ивоннель. После некоторых обсуждений две могущественные женщины выбрали пару крепких дубов, колонн, обрамляющих вход на главную тропу к западу, где собрались войска матери Жиндии.

Они обе погрузились в волшебный транс, обращаясь к воспоминаниям Ивоннель. Они помнили, что этот двомер уже создавали раньше, очень, очень давно. Но — отдельно, с особого разрешения, и совсем не в том масштабе, как сейчас — даже близко не в том.

Они начали сплести паутину, из их пальцев вылетали полупрозрачные нити, тянувшиеся от дерева к дереву.

Другие жрицы пытались помочь, как и волшебники, но для подобного создания не существовало известных ритуалов, и в конце концов оно рухнуло — паутина распалась.

Квентл и Ивоннель упрямо продолжали.

- Магия недостаточно сильна, - наконец сказала побеждённая Квентл. Её плечи поникли.

- Мы сделали верный выбор, - настаивала Ивоннель.

- Эта мысль будет утешать меня, когда нас убьют или ещё что похуже, - ответила Квентл.

Повсюду вокруг них шептались и нервно расхаживали из стороны в сторону тёмные эльфы.

И тут земля под ногами вздрогнула, раздался ужасный рокот, самый сильный рёв Мегеры — землетрясение было таким сильным, что Ивоннель посмотрела на вершину горы, ожидая увидеть извержение.

Когда его не случилось, женщина обнаружила, что сосредоточилась на этом месте, на горе, и событиях, происходящих под ней, в Гонтлгриме.

- Прошу, не сдавайся, - сказала она Квентл. - Ко мне пришло вдохновение.

- Говори, - сказала Квентл.

Ивоннель покачала головой.

- Я скоро вернусь. Не сдавайся. Удерживай позиции.

ГЛАВА 28

Магия творения

Он был побит, покрыт синяками и кровью, но знал, что пострадал куда меньше, чем многие другие здесь, в великом аванзале Гонтлгрима. Измученный король Бренор отказывался от любой помощи, как и его королевы, пострадавшие не меньше.

Однако после целого дня сражений он нуждался в отдыхе, но устроился у стены — или того, что от неё осталось — на земле рядом с трамвайной станцией с другой стороны пруда. Отсюда он будет направлять свои силы. Дварфы очистили переднюю половину пещеры, включая три важных «бутылочных горлышка», но враги снова наступали. Слишком много дварфов были ранены и истощены, чтобы перенести бой к врагу, но уже отвоёванные участки можно было оборонять, и это давало им передышку, позволяло собраться с силами, и что более важно — вернуть в строй несколько артиллерийских постов в сталагмитах, а также позиции для разведчиков и стрелков.

Чисто с военной точки зрения всё прошло лучше, чем они могли надеяться, но задача перед ними оставалась поистине пугающей, а время, похоже, подходило к концу. Поскольку земля снова принялась дрожать, и предтеча угрожал вырваться на свободу.

Бренор боялся, что даже очистка оставшейся части пещеры от демонов продлится слишком долго.

Но он продолжал наступать. Другого выбора не было.

Он собрал своих вечно преданных дварфов — каждый готов был умереть за клан Боевой Молот, за короля и королев, за своё делзунское происхождение, и за веру в то, что их поступки служат хорошему делу, делу всех дварфов Фаэруна.

В любой момент, когда ситуация стабилизировалась, Бренор игнорировал жрецов, умолявших его отдохнуть, и отправлялся к раненым, шёл через их ряды, понукая жрецов стараться сильнее, выжимать из себя последние капли волшебной энергии.

Затем он уходил в тронный зал, чтобы воздать почести мёртвым, всем до последнего, благодарил их и поцеловал их холодные, покрытые кровью щёки.

В одном из таких путешествий король Бренор повстречал жрицу, которую звали Пенни.

- О, мой король, вы должны пойти со мной, - сказала она, задыхаясь, поскольку долго бежала, чтобы найти его. - Ребёнок выходит!

Бренор сделал глубокий вдох и попытался обдумать момент. Ребёнок его дочери, его любимой Кэтти-бри. Дитя Кэтти-бри и его самого дорогого и ныне утраченного друга. Он беспомощно хмыкнул, сказав себе, что должен одержать победу здесь — или хотя бы найти способ пробиться. Он не боялся умереть — однажды уже умирал! — но ребёнок Дзирта и Кэтти-бри?

Это ребёнок, здесь и сейчас решил Бренор, не погибнет, пока ему не представится шанс стать достойным своего невероятного наследия.

- Отведи меня, - сказал он Пенни, но они едва успели сделать пару шагов, как Бренор остановился и передумал. - Я пойду к ней. А ты найди Закнафейна. Я недавно видел его у трамвая. Найдёшь его, расскажешь и приведёшь!

- Да, мой король, - сказала она и бросилась бежать.

- И Рамблбелли! - закричал ей вслед Бренор. - Не забудь про Рамблбелли!

Бренор тоже побежал, но сначала прибежал к трону Дварфийских Богов и ещё раз вскочил на него.

- Я никогда не прошу для себя, - взмолился он Морадину. - И я знаю, что это дитя по крови не из нашего рода. Но это мой внук, и что бы там не приготовила девчонка, он не мог быть моим сильнее, даже будь моим по крови, или если бы сама девчонка была моей крови. И я умоляю, не дай ребёнку погибнуть.

Он почувствовал липкую кровь на щеке, когда вытирал слёзы.

- Будь я проклят, если вернулся сюда лишь затем, чтобы увидеть, как всё рушится, - пробормотал он, ковыляя через залы и вниз по лестницам. Везде было пусто, не считая патрулей и сторожевых постов, которые он приказал оставить, и редких посыльных, направляющихся обратно во входную пещеру с оружием, инструментами и другими припасами. Одна группа из восьми дварфов тащила боковую катапульту.

Их решительность, старание и внимание к своему долгу приподняли боевой дух Бренора, но очередная встряска от предтечи умерила его надежды.

Скорее всего, им придётся уйти — причем скоро. Бренор тешил себя мыслью, что может быть, они смогут прорваться в Подземье.

Он лишь надеялся, что если так случится, то враги займут освобождённое место и предтеча поднимет на воздух весь проклятый комплекс у них под ногами — и демоны получат по заслугам!

Может быть, скоро Бренора коронуют королём Мифрил-Халла, далеко на востоке?

Он прогнал эту мысль, как только она пришла к нему в голову. Если они потерпят здесь поражение, здесь он и погибнет — почти наверняка, а если по какой-то случайности они с товарищами сумеют спастись, Бренор отправится в путешествия, пойдёт по дороге приключений.

Да, подумал он. Лучше будет взять Рамблбелли, найти Вульфгара, и когда Кэтти-бри сможет, они отправятся...

Неожиданно всё это показалось таким пустым.

Теперь Компаньонов Халла было четверо, не пятеро.

Нет времени на такие мрачные мысли! Бренор хмыкнул, представив, что сделает Гвенвивар, если услышит, что он так бесцеремонно исключил её из Компаньонов!

Бренор бросился бежать и наконец достиг покоев Кэтти-бри. Он мимолётно удивился, встретив там уже поджидавшего его Закнафейна. Одежда дроу была разорвана во многих местах, покрыта пятнами крови и останками демонов. У него был порез на одной щеке, а глаз над ней заплыл и почти не открывался.

- Что нам известно, добрый король Бренор? - спросил Закнафейн, вскочив ему навстречу.

- Как ты... ? - хотел спросить Бренор, но всё понял, когда Закнафейн указал на свои наручи.

- Думал, ты носишь их на запястьях, как и полагается, - сказал Бренор.

- Я хотел попасть сюда как можно быстрее, так что надел на лодыжки, как делает мой сын...

Напряжение его слов, отчаянное желание, чтобы Дзирт был жив, заставили Бренора окоченеть от смущения.

- Ничего пока не знаю, - сказал Бренор. - Моя девочка скоро станет мамой, так мне сказали, но ты меня опередил.

Он кивнул на дверь.

- Я не заходил, - ответил Закнафейн. - Решил, что лучше будет дожидаться тебя.

С другой стороны двери раздался громкий стон.

Бренор помешкал.

- Никогда раньше не видел ничего подобного.

Зак издал смешок.

- Там, откуда я родом, любые роды, которые увидел мужчина, скорее всего будут означать немедленную казнь и ребёнка, и свидетеля.

- Да, милое местечко, - сказал Бренор, и когда раздался новый крик, уже громче, дварф шагнул мимо Зака и вошёл в комнату.

Они обнаружили Кэтти-бри сидящей на кровати, подавшись вперёд, и глубоко дышащей. Её лицо было ярко-красным.

- Эй, хорошо что пришли, но сейчас убирайтесь! - сказала занимавшаяся ею жрица. Вторая повитуха, сжимающая Кэтти-бри за руку, нахмурилась на своего короля.

- Да-да, - извинился Бренор. - Моя девочка... я буду за дверью.

- Останься, - выдохнула Кэтти-бри между вздохами, и когда жрицы-дварфийки попытались спорить, она заявила: «Он остаётся!» с такой силой, что обе они замолчали.

- Я подожду снаружи, - предложил Зак. - Все мои мысли и молитвы с тобой... - Зак замялся с неуверенным видом. - Дочь моя, - закончил он.

Казалось, Кэтти-бри не сумела улыбнуться, зато кивнула, и Закнафейн покинул комнату с ответным кивком и неловким поклоном. Он устался на закрывшуюся за ним дверь, но отступил в сторонку, когда мимо поспешили Пенни и ещё одна дроу.

Вид Ивоннель удивил Бренора, но он был рад приходу могущественной жрицы. Когда две женщины вошли в комнату, Бренор заметил за ними ещё двоих: Реджиса, такого побитого, каким Бренор его ещё не видел. Его одежда была покрыта пятнами крови. Рядом с полуросликом стоял Джарлак с таким видом, как будто пришёл на формальный придворный бал — на наёмнике не было ни пятнышка.

Ну разумеется.

- Да, уложите её, - сказала Пенни. - Бедняжка выглядит так, как будто ползла от самого Глубоководья.

Они уложили Кэтти-бри и быстро укрыли её одеялом. Ивоннель подошла и отстранила трёх жриц.

- Выйдите в другую комнату, - сказала она. - Я должна поговорить с Кэтти-бри.

- В чём дело? - спросил Бренор, но Ивоннель его проигнорировала. - Когда король в собственном доме спрашивает тебя, в чём дело, стоит ему ответить, - напомнил Бренор.

- Я должна поговорить с Кэтти-бри, - сказала Ивоннель. - Это о родах её ребёнка, которых я ожидаю перед рассветом.

Бренор не шевельнулся.

- Мой па может услышать всё, что ты хочешь сказать, - сказала Кэтти-бри.

Бренор посмотрел на дочь, потом на открытую дверь и дроу, жадно подавшегося в их сторону и заметно нервничающего.

- Закнафейн, заходи, - позвал Бренор.

Его не нужно было просить дважды. Оружейник в мгновение ока оказался рядом с Бренором.

Бренор увидел, что Кэтти-бри не возражает против присутствия Зака, поэтому обратил своё внимание на Ивоннель — и заметил её взгляд на Зака, сначала недовольный, но быстро смирившийся.

- На самом деле ты кое-что об этом знаешь, - сказала она оружейнику, вызвав любопытный взгляд последнего. - Может быть, когда я закончу и уйду, ты сможешь принять этой женщине решение.

Кэтти-бри охнула от боли, затем отогнала её короткими и решительными вдохами.

- Если ты хочешь поговорить, делай это сейчас, - сказала она сквозь стиснутые зубы.

- Среди дроу есть тайна, известная лишь нескольким жрицам — верховным матерям, - начала Ивоннель. - Она касается магии, редко использующейся и иногда опасной, даже неконтролируемой. В нашей собственной истории такая магия использовалась только по возможности и лишь от отчаяния.

- Родовая магия, - прошептал Зак, кивая, поскольку никогда не мог забыть войну с домом Ган'етт.

- Магия для помощи при родах? - спросила Кэтти-бри и вздрогнула. - Если у тебя есть что-то...

- Нет, не так, - оборвала её Ивоннель. - Совсем не так. Момент деторождения — самый могущественный момент созидания, который может испытать разумное существо. Ничто не сравнится с его интенсивностью. Это апогей близости женщины к силам вселенной, как их не назови — богами, природой или... предтечами. Существует магия, способная направить эту интенсивность в заклинание и бросить его через огромные расстояния.

Лицо Кэтти-бри исказилось в жуткую маску из-за боли.

- Как я уже сказала, мы редко ею пользуемся, - сказала Ивоннель. - Последний раз в Мензоберранзане эта магия полностью оглушила целый зал жриц, множество старших жриц и даже верховную мать, когда один дом победил другой. Многие считают, что у дома-победителя не было шансов в том бою, если бы не верховная мать, которая в момент своих родов нанесла удар по врагу.

- Ты просишь меня родить ребёнка в момент величайшего разрушения? - спросила Кэтти-бри тоном где-то между неверием и гневом. - Я не могу...

- Не обязательно так, - ответила Ивоннель. - По крайней мере, я так думаю, хотя признаю, что среди моего собственного народа, за всю мою долгую память, нет ни одного примера, кроме войны.

Кэтти-бри начала потеть, и её лицо стало ярко-красным.

- Оставь меня, - приказала она Ивоннель.

Ивоннель кивнула и встала.

- Конечно, - сказала она и поклонилась. - Молюсь, чтобы ты и твоё дитя легко прошли через это, и надеюсь, что он или она пойдёт в родителей своей красотой и силой личности.

Она бросила взгляд на Зака, пожала плечами и вышла из комнаты, затворив за собой дверь.

Зак смиренно посмотрел на Кэтти-бри.

- Ты не можешь с этим соглашаться, - зарычала на него женщина. - Не заставляй меня думать, что все мои надежды на твой счёт были напрасны, и ты настоящий дроу Мензоберранзана в душе и в сердце.

Зак беспомощно рассмеялся.

- Я хорошо знаком с инцидентом, про который упомянула Ивоннель, - сказал он. - В последний раз, когда в Мензоберранзане применяли родовую магию, я был копьём, что бросили следом за волшебным оглушением. Мой меч, мой кнут сразили вражеских жриц. Это мать Мэлис бросила...

Кэтти-бри уже отвечала ему, гневно, и ей потребовалась пауза, чтобы осознать, о чём говорит Зак. Тогда она ошалело уставилась на него.

- Это было рождение твоего мужа, - подтвердил Зак. - Дзирт родился в момент использования могущественной родовой магии. Поистине разрушительной магии. Я не видел доказательств тому, что Дзирт от этого пострадал.

- И ты хочешь, чтобы я это сделала?

- Я хочу, чтобы ты делала то, что считаешь лучшим. Моё дело — просто поддерживать тебя, а ещё — сражаться за короля Бренора и тех, кто был дорог моему сыну.

- Милые слова.

- Если ты в них не веришь, то зачем отдала мне сабли Дзирта?

- А ты, па? - спросила Кэтти-бри Бренора, который сидел молча и с каменным лицом.

Бренор покачал головой.

- Мне нужен ответ получше.

- Я не знаю, - ответил Бренор. - Можешь ли ты открыть ворота? Можешь ли ты изгнать тысячу демонов? Конечно, было бы здорово сделать твоего дитёнка героем ещё при самом рождении. Но кто я такой, чтобы решать, девочка моя?

Он покачал головой.

Кэтти-бри хотела ответить, но замолчала, не в силах отыскать слова. В следующее мгновение всё стало неважно, поскольку жестокие схватки сорвали её голову с подушки, заставив сложиться вдвое.

Дварфийские жрицы во главе с Пенни хлынули в комнату. Вошло и несколько жрецов, но Ивоннель нигде не было.

ГЛАВА 29

Рождённый из огня

Как и в первый раз, Ивоннель пришлось воспользоваться заклинаниями и осторожно выбирать путь, чтобы преодолеть войско дроу, расположенное с фланга дом Бэнр. Теперь женщина поняла, что их позиция была не случайной, и это лишь напомнило ей о срочности и критической важности следующих часов — а может даже минут.

Когда она наконец прибыла к верховной матери Квентл, она обнаружила лагерь Бэнров в суматохе — солдаты и жрицы готовились к ожидаемой битве. Охранялась не только западная сторона, где они ожидали мать Жиндию, но также фланги и тыл.

- Какие новости? - спросила её Квентл. Миринейл, Минолин Фей и другие жрицы Бэнров были рядом с Квентл, а вот Сос'Амπτу отсутствовала.

- Где мать Зирит и мать Биртин?

- Они с нами, - заверила её Квентл, но в её голосе не слышалось той уверенности, которую верховная мать пыталась изобразить.

- Они поступят так, как будет лучше для них, - сказала Ивоннель. - Преданность сыграет лишь малую роль.

Было очевидно, что Квентл не в силах отрицать жестокую правду.

- Может быть, нам следует передумать, - сказала она. - Остальным очевидно, что мать Жиндия пользуется великой милостью Ллос. Может быть, они правы в своей оценке.

- Но мы с тобой знаем, в чём дело, - ответила Ивоннель. - Он показал нам правду.

Она указала на стоящего неподалёку Киммуриэля и заметила, что того тщательно охраняют солдаты Бэнров.

- Разве? - спросила Квентл с заметным сомнением. - Да и какая разница? Если наша «правда» здесь бесполезна, какой от неё толк? Нам что, сражаться с половиной — может быть, даже семью из десяти главных домов дроу?

- Дом Бэнр тысячи лет встречался с подобными вызовами, - справедливо заметила Ивоннель.

- Но здесь, вдали от нашего дома и оборонительных позиций, с войском из сотен драуков и демонов под командованием матери Жиндии? Кажется, её одной хватит, чтобы сравниться с нами. А с другими, с Баррисон Дель'Армго...

Ивоннель подняла руку и устремила взгляд вдаль, поскольку ощутила дрожь под ногами — сначала слабую, но затем усилившуюся.

- Предтеча? - тревожно спросила Миринейл. - Зверь вырывается?

- Мать Жиндия, - сказал Киммуриэль Облодра. - Земля дрожит от бегущих драуков.

Все взгляды устремились на Ивоннель и Квентл.

- Нам следует попытаться ещё раз, причём немедленно, - предложила Ивоннель. - Если потерпим неудачу, значит, такова воля Ллос, и у нас ещё останется время сделать решающий выбор.

Какое-то время Квентл размышляла. Ивоннель знала, о чём она думает — у них были общие воспоминания, память о давно минувшем времени, более двух тысяч лет — до самых дней зарождения Мензоберранзана.

Различия невозможно было игнорировать. Разница без, как сказал Киммуриэль, «накопительного эффекта» была так велика, что Ивоннель и Квентл не могли про неё

забыть, и когда верховная мать подалась вперёд и сказала: «Все жрицы и волшебники в строю будут нас поддерживать», ей руководила надежда, а не страх.

Ближайшим стражникам она приказала:

- Отправляйтесь в дом До'Урден и дом Фей-Бранч. Быстро. Скажите матерям, чтобы прислали всех своих волшебников и жриц. Скажите, чтобы они пришли и присоединились к нам.

- Верховные матери не придут, - сказала Ивоннель, обращаясь к Квентл, когда они шли к своим деревьям в конце широкой тропы, что уходила дальше на луг. - А их помощь, если таковая придёт, будет скудной.

- Я знаю, - ответила Квентл.

- Если мы потерпим неудачу, они смогут отрицать своё участие, - предупредила Ивоннель.

- Вряд ли это будет иметь значение, - сказала Квентл. - Но если мы добьёмся успеха, они будут более преданы дому Бэнр и постараются показать это, чтобы избежать гнева той верховной матери, что одержит победу.

Затем они разошлись, и Ивоннель молча одобрила поступки своей тётки. Её приглашение поставило мать Биртин, и в особенности сомневающуюся мать Зирит, в тесные рамки.

Ивоннель с Квентл заняли свои места у деревьев. Рядом с каждой стояла черед жриц и волшебников. Они кивнули и снова стали пряхть паутину.

Казалось, их усилия бесполезны.

Земля под ногами задрожала ещё сильнее.

Измученная и покрытая потом, Кэтти-бри пыталась забыть про острую боль и страх того, что предтеча повредил её ребёнку. Она пыталась забыть о критической ситуации за пределами её комнаты, где дварфы Гонтлгрима боролись за жизнь с превосходящими силами противника. Она пыталась забыть о растерянности, которую вызвала просьба Ивоннель и разъяснения Зака — и это привело её обратно к Дзирту, её Дзирту, любви всей её жизни.

И это успокоило Кэтти-бри больше всего. Воспоминания о её муже победили боль, отбросили прочь любые страхи и дали ей силу, в которой она нуждалась для родов и многого другого.

Куда большего.

Она прошептала слова, которые Ивоннель передала Копетте, а Копетта — ей. Она прошептала волшебную формулу, делая короткие вдохи, чтобы справиться с болью.

И когда магия стала действовать, она нашла нечто, нечто чудесное и нечто прекрасное.

Красоту творения, рождающейся жизни.

И в этом творении — силу, которой женщина не знала прежде.

Она отправила свой магический голос далеко-далеко, подобно объявлению о родах, чтобы подбодрить дварфов и их союзников, чтобы потрясти врагов. Поначалу ей было нечего добавить к этому простому двумеру — в отличие от матери Мэлис, взорвавшей комнату в доме Ган'етт, чтобы парализовать жриц.

Поначалу.

Брат Афафренфер знал, что он потерян — и это было великолепно. Он перешёл в это духовное состояние, чтобы избежать смертельного укуса стали, а затем решил найти Дзирта, но теперь всё это исчезло, как и любые мысли о возвращении в физическое тело, о том, чтобы быть *живым* в любом известном ему смысле этого слова.

Потому что сейчас он был жив — больше чем когда-либо. Сейчас он знал истину, вечность и красоту... всего.

И он мог быть частью этого. Он был частью этого, и это было здорово. Любые узы, которые могли привязать его к оставленному миру, практически полностью исчезли.

Практически.

Потому что Афафренфер услышал голос, прекрасный и сильный. Он знал, что это Кэтти-бри — прекрасная Кэтти-бри, сильная Кэтти-бри.

Он услышал её зов, её объявление, почувствовал её решительность, чистую силу воли, и это поманило его назад, напомнило о незавершённых делах.

Её голос нашёл его и повёл, как маяк, к далёкому берегу. Путь к восстановлению его физического тела и сражению бок о бок с товарищами стал ясен монаху, а зов продолжал манить.

Пальцы Ивоннель задвигались как будто против её собственной воли, щипая воздух, словно она играла на невидимой арфе.

С другой стороны Квентл тоже погрузилась в неожиданный для неё самой ритм.

Вокруг звучала музыка, но не из нот, а из магии. Они чувствовали силу Кэтти-бри, брошенную им так же, как мать Мэлис сделала с домом Ган'етт — только с противоположным эффектом. Там где Мэлис парализовала Ган'еттов, Кэтти-бри теперь передавала свою энергию двум Бэнрам, наделяя их силой, гармонией, вознося их магию до высот, знакомых им лишь по воспоминаниям Ивоннель Вечной, сначала из собственного использования верховной матерью родовой магии в ранние дни Мензоберранзана, а затем — когда Ивоннель Вечная обрушила дом Облодра в Клорифту.

Паутина струилась из пальцев жриц, оплетая деревья, взбираясь выше и навстречу друг другу среди высочайших ветвей, затем опадая вниз, чтобы соединиться посередине.

Жрицы и волшебники, помогавшие им, тоже ощутили магию, хотя и не поняли её. Но их энергия всё равно текла в неизвестный ритуал.

Паутина росла очень быстро, заполняя пространство между деревьями.

Вскоре Ивоннель и Квентл отступили к восточному краю луга, и другие жрицы и волшебники направились за ними. Паутина была там, законченная, но почти целиком прозрачная — нити сияли лишь в те моменты, когда ветер заставлял их соприкоснуться с первыми лучами рассвета, загорающего в небе за спиной у дреу.

Земля тряслась уже постоянно.

Мать Жиндия приближалась.

Ощувив всю полноту момента — дитя покидало её тело, магия заклинания наполняла её необузданной яростью, надеждой и огромным чувством единства со всем — с её сородичами-людьми, с каждым разумным народом, с животными, с растениями, с камнями, водой и самим воздухом — Кэтти-бри познала такой уровень гармонии, какого даже представить себе не могла. Больший, чем она испытала в волшебном лесу Миликки — в те годы, когда она в некотором отношении была мертва.

Это было понимание. Это была красота.

Это была сила.

В короткой вспышке она пожалела, что на ней нет кольца. Может быть, она смогла бы утихомирить предтечу, даже открыть порталы!

Но нет, сразу же поняла женщина. Её понимание мультивселенной стало яснее, и она поняла, что на Мегеру не подействует ни магия, ни попытки уговоров, вообще ничего. Ведь Мегера был стеной, буквальной силой природы, и ни одно заклинание, на которое она была способна, даже в таком возвышенном состоянии, не будет иметь для предтечи значения.

Её разум кружился, боль была сильна, но радость сладка — невероятно сладка.

Она испытывала кульминационный момент, момент разделения, истинную силу создания. Отдалённо она слышала dwarфов, Копетту, которые умоляли её тужиться.

Её не нужно было просить.

Момент манил её, и она устремилась к нему с каждой толикой силы, физической, эмоциональной и ментальной, которую только могла собрать, и когда дитя пришло в мир, Кэтти-бри направила все силы через это мгновение — далеко, к союзникам дреу, собравшимся у Гонтлгрима, на север в Лускан к тем, кто сражался с вторжением Маргастеров, на запад к руинам и потерявшемуся монаху — с мимолётной надеждой, что там она найдёт частицу души Дзирта и по крайней мере сможет сказать ему, что ребёнок родился.

Даже если Дзирт никогда его не увидит.

В этой красоте, в боли этого мгновения, Кэтти-бри швырнула волшебную бомбу — как несколько веков назад сделала Мэлис, но не для того, чтобы атаковать врагов, нет.

Этого она не могла. Несмотря на все заверения Закнафейна, она не могла испачкать бойней это мгновение любви и красоты.

Вместо этого она установила свой флаг, свой маяк в северных землях, подбадривая союзников, взывая ко всем, направляя свои мысли и волшебную силу, чтобы поднять их боевой дух.

На западе она услышала ответный зов — от Афафренфера, и потянулась к потерявшему монаху, и посадила в там, где он погиб, этот образ, мгновение красоты, воткнув его туда, как флаг триумфа, чтобы Дзирт мог знать.

Она покинула своё тело. В это мгновение она ушла туда же, куда ушли Дзирт и Афафренфер, потерялась в бурном ручье связи и осознания. Единства, на самом деле, поскольку всё перед ней разбилось на мельчайшие элементы, и все они были одинаковы. Материя звёзд.

Здесь была гармония, вечная и универсальная красота и спокойствие, которые насмехались над заботами смертных, которые заставляли войны и борьбу смертных выглядеть такими... глупыми.

Плач ребёнка заставил её устремиться обратно в комнату, к ожидающему телу, и она открыла глаза, чтобы увидеть Копетту, держащую дитя.

Ребёнок был уже запелёнут — она видела только головку и белые волосы, и пуповину, ещё не отрезанную, торчащую из-под полотенца.

- Да, госпожа, у вас тут красавица, - услышала она Копетту. - Похожа на вас, только глаза у неё отца.

Кэтти-бри едва сумела осознать последнюю фразу.

Её отца.

Её отца!

У неё была дочь.

Её отца!

Дзирта, который так и не узнает своего ребёнка.

Но теперь Кэтти-бри была в порядке, ведь в момент создания, с помощью силы магии она тоже шагнула в место между жизнью и вечностью — она уже никогда не сможет думать об этом, как о жизни и смерти.

Дзирт был там, и её сердце заняло от утраты, особенно в этот миг.

Но с Дзиртом всё было хорошо.

Всё было хорошо.

ГЛАВА 30

Паутина прошлого и будущего

Ещё кое-кто услышал зов Кэтти-бри, и хотя Громф Бэнр не сразу понял, в чём дело, он осознал, что происходит нечто важное. Он подошёл к своему хрустальному шару и устремил свой взгляд на Кровоточащие Лозы — чтобы обнаружить деревню покинутой.

Он сумел изменить угол и передвинуть точку обзора на юг, затем на запад, затем на восток, чтобы наконец найти Жиндию и её войско.

И за ними, неподалёку, узнал Бэнров и их союзников — и был достаточно умён и опытен в жалких интригах верховный матерей, чтобы понять, что не все они, похоже, в союзе с домом Бэнр.

На самом деле, на небольшом участке завязалась стычка между солдатами дома Фей-Бранч и дома Баррисон Дель'Армго.

- Мило, - саркастично заметил великий маг. - Идиоты.

Он как раз собирался развеять изображение, оставив их сражаться, когда та магическая сила, что он почувствовал, донесла до него знакомый голос.

- *Зверь скоро сбежит и ни один дом не уцелеет — если вообще останутся хоть какие-то дома,* - сказал ему Киммуриэль Облодра.

- Тогда в Бездну их всех, - подумал Громф.

- Даже тот, что обладает благословением Ллос?

Смысл его сообщения не укрылся от бывшего архимага.

- Твоё бездействие теперь стало действием, - предупредил Киммуриэль. - Выжившие будут знать, что это Громф допустил катастрофу. Ллос будет знать, что Громф допустил катастрофу — уничтожение её слуг.

Мгновение связи было коротким, телепатия Киммуриэля угасла.

Громф отстранился от прорицательного шара и сделал глубокий вдох. Его руки поднялись, чтобы прикрыть рот.

Он кивнул, обдумав происходящее, затем выбежал из комнаты, из своего надразмерного пространства, вниз через Главную башню. В боковой комнате в тоннеле у основания самой низкой лестницы он снял свои печати и волшебные замки, открыл дверь, и прежде чем смог убедить себя не делать так, он поднял рычаг, снова позволяя силе Главной башни потечь по отросткам, по венам.

Через долгие лиги она устремилась на юг, набирая силу и океанскую воду, и в этом волшебном путешествии призывала элементалей с плана воды.

- Я объявляю о прибытии матери Зирит До'Урден, - сказала Миринейл Бэнр, обращаясь к Квентл, стоявшей на восточной кромке луга в тени деревьев. Позади неё поднималось солнце. Верховная мать в окружении мрачных солдат Бэнров совещалась с Ивоннель и Киммуриэлем Облодра.

Прямо напротив из-под прикрытия леса вышли разведчики, избегавшие основной тропы, как им было приказано.

- Жиндия идёт, - заметила Ивоннель, кивнув на восток.

- Мать Жиндия, - поправила Ивоннель, вызвав смех собеседницы.

- Какая теперь разница?

- Может быть, разница есть. Может быть, нет, - вот и всё, что ответила Квентл.

- Верховная мать? - осмелилась спросить Минолин Фей, которая пришла вместе с Миринейл.

Квентл нахмурилась.

- Мать Зирит нетерпелива... - осмелилась надавить Минолин Фей.

- Ну так приведи её, - сказала Квентл, хотя в этом не было нужды — Зирит была уже здесь, верхом на своём волшебном диске, а сразу за ней плыла мать Биртин Фей.

- Где мы? - спросила Жиндия, не тратя времени на формальные приветствия.

- Мы уже сражаемся, хотя мать Мез'Баррис пока что просто нас прощупывает, - добавила Биртин Фей. Мне послать все свои войска на дом Баррисон Дель'Армго, если мы будем сражаться здесь? Мне потребуется поддержка, иначе она уничтожит меня быстро и окончательно.

- Тебе потребуется больше, чем я могу дать, - с нескрываемым отвращением заметила Зирит. - Скорее, даже больше, чем может выделить верховная мать. Не сомневайтесь, что мать Мез'Баррис поддержат другие. Скажите, верховная мать Бэнр, каков наш план действий?

- Похоже, за себя ты уже решила, - ответила Квентл.

- Вы просите меня совершить самоубийство, и боюсь, Ллос это не понравится, - заявила Зирит.

- Драуки! - раздался где-то клич.

- Тогда давай посмотрим на наш план действий, - ответила Квентл. - Вместе.

- И побыстрее, - взмолилась Биртин.

- Там! - воскликнула Ивоннель, указывая на деревья напротив. Крупные тени двигались сквозь подлесок, иногда показываясь достаточно ясно для дроу с их непривычными к дневному свету глазами, чтобы можно было различить формы чудовищ-драуков.

- Они заподозрят, что открытая местность — это ловушка, - сказала Зирит.

- Это драуки, - ответила Ивоннель. - Им всё равно.

Квентл сделала знак, и солдаты Бэнров хлынули на поле, быстро построив щитовую стену.

В их сторону полетело несколько крупных копий. Не успели копыя упасть, как земля затряслась ещё сильнее под натиском атаки — сотни чудовищ бросились через деревья на поле по тропинкам, даже по главной тропе, преграждённой волшебной паутиной.

- Что произойдёт? - спросила Миринейл.

- Я не знаю, - честно ответили Квентл и Ивоннель.

Группа драуков во главе с крупной самкой возникла на тропе за прозрачной паутиной. Сложно было сказать, заметили её драуки или нет — они не сбавили хода, продолжая мчаться на поле.

Или попытались.

Поскольку сверкнула вспышка тёмного света, тёмно-фиолетового, почти чёрного. Потом другая, потом ещё несколько — когда каждый из драуков нырнул в ловушку.

Поднялся тёмный дым, заставляя чудовищ на поле корчиться и вопить от боли. Те, что были позади, сумели остановиться и в ужасе смотрели — как и все остальные — как пересёкшие паутину драуки страдают от жуткой агонии.

Страдание и боль, вопли и судороги, треск костей, рвущаяся кожа — подобное зрелище напоминало превращённым в драуков о худших моментах их жизней. Разница была стала очевидной, когда исполины-драуки начали уменьшаться, раздутые тела увядали, а восемь ног становились двумя.

Очень быстро на лугу вместо девяти драуков оказались девятеро дроу. Они растерянно ощупывали себя дрожащими руками, чтобы убедиться, что это не иллюзия. На них остались жилеты и боевые доспехи, хотя когда их тела уменьшились, эта одежда стала им по колено, а не по пояс.

Такого не могло быть!

Но было. Их магическая паутина обратила то, что совершила Ллос — ведь ни одна жрица Паучьей Королевы не верила, что обладает силой превратить дроу в драука. Любая жрица, которая получила подобную «привилегию» в прошлом, а таких здесь было немало, осознавала, что в этом ритуале служила всего лишь проводником для работы Ллос — и только.

Но то, что происходило перед ними, явно не было волей Ллос. Как такое возможно?

Ивоннель огляделась. Время как будто замерло. Все присутствующие на лугу, дроу и драуки, даже рабы-гоблиноиды, которых дом Бэнр собирался отправить в битву, с отвисшими челюстями таращились на случившееся.

Это была самая страшная ересь из всех возможных.

- Вы по-прежнему сомневаетесь? - крикнул жрицам Киммуриэль Облодра.

Прежде чем Ивоннель или Квентл смогли ответить, с гребня в лесу на другой стороне поля в ярости завопила мать Жиндия.

- За Ллос!

Ей ответила одна из драуков, обратившихся в дроу, широкоплечая женщина, которая первой из девяти встала на ноги.

- Будь проклята Ллос!

- Мал'а'воселл Амвас Тол, - заметила Минолин Фей Бэнр, и Квентл с Ивоннель кивнули. - Оружейница дома, который, как считается, самым первым получил титул первого дома Мензоберранзана.

- Убить их всех! Это ложь! - кричала Жиндия голосом, пропитанным магией.

- Ложь — это ты! - закричала в ответ верховная мать Квентл, тоже усилив свой голос заклинанием.

- На моей стороне прислужницы!

- Разве? - уверенно отозвалась Квентл.

Мгновенное колебание прекратилось. Дроу и солдаты-рабы поспешили сформировать оборонительные порядки на восточном конце луга, а дроу и рабы Жиндии построились в боевые отряды напротив, под укрытием лесных теней. Волшебники и жрецы стали читать свои заклинания, и вокруг с растерянными криками засновали драуки, обращаясь к друг другу и к девяти оставшимся на поле дроу.

Прямо напротив Ивоннель драук бросился сквозь волшебную паутину — почти жадно — и снова сверкнула эта тёмная, огнистая вспышка, снова были крики и судороги. Однако очевидная боль не отпугнула остальных — как раз напротив! Один за другим или небольшими группами чудовища подходили к паутине и бросались через неё.

Немногочисленные драуки дома Бэнр, дома До'Урден, дома Фей-Бранч и каждого другого дома, наблюдавшего за представлением, не стали дожидаться разрешения и бросились вперёд, через всё поле, в лес, к тропинке, прежде чем повернуть обратно и броситься через паутину.

Величественную паутину.

- Идите и поприветствуйте драуков, бывших драуков, - сказала Ивоннель, обращаясь к Минолин Фей, Миринейл и Сарибель До'Урден. - Направьте их к нам, чтобы мы могли сказать, что они свободны.

- Свободны присоединиться к дому Бэнр, если пожелают, - добавила мать Квентл, и многие при этих словах охнули! Даже после того, свидетелями чему они только что стали, подобное предложение казалось невыносимой и абсолютной ересью.

Но все же три жрицы бросились на луг, направляясь к Мал'а'воселл Амвас Тол.

- Что теперь? - спросила верховная мать Биртин Фей.

- Что ты наделала? - добавила мать Зирит. - Что это означает?

- Я не знаю, - призналась Квентл.

- Открытый бунт! - рявкнула Жиндия на Йиккардарию и Эскавидне.

Прислужницы переглянулись. На их дровских лицах застыло обеспокоенное выражение.

Затем, одновременно, они расхохотались.

- Каким образом это вас забавляет? - зарычала Жиндия. - Они только что оскорбили вашу богиню! Они, сама верховная мать Бэнр, только что отвесила пощёчину благословенной Ллос!

- Разве? - выдохнула Йиккардария, прижав руку к сердцу ради драматического эффекта — слишком отточенным движением для той, кто редко находился в теле двуногого гуманоида.

Эскавидне засмеялась ещё громче.

- Другие примут мою сторону, - объявила Жиндия — и громко, поскольку знала, что войска Ханцрин, включая первую жрицу Черри, наблюдают за этим безумием.

Нет, подумала Жиндия, «безумие» неверное слово.

- Хаос, - прошептала она; исправление и эпитафия.

- Иногда до этих жалких существ доходит не сразу, сестра, - сказала Эскавидне Йиккардарии, и они снова рассмеялись, затем переплели пальцы, нарисовали в воздухе портал и шагнули к себе домой, в Бездну.

- Жалко, что с Закнафейном не вышло, - буркнула Йиккардария, проходя в дверь.

Подобная дверь, конечно, не была похожа на физический проход, но верховная мать Жиндия вздрогнула, когда портал захлопнулся так же надёжно, как могла материальная дверь.

Ещё одна группа драуков в цветах различных домов бросилась на поле, отчаянно устремившись к волшебной паутине.

- Баррисон Дель'Армго, - заметила нескольких Ивоннель. - И наверняка собственные домашние драуки Жиндии присоединятся к воскрешённым.

- Матери Жиндии, - поправила Зирит.

Квентл рассмеялась и покосилась на Ивоннель, которая присоединилась к её смеху. Давным-давно в Мензоберранзане каждая семья избирала женщину в конклав, до того, как он назывался правящим советом, и эта женщина носила свой титул лишь за столом.

Однако им не нужно было рассказывать об этом остальным. На самом деле обе прекрасно понимали, что не могут об этом рассказать.

Накопительный эффект.

- Не нападай на мать Жиндию, - посоветовала тёте Ивоннель.

- Нет, - согласилась Квентл. - Пора отправляться домой. Всем нам пора отправляться домой.

- Ты не думаешь, что из-за этого начнутся бои? - спросила Зирит.

- Конечно, начнутся, - сказала Ивоннель. - Мензоберранзан утонет в крови.

- Может произойти настоящая междоусобица, - добавила Квентл.

- Чего ты добилась? - крикнула неподалёку Сос'Амπτу.

Четверо женщин — и многие другие — повернулись к ней.

- Ты думаешь, это надолго? - кричала на них Сос'Ампту. - Сама Ллос обрушится на тебя! Я лишь молюсь, чтобы она воспользовалась моим несовершеннолетним телом, как аватаром, чтобы уничтожить насмешку, в которую ты превратила славный дом Бэнр!

Ивоннель встретила взглядом со жрицей.

И пожала плечами.

Сос'Ампту бросилась прочь.

- Разве она ошибается? - спросила недоверчивая и заметно напуганная Зирит. - Что, если это всего лишь передышка? Чего мы добились?

Ивоннель и Квентл вместе повернулись, чтобы осмотреть поле.

- Много сотен, - Квентл замолчала и улыбнулась, поскольку новые и новые драуки нетерпеливо бросались сквозь паутину, отчаянно желая попытаться, даже перед лицом невероятной агонии превращения, даже несмотря на страх, что это может быть жестокий трюк, призванный лишь мучить их дальше. - Может быть, несколько тысяч солдат на нашей стороне.

Зирит сделала глубокий вдох, но ни он, ни заявление верховной матери, похоже, её не успокоили.

Ивоннель понимала. Их мир только что встал с ног на голову и его будут трясти за лодыжки, пока всё, что они знали, не высыпется на землю. Сос'Ампту, скорее всего, будет проблемой — и крупной. Первая жрица наверняка примет сторону Мез'Баррис и станет нащёптывать ей на ухо.

Кроме того, с Жиндией Меларн, такой фанатичной и свирепой, ещё не было покончено. Может быть, стоило обрушить полную силу дома Бэнр на неё в этот момент уязвимости, стереть её и её слуг с лица земли в одной короткой бойне.

Но нет. Они должны были дать ей шанс.

Меньшее означало бы стать именно тем, что они только что отвергли.

ГЛАВА 31

Возрождение

- Вы идёте? - услышал знакомый голос человек в надразмерном пространстве.

- Джарлак, - подтвердил Энтрери, выглядывая из небольшого окна на местность внизу. Он скинул верёвку и выбрался из карманного измерения, скользнув на землю. Вульфгар последовал за ним.

Оказавшись снаружи, Вульфгар увидел, что это действительно Джарлак, причём не один — рядом с ним были Реджис и Знафейн.

- Как... ? - хотел спросить Энтрери, но покачал головой и не договорил. Какой вообще смысл спрашивать этого дроу, откуда он знает то, что знает?

- Реджис сказал мне, что вы пришли сюда, - всё равно ответил Джарлак, что, конечно, совсем не объясняло, как он нашёл надразмерный карман. Правда, у него была эта глазная повязка...

Джарлак посмотрел на Вульфгара.

- Ты стал дядей, дружище, - сказал он с усмешкой. - Можно сказать. И да, дочь Дзирта и Кэтти-бри — такая же красавица, как все и ожидали.

- Я должен попасть домой, - сказал Вульфгар.

- Пожалуй, так будет лучше для всех нас, - раздался новый голос, и четверо как один обернулись, увидев приближавшихся Ивоннель с Киммуриэлем.

- Вы слышали? - спросила жрица Вульфгара и Энтрери.

Энтрери протянул ей диск яснослышания.

- Мы слышали.

- Дроу уходят? - спросил Вульфгар.

- Все, - подтвердила Ивоннель. - Уже на марше — или обратились в бегство, смотря какой дом тебя интересует. Они пытаются сбежать в тоннели нижнего Подземья, и подозреваю, используют множество различных маршрутов, когда они, как и мы, поспешат в свои охраняемые дома.

- Ну, не все, - хмыкнул Джарлак.

- Что, по-твоему, будет делать Бреган Д'эрт? - Киммуриэль спросил у Ивоннель.

- Я не уверена, что буду делать сама, - ответила та. - Боюсь, то, что случилось со всеми нами, не имеет прецедентов.

- Только воспоминания Ивоннель, - сказал Киммуриэль, и женщина кивнула.

- Верни кольцо Кэтти-бри, как я и просила, - сказала Ивоннель Энтрери. - Я должна уйти и сражаться за мой дом. Мой настоящий дом, а не тот, что последние две тысячи лет был... заражён.

Она посмотрела на Зака.

- Присоединишься ко мне?

- Я даже не знаю, о чём ты говоришь. Я понятия не имею, что только что произошло.

- И я тоже, - раздражённо признался Джарлак.

- Мне не хочется рассказывать, потому что я знаю, что вы не в силах осознать всю важность случившегося, - начала Ивоннель. - Но с другой стороны, как раз вы двое, может быть, больше других, поймёте достаточно, чтобы обрадоваться — и я уверена, что Киммуриэль сразу же дополнит мой рассказ.

- По правде говоря, вы не знаете Мензоберранзан. Даже ты, Джарлак, который целую жизнь пытался разобраться во всём. Вы не в силах понять надежду, которую принесла нам эта огромная пещера все те тысячи лет назад. Да, *надежду*. Не гнев привёл нас туда, не страх. Это была надежда. Мы сбежали из мира тиранических королей и безумных королев, из края бесконечных войн и несправедливости. Мы нашли убежище, глубокую пещеру, полную магии фазрцресс — хотя в то время мы этого не понимали — и удобную в обороне. Убежище, говорю я, ведь именно это означает слово «Мензоберранзан» на древнем языке дроу.

- Сотня семей, - продолжала она. - Десять тысяч тёмных эльфов. И у каждого был голос в семье, и у каждой семьи был голос в Пленуме, а самые крупные семьи обсуждали свои дела на Конклаве, который теперь вы знаете только как правящий совет. Тогда мы были не столько правителями, сколько слугами, внимавшими голосу каждого дроу. И это госпожа Ллос привела нас туда — когда её ещё не звали Паучьей Королевой.

Ивоннель тихонько рассмеялась и покачала головой.

- Теперь я хорошо помню, как я — точнее, моя тёзка — считала пауков отвратительными и пугающими созданиями, - добавила она. - Но как и множество

других вещей, которые считались мерзкими и неправильными, с течением лет я и все остальные стали считать их нормальными и хорошими, даже возвышенными.

- А в этом... Конклаве... были мужчины? Хотя бы в Пленуме? - спросил Джарлакс.

Женщина снова беспомощно рассмеялась.

- К сожалению, нет, - ответила Ивоннель. - Я не пытаюсь сказать, что всё было идеально — или что мы далеко ушли от варварства и несправедливости, от которых пытались сбежать. Но всё равно, я настаиваю, что это был не тот Мензоберранзан, который вам знаком. Когда я вижу наш город по сравнению с тем видением прошлого, я испытываю ужас и безнадежность.

Почти.

Но я не оставляю надежды. Потому что борьба того стоит.

Зак казался растерянным, как и Джарлакс, но Вульфгар кивал.

- Я только что рассказала вам, но не ожидаю, что вы поймёте, - сказала им Ивоннель. - Просто надейтесь. А моя тётя Квентл не может рассказать остальным...

- Твоя тётя Квентл? - спросил Джарлакс, вызвав широкую усмешку женщины.

- В конце концов, она и есть моя тётя. Она не может рассказать остальным, в особенности — другим верховным матерям, поскольку они не обладают тем даром, что есть у нас с ней.

- Памятью Ивоннель Вечной, - догадался Джарлакс.

- И способностью — благодаря твоему лейтенанту — воспринимать эти воспоминания отдельно и издали, без эмоциональной, плотской привязанности к ним, которая заставила мою тётку — на самом деле, надо сказать, заставила даже меня, поскольку в этом контексте её действия поистине стали частью меня! — совершать те поступки, которые она — я — совершили.

Джарлакс и Зак обменялись беспомощными взглядами.

- Видеть начало и конец без середины, - сказала им Ивоннель. - Отчётливо видеть эффект без промежуточных ступеней.

Джарлакс беззвучно охнул и кивнул.

- Яму роют по одной горсти земли за раз, - сказал Зак, тоже начиная понимать.

- Тьма густеет по одной лжи за раз, по одному поступку за раз, - согласился Киммуриэль.

- Пожелайте мне удачи, друзья, поскольку ваша доля в этом деле не меньше моей собственной, - закончила Ивоннель. - Король Бренор одержит здесь победу — битва почти закончилась.

- Лускан снова будет отвоёван, - добавил Киммуриэль.

Ивоннель поклонилась им всем и ушла, растворившись в лесу.

- Я жду, что ты прольёшь на это свет, - сказал Киммуриэлю Джарлакс.

- Ивоннель всё хорошо объяснила, - ответил псионик.

- И ты ни капельки не удивился. Откуда ты знал?

- Иллидский разум улья обладает огромными запасами знаний, - ответил Киммуриэль. - Великая библиотека — величайшая библиотека — полная пыльных мыслей в самых неожиданных местах.

- И ты рассказал Ивоннель и Квентл? - спросил испуганный Джарлакс.

- Я всего лишь привёл их к их собственным воспоминаниям, - объяснил Киммуриэль. - Я не знал точно конец этого пути, но мне стало ясно, что этот путь

покажет им истину Ллос, и это откровение заставит их отвернуться от Паучьей Королевы — на что я и надеялся.

Джарлак ответил нехарактерным для него «Хммм».

- Как минимум хммм, - согласился Закнафейн.

- Значит, ты узнал это от иллитидов, - произнёс Джарлак, произнося слова очень медленно и тщательно следуя за своими размышлениями. - И память Ивоннель Вечной раскрыла правду Ивоннель и верховной матери Мензоберранзана.

- Да.

- А кто подарил воспоминания Ивоннель Вечной Ивоннель и Квентл?

- Метил Эль Видден... - Киммуриэль резко замолчал.

.- Иллитид, - заметил Джарлак. - Всё сводится к иллитидам.

Джарлак и Киммуриэль Облодра редко нервничали, но сейчас они встревожились, причём заметно.

- А может быть, ещё глубже, - добавил хитрый наёмник, подняв палец в воздух, как будто в озарении. - Это сделал Метил Эл Видденвельп, которому приказал... ?

Киммуриэль начал отвечать, но снова замолчал и лишь рассмеялся от возрастающей абсурдности.

- Громф Бэнр, - ответил на собственный вопрос Джарлак. - Заставляет задуматься, кто же вдохновил Громфа начать такую историю.

- Это вышло случайно, - сказал Киммуриэль.

- Возможно, - согласился Джарлак. - Но Громф часто общается с... демонами? Прислужницами? Ведь до недавнего времени он был архимагом Мензоберранзана.

- Может быть, здесь нет никакого глубокого заговора или высшей силы за этими переменами, или откровением, как его не назови, - предположил Артемис Энтрери. - Может быть, всё просто произошло.

- А может быть, это был непредвиденный результат демонического вдохновения, - добавил Джарлак. - Или просчёт Ллос.

- Или именно то, чего Ллос хотела? - предложил Джарлак.

- А может быть... - хотел добавить Джарлак, но замолчал и хитро ухмыльнулся Киммуриэлю. - Да, - загадочно произнёс он одними губами.

Киммуриэль прищурился. Он знал, что сейчас будет.

- Мой друг хорошо знаком с иллитидами, - сказал Джарлак Вульфгару, Заку и Энтрери. - Киммуриэль веками хотел отомстить Мензоберранзану за падение дома Облодра.

- Выручив верховную мать Бэнр? - ответил Киммуриэль как можно более саркастично.

- А, да, это, - согласился Джарлак, притворяясь, что потерпел поражение. - От меня ускользнуло, что ты лишён сильного чувства иронии, необходимого, чтобы пойти этим прекрасным путём.

Джарлак повернулся к остальным.

- Значит, мы всё выяснили, - объявил он. - Это были иллитиды — великий и гениальный план! Или это была сама Ллос, вечно учиняющая хаос ради собственного развлечения. Или один из её великий противников — быть может, Демогоргон! — поставил на уши весь проклятый мир последователей Ллос на Фаэруне.

- Или здесь нет ничего, кроме озарения двух женщин, положение которых позволяет им что-то изменить, - сухо заметил Энтрери. Он вздохнул и покачал головой, затем посмотрел на Вульфгара. - Видишь, друг мой? - спросил он с сарказмом ещё большим, чем у остальных. - Поэтому у нас не будет хороших вещей, хороших мыслей, простой радости или надежды.

Джарлакс громко рассмеялся. Но внутри осталось назойливое сомнение по этому поводу. Самый важный урок, который он вынес в отчаянной борьбе за выживание в Мензоберранзане, заключался в том, что всё — абсолютно всё! — представляет собой не то, чем кажется.

Всегда.

Однако он хотел верить, что на сей раз будет иначе.

Он видел эту магическую энергию так отчётливо, как если бы Кэтти-бри установила маяк на том месте, где лежала его продырявленная ряса.

Ряса монастыря Жёлтой Розы. Ряса магистра, которую вручил ему великий магистр Кейн, предупредивший его об угрозах трансценденции.

Укол вины заполнил рассеянные мысли Афафренфера, и эта вина вцепилась в его растворяющееся сознание, подобно великому морскому водовороту, вихрем завертела мысли и свела их воедино, снова заставила слиться.

Теперь он слышал волшебный зов ещё отчётливее. Кэтти-бри объявила о рождении её ребёнка. Её дочери! Дочери Дзирта!

Афафренфер собирался восстановить своё смертное тело. Любой, взглянувший во двор Тернового Оплота, увидел бы огоньки волшебного света, скапливающиеся на земле, как головастики, уцепившиеся за одно и то же место.

Дочь Дзирта!

Он должен был передать это послание. Как он мог снова стать простым смертным и не рассказать рассеянными останкам этого дроу, которого полюбил, как брата?

Узел головастиков снова расплёлся, и монах решительно погрузился в эти мимолётные фрагменты Дзирта До'Урдена, на сей раз — с силой уверенности.

Афафренфер отчётливо ощутил остаточную магическую энергию и понял, что она уже угасает. У него было мало времени.

Понял он и то, что этого не хватит, чтобы вместе с собой вытащить Дзирта До'Урдена обратно во двор Тернового Оплота.

Увы.

Артемис Энтрери отдал кольцо Вульфгару, чтобы тот вернул его Кэтти-бри. Сейчас он был не готов возвращаться в Гонтлгрим. Он задумался, вернётся ли туда хоть когда-нибудь.

- Ты отправишься на поиски Далии? - спросил Вульфгар.

Убийца пожал плечами, даже чуть покачал головой. Сегодня с ним произошло слишком многое. Он не мог отрицать того, что Далия действительно пришла к нему на помощь, несмотря на огромный риск, или того, что она была дорога ему по многим причинам.

Но единственное, что знал сейчас Артемис Энтрери — что он не знает... ничего! Его встреча с Шерон, с физическим воплощением совести, его собственной совести, не стиралась из памяти. Сила этого события нависла над ним, пугала его, давала надежду.

Он просто не знал.

Ничего.

Убийца подозревал, что Далии не понравятся происходящие с ним перемены. Он мог раз за разом рассказывать ей о своём откровении, но мог ли он объяснить? Способен ли хоть кто-то понять, что случилось в коконе, в который Шерон заточила убийцу, не испытав этого на собственном опыте?

А может быть, заставить Далию понять — часть собственного искупления Энтрери. Ведь она тоже была потерянной душой — уже очень, очень давно. Далия носила шрамы не только на теле. Её сердце было усеяно тёмными полосами недоверия и злости.

Даже эта последняя мысль ошеломила его. Он должен стать её учителем? Он? Лучший убийца Калимпорта?

Энтрери едва не рассмеялся вслух, но вместо этого просто пошёл прочь.

Он вошёл в лесу и вскоре услышал, что его догоняет Джарлак. Наёмник не сказал ни слова — и несчастный Энтрери был этому поистине рад! — а просто шёл рядом шаг в шаг. Вскоре Джарлак обхватил Энтрери за плечи, и у убийцы не нашлось сил, чтобы сбросить руку дроу.

Он знал, что снова себя обманывает. Он *не хотел* её сбрасывать.

Он не знал, куда идёт, пока не оказался почти на месте — свернул на тропу, ведущую к лугу.

Сейчас луг, лишённый дроу, драуков и гоблиноидов, погрузился в странную тишину. Осталась лишь одинокая фигура, которую узнал один из двух товарищей.

Они присоединились к Тибблдорфу Пвенту, стоящему перед паутиной, уперев руки в боки.

- Вы видели? - спросил дварфийский вампир, когда они подошли. - Видели, что она сделала?

- Я видел, - ответил Энтрери, опередив Джарлака.

- Превратила паучьих дровских тварей обратно в эльфов! - воскликнул Пвент.

Джарлак охнул.

- Всех до единого, - подтвердил Энтрери. - Её сплели Ивоннель и Квентл... даже не знаю, как назвать эту штуку.

- Драуки прошли через неё и снова стали дроу? - спросил дрожащим голосом Джарлак. - Ты не можешь...

- Так и было, - сказал Энтрери.

- Целые сотни проклятых тварей, - согласился Пвент.

Джарлак отшатнулся на шаг и встал там, где был дварф, уперев руки в боки и качая головой.

- Вижу, мне многое предстоит узнать о том, что здесь произошло.

- Киммуриэль тебе всё расскажет, - ответил Энтрери.

Повинуясь внезапному импульсу, убийца достал оружие из ножен. Он не знал, зачем, и понятия не имел о том, что может произойти — но он бросил свой кинжал

прямо в паутину. Кинжал пролетел сквозь неё с огромной вспышкой фиолетово-чёрной энергии и упал на землю с другой стороны. Там он вспыхнул и перевернулся. С лезвия засочился дым.

Нет, не дым.

Души!

Души, запертые в этом мерзком кусе металла, толпой устремились наружу. Души, захваченные за долгие века смертоносной, злой работы, наконец свободно устремились в мультивселенную, поднимаясь и разлетаясь навстречу солнечного света и быстро растворяясь в вечности.

- Да! - взревел Тибблдорф Пвент, без дальнейших размышлений последовал за кинжалом и прыгнул сквозь паутину.

Сверкнула ещё одна вспышка этого тёмно-фиолетового света, дварф споткнулся и кувырком выкатился на луговую траву. Он попытался вскочить на ноги, но не сумел — рухнул на четвереньки и стал отчаянно плевать чёрной слизью.

Джарлакс оббежал слева дуб, вокруг которого был закреплён один край паутины.

Артемис Энтрери выбрал более прямой маршрут и даже не замедлил шаг, несмотря на отчаянный вопль Джарлакса: «Нет!».

Он прошёл прямо через сеть.

Но вспышки не было, Энтрери не швырнуло на землю и даже не замедлило. Он добрался до Пвента первым и положил ладонь на спину дварфа.

- Свободен, - сумел выговорить Пвент, прежде чем очередной комок чёрной жидкости выпал у него изо рта.

Энтрери держал его, пока длились конвульсии и рвота, и когда все кончилось, Пвент рассмеялся — с такой радостью! С такой... свободой.

- Свободен, - снова сказал он, рухнул на бок и перевернулся на спину. - Оно забрало проклятие, - сказал он склонившимся над собой Энтрери и Джарлаксу. - Да, точно забрало, только убило меня насмерть.

- Пвент, - сказал Джарлакс.

- Скажите моему королю, - выдохнул Пвент, выкашливая очередной пузырь мерзкой слизи. - Скажите ему, что Пвент умер счастливым... Что он умер свободным...

Его голос затих.

- Нет! - объявил Артемис Энтрери и просунул одну руку дварфу под спину, вторую — под колени, поднял его на руки и понёс тяжёлого, облачённого в доспехи дварфа, как ребёнка.

- Нет! - снова объявил Артемис Энтрери и направился к Гонтлгриму.

- Весь мир сошёл с ума, - сказал Джарлакс, оставшись один на поле и снова уперев руки в бока. Он заметил в стороне блеск, рассмеялся, затем подошёл и подобрал торчащий в земле кинжал с самоцветами.

- Это может быть интересно, - сказал наёмник, следуя за Энтрери. - И выгодно.

Джарлакс снова окинул взглядом Энтрери, который нёс тяжёлого Пвента, едва не спотыкаясь, но решительно шагая дальше. У Джарлакса было несколько волшебных предметов, способных облегчить эту ношу или просто довести Тибблдорфа до нужного места. Однако он покачал головой, когда вспомнил об этом.

Артемис Энтрери должен был сделать это сам.

Огромная армия возродившихся эльфов-дроу, ведомая Мал'а'воселл Амвас Тол, поскольку большинство из них долгие годы провели в Бездне, — драуков, вернувшихся из могилы и многих драуков, которых привела на поверхность служба различным домам — целиком маршировала под знамёнами дома Бэнр. Пока что никто не принёс клятву верности, но это решение всем казалось очевидным — они знали правду о Ллос, потому что видели, как чудовищен её гнев. Невыразимые мучения выжгли в них безнадежность, за которой только сейчас можно было разглядеть проблеск надежды.

Этот проблеск сиял в женщине, которую они должны были ненавидеть, но на самом деле именно верховная мать Бэнр дала им надежду и пообещала совсем другое будущее.

Солдаты Бэнров и ближайшие союзники Мал'а'воселл прочёсывали длинные ряды, определяя новых рекрутов и организуя их в боевые отряды на тот случай, если в этом долгом путешествии они встретят другой дом дроу.

Один бывший драук с трепетом следил за приближением трёх солдат.

- Добро пожаловать, - поприветствовал его один из них. - Ты вернулся из Бездны или пришёл из другого дома?

- Или из дома Бэнр? - спросил второй.

Мужчина пожал плечами.

- Я был мёртв, очень долго.

- Как тебя зовут?

- Дайни... - начал он и быстро добавил, - нет.

- Дайни Нэт?

- Дайнинэ, - поправился он, пытаясь скрыть свою нервозность, поскольку слышал достаточно о событиях, предшествовавших этому непостижимому случаю, чтобы понимать, что его настоящее имя, Дайнин До'Урден, может причинить ему немало бед.

- Из какого дома?

- Без дома, - солгал он. - Я жил на Улицах Вони.

Солдаты записали его имя и пошли дальше. Дайнин не знал, что думать и что ему делать.

Их души разделили свои знания. Послание Кэтти-бри было передано.

Узел волшебных огней снова заплясал во дворе крепости, на сей раз сгустился, и обнажённый мужчина подхватил рясу и надел её, затем воспользовался общими воспоминаниями, чтобы войти в крепость и найти трещину в стене.

Его пальцы нащупали цепочку.

Он сжал её в руке, глядя на свисток, вызывающий единорога, много лет носившего Дзирта До'Урдена.

ЭПИЛОГ

Они все собрались здесь, поскольку Кэтти-бри пообещала назвать имя ребёнка: Бренор и его королевы Таннабритчес и Маллабритчес, Реджис и Доннола, Вульфгар, Пенелопа Гарпелл, Атрогейт, Джарлакс, Закнафейн и Артемис Энтрери. Здесь была даже Гвенвивар — Энтрери решил, что ради такого события необходимо вызвать пантеру.

И Тибблдорф Пвент, быстро поправляющийся после своего испытания и снова живой, жадный до баранины и пива, готовый служить своему возлюбленному королю Бренору. Он продолжал бросать взгляды на Энтрери, награждая того кивками и поднимая кружку. Энтрери пронёс дварфа на руках всю дорогу до этой самой комнаты, где жрецы Гонтлгрима нашли в себе достаточно оставшейся магии, чтобы провести его истерзанное тело через трудности расставания с вампирским проклятием.

Столько всего очистилось и исцелилось. Столько всего сумели сдержать! Магия Главной башни наконец-то прибыла, предтеча снова был заперт, и они даже сумели открыть порталы в Лускан и Длинное Седло, а теперь — ещё и в Серебряные Кордоны и другие дварфийские крепости.

Так что рядом с Бренором сидела Дагнабет, королева Мифрил-Халла. Её войско находилось в огромном входном зале, заканчивая зачистку бок о бок со свирепыми дварфами клана Боевой Молот и решительными полуросликами Кровоточащих Лоз. Войска цитадели Адбар и цитадели Фелбарр ожидали вызова, если в них возникнет необходимость, но в это никто не верил. Не сейчас. Дроу ушли, а демоны погибли или рассеялись.

Наконец, дверь в личные покои отворилась и вошла Кэтти-бри с дочерью на руках, а вместе с ней — жрица Копетта, не покидавшая мать и новорождённую все три минувших после родов дня. Глаза ребёнка теперь открылись пошире, и как и сказала Пенни, у девочки они были отцовские — в какой-то степени.

Они были фиолетовыми, да, но не светло-лиловыми, как у Дзирта. Они были фиолетовыми, густыми и глубокими, как синие глаза Кэтти-бри, такими выделяющимися на фоне кожи, обладавшей оттенком розовой розы в сумерках, а над ними росла немного пугающая прядь рыжеватых волос, похожих на густую каштановую гриву матери.

- Когда я узнала, что ношу ребёнка, мы долго обсуждали это с Дзиртом, - сказала им Кэтти-бри слегка неуверенным, но крепким голосом. - Мы с самого начала знали, что это дитя принадлежит не только двум родителям, что оно... она — ребёнок, рождённый с любовью многих, кто поможет нам сделать её жизнь как можно лучше.

- Я сделаю ей крепкую башку! - пообещал Пвент, и все рассмеялись.

- Она была зачата в любви, в духе принятия и доверия, - продолжала Кэтти-бри. - Этого могло не случиться — всего этого могло бы не случиться, если бы её дед за цветом кожи не смог разглядеть того мужчины, каким был мой возлюбленный Дзирт.

Она повернулась в Вульфгару.

- И ты тоже здесь лишь благодаря этому духу щедрости и веры в доброту каждого.

- Сам Бренор никогда этого не признает, - согласился Вульфгар.

Все взгляды устремились на дварфийского короля. Тот отчаянно покраснел, и у него в глазах сверкнули слёзы.

- И вот, с благословившим нас духом и в надежде на будущее мы выбрали четыре имени. Два для мальчика и два для девочки. Сначала я назову вам моё собственное имя. Меня не всегда звали Кэтти-бри.

- Тебе дали другое имя в саду Миликки, - заметил Вульфгар.

Кэтти-бри покачала головой.

- Верно, но я говорю о моём первом имени, моём детском имени до того, как я стала дочерью Бренора Боевого Молота.

Это вызвало любопытные взгляды, в первую очередь — от Вульфгара, но Реджис понимающе усмехнулся, а Бренор мог только кивнуть.

- Каталина, - продолжала Кэтти-бри, - хотя своей первой фамилии я не знаю. Потом оно превратилось в Кэтти, и добавилось имя Бриенна.

- Бриенна, или Бринелла — женская версия имени Бренор, - объяснила Дагнабет, поскольку дварфийский король сейчас был не в силах говорить.

- Кэтти-бри, - сказала Кэтти-бри. - Поэтому, дорогие друзья, я представляю вам Бриннеллу.

Поднялся радостный гул, но Кэтти-бри остановила их поднятой рукой.

- Бриенна в честь благословившего нас духа, и Захарина — в надежде на будущее. Закнафейн едва не рухнул со стула.

- Захарина — женская версия имени Закнафейн, - пояснил Джарлак. - Бри-Зара, значит!

- Бризи! - завопил Тибблдорф Пвент.

Они все радостно закричали — по крайней мере начали, поскольку дверь в комнату распахнулась, и внутрь влетел мужчина.

Все присутствующие узнали рясу магистра святых Солларов и монастыря Жёлтой Розы, а главное — узнали мужчину в этой рясе.

Беловолосого следопыта-дроу с лиловыми глазами.